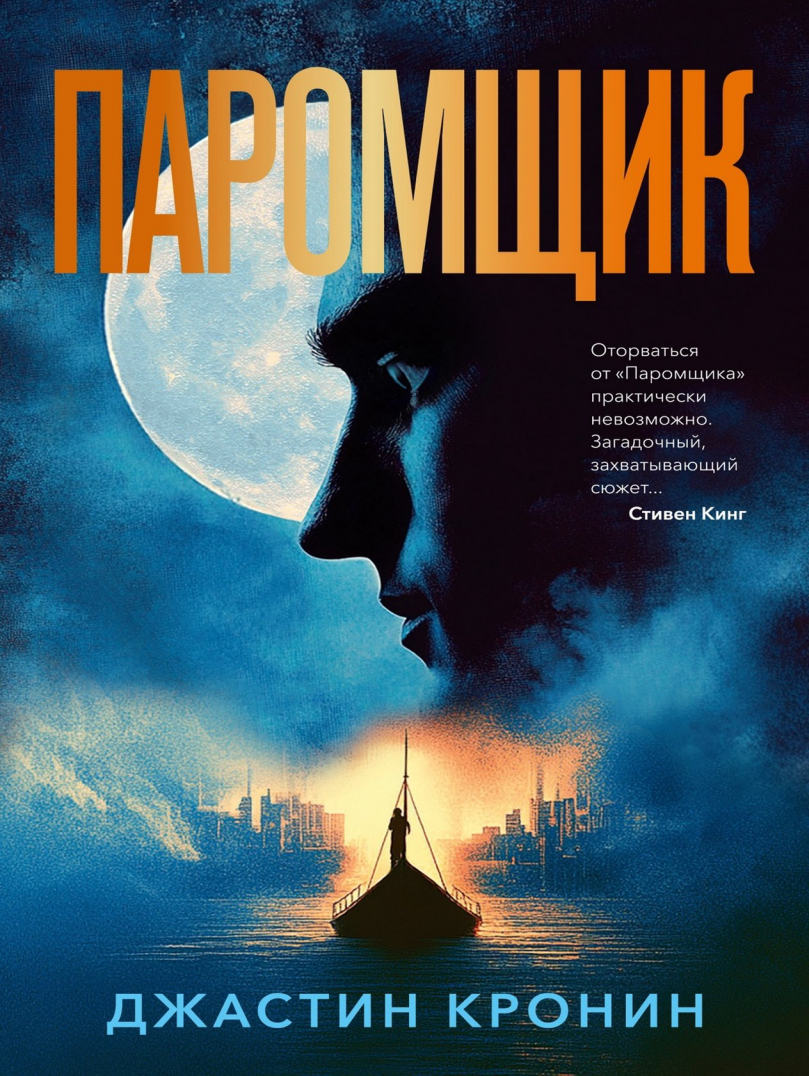
ПАРОМЩИК



Оторваться от «Паромщика» практически невозможно. Загадочный, захватывающий сюжет...

Стивен Кинг

ДЖАСТИН КРОНИН

Паромщик
Джастин Кронин

Аннотация
Джастин Кронин. Паромщик
Пролог
Часть первая. Последний прекрасный день
1
2
3
4
5
6
Часть вторая. Буря
7
8
9
10
11
Часть третья. Пропавшая девочка
12
13
14
15
16

17
18
19
20
21
22
Часть четвертая. Питомник
23
24
25
Часть пятая. Аннекс
26
27
28
Часть шестая. Передняя
29
30
31
Часть седьмая. Человек, расколовший небо
32
33
34
35
36
37
38

39
Часть восьмая. Разошедшиеся дороги
40
41
Эпилог. Лица на звездах
Выражение признательности

Аннотация

Остров Проспера – один из трех островов небольшого архипелага, затерянного в океанских просторах и изолированного от остального мира и человечества – или того, что от него осталось.

Население острова живет в привилегированном положении. За ним присматривает вспомогательный персонал, живущий в тесноте на соседнем острове, и когда к жителям Просперы приходит старость, их отправляют на третий остров – Питомник, где их тела возрождаются заново, воспоминания о прошлой жизни стираются, и помолодевшие старики снова возвращаются на Просперу.

Проктор Беннет – паромщик. Его работа – доставлять людей на Питомник. Он никогда не сомневался в пользе своей работы, пока однажды, перевозя собственного отца, не услышал от него фразу: «Этот мир – не тот мир». Что эти слова означают? Почему они звучат в его голове в странных снах о море и звездах? Почему у него стойкое ощущение, что этим кто-то пытается ему сообщить нечто

очень и очень важное? Такое, что способно изменить не только его судьбу, но и судьбу всех живущих.

Впервые на русском!

Джастин Кронин
Паромщик

Justin Cronin
The Ferryman
Copyright © 2023 by Justin Cronin
All rights reserved
© И. Б. Иванов, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

Пространства с временем пределы миновав,
Узрев и трон живой в сапфировом сиянье,
И лики ангелов в священном трепетанье,
Все видел он; но свет ему пресытил очи,
И затворилися они в безбрежье ночи.

Томас Грей. Успехи стихотворства

Пролог

Она осторожно выбирается из дома и видит, как разгорается утренняя заря. Воздух прохладен и свеж; на деревьях щебечут птицы. Повсюду слышится звук моря — великого мирового метронома. Над морем раскинулось бархатное небо, полное гаснущих звезд. На ней лишь светлая ночная сорочка, в которой она идет по саду. В ее поступи нет нерешительности; она просто шагает, неторопливо, почти восторженно. Должно быть, сейчас она похожа на призрака, который одиноко проплывает среди цветочных клумб, журчащих фонтанов, живых изгородей, подстриженных не слишком аккуратно, так что есть опасность пораниться об острые кромки. Окна дома за ее спиной темны, а сам он похож на каменную глыбу. Но скоро те окна, что обращены к морю, наполнятся светом.

Нелегко покидать и жизнь, и этот дом. Каждая мелочь прочерчивает свою бороздку в том целом, что составляют запахи, звуки, ассоциации и ритмы. Скрипучая половица в коридоре второго этажа. Запах, в конце дня встречающий каждого,

кто открывает входную дверь. Выключатель, который инстинктивно находишь в темной комнате. Она могла бы пройти по дому с завязанными глазами и не задеть ни одного предмета мебели. Двадцать лет. Если бы она смогла, то прожила бы здесь еще двадцать.

О своем решении она сообщила Малкольму после обеда. То был прекрасный обед с его любимыми блюдами: жареные бараньи ребрышки, ризотто с сыром, жареная спаржа в масле. И все это — под хорошее вино. На десерт — кофе и маленькие пирожные с кремом. Они решили пообедать на открытом воздухе, тем более что вечер был тихим и теплым. На столе — буйство цветов, до слуха доносится шелест волн, чем-то похожий на тиканье часов, пламя свечей придает особый оттенок их лицам. «Ты даже не узнаешь, когда это произойдет, — сказала она. — Я просто уйду». А затем она беспомощно смотрела, как он принял удар, закрыв лицо ладонями. «Так рано? Зачем именно сейчас?» И тогда она скомандовала: «Идем в постель». Тело скажет ему то, чего не в состоянии передать слова. Потом он плакал, лежа в ее объятиях. Ночь отсчитывала часы. Наконец он уснул, утомленный горем.

«Прощай, сад, — думает она. — Прощай, дом.

Прощайте птицы, деревья и долгие, неспешные дни. И пока я еще здесь, прощай, вся ложь, которую я была вынуждена твердить».

Она стареет. И уже перепробовала все ухищрения, предпринимаемые женщиной в борьбе с возрастом. Кремы и экстракты. Многочасовые упражнения и строгие диеты. Небольшие косметические операции, совершающиеся втайне от Малкольма. Она применяла все доступные ей средства и способы, чтобы замедлить старение, но все имеет свой конец. Она решила дождаться, когда кто-нибудь выскажет это ей в лицо, и… Вот оно, как гром среди ясного неба.

— Синтия, ты следишь за собой?

Они только что закончили играть в теннис. Всегдашняя вторничная компания. Дюжина приятных женщин. После игры — чай со льдом и только легкие салаты, как бы голодны они ни были. Она играла неважно. По правде говоря, даже скверно. Саднящие колени замедляли движения, жгучее солнце высасывало силы. Руки и ноги чувствовали неумолимый ход времени — а судя по лицам и телам подруг, для них оно ползло с учтивой неспешностью.

Но ей задали вопрос. Подруга ждала ответа. Ее звали Лорелея Суон. Женщине было под шесть-

десят, но выглядела она на тридцать: натянутая кожа, худощавые руки и ноги с красивыми мышцами, вылепленными на занятиях йогой, чудесные пышные волосы. Даже кисти рук Лорелеи выглядели отлично. Был ли вопрос подруги выражением искреннего беспокойства или имел более мрачный подтекст? Синтия знала, что такой день настанет, и все же была застигнута врасплох: готового ответа у нее не оказалось. Мозг лихорадочно заработал и быстро нашел ответ. Нужно обратить это в шутку.

— Поверь, была бы ты замужем за Малкольмом, тоже выглядела бы усталой, — сказала она подруге. — Он не принимает никаких «нет».

И Синтия захохотала, надеясь, что Лорелея последует ее примеру. После нескольких томительных секунд та действительно засмеялась, а за ней — и остальные женщины. Вскоре все заговорили о своих мужьях. Это было чем-то вроде пари; каждая повышала ставку, рассказывая свою историю. Они даже сравнивали нынешних мужей с бывшими, а также с любовниками: кто лучше и внимательнее в постели, кто выводит жену из себя, бросая потные беговые шорты на пол ванной, кто выдавливает зубную пасту из середины тюбика.

Времяпрепровождение вышло приятным. Все вели привычные женские разговоры. Однако Синтия чувствовала, как внутри ее что-то оборвалось и упало. «Ты следишь за собой?» Это упал острый нож.

«Прощай, все это, прощайте, все, кто создавал для меня видимость жизни».

И тем не менее она будет тосковать не по вечеринкам и концертам, не по мягкой коже ее туфель и сумочек, не по долгим обедам с прекрасной едой и таким же вином, не по многочасовым застольным разговорам. Совсем нет. Она будет скучать по своему мальчику. Она думает о двух днях, один из которых стал началом, а другой — концом. Первый — день, когда он появился в ее жизни. Синтия думала, что ничего не почувствует; усыновление питомца было обычным поступком для женщины ее положения. Питомец как бы становился предметом интерьера, наряду с диваном в гостиной или картинами на стенах. Правда, предметом живым, подвижным. «О, вы взяли себе питомца! — скажут в таком случае люди. — Представляем, как вы взволнованы!» Разумеется, поначалу они увидели его на фото. Такие поступки не совершаются вслепую. Однако стоило Синтии увидеть его стоящим у перил

паромной палубы, как в ней что-то изменилось. Мальчик оказался выше, чем она себе представляла: не меньше шести футов. Из-за нелепой одежды, плохо сидевшей на нем и напоминавшей пижаму или облачение хирурга, он казался еще выше. Во взглядах остальных питомцев сквозили рассеянность и безразличие, а ее мальчик вертел головой, глядя на собравшихся, здания города и даже на небо. Он запрокидывал голову, подставляя лицо солнцу. Синтия сразу обратила внимание на ужасную стрижку. Казалось, им занимался слепой парикмахер. Это она исправит сразу же. У мальчика должна быть подобающая прическа.

— Как по-твоему, это он? — спросил муж и, не дождавшись ответа от Синтии, обратился к сопровождавшему их агенту по усыновлению. — Это и есть наш сын?

Однако Синтия почти не обращала внимания на происходившее вокруг. Голос мужа, шум толпы, солнце, небо и море — все меркло по сравнению с этой неожиданной, яркой реальностью: мальчиком. В ее мозгу замелькали вопросы. Какую еду он будет предпочитать, какую одежду? Какую музыку будет слушать, какие книги читать? И почему ее вдруг начали волновать подобные

вопросы? Он появился в ее жизни благодаря обычной бюрократической процедуре. Отчего же она вдруг почувствовала внезапную нежность к мальчишке, с которым еще не перемолвилась ни словом? Паром пришвартовался к причалу. Питомцы собрались у сходней. Участок причала, куда им вскоре предстояло спуститься, был отгорожен канатом, заходить за который приемным родителям не разрешалось. Мальчик — *ее* мальчик — стоял в очереди первым. («Ее» мальчик? Неужели это произошло так быстро?) Он размеренно спускался по сходням, глядя вперед и держась обеими руками за перила. Так, наверное, выходят из космического корабля на поверхность чужой планеты — настолько методичными были его движения. На причале мальчика встретили мужчина в темном костюме, с планшетом в руке, и женщина в белом халате, державшая наготове ридер. Мужчина в костюме молча закатал мальчику рукав и стал придерживать его руку. Его помощница — вероятно, врач — подсоединила провода к портам на персональном мониторе своего начальника. Последовала пауза. Врач проверяла показания. В толпе перешептывались, ожидая результата. Наконец женщина подняла голову и громко произнесла:

— Прошу приемных родителей подойти!

Агент по усыновлению отцепил канат. Синтия и Малкольм пошли навстречу мальчику. Тот устремился к ним. Все трое встретились в пустом пространстве между толпой и сходнями. Мальчик заговорил первым.

— Как поживаете? — спросил он и тепло улыбнулся. — Я — Проктор, ваш питомец.

Он протянул руку. Жест был не совсем естественным. Чувствовалось, что будущих питомцев специально учат этому.

— Ну вот мы и встретились, сынок, — сказал муж Синтии и, улыбаясь во весь рот, дружелюбно пожал мальчику руку. — Рад наконец-то увидеть тебя воочию.

— Привет, папа, — ответил мальчик, затем повернулся к Синтии и тоже протянул руку. — А ты, должно быть, моя мама. Я очень счастлив познакомиться с вами обоими.

Познакомиться с вами! Синтия чуть не засмеялась. Но причиной было не пренебрежение, а искреннее удовольствие. Какой же он вежливый! Как он стремится быть хорошим, понравиться им, превратить их супружескую пару в полноценную семью! И это имя — Проктор. Оно происходило от латинского «procurator» (об этом Синтия узнала

потом; ее муж был сведущ в подобных вещах) и в переводе означало «служитель» или «управляющий». Человек, управляющий делами других. Как замечательно! Синтия не стала пожимать ему руку, а взяла ее в свои ладони, ощущая тепло и пульсацию жизни. Потом заглянула ему в глаза. В них было что-то такое… Что-то иное… душевное. «Интересно, каким он был в прежней жизни? — невольно задумалась Синтия. — Чем занимался? Кем были его друзья? Сколько у него было жен?»

Был ли он счастлив?

— Синтия, выпусти руку нашего мальчика.

Тогда она засмеялась и убрала руки. «А ты, должно быть, моя мама». Он был всего лишь мальчишкой, заново родившимся в этом мире. Пусть и ростом шесть футов, но все равно мальчишка. А она станет его матерью.

«Так и есть», — думает она, идя по лужайке, спускающейся к проходу. Небо светлеет. Звезды полностью исчезли, на горизонте появилась разгорающаяся полоска света. В тот день Синтия приняла Проктора в свое сердце. И не только она, Малкольм тоже. Этот суровый мужчина с его моральными принципами, этот любитель правил и протоколов… Казалось, над его жизнью

взмахнули волшебной палочкой, и большая деревянная кукла, которой был Малькольм, от внезапного прилива любви превратилась в живого человека. Как замечательно, по-мужски, улыбался Малкольм, пожимая руку Проктору! Какой радостью сияли его глаза, когда он показывал мальчику комнату, в которой тот будет жить: кровать из тикового дерева, секретер, картины с изображениями кораблей на стенах, старый телескоп на треножнике, повернутый в сторону моря. А во время их первого семейного обеда муж делал все, чтобы их сын почувствовал себя дома, не знал, чем еще угостить Проктора, и терпеливо учил его пользоваться вилкой и ножом. В конце этого удивительного дня Малкольм на цыпочках вышел из комнаты сына и тихонечко прикрыл дверь. Увидев в коридоре Синтию, он приложил палец к губам: «Тише, не разбуди». Могла ли она не проникнуться искренними чувствами к такому мужчине?

И второй день, через несколько лет. Давным-давно Синтия услышала слова о любви и готовности отпустить того, кого любишь. Слов она не запомнила, только общий смысл. Потеря — это часть «бухгалтерии» любви, ее единица измерения. Подобно тому как фут состоит из дюй-

мов, а ярд — из футов, любовь состоит из потерь. Проктор только что поступил в университет: то был год его триумфа, когда у него проявился особый дар. Он просил Синтию не ходить, чтобы он не нервничал, но она все равно пришла и забралась на последний ярус трибун, опоясывающих бассейн, рассчитывая остаться незамеченной. Воздух был теплым и влажным. Звуки, раздававшиеся под сводами бассейна, оглушали и сбивали с толку. Далеко внизу блестел идеально ровный прямоугольник неестественно-голубой воды. Синтия ощущала нараставшую тяжесть в груди, рассеянно следя за состязаниями в других видах плавания, пока очередь не дошла до ее мальчика. Заплыв на сто метров вольным стилем. Внешне Проктор выглядел так же, как остальные пловцы: облегающий костюм, очки, серебристая шапочка. Казалось, все они одинаковые, но только он был ее мальчиком и выделялся, как и в тот день, когда она впервые увидела его на палубе парома. Проктор стоял у кромки воды, делал разогревающие движения руками и вращал шеей. Наблюдая за ним, Синтия испытала странное чувство расширения, словно он был продолжением ее самой, колонией или форпостом. Он немного попрыгал, надул щеки и нервно выдохнул. Синтия поняла:

сын погружается в себя, как человек, входящий в транс.

По сигналу судьи пловцы заняли места на стартовых тумбах и все как один низко нагнулись, коснувшись пальцами ступней. Зрители напряглись. Пловцы застыли. Секунды казались вечностью. Затем пропела труба; десять молодых, крепких тел взлетели в воздух и скрылись под водой.

У Синтии екнуло сердце.

Ее мальчик плыл по третьей дорожке. Он долго скользил под водой, прежде чем его голова появилась на поверхности. К этому времени Синтия уже стояла на ногах и орала как сумасшедшая: «Давай, давай!» Каждый взмах длинных рук Проктора толкал его вперед, словно сопротивления воды не существовало. Заплыв длился считаные секунды, но Синтии они показались бесконечными. Проктор достиг конца бассейна, перевернулся и поплыл обратно. Два взмаха — и он уверенно вырвался вперед. Вот-вот случится казавшееся невозможным. Синтия кричала во все горло, сердце летало, заряженное адреналином. На ее глазах сын переживал главный момент своей жизни.

Синтия даже не заметила, как окончился заплыв. Проктор коснулся стенки бассейна, а через

мгновение оттолкнулся, чтобы взглянуть на табло, где появились его имя и цифры, показывавшие время. Цифры говорили о том, что он победил. Он ликующе вскинул руку и потряс сжатым кулаком, сияя от неподдельной радости. Тогда Синтия еще не знала, что он не только выиграл заплыв, но и установил новый рекорд для стометровки: на две десятых секунды быстрее предыдущего рекордсмена. Соперник Проктора, плывший по соседней дорожке, поздравил его с победой, ударив по растопыренной ладони.

Потом сын отошел, задрал голову и стал внимательно оглядывать трибуны. И вдруг Синтия поняла: его протесты были уловкой. Проктор с самого начала знал, что она придет в бассейн. Ей подумалось, что эта победа — подарок, который он сделал ей. Но едва она встала, чтобы крикнуть ему с высоты, как к кромке бассейна подскочила девушка, сидевшая в другом ряду. Проктор быстро вылез из бассейна, одним движением стянув с себя очки и шапочку. Девушка бросилась к нему и оказалась в его объятиях. Она висела на шее рослого Проктора, не доставая ногами до пола. Никто из них даже не замечал этого; оба были поглощены друг другом. А потом он крепко поцеловал ее, без всякого стеснения. Поцелуй

был долгим; зрители на трибунах одобрительно кричали и свистели.

Разумеется, среди зрителей были и девушки. Странно, если бы Проктор не нравился им. Высокий, широкоплечий, улыбчивый. Во время разговора он всем своим видом показывал, что внимательно слушает собеседника, а не просто ждет своей очереди поговорить, чем обычно грешат парни. Иными словами, он обладал многими качествами, которые привлекают девушек.

Но эта девушка, судя по поцелую, была не просто зрительницей. Тогда почему дома Проктор ни разу не обмолвился о ней? Ответ был очевидным: такая мысль просто не пришла ему в голову.

Синтия поспешно покинула бассейн. Ее сильно трясло. Она чувствовала себя покинутой, оставленной. Ее мальчик — больше не мальчик; он занял свое место за столом жизни. Когда она выходила из здания, послеполуденное солнце ослепило ее, как луч прожектора. Ощутив резь в глазах, она полезла в сумку за солнцезащитными очками. Она всегда держалась слегка отстраненно, ведь конец был предопределен с самого начала, подобно тому как в первом такте симфонии содержится завершающая нота. Однако Синтия оказалась неподготовленной к событию,

которое только что пережила, к тому, что чувствовала в эти минуты. Да, любовь сделала ее лгуньей! От этой мысли из глаз брызнули слезы. Синтия сбежала со ступенек крыльца, пересекла стоянку и двинулась по шумным городским улицам. Одна.

Теперь все это в прошлом; все это утрачено.

В конце причала ее ожидает ялик. Синтия спускается в лодку, вставляет весла в скобы уключин и отплывает. Солнце уже встало и растянуло свои розовые полоски над морской гладью. Ни малейшего дуновения ветерка. Пару минут она просто сидит, затем берется за весла и начинает грести, удаляясь от берега.

Причал, пляж, дюны, дом, где она прожила двадцать лет, — все уменьшается. Исчезают мелкие детали, пейзаж становится более обобщенным, а затем берег пропадает из виду. Через какое-то время полоса спокойной воды заканчивается. Океан вокруг лодки становится темным и необузданным. Солнце все сильнее греет ей шею. Ялик качается на волнах, то поднимаясь, то опускаясь.

Синтия ждет наблюдателя.

И он появляется. До ушей Синтии доносится негромкий гул, похожий на звук «в», если произносить его сквозь сомкнутые губы. Дрон со

стрекозиными крыльями снижается, сбрасывает скорость и зависает над лодкой. Он весь похож на стрекозу, только механическую, ухитряется выглядеть одновременно естественным и рукотворным, а потому он не то и не другое. Синтия задирает голову и смотрит на дрон. На его сверкающем хромированном подбрюшье — стеклянный купол с камерой внутри.

Кто сейчас наблюдает за ней? Она представляет дежурного оператора в подвальном этаже Министерства общественной безопасности, сидящего перед целой стеной мониторов. Он дежурил всю ночь; в усталых глазах — болезненная сухость. Подбородок успел покрыться щетиной. Во рту — кислый привкус. Уложив ноги на стол, он разгадывает очередной кроссворд из сборника. И вдруг что-то заставляет его поднять глаза к мониторам. Что там такое? Женщина в весельной лодке, одна. Странно: ей вздумалось плавать в этот ранний час. И что за одежда на ней? Никак ночная сорочка? Оператор нажимает несколько клавиш. На втором экране, показывающем очертания побережья, появляется красная точка — местоположение дрона. Женщина в ночной сорочке отплыла от берега на три мили.

Оператор нажимает еще несколько клавиш. Си-

стема распознавания лиц выдает новую порцию данных. Он узнаёт имя женщины, имя ее мужа, ее адрес и возраст: пятьдесят один год. В прошлом она работала в Департаменте по правовым вопросам Коллегии по надзору. Активно участвует в деятельности Харбор-клуба, Юнион-лиги и Оперного кружка. За последние два года ей выписали шесть штрафов за неправильную парковку, все они оплачены. Далее следуют названия благотворительных организаций, которым она помогала, газеты и журналы, которые она читает, сумма на банковском счету, размер одежды и обуви (6, 8½), а также название ее любимого ресторана («Иль Форно» на площади Просперити; согласно данным ее кредитной карточки, она бывает там каждую неделю). Иными словами, оператору становится известно очень многое, однако ни одно из полученных сведений не дает ответа на вопрос, почему в этот июльский вторник в 6:42 (он проверяет время) женщина села в весельную лодку и удалилась от берега на три мили. Почему она в ночной сорочке. Почему одна.

Что это она делает?

Оператор трет глаза и придвигается ближе к монитору. Женщина достает из-под скамейки полотняный мешочек, быстро развязывает те-

семки, извлекает три предмета и кладет их на скамейку возле себя. Металлический прут или штырь длиной около фута. Ножницы для резки проволоки. И нож в потертом кожаном футляре.

Оператор поднимает телефонную трубку.

Синтии хватает решимости на дальнейшие действия лишь потому, что она смотрит на происходящее глазами воображаемого дежурного оператора. Пока тот ждет ответа начальника и с возрастающим беспокойством смотрит на экран, она сует штырь себе в рот и закатывает рукав ночной сорочки, обнажая порт персонального монитора — маленький прямоугольник между локтем и запястьем. Затем берет нож. Оператор прикидывает на глаз длину лезвия. Дюймов шесть, с закругленным концом. Такими ножами чистят и потрошат рыбу. Синтия делает три глубоких вдоха, крепче сжимает рукоятку ножа и приставляет конец лезвия к ложбинке у края монитора. Дождавшись, когда лодка перестанет качаться на волнах, она вонзает лезвие в руку.

Из раны хлещет кровь. Синтию обжигает болью. У оператора нет звука, иначе он услышал бы сдавленные крики, сопровождающие вырезание монитора из тела. Какое счастье, что он ничего не слышит. Синтии немного жаль этого

незнакомого человека, по чистой случайности вынужденного следить за ужасной сценой. Нож огибает монитор по периметру; сорочка, скамья и дно лодки обильно залиты кровью. Синтия мотает головой от боли. Кажется, она сломала себе зуб. Наконец лезвие уходит под монитор. Слышно, как рвутся нити датчиков, затем раздается глухое бульканье: монитор отделен от руки.

«Да возьми же трубку! — слушая длинные гудки, бормочет оператор. — Возьми трубку! Слышишь?»

Синтия дважды щелкает ножницами и бросает монитор за борт. Туда же летит вытащенный изо рта штырь. Перед глазами вспыхивают яркие точки, похожие на танцующих светлячков. Дышать становится тяжело. Собрав остатки сил, Синтия идет к носу лодки и снимает якорь с держателя.

Потом начинает обвязывать якорный канат вокруг лодыжки.

В этот момент начальник дежурного оператора наконец-то отвечает на звонок. «Что такое? — резко спрашивает он. — Что еще приключилось? Почему вы звоните мне в такую рань?»

Но оператор не отвечает. Он не в состоянии произнести ни слова.

Синтия выпрямляется. Окровавленная сорочка

липнет к телу. Лодку сильно качает на волнах, и Синтия едва не падает. Руки и ноги не слушаются ее. Голова стала легкой, как воздушный шарик. И все же она находит силы, чтобы поднять якорь и прижать его к груди.

Она запрокидывает голову. Над ней, на фоне голубого утреннего неба, висит дрон.

О чем она сейчас думает? Дежурный оператор не знает этого и даже не может вообразить. Она думает о мужчине и мальчике, оставшихся дома, о том, что их семейная жизнь оказалась такой короткой. «Прощайте, — шепчет она. — Прощайте, мои дорогие. Мне не надо было любить вас, но я любила. Любила». Прижав якорь к груди, нежно, как мать — дитя, она закрывает глаза, изгибаясь, наклоняется назад и падает в воду.

Часть первая
Последний прекрасный день

1

Сон всегда был один и тот же.

Я плаваю в море. Удерживая дыхание, я плыву под водой, мчась сквозь этот текучий зеленовато-голубой мир. От рук и ног исходит ощущение чистоты и силы, мои взмахи мощны, но я это делаю без усилий. Далеко вверху, на поверхности, искрятся солнечные блики.

Оставляя за собой цепь пузырьков, я поднимаюсь на поверхность. Солнце заходит, протягивая красные и оранжевые полосы на фоне пурпурного небосвода. Меня влечет неведомая сила. Мои действия нельзя назвать произвольными или непроизвольными; они просто совершаются. Я удаляюсь от берега. Быстро темнеет, и я вдруг с ужасом ощущаю, что совершил ошибку. Все это — громадная ошибка. Я поворачиваюсь к берегу. Нигде ни огонька. Суша исчезла. Охваченный паникой, я отчаянно молочу по воде, напрочь потеряв ориентацию. Я один в безбрежном море.

— Проктор, тебе нечего бояться.

Рядом со мной плывет женщина. Ее движения размеренны. Она держит голову над поверхностью воды; так плавают тюлени. Я не вижу ее

лица; голос мне незнаком. Однако в ней есть что-то, наполняющее меня великим спокойствием, словно все это время я ждал ее и она наконец появилась.

— Нам не придется долго плыть, — мягким голосом говорит она. — Я буду показывать тебе направление.

— Куда мы поплывем?

Она не отвечает и уплывает вперед. Я следую за ней. Ветра нет, течения тоже. Поверхность моря неподвижна, как камень; слышатся лишь негромкие всплески от наших гребков.

— Видишь? — спрашивает она, указывая на небо.

Там появилась яркая звезда, заметно отличающаяся от прочих. Она ярче других, лучше видна и имеет голубоватый цвет.

— Проктор, ты помнишь эту звезду?

Помню ли я? Мои мысли путаются; они похожи на короткие соломинки, несомые потоком воды. Они перепрыгивают с места на место. Я думаю то об океане и его равнодушных черных просторах, то о звезде, пронзающей небо, словно луч прожектора. Все это мне известно и в то же время нет; все знакомое — и совершенно чужое.

— Ты озяб, — говорит женщина.

Так оно и есть. У меня дрожат руки и ноги, а зубы выстукивают барабанную дробь. Она плывет рядом.

— Возьми меня за руку, — предлагает она.

Оказывается, я уже держу ее за руку. У нее теплая кожа, которая словно живет своей жизнью и оттого пульсирует. Потрясающее ощущение, сильное, как приливная волна. Мое тело окутывает другая волна — волна нежности. Возникает чувство родного дома, возвращения домой.

— Ты готов?

Она поворачивается ко мне. На мгновение я вижу ее лицо, но все происходит слишком быстро, и ее облик не успевает запечатлеться у меня в памяти. Потом ее губы приникают к моим, и она целует меня. Сквозь меня проносится вихрь ощущений. Кажется, будто разум и тело вдруг соединились с беспредельными силами. «Это и есть чувство любви, — думаю я. — Когда же мы разучились любить?» Женщина обнимает меня, прижимая мои руки к моей груди. В этот момент до меня доходит, что вода меняет свойства. Она становится менее плотной.

— Проктор, пора просыпаться.

Я лихорадочно бью руками и ногами, чтобы удержаться на плаву. Без толку. Кажется, будто я

ударяю по воздуху. Что-то крепко держит меня, и я едва могу шевельнуться. Море исчезает, раскрываясь, словно пасть. Ужас сжимает мне горло, не позволяя закричать…

— Посмотри вниз, — шепчет мне на ухо женщина.

Я смотрю и одновременно ныряю. Мы оба ныряем в безграничную черную бездну.

Последнее, о чем я успеваю подумать: «Море полно звезд».

Меня зовут Проктор Беннет. А теперь о том, что я называю своей жизнью.

Я — гражданин островного государства Проспера. Острова нашего архипелага расположены далеко от материков. Удаленная от остального мира, Проспера живет в гордом одиночестве. Ее климат, как и все остальное, исключительно благоприятен: теплое солнце, прохладные ветры с океана и частые ласковые дожди. Первый остров имеет то же название, что и весь архипелаг, — Проспера[1]. Его очертания напоминают не слишком правильную окружность. Площадь острова — четыреста восемьдесят две

[1] Примечания: 1

Проспера — название может быть переведено как «процветающая земля». — *Здесь и далее примеч. перев.*

квадратные мили. На нем живут все просперианцы. Береговая линия Просперы сверкает чистым белым песком, леса полны зверей и птиц, а почва в долинах исключительно плодородна. Кому-нибудь наш остров покажется первозданным раем, но это, конечно, не так. Второй остров называется Аннекс. Там живут те, кто обслуживает просперианцев: мужчины и женщины, чьи биологические и социальные показатели ниже наших, что, как я заметил, не мешает им быть вполне довольными своей участью. Площадь Аннекса вчетверо меньше. Он соединяется с нашим островом понтонным мостом, по которому весь этот разнообразный и необходимый обслуживающий персонал приезжает на Просперу и возвращается обратно.

Третий и последний остров архипелага сильно отличается от двух упомянутых выше. О нем мы почти ничего не знаем, за исключением того, что он существует. Официально он называется Детским островом, но за ним прочно закрепилось название Питомник. Это остров-крепость, почти со всех сторон окруженный мелководьем и высокими скалами, выступающими из воды. Единственный проход позволяет добраться до восточного побережья острова. По этому проходу

и движется паром. Каждый просперианец за свою итерацию дважды совершает путешествие на пароме: в начале и в конце. О населении Питомника я ничего не знаю, хотя оно наверняка есть. Некоторые считают, что там живет сам Дизайнер, наблюдая за процессом регенерации, являющимся основой нашего образа жизни, ни на что не похожего.

Живя на изумительном острове, не зная нужды и прочих тягот, просперианцы посвящают себя высшим устремлениям. Творческое самовыражение и достижение личного совершенства — вот краеугольные камни нашей цивилизации. Мы — общество музыкантов и художников, поэтов и ученых. Добавьте к этому многочисленных дизайнеров, модельеров, создателей уникальных вещей и уникальных зданий. Одежда, которую мы носим, пища, которую мы потребляем, спектакли, концерты и выставки, которые мы посещаем, места, где мы отдыхаем и восстанавливаем силы, — все стороны нашей повседневной жизни являются предметом пристального внимания кураторов. Можно сказать, что и сама Проспера — произведение искусства, холст, на котором каждый гражданин стремится оставить свой неповторимый мазок.

Что с нами произошло? Как мы очутились на архипелаге? Вряд ли я отвечу на эти вопросы, поскольку мои познания скудны. Сейчас нелегко даже выяснить, в каком году все это началось. А если спросить нас, что́ мы знаем о нынешнем состоянии остального мира, ответ будет коротким: ничего. Архипелаг окружает Завеса — электромагнитный барьер, скрывающий нас от мира и мир от нас, поэтому мы избавлены от гнетущих новостей. Впрочем, несложно вообразить, в чем погряз мир за пределами Завесы. Войны, эпидемии, голод, экологические катастрофы, волны неуправляемой миграции, фанатизм всех цветов и оттенков. Цивилизация, развитие которой пошло вспять. Люди, что поклоняются соперничающим богам, ведут войну: все против всех. Все эти конвульсии угасающей цивилизации и побудили Дизайнера — давным-давно — построить наше тайное святилище. Мы почти никогда не говорим о подобных вещах, именуемых одним словом — «ужасы», поскольку не видим в этом смысла. Скажу лишь, что гений Дизайнера создал Просперу с единственной целью: оградить лучшую часть человечества от худшей.

Уезжать с Просперы, естественно, запрещено. Если остальной мир узнает о нас, само наше

существование окажется под угрозой. Но кому в здравом уме придет мысль уехать отсюда? Время от времени появляются слухи о каком-нибудь глупце, решившем отправиться за Завесу. И всегда таким глупцом оказывается кто-нибудь из жителей Аннекса. А поскольку никто не вернулся обратно и тайна нашего существования сохраняется, можно предположить, что авантюры этих нарушителей спокойствия окончились крахом. Возможно, они утонули в океане. Возможно, не нашли себе нового пристанища, поскольку прежняя цивилизация полностью вымерла. Есть и такое, весьма распространенное мнение: беглецы достигли края земли и сгинули в небытии.

Теперь расскажу о себе. В нынешней итерации мне сорок два года. (Возраст просперианцев отсчитывается с шестнадцати лет. Итеранты, сходящие с парома, примерно соответствуют этому биологическому возрасту.) Мной заключен гетеросексуальный брачный контракт — на пятнадцать лет, с возможностью продления. После восьми лет совместной жизни могу сказать, что мы с Элизой вполне счастливы. Конечно, мы уже не те пылкие любовники, как в начале, когда нам было не разлепиться. Но со временем чувственная сторона брака становится не слишком

важной, и если между партнерами не возникло осложнений, их отношения становятся очень комфортными. Именно так и произошло у нас. Дом, в котором мы живем, оплатили приемные родители Элизы. Такую роскошную постройку не возведешь на мое скромное жалованье государственного служащего. Мы живем на южном побережье Просперы. Дом стоит на каменном мысу. Элиза никогда не была так глубоко погружена в свою стихию, как в те два года, пока длилось строительство. Каждый день она часами общалась с целой армией архитекторов, дизайнеров и строительных рабочих, вникая в самые мельчайшие детали. Признаюсь, что мой интерес был не таким острым. У меня нет свойственного Элизе художественного чутья. Я был вполне доволен тем, что дом находится недалеко от города. Меня также донимало вмешательство ее приемных родителей, особенно матери, в нашу совместную жизнь. Но Элиза счастлива, что у нас такой дом, а я радуюсь тому, что она счастлива. Здесь протекает наша жизнь — под шелест ветра в пальмовых ветвях и шум белогривых волн, накатывающих на пляж.

Я работаю управляющим директором Шестого округа Департамента социальных контрактов,

отдел правоприменения. Кто-то считает мою работу нервной и даже жутковатой. Меня часто называют паромщиком, и я с гордостью ношу это звание. Иногда колесикам эмоций для бесперебойной работы требуется смазка. Этим я и занимаюсь. Например, пожилые граждане, страдающие нарушениями психики — нередкими в последние годы итерации, — никак не соглашаются на заключение контракта. Порой возникают весьма непростые ситуации. Но большинство людей, даже если они сопротивляются мысли о переменах, удается убедить в правильности такого шага. Ведь им предлагают совершить путешествие в новую жизнь; избавиться от тягот прежнего существования и очистить «жесткий диск» памяти, чтобы родиться безупречно здоровым подростком с румяным лицом и незамутненным взглядом на мир. Казалось бы, кто не захочет родиться заново?

И тем не менее…

Порой в мозгу всплывают вопросы, и человек смотрит на жизнь под другим углом. Он думает об обслуживающем персонале, который у нас принято называть штатом помощников. Как разительно их жизнь отличается от нашей! У них нет итераций. Они рождаются так, как рожда-

лись наши предки, будучи при появлении на свет мокрыми, орущими, ничего не соображающими комочками. Они живут всего один раз, подстегиваемые неумолимым временем. Их дни проходят в усердной работе, результаты которой видны сразу (свежескошенная лужайка; начищенная кухня, где царит стерильность, как в операционной; поле, которое засеяли, затем убрали урожай и засеяли снова). Они рожают детей, те растут у них на глазах, а потом начинают самостоятельную жизнь. Так проходят пятьдесят, шестьдесят, семьдесят лет, наконец их жизнь обрывается, и они уходят в небытие.

А еще они верят в Бога, тогда как никакого Бога нет.

При абстрактном сравнении может показаться, что их жизнь куда ярче нашей. Я даже чувствую укол зависти. Но потом начинаю думать о постоянных трудностях и тяготах, сопутствующих ей. Любовь может окончиться разочарованием. Дети иногда отправляются в могилу раньше родителей. Быстрые биологические изменения разрушают тело. Добавьте к этому череду болезней. Людей из обслуги не ждет блаженство реитерации, новой жизни не будет, а нынешняя приносит сплошные потрясения и разочарова-

ния. Стоит подумать об этом, и зависть угасает.

Что остается? Бесконечность прекрасных дней и мечта, где я, в объятиях любви, устремляюсь к звездам.

Это было не так давно, в среду. Одна из июньских сред, и дело не в дате, а в том, что этот день пришелся на среду. Скомканные, мокрые от пота простыни; воображаемые ночные ужасы (море, звезды) растворяются; утренний свет со стороны моря наполняет спальню, словно золотистый газ. Я, Проктор Беннет — просперианец, муж, паромщик, — открываю глаза и сразу понимаю, что в доме пусто. Встаю, потягиваюсь, надеваю халат, сую ноги в шлепанцы и иду на кухню, где Элиза оставила для меня кофе в кофеварке. Дверь, ведущая в патио, открыта, и оттуда струится прохладный океанский воздух. Я наливаю кофе, добавляю молока и иду наружу.

Какое-то время я просто стою и смотрю на море. Я издавна привык начинать свой день с неспешного стояния, чтобы разум избавился от остатков сновидений в удобном для него темпе. Иногда сон исчезает мгновенно, словно лопнувший мыльный пузырь. В такие дни я недоумеваю: действительно ли я видел это или попросту вспоминал сновидения других ночей? Но иногда сон

застревает в мозгу, становясь как бы вторым слоем реальности, и я знаю, что сцены из него еще долго будут окрашивать мои дневные эмоции.

Сегодня как раз такое утро.

Я всегда был сновидцем — человеком, который видит сны. Как правило, гражданам нашего мира это несвойственно. Есть распространенное мнение, что сны являются побочным продуктом промышленного загрязнения, когда-то накрывшего планету, хотя я бы не назвал этот продукт таким уж нежелательным. Если бодрствование доставляет нам столько удовольствия, почему мы должны испытывать потребность в историях из снов с их изматывающими поворотами? Я сказал, что просперианцы не видят снов, но это не совсем верно. Самые старые видят их. В своей профессиональной деятельности я часто сталкивался с последствиями этого. Беспокойные ночи, странные видения, постепенно наступающее расстройство мышления и, наконец, соскальзывание в лунатизм, который вызывает болезненные ощущения даже у стороннего наблюдателя. Раз уж я заговорил о своей профессии, добавлю: мы стараемся не допускать, чтобы процесс зашел слишком далеко, но это не значит, что мы предотвращаем все случаи лунатизма.

Мне удалось свести к минимуму роль снов в моей жизни, однако так было не всегда. Будучи юным питомцем, я страдал от сновидений такой силы, что они поднимали меня с кровати, заставляли бродить по дому в полубессознательном состоянии и совершать немыслимые и необъяснимые поступки. Я открывал все краны подряд. С каким-то ожесточением ломал светильники. Однажды сделал себе сэндвич с маслом и джемом и зачем-то выбросил его из окна. (За всем этим наблюдал мой отец. Мои приемные родители старались не вмешиваться, кроме тех случаев, когда я мог, по их мнению, покалечиться.)

Сейчас воспоминания о тех ночах вызывают у меня усмешку, а тогда мне было не до смеха. Кончилось тем, что мои ночные художества всерьез надоели родителям и мама повезла меня к врачу. С того момента, как я покинул паром, прошел всего год или два. Мир по-прежнему манил меня новизной. Все мои путешествия сводились к поездкам в Академию раннего обучения и обратно. Я еще толком не видел острова. Автобус вез нас вглубь Просперы, двигаясь по извилистому загородному шоссе среди возделанных полей и фруктовых садов. Маршрут окончился в каком-то глухом месте, около неприметного

здания. К этому времени в автобусе остались только мы. Здание представляло собой бетонный куб. Правда, общее впечатление скрашивали цветущие кусты и мягкая зеленая лужайка, все еще влажная после ночного дождя. В приемной какая-то женщина спросила наши имена и предложила подождать, хотя никого, кроме нас, не было. Мое приподнятое настроение, вызванное новыми впечатлениями, постепенно переходило в беспокойство. Наконец мной овладела настоящая тревога. Я понимал, что мы приехали сюда из-за моих сновидений. Я вовсе не был в восторге от них. Меня глубоко тревожили разрозненные картины и вызываемые ими сильные эмоции. Но еще больше меня пугала мысль о том, что я разочаровал приемных родителей: мне очень не хотелось этого. Я сидел в комнате ожидания, и мои страхи густели, как остывший суп. Мелькнула пугающая мысль: я — обуза для родителей. Если я не перестану видеть сны, они вернут меня на Питомник. Поскольку я не оправдал их ожиданий, меня обменяют на более подходящего парня, как в магазине обменивают неудачно выбранный подарок.

Наконец дверь врачебного кабинета открылась. Нас встретила молодая женщина в белом

халате: голубоглазая, с каштановыми волосами, скрепленными серебряной заколкой. Она представилась — «доктор Пэтти» — и пригласила нас войти. Кабинет был таким же унылым, как и здание. Ничего лишнего. Окон тоже не было. На стенах — ни одной картины или какой-нибудь декоративной безделушки. Только смотровой стол, обитый кожей, стеклянный шкаф с инструментами и стул для моей матери. Доктор Пэтти попросила меня снять рубашку и сесть на стол. Начался осмотр. Она проверила мой монитор, прослушала сердце и легкие, проверила глаза, состояние носа и рта. Потом перешла к цели нашего визита. «Значит, тебе снятся сны?» — спросила она. (Я кивнул.) «Как часто это происходит?» (Я не знал. Очень часто.) «Можешь ли ты вспомнить какие-нибудь особенности этих снов?» (Было ли мне страшно от них?) Все ответы врач заносила в мою карточку. Туда же она записала — с маминых слов — историю с выброшенным сэндвичем. Я сидел как на иголках, готовый расплакаться. Я считал себя настолько виноватым, что почти не сомневался в исходе: из кабинета доктора Пэтти меня отправят прямо на паром и моя жизнь кончится, едва успев начаться.

Однако страхи оказались напрасными. Док-

тор Пэтти отложила карточку и ободряюще посмотрела на меня. «Вряд ли есть основания для беспокойства», — заявила она. Конечно, в моем возрасте такие сны бывают очень редко, но аналогичные случаи известны. В первые годы новой жизни сознание может выбрасывать на поверхность осколки прежней итерации. Они проявляются по-разному, иногда в виде ночных происшествий, как у меня. Доктор Пэтти посоветовала мне думать о них не как о снах, а как о своеобразных отзвуках. Источника звука уже нет, а сам он остался, отражаясь в разуме до тех пор, пока не исчезнет.

Надо отдать ей должное: в дальнейшем все происходило примерно так, как сказала она. В последующие месяцы сновидения становились все более редкими, а затем и вовсе прекратились. К этому времени я уже поступил в университет и вообще перестал думать о них. Вся история казалась не более чем причудливым эпизодом первых лет итерации, поводом для шуток после второй порции коктейля или третьей рюмки вина. «Проктор, а расскажи-ка про сэндвич с джемом! Должно быть, родители подумали, что ты спятил!»

Во всяком случае, так мне тогда казалось.

Но мои воспоминания о том утре простирались дальше. Мы с мамой вернулись на автобусную остановку. Объяснения доктора Пэтти я понял лишь частично (отзвуки в голове?), но испытал невероятное облегчение. Врач признала меня нормальным, а значит, мне не грозит возвращение на Питомник. Эта мысль заметно повлияла на мое настроение, которое вновь стало приподнятым. Хотелось шутить и смеяться. Однако мама оставалась молчаливой и не разделяла моей радости. Мы уселись на скамейку. Я пытался расшевелить ее с помощью потока оптимистичных фраз, но безуспешно. Наконец она повернулась в мою сторону и окинула меня долгим, испытующим взглядом.

Мама, красивая женщина, была намного моложе отца. Гладкое лицо с едва заметными морщинками в уголках глаз и рта. Темно-каштановые волосы, блестевшие на солнце. Честно говоря, я почти ничего о ней не знал, даже не мог сказать, был ли отец ее первым мужем. (У отца до встречи с мамой уже было три брачных контракта.) При мне она ни разу не упомянула о своих приемных родителях, как и о ранних годах итерации. Ее окружала атмосфера какой-то мечтательной таинственности. Она была из числа

тех женщин, о которых хочется узнать побольше. Почти все говорили, что она обладает особым свойством: способностью излучать счастье. Вряд ли она была счастлива сама: сейчас я сомневаюсь в этом. Просто само ее присутствие пробуждало в других добрые чувства. То был особый дар, и я готов это подтвердить.

Однако мамин взгляд там, на скамейке автобусной остановки, испугал меня.

— Ты ведь знаешь, что я тебя люблю? — спросила она.

День и так был полон странных событий, а эти слова… они показались мне самым странным из всего, что случилось. Никто из приемных родителей не говорил, что любит меня. Просперианцам несвойственна родительская любовь вроде той, что испытывают к своим биологическим детям жители Аннекса. Никто и не требовал такой любви. Возможно, со временем мы трое лучше узнали бы друг друга и наши семейные узы окрепли бы. Но я не видел оснований для того, чтобы родители любили меня.

— Ничего страшного, — добавила она, не дождавшись моего ответа; я не представлял, что ей ответить. — Я не собираюсь тебя смущать. Просто хотела сказать тебе об этом.

Какое там смущать! Я был ошеломлен. Почему мама заговорила со мной в столь доверительной манере и так, словно я уже взрослый? Да, мой рост достигал шести футов, но что я знал о жизни?

— Проктор, мне нет дела до того, что говорят другие. Если тебе снятся сны — это совсем неплохо.

— Ты так думаешь?

— По правде говоря, я считаю, что это замечательно. — Она наклонилась ко мне. — Поделюсь с тобой секретом. Ты не один такой.

— Не один? — растерянно переспросил я.

— Не один. Если хочешь знать, многие видят сны. Просто они не знают об этом.

Я задумался над ее словами. Мне стало любопытно, и я спросил:

— А ты? Ты видишь сны?

Она прищурилась, глядя вдаль, точно ответ на мой вопрос лежал где-то там.

— Иногда, — сказала она. — По крайней мере, я так думаю. Я просыпаюсь с этим… ощущением. Словно я куда-то путешествовала.

Я понял смысл ее слов: ощущение путешествия, перемещения из привычного мира в другой.

— Как ты думаешь, это хорошие сны? — спросил я маму.

— Не знаю, — слегка пожав плечами, ответила она и снова перевела взгляд на меня. — Проктор, очень важно слушать то, что тебе говорят во сне.

— Но я не помню тех, кто мне снится. И их слов тоже.

— Может, так оно и есть. Может, ты не вспомнишь это так, как вспоминаешь что-нибудь наяву. Но даже если не вспомнишь, эти слова останутся в тебе, в твоем сознании. Они — часть того, кем ты являешься.

— Я никогда не думал так о снах.

Мамино лицо стало еще серьезнее.

— То, о чем я говорила ранее, — не просто слова. Надеюсь, тебе суждено познать любовь и ты полюбишь кого-нибудь так же, как я люблю тебя. Всегда помни об этом. Хорошо?

Тогда я не подозревал об истинном смысле ее слов. «Настанет день, и я тебя покину» — вот что хотела сказать мама.

Шаги за спиной. Элиза возвращается из своей мастерской над гаражом. Мой кофе остыл. Я едва сделал пару глотков из кружки. Вхожу в дом. Элиза деловито ставит портфель на обеденный стол, быстро идет на кухню и открывает холодильник.

— Вот ты где, — говорит она, обращаясь непонятно к кому.

Ее кожа сияет, глаза сверкают, движения энергичны. Чувствуется, что утро было для нее продуктивным. Для этого дня она выбрала брюки стрейч и просторную блузку из хлопка. Косметики на лице чуть-чуть, да и та ей не нужна. Единственное украшение — серебряные браслеты, по нескольку на каждой руке. Элиза достает из холодильника то, что станет ее завтраком: морковь, сельдерей, листовой салат, витамин B и лимон.

— Тебе нужно что-нибудь съесть.

На этот раз ее слова обращены ко мне.

Даже по высоким стандартам Просперы моя жена — в высшей степени привлекательная женщина. Перед тем как стать кутюрье, она была очень успешной моделью. Особую известность ей принесло участие в кампании «Будь особенной», проведенной Департаментом образа жизни. Ее лицо украшало страницы журналов, ее здоровая искрящаяся улыбка виднелась на всех билбордах Просперы. Элизу до сих пор узнают: клиенты, гости на вечеринках и даже наш сантехник. Когда ее видят, у людей вспыхивают глаза. Бывают моменты вроде нынешнего, когда и у меня при взгляде на нее перехватывает дыхание.

— Проктор, ты меня слышишь?

Я выныриваю из транса.

— Прости, — бормочу я и поднимаю кружку. — Кофе великолепен. А есть что-то не хочется. На работе перекушу.

Элиза складывает в блендер продукты, предназначенные для завтрака.

— А что ты тут делал прошлой ночью?

— Делал?

Блендер вдруг оживает, оглашая кухню ревом, потом так же резко останавливается. Наступает пронзительная тишина. Элиза переливает содержимое блендера в высокий стакан.

— Я слышала, как ты чем-то громыхал. — Она пробует свою питательную смесь и покачивает стакан. — Часа в три ночи.

И так понятно, что ее слова вызывают у меня тревогу. Могу ли я соорудить правдоподобное объяснение? Сказать, что услышал шум и пошел проверить? Проснулся посреди ночи голодным и совершил набег на кухню? Меня разбудил дождь и я встал, чтобы закрыть окна? Насколько помню, этой ночью я спал как убитый.

— Должно быть, это из-за вчерашнего вина. В нем столько сахара. Заснуть не мог.

— Да, ты вчера перебрал. — Элиза проглатывает завтрак и ставит стакан в мойку. — Идем. Хочу

кое-что тебе показать.

Мы идем в обеденную зону. Элиза достает из портфеля и раскладывает на столе четыре больших эскиза, выполненные пастелью. На каждом изображена женская фигура в платье для коктейлей. У платья высокая талия, короткие рукава и воротник-бабочка. Подол сильно плиссирован.

— Для нового сезона. — Элиза отходит от стола и встает, скрестив руки на груди. — Что ты думаешь?

Честно говоря, я ничего не думаю об этом платье. Эскизы жены абстрактны; мне не хватает воображения, чтобы их оживить. Как бы такое платье смотрелось на живой, а не на нарисованной женщине? Очень трудно сказать.

— Думаю, это просто потрясающе. — Я включаю улыбку внимательного мужа. — Наверное, лучшие из твоих фасонов.

— Которое?

— Что значит «которое»?

— Проктор, они сильно различаются между собой.

Да, мне так просто не отвертеться. Я внимательно рассматриваю эскизы, добросовестно выискиваю различия, но почти не нахожу их. Наконец я наугад тычу в один из рисунков:

— Вот это.

Элиза недоверчиво щурится:

— Почему?

Я впиваюсь глазами в выбранный мной эскиз:

— Думаю, из-за воротника. Он кажется мне более сдержанным.

— Проктор, все воротники одинаковы. Это единственная одинаковая деталь.

В воздухе повисает напряжение. Когда оно проходит, Элиза сердито начинает собирать эскизы в стопку.

— Возможно, я ошибся, — говорю я. — Давай взгляну еще раз.

Элиза мотает головой и, не взглянув на меня, запихивает эскизы обратно в портфель.

— Нет, когда ты прав, ты прав. Это полная чепуха.

— Элиза, я такого не говорил.

— Мне и без слов понятно. О чем я только думала? Даже не верится, что я все утро ухлопала впустую.

Говорить ободряющие слова и пытаться переубедить ее бесполезно. Прожив с ней почти десять лет, я понял, что подобные разговоры свойственны любой творческой натуре и не надо принимать их на свой счет. К полудню

настроение жены опять поднимется, и она с воодушевлением возьмется за новые эскизы. Постоянная борьба с собственной неуверенностью — часть творческого процесса, она усиливает ликование Элизы, когда все идет как надо. (Наверняка так будет и в этот раз. Ее дизайнерские платья продаются в лучших магазинах, по очень высоким ценам.)

— Ну что ж… — почти безнадежно вздыхает она. — Пора переодеваться. Через час у меня фитнес, а в полдень — встреча с покупательницей. Даже не знаю, что ей показать. — Элиза настороженно смотрит на меня. — Знаешь, Проктор, иногда я всерьез беспокоюсь за тебя.

— За меня? С чего это?

— Даже не знаю, как это лучше выразить. С какого-то времени у тебя… у тебя словно что-то сбилось. Просыпаешься среди ночи, почти ничего не ешь, не следишь за собой.

— Со мной все нормально. Честное слово. Просто на работе дел по горло.

— Возможно, проблема именно в твоей работе. Наверное, настало время подумать о другом роде занятий.

И этот разговор мы ведем далеко не в первый раз.

— Я тебе говорил и могу повторить: мне нравится моя работа. Я нужен людям.

— И потому твой показатель — семьдесят семь процентов. Не пытайся это скрыть. Вчера, когда ты уснул, я проверила ридер. Ты оставил его в ванной.

Она говорит о показаниях моего персонального монитора, который есть у каждого просперианца: небольшое устройство на внутренней стороне руки, между локтем и запястьем. Проводки (каждый в десять раз тоньше человеческого волоса), пролегающие вдоль костей, соединяют его с комплексом датчиков в основании коры головного мозга. Монитор — главный инструмент для наблюдения за потоком жизни и ее превратностями. Это касается не только физического здоровья, но и множества других показателей, которые в совокупности отражают уровень нашего благополучия. Нам рекомендуют каждый вечер проверять этот уровень, выражаемый в процентах, хотя те, кто очень ответственно относится к своему здоровью, таскают ридеры с собой. Когда мне перевалило за тридцать, мой показатель стабильно держался на отметке восемьдесят пять (плюс-минус пара процентов), однако с недавних пор я стал замечать, что он

стал падать, причем постоянно, и уже не доходит до прежнего уровня.

— Ты ведь не просто так оставил монитор, — продолжает Элиза. — Сдается мне, ты хотел, чтобы я его увидела.

— Не волнуйся. Показатель повысится. Я просто устал.

— И я о том же. Эта работа съедает тебя. Ты в таком состоянии, что больно смотреть.

— Чем, по-твоему, я мог бы заняться?

Лицо жены озаряется улыбкой. Она явно хочет меня подбодрить.

— Как насчет живописи? Думаю, у тебя это хорошо получалось. Или писательство. Ты как-то говорил о написании книги.

— Элиза, я никогда не говорил о написании книги.

Она шумно вздыхает. Какой же я несговорчивый муж!

— Ну тогда что-нибудь другое. А то все эти старики… Честное слово, дорогой, не знаю, как ты выдерживаешь их день за днем. — Элиза внимательно смотрит на меня. — Обещай мне, что покажешься Уоррену. Договорились? Тебе нужно просто пройти осмотр. Убедиться, что снижение твоих показателей не вызвано еще чем-нибудь.

Уоррен — мой друг с юных лет. Сейчас он занимает высокую должность в Министерстве благополучия. Назвать его врачом — все равно что назвать меня дорожным полицейским. Профессии родственные, но не тождественные.

— Элиза, ничем это не вызвано.

— Пусть он подтвердит твои слова. Проктор, я обеспокоена твоим состоянием. Тяжело видеть тебя таким. Сделай это хотя бы ради меня. Сделаешь?

Врачебное заключение о том, что я полностью здоров, по крайней мере, положит конец разговорам на эту тему.

— Думаю, это мне не повредит.

— Значит, ты покажешься Уоррену?

— Ладно, — киваю я. — Покажусь.

— Вот и хорошо. — Элиза торжествующе улыбается. Кто бы сомневался, что она в конце концов добьется своего! Она награждает меня торопливым поцелуем в губы. — И ради всего святого, Проктор, съешь что-нибудь на завтрак.

Она скрывается в спальне и незаметно выпархивает из дому. Сказано все, что можно, и мы оба знаем: ситуация вряд ли изменится. Да Элизе этого и не надо. Все заранее отрепетировано: Элиза проявляет заботу обо мне и, высказав свои

мысли вслух, идет заниматься своими делами. По моему опыту, общение между людьми в немалой степени состоит из подобных обменов фразами. Это не столько разговор, сколько параллельное признание: оба по очереди произносят свои внутренние монологи, не слушая друг друга. В моем утверждении нет цинизма или намека на собственное превосходство. В этом я ничем не отличаюсь от других.

Но за разговором о моем здоровье кроется другая тема. Мы не обсуждаем ее, но с некоторых пор она начала угрожать нашему союзу: это вопрос об усыновлении (или удочерении) питомца. В отличие от обслуги с Аннекса, просперианцы не могут рожать детей. Стерильность — это побочный продукт реитераций. Она вызвана необходимостью поддерживать стабильную численность населения (как-никак мы живем на острове) и является весьма благотворной особенностью нашего образа жизни. Мы свободны в своих сексуальных связях и не тревожимся о последствиях; к тому же наши женщины не знают опасностей, связанных с деторождением, — таких, как порча фигуры. Но нас поощряют взять приемного сына или приемную дочь, и после восьми лет совместной жизни большинство супругов обычно задумываются

об этом.

Однако у нас с Элизой все буксует. Обычно настойчивость проявляют жены, а мужья соглашаются, охотно или не очень. У нас же все наоборот: желание ввести в дом приемного сына или дочь исходит от меня. Я был удивлен тем, насколько сильным оно оказалось. Ничего подобного со мной раньше не случалось. Я помню, как оно возникло, и не потому, что у меня появился мотив, а как раз потому, что никакого мотива не было. Приятный субботний день. Я нежился в шезлонге, установленном в патио, Элиза куда-то уехала. И вдруг меня охватило чувство неполноты, настолько специфическое, что я сразу понял, в чем дело. В нашем доме кого-то недоставало, а именно — третьего. Это настолько взбудоражило меня, что я был готов немедленно поехать в агентство по усыновлению и заполнить необходимые документы. Когда Элиза вернулась, я рассказал ей о внезапно возникшем чувстве, рассчитывая, что мой энтузиазм захватит и ее, однако она едва обратила на это внимание. Ее голова была занята чем-то другим. «Интересно, — бросила она и, не останавливаясь, прошла из патио на кухню, а оттуда в гостиную. (Я пошел следом, силясь понять, почему она так себя ведет.) — Я никогда

об этом не думала. И потом, Проктор, разве мы выкроим время на питомца?» Запомнив ее слова, я через день снова завел речь об этом, еще через несколько дней — в очередной раз. Элиза всякий раз приводила какие-то туманные отговорки. Наконец я решил больше не беседовать с ней о питомце, надеясь, что она сама вспомнит об этом. Пока что Элиза не вспомнила, и я начинаю думать, что уже не вспомнит.

Между тем ее волнует низкий показатель моей жизненности… А утро продолжается. Должность управляющего директора позволяет более или менее свободно распоряжаться своим временем. Я могу приехать на работу попозже и уехать пораньше. Пользуясь этой свободой, я надеваю купальный костюм, беру в ванной полотенце и по длинной лестнице спускаюсь на пляж. Утренней дымки как не бывало, хотя солнце светит еще несильно, имея приятный розоватый оттенок. Вода — неподвижное зеркало. Так всегда бывает по утрам, пока суша не разогреется и с юга не подует ветер. Тогда появятся волны.

Я вхожу в воду и ныряю с головой.

Знаю, о чем вы думаете. Вам кажется, что я намеренно решил поплавать, чтобы сделать свой сон более ясным, припомнить его подробности.

Например, рассмотреть лицо моей таинственной женщины. Отчасти вы будете правы. Меня действительно снедает любопытство. Но я всегда был водным существом. С самого начала итерации я полюбил океан, а в университете входил в команду по плаванию. Разумеется, я уже не тот пловец, каким был в студенческие годы. Те дни прошли. Пусть нынешняя молодежь соревнуется и ставит рекорды. Однако вода по-прежнему остается для меня родной стихией. (Довольно странно, что у Элизы все наоборот. Жена откровенно ненавидит воду. За все годы нашей совместной жизни она, кажется, ни разу не уселась на край бассейна, чтобы поболтать ногами в воде.)

Я отплываю от берега. Мышцы разогреваются, разум сосредоточивается на ритмичных движениях рук и ног, а также на дыхании. Подо мной мелькают большие стаи рыб — серебристые точки в голубой воде. Донное течение шевелит стебли водорослей. Я двигаюсь сквозь них, как сквозь толпу. Отплыв на четверть мили, я меняю направление и еще четверть мили плыву параллельно берегу, после чего выбираюсь на пляж и обнаруживаю, что я не один.

На песке сидит девушка и наблюдает за мной. Молоденькая: год-два после схода с парома.

Худенькая, игривая блондинка с короткой стрижкой под мальчика (это название мне знакомо — Элиза недолгое время стриглась так). На девушке — шорты и мужская рубашка, которая ей откровенно велика. Ловлю себя на мысли, что знаю эту девушку; точнее, знаю о ней. Когда и откуда я узнал, уже не помню. Но так или иначе, знаю — из-за шрама.

Новые итеранты не сходят с парома совсем уж безмозглыми. Хотя их эмоции притуплены, они обладают запасом слов, достаточным для повседневной жизни, умеют выполнять четыре арифметических действия и знакомы с основными бытовыми навыками. Почти все могут сказать, к примеру, который час, самостоятельно одеваются и завязывают шнурки, выполняют простые работы по дому. И все это — без подсказок взрослых. Иные владеют более сложными навыками, такими как езда на велосипеде или совершение телефонных звонков (хотя им некому звонить). Они быстро обучаются тому, чего не знали, невероятно наблюдательны и обладают потрясающей способностью к подражанию. Эти мальчишки и девчонки забрасывают взрослых вопросами и поглощают информацию так же быстро и жадно, как голодный, оказавшийся за пиршественным

столом, поглощает пищу. Новые итеранты также сохраняют то, что, в общем, можно назвать личностью. У них есть вкусы и предпочтения, распространяющиеся на одежду, еду, друзей. Порой они бывают на удивление категоричными. Любят говорить о себе, как взрослые зануды на вечеринке. Очень самоуверенны и часто ведут себя вызывающе, хотя при этом у них бывают удивительные всплески радости. В целом они очень похожи на детей, только большого роста.

Но, как и у настоящих детей, у них нет здравого смысла. Они — отчаянные любители рисковать и превратно судят об опасностях. Просто чудо, как они ухитряются не утонуть, не попасть под машину. Куда бы вы ни пришли, там обязательно будет измученный недосыпанием приемный родитель, и вы услышите леденящую кровь историю о дурацкой выходке чада, едва не стоившей ему жизни. Обычно эти истории имеют хороший конец и какую-нибудь изюминку, вызывая безудержный хохот у других отцов и матерей, тоже измученных. Но так бывает не всегда.

Итак, эта знаменитая девица со шрамом.

Едва наши глаза встречаются, как я сразу чувствую, что мое присутствие напрягает ее. Ей нравится быть одной, погруженной в соб-

ственные мысли. Но пляж пуст; наверное, мы — единственные люди на этом песчаном пространстве. На несколько миль в обе стороны — ни души. Это не корабли, тихо расходящиеся в ночи, а суда, идущие на прямое столкновение. Поэтому нужно хотя бы поздороваться.

— Привет! — весело говорю я. — Доброе утро!

Она не отвечает, но и не отворачивается. Я подхожу ближе. В ней ощущается какая-то отстраненность. Правда, в первые годы итерации многие выглядят угрюмыми и нелюдимыми. Знаю по себе. И шрам у нее не такой страшный, как я думал: розоватый рубец, начинающийся под левым глазом и тянущийся до уголка рта. (Поранилась при падении? Обожглась? Уже не помню.) Подобрать маскирующий карандаш, и будет почти незаметно. Как ни парадоксально, шрам лишь подчеркивает совершенные пропорции лица (большие темные глаза, красивый вздернутый нос и четко очерченный подбородок, который поднят с поистине королевским величием). И в то же время он напоминает каждому, кто смотрит на девушку, о том, как легко изуродовать красоту. В более широком смысле это напоминание о рискованности и непредсказуемости самой жизни, пусть просперианцы и пытаются уверять

себя в обратном.

— Не возражаешь, если я немного передохну? А то, знаешь, подустал, пока плавал.

Я стою в нескольких футах от девушки. Она поводит худенькими плечами. Ее поза остается прежней: ноги согнуты и прижаты к груди, руки обхватывают колени.

— Вокруг никого, — добавляю я, надеясь успокоить ее. — И утро такое чудесное.

Девушка смотрит не на меня, а на воду, щурясь от утреннего солнца.

— Вы далеко заплыли. Я наблюдала за вами.

— Не так уж и далеко.

Мысленно прикидываю время. Скорее всего, начало десятого. До меня только сейчас доходит, что эта любительница одиночества прогуливает школу и должна сидеть не на пляже, а на уроке. Впрочем, меня это не касается. Возникает ощущение, что она не прочь переместиться еще куда-нибудь.

— А я совсем не умею плавать, — говорит она, чтобы поддержать разговор. — У нас дома есть бассейн, но им никто не пользуется.

— Очень плохо. Но не все любят воду. — Я сажусь рядом. — Кстати, меня зовут Проктор.

Она вновь пожимает плечами — мастерски,

как все молодые парни и девушки. Своего имени она, естественно, не называет.

— Почему это вам так нравится? — спрашивает она.

— Что именно?

— Плавание. Вы должны его любить, иначе не стали бы плавать.

Теперь моя очередь пожимать плечами.

— Я всегда любил плавать. Это меня успокаивает.

— А о чем вы думаете, когда плаваете?

Мне нравится эта девчонка с ее прямолинейностью.

— Знаешь, в воде я вообще ни о чем не думаю. Наверное, в этом и есть весь смысл.

Девушка думает над моим ответом, затем снова смотрит вдаль.

— Должно быть, это здорово, — говорит она. — Я насчет того, чтобы не думать.

Все хуже, чем я предполагал. Время от времени каждый из нас попадает в такое положение. Я попадал, причем на этом же участке пляжа.

— Тебе обязательно надо попробовать, — предлагаю я, стараясь повысить ей настроение. — Если хочешь, я выберу время и поучу тебя плавать.

Девчонка молчит; кажется, она вообще не

услышала меня. Проходит еще какое-то время, и вдруг:

— Как по-вашему, что там находится? — Она указывает подбородком на линию горизонта. — Вы же вроде все знаете.

Я поворачиваю голову к воде. Море, небо и прямая горизонтальная линия, разделяющая две стихии. Круг, объемлющий мир.

— Об этом невозможно узнать.

— Но… хоть что-то.

Глаза девчонки становятся все задумчивее, словно она пытается проникнуть в какую-то тайну. Жаль, но мне нечего ей ответить.

— Вы же один из тех, кто возит людей на пароме, — вдруг говорит она. — Паромщик.

Должно быть, ее приемные родители что-то говорили обо мне.

— Ты права.

— Это грустно?

В ее вопросе нет упрека, одно только любопытство.

— Совсем не грустно, — отвечаю я. — Большинство людей, когда приходит их время, рады подняться на борт парома.

— Потому что они состарились.

— Верно. Но главным образом их вдохновляет

мысль о том, что произойдет. Им предстоит войти в совершенно новую жизнь.

— Ну а вы?

— В каком смысле?

— Каково это — провожать их? Вы сами грустите?

Я не сразу нахожу ответ, так как не часто ломаю голову над подобными вопросами, а над этим вообще никогда не задумывался. Я выполняю свой долг, приношу пользу обществу. Я умею это делать. Люди хорошего мнения обо мне. Здесь важны чувства ретайров[2], а не мои. Именно по этой мерке я оцениваю свою жизнь.

— Я бы так не сказал, — наконец отвечаю я.

— Я вам не верю, — говорит она, вперившись в меня.

— Почему?

— Вы помедлили с ответом.

Я теряюсь от ее прямолинейности. И в то же время она права.

— Ты задала сложный вопрос. На такой не ответишь «да» или «нет».

Скоро настанет середина утра. Солнце светит

---

[2] Примечания: 2

Ретайры — престарелые жители Просперы, состояние здоровья которых и процент жизненности показывают, что их итерация подошла к концу и пора заключать контракт на новую итерацию.

ярче. От воды поднялся ветерок. Появились мелкие шипящие волны.

— Простите, что устроила вам допрос, — говорит девушка. — Это было грубо с моей стороны.

— Тебе не за что извиняться. — Желая подбодрить ее, я улыбаюсь. — Ты задавала хорошие вопросы.

Она зачерпывает горсть песка и начинает просеивать его сквозь пальцы.

— Вы ведь знаете, что в это время я должна быть совсем не здесь.

— Мне так показалось. По правде говоря, я тоже должен быть совсем не здесь.

— Серьезно?

— Просто утро слишком приятное, чтобы торопиться в рабочий кабинет. А тебе, наверное, пора возвращаться. Приемные родители, думаю, уже волнуются.

Девица едко усмехается:

— Очень сомневаюсь. Поверьте, меньше всего они думают обо мне.

— Уверен, это не так.

— Представьте себе, это так. — (Последние песчинки просачиваются сквозь пальцы.) — Вам придется мне поверить.

Проходит еще минута-другая. Мы сидим бок

о бок и смотрим на плещущиеся волны. Я чувствую себя не в своей тарелке. Я почти не знаком ни с кем из молодых людей. И не знаю, что́ посоветовать юной бунтарке, помимо обычных банальностей — «Смотри на светлую сторону» или «Завтра будет новый день». Правильные фразы, но пустые. И она сразу почует, что я говорю неискренне.

— Вот что, — говорю я, нарушая молчание. — Мне пора идти. — Я встаю и стряхиваю с себя песок. — Было очень приятно поговорить с тобой…

— Кэли.

Ее имя происходит от латинского «caelus», что означает «пришедшая с небес». Какой славный сюрприз! Оказывается, я еще что-то помню из своего краткого и весьма скучного курса древних языков. Мне кажется, имя подходит ей, если это можно сказать об именах.

— Было очень приятно поговорить с тобой, Кэли. Не засиживайся здесь слишком долго. Слышишь? Хоть ты и не считаешь, что родители беспокоятся о тебе, ты им небезразлична.

Услышав последнюю фразу, Кэли таращит глаза и при этом улыбается. Ее забавляет мое «отцовское» поведение.

— Ладно… если вам от этого будет легче. — Снова пауза. Мы оба не знаем, о чем еще поговорить. — Я ведь еще увижу вас?

Странно. Время от времени мы неожиданно встречаем человека, к которому сразу же проникаемся симпатией. Кто знает, почему это происходит? Но сейчас я испытываю именно такое ощущение. Словно в это июньское утро я обрел друга.

— Можешь не сомневаться.

Я иду по пляжу не оглядываясь. Мне кажется, что если я оглянусь, то разрушу доверие, установившееся между нами. Успеваю пройти шагов двадцать, после чего она окликает меня:

— Вы серьезно? — (Я оборачиваюсь.) — Насчет того, чтобы учить меня плаванию.

Вопрос успокаивает меня. Значит, она думает о будущем и ей не все безразлично.

— Конечно серьезно, — отвечаю я. — Как и обещал.

Кэли кивает и снова смотрит на океанский простор.

— Знаете, я думаю, мне это понравится, — говорит она. — Я считаю, что каждому надо бы уметь плавать.

Я спускаюсь по лестнице. Дойдя почти до само-

го низа, поднимаю голову и вижу нашу экономку Дорию. Она энергично машет руками:

— Мистер Беннет! Мистер Беннет!

Я прибавляю шагу:

— Что случилось?

Дория — невысокая полноватая женщина средних лет, определеннее сказать трудно.

— Вас дожидается какой-то мужчина.

— Мужчина? Кто?

— Не сказал. Ждет в доме.

Наверняка кто-то с работы. Приехал напомнить мне о служебных обязанностях. Вздохнув, заскакиваю в ванную, бросаю полотенце и захожу в гостиную.

Мой посетитель стоит посередине гостиной, точнее, в самом центре комнаты, словно боится прикоснуться к чему-либо. В руке — кожаный портфель с логотипом отдела. Совсем молодой, выбритый с предельной тщательностью. Безупречная осанка, на лице написаны искренность и энтузиазм. Темный костюм, строгий галстук. На ногах — ботинки со шнуровкой, начищенные до зеркального блеска.

— Директор Беннет?

— Он самый.

— Джейсон Ким. — Он подходит ко мне и

с какой-то щеголеватостью протягивает руку. — Меня направили к вам на стажировку. — (Я совершенно сбит с толку. Дни, когда я возился со стажерами, давно миновали.) — Позвольте признаться, директор Беннет: для меня это большая честь! — выпаливает он.

— Простите, мистер… Ким? Я правильно услышал?

— Да, сэр. Прошу называть меня просто Джейсоном. Мне этого достаточно.

— Боюсь, произошла какая-то ошибка. Мне никто не сообщил о вас.

Он достает письмо о назначении на должность. Я сразу же смотрю на подпись внизу. Моя.

— Когда мне сказали, что я прикреплен к вам, я поверить не мог. Перечитал все ваши отчеты о нештатных ситуациях. Какое мастерство!

Похоже, я оказался жертвой своей избыточной щедрости. Несколько месяцев назад, когда приток новых кадров замедлился, я составил и послал по инстанциям памятную записку, предложив, чтобы старшие должностные лица брали новичков на стажировку. Я знал, что моя идея будет встречена без энтузиазма, и ни на что не рассчитывал. И уж точно не горел желанием лично натаскивать стажеров. Что касается моей

подписи, то каждый день я подмахиваю десятки документов, даже не взглянув на их содержание.

— Каким будет ваше первое распоряжение?

Я возвращаю ему письмо.

— Видите ли, Джейсон, у меня было хлопотное утро. (Я словно забыл, что стою перед ним в купальном костюме.) Почему бы нам не встретиться у меня в кабинете? Там я познакомлю вас с основными правилами нашей работы. Приходите часика через два.

— Боюсь, сэр, это невозможно. — Он снова лезет в портфель и достает голубой конверт. — Ваша секретарша просила передать.

Я сразу понимаю: в конверте лежит бланк ретайр-контракта. Паром с ретайрами всегда отплывает в час дня. Кто-то в последнюю минуту вздумал стать одним из них. Так бывает довольно часто: человек решается на ретайрмент[3] и старается сразу же осуществить задуманное. Лучше всего ускользнуть тихо и незаметно. Наверное, когда подойдет мое время, я поступлю аналогичным образом. Что сделано, то сделано, даже если за бортом парома остается вся прежняя жизнь.

Удивляет другое. Почему-то этот контракт по-

[3] Примечания: 3

Ретайрмент — процедура оформления социального контракта на реитерацию.

пал прямо ко мне, а не к кому-нибудь из моих подчиненных. И не просто попал: его привез мне на дом восторженный, брызжущий энтузиазмом новичок, только вступивший во взрослую жизнь. Мне кажется, что от него пахнет типографской краской, как от новенькой долларовой бумажки.

— Прошу вас подождать меня в машине.

Он смотрит на часы:

— Директор Беннет, время…

— Я знаю о времени, сынок. — Почему-то я больше не могу говорить этому парню «вы». — И вот тебе первое правило. Ты слушаешь?

Он вытягивается в струнку:

— Да. Внимательно слушаю.

— Правило номер один: если я что-нибудь говорю, делай так, как тебе сказано. В этом нет ничего личного и сложного. Следуй этому правилу, и мы прекрасно сработаемся. — (Он почтительно кивает.) — Возвращайся в машину и жди.

Входная дверь с щелчком закрывается за ним. Меня вдруг охватывает усталость. Я не ждал, что сегодня мне придется натаскивать этого щенка. Но и нестись впопыхах к парому мне тоже не улыбается. Возможно, придется столкнуться с неприятной сценой: порыв, охвативший ретайра, исчезает и сменяется паникой. Если контракт

подписан, отменить его невозможно, и ретайру остается лишь подчиниться, добровольно или принудительно. У нас есть специально обученные люди, и далеко не всегда им удается обойтись без применения силы.

Ретайр-контракт могли направить мне по двум причинам, и обе не из приятных, в особенности первая: показатель жизненности ретайра упал ниже десяти процентов. Тут в действие вступает Постановление о принудительном ретайрменте. С этим всегда непросто. Возможно, ретайр физически слаб или психически неадекватен. Возможно, членам семьи ретайра тяжело прощаться с ним (или с ней). Добавьте к этому финансовые интересы питомцев. В таких случаях всегда требуется присутствие высокопоставленного паромщика — порой даже управляющего директора.

Вторая причина: я знаю этого человека.

Я не тороплюсь вскрывать конверт — кладу его на кофейный столик и начинаю готовиться к рабочему дню: принимаю душ, бреюсь, надеваю костюм (тоже темный) и начищенные ботинки с перфорированными носками. Часы показывают пять минут одиннадцатого. Подойдя к окну спальни, я осторожно отодвигаю портьеру. Мой подопечный стоит, прислонившись к переднему

крылу машины — служебного седана. Перед поездкой сюда ее тщательно вымыли. Тропическое солнце жарит вовсю, и бедный парень обильно потеет в своем новеньком костюмчике. Он смотрит на часы (наверняка уже в двадцатый раз) и надувает щеки, с неудовольствием убеждаясь, что скорость течения времени не зависит от его желания.

Я возвращаюсь в гостиную и открываю конверт.

Проигрывая в памяти события того дня, задаю себе вопрос: знал ли я?

Не только имя ретайра. Что касается имени, мне следовало догадаться если не сразу, то потом. Знал ли я все остальное? Была ли дрожь, какую я испытывал, вскрывая клапан конверта, предчувствием всего, что должно произойти?

Разум работает великолепно; он способен на удивительные подвиги. Это единственная в природе машина, которая способна думать о чем-либо, зная о существовании противоположности этому. Причина — яркая, беспокойная поверхность жизни. Разум отвлекает нас, словно фокусник, который взмахивает волшебной палочкой и достает из-за пазухи кролика. Мы говорим: «Вот прекрасное солнечное утро. Вот

чудесное море. Вот мой красивый дом, моя любящая жена, моя чашка утреннего кофе и мой бодрящий утренний заплыв». Глубже этого мы не заглядываем, поскольку не хотим, да нам и не нужно. В этом и состоит трюк: нас обманом заставляют поверить, будто мир устроен так, а на самом деле он совершенно другой.

Снова спрашиваю себя: знал ли я?

Разумеется, знал. Знал, черт бы меня побрал со всеми потрохами.

2

Мы добираемся до места к половине одиннадцатого. Под шинами хрустит гравий; дорога изобилует выбоинами, так что мы едем медленно. Еще немного, и впереди появляется дом: просторная, крытая черепицей постройка на краю дюн, обветшалая, но великолепная. Мой подопечный, сидящий за рулем, негромко присвистывает. В этом звуке сквозят восхищение и одновременно — ирония.

— Неплохое местечко, — говорит он.

Он прав. Таких домов в нынешнюю эпоху стерильных линий и чистой функциональности осталось совсем немного. Я велю стажеру ждать в машине. Ему это явно не нравится, однако правило номер один есть правило номер один. Имени ретайра я ему не назвал; едва прочитав контракт, я сразу же спрятал бумагу в карман. Возможно, он и так знает. То, что Джейсон приехал ко мне именно сегодня, а не в другой день, отнюдь не совпадение. И кто из нас нянька, а кто — младенец?

— Я не шучу. Даже если увидишь, что из окон валит дым, не смей покидать машину.

Я вылезаю и иду к дому. Время не пощадило его. Краска на стенах отходит целыми пластами; там, где океанские ветры попортили крышу, так и не появилось новых черепиц. Треснувшее оконное стекло на втором этаже заклеено липкой лентой. Крыша крыльца — в совсем плачевном состоянии: она более чем наполовину покрыта синтетическим брезентом, подпертым кирпичами. Слева от меня, в полусотне ярдов, из-за плюща проглядывает теннисный корт, вернее, то, что от него осталось. За садом годами никто не ухаживал, и он превратился в заросли. Все это производит угрюмое впечатление, и тем не менее передо мной — дом, куда более тридцати лет назад отец привел свою молодую жену. Здесь они жили вместе, пока их совместная жизнь не окончилась странным образом. Здесь прошли годы моей юности. С этим домом у меня связано множество воспоминаний, приятных и не очень.

Поднимаюсь на крыльцо, и тут входная дверь открывается. Мой отец, как всегда, тщательно одет — в данном случае по-морскому: темно-синий блейзер, идеально отглаженные белые брюки и кожаные палубные туфли. Из нагрудного кармана блейзера выглядывает треугольник носового платка с эмблемой яхт-клуба, где он

долгие годы был председателем гоночного комитета. (Возможно, официально он по сей день числится председателем, но выяснять я не стану.) Несмотря на почтенный возраст — сто двадцать шесть лет, — он выглядит внушительно. В нем безошибочно угадывается собственник.

— Привет, Проктор. — Он смотрит поверх моего плеча на машину, затем снова на меня. Его волосы, такие же белые и аккуратные, как и брюки, еще не успели просохнуть после душа. Они зачесаны назад. На розоватой коже головы видны следы от гребня. — Спасибо, что приехал так быстро.

Мы, как старые друзья, обмениваемся рукопожатиями. Я замечаю, что его рука слегка дрожит — незначительное неврологическое нарушение, типичное для преклонного возраста. В последний раз мы встречались три года назад — совершенно случайно, в ресторане, где мы с Элизой обедали в компании друзей. (Возможно, я вообще не приблизился бы к нему, если бы Элиза не заставила меня подойти и поздороваться.) Наше отдаление было вызвано отнюдь не ссорой, а обоюдным сознанием того, что нам лучше не общаться. Должен отметить, что отец не из тех, кто открыто выражает свои чувства. После трагической гибе-

ли матери я не помню, чтобы он пролил хотя бы одну слезу или утешил меня ласковым словом. Тогда его поведение казалось мне граничащим с жестокостью, но с годами категоричность суждений ослабевает, и сейчас я не рискну утверждать, что он был равнодушен к матери. Как раз наоборот. Он питал к ней глубокую и нежную привязанность. Большинство мужчин давно бы заключили новый брачный контракт. А он все эти двенадцать лет прожил один.

— Входи же в дом.

Он отступает, пропуская меня. Внутри все осталось таким же, как прежде, вплоть до запаха — смеси пыли и плесени, порождаемой близостью моря. Своеобразная «ароматическая бомба», способная, если я захочу, стремительно забросить меня в прошлое. Но я не намерен отправляться туда. Я иду вслед за отцом в гостиную, так плотно заставленную тяжелой мягкой мебелью, что она кажется тесной. Окна открыты. Белые занавески, пожелтевшие от времени, качаются на ветру, словно призраки. Мы оба молчим; каждый подыскивает слова. Снаружи доносится слабый плеск волн.

— Чая хочешь? — спрашивает отец. — Я как раз собирался заваривать.

Я помню о том, сколько времени у нас в запасе. Если рассиживаться, можно опоздать на паром. Но посидеть за столом мы успеем. Чай, шампанское, крепкий виски — паромщик не отказывается от таких предложений. Для ретайра это своеобразный ритуал. Таков основной принцип нашей профессии: дать ретайру все, что ему (или ей) нужно прямо сейчас. В последние часы перед отплытием большинство людей испытывают нерешительность. Их сомнения вполне естественны и понятны. Не так-то легко оставить позади все привязанности — людей, вещи и места, что служили балластом на корабле жизни.

— Да, спасибо, — отвечаю я на отцовское предложение. — Чашка чая будет очень кстати.

Отец уходит на кухню. Я сажусь на диван и открываю конверт. Помимо моего отчета, есть еще два документа, требующие внимания: контракт добровольного ретайрмента, согласно которому отец вручает себя нынешнего заботам Питомника для реитерации, и имя наследника. Обычно все средства и имущество переходят супруге или супругу; если же ретайр овдовел, как мой отец, то и другое достается Центральному банку. Питомцы в число наследников не входят. Такая политика способствует тому, что богатства Просперы — а

они весьма значительны — не сосредоточиваются в определенных семьях. Однако ретайру разрешается оставить в наследство одну вещь, если ее стоимость не превышает двухсот тысяч долларов. Как паромщик, я обязан проследить, чтобы его завещание было исполнено.

С кухни доносится свисток закипающего чайника. Вскоре отец возвращается с серебряным подносом в руках. Он опускает поднос на стол. Руки его дрожат, так что чайные ложечки звякают, а чашки громко ударяются о блюдца.

— Хочешь, налью? — предлагаю я.

Отец отмахивается; он слишком горд, чтобы принять мое предложение. И потому я вынужден с нарастающим беспокойством следить, как отец, собрав все свое внимание, наполняет чашки сам. Любой человек сразу бы заметил, как неуклюжи его движения. Но есть еще нечто неосязаемое — я распознаю его благодаря профессиональному опыту. Это замечаешь по глазам: своеобразное метафизическое возбуждение, словно ретайр пытается заглушить звук, который слышит только он, или старается не замечать сонма висящих над ним духов.

Меня начинают будоражить тревожные мысли.

У каждого просперианца есть свое число: сто двадцать, сто тридцать, в редких случаях — даже сто пятьдесят. Оно означает количество лет, в течение которых мозг конкретного человека способен исправно работать, пока не выйдет из строя. Достижения генетики дарят нам десятки лет здоровой, деятельной жизни. Мы полностью избавлены от материальной нужды и работаем в свое удовольствие. Общественное устройство предоставляет нам широчайшие возможности для развития и самовыражения. Романтические отношения, секс, не отягощенный последствиями, — все это благотворно влияет на нас, делая годы итерации яркими и насыщенными. Но никакие возможности, никакие успехи медицины не отменяют непреложного факта: груз времени неумолимо давит на нас. Время воздействует на мозг: каждая радость и печаль, каждая минута каждого дня давят на него, заставляя накапливать и сортировать данные. (Я люблю шоколад… сегодня среда… моего приемного сына зовут Проктор… моя жена Синтия привязала к ноге якорь и бросилась в море…) И наконец мозг больше не выдерживает лавины данных, внутри его начинается путаница.

Невозможно узнать заранее, когда это случится.

Как говорят, «когда случится, тогда и узнаешь». Отец вызвал меня не со скуки. У него нет ни физических, ни психических расстройств. Его не мучают боли. Нельзя сказать, что он просто устал от жизни. Я оказался здесь, поскольку мир, в котором до сих пор жил отец, перестал быть удобным для него. Если сравнить реальность с легким, приятным дождем, то для отца она превратилась в яростно хлещущие потоки воды. Насыпать сахар в чай — все равно что противостоять ревущему урагану. Только предельная сосредоточенность позволяет ему сохранять какое-то подобие душевного равновесия, но эти усилия изматывают его.

Наконец чай успешно разлит по чашкам. Мы оба делаем по глотку, показывая, что отцовское сражение с чайником и чашками стоило того.

— Ты не возражаешь, если мы начнем? — спрашиваю я.

Отец молча кивает. И вдруг я остро осознаю, как странно все это. Работая паромщиком почти двадцать лет, я тысячи раз участвовал в подписании ретайр-контрактов. Дюжину ретайров я мог бы причислить к своим друзьям, еще полсотни — к знакомым. Остальные были совершенно чужими людьми. Я и представить себе не мог, что однажды мне придется заниматься этим со

своим отцом.

— Можно проверить твой монитор?

Отец сбрасывает блейзер и закатывает рукав. Я достаю из портфеля ридер и подключаю к монитору. Слышится легкий писк, и дисплей ридера начинает заполняться данными.

— Я тебе рассказывал, что недавно играл в теннис? — спрашивает отец. — Разумеется, не здесь. В клубе. Здешний корт… да ты и сам видел. Просто ужас. А помнишь наши игры?

Это приятное воспоминание, и я охотно поддерживаю разговор:

— Конечно помню. Такое не забывается.

— Помню, как ты впервые обыграл меня. До того никогда не видел тебя обезумевшим от счастья.

Вызываю в памяти тот день. Победа казалась мне чем-то невероятным. Я даже помню счет: шесть — два в первом сете, шесть — три во втором. Былая радость проносится в уме как вспышка молнии.

— Думаю, ты позволил мне выиграть, — говорю я отцу.

— Ты так считаешь? — Отец кривит губы. — Наверное, позволил. А у нас в клубе появился великолепный новый профи. Хавьер. Знаешь его?

— Да вроде нет.

— Чудо, а не парень. Просто подарок. А какая подача! Скорость как у ракеты.

Речь идет о «Харбор-клубе». Я тоже играю там и не знаю никого по имени Хавьер.

— А потом я взял «Холидей» и поплыл вокруг мыса, как мы плавали когда-то.

Голос отца звучит отстраненно; его глаза увлажнились и смотрят рассеянно. К слову, «Холидей» — гоночный шлюп длиной в двадцать два фута — давно пошел на слом из-за какого-то повреждения. Возможно, отец плавал на другой лодке и попросту перепутал названия. Может, он вообще не плавал, а весь день просидел в гостиной, глядя в окно и предаваясь воспоминаниям.

— Это был прекрасный день, — продолжает отец. — И тогда я принял решение. Сказал себе: «Малкольм, следующий прекрасный день будет для тебя последним, и затем ты отправишься на паром».

— Думаю, ты поступил здраво.

Как ни печально произносить эти слова, они вполне уместны.

— Другие тоже так поступают?

Многие люди задают схожие вопросы. «Я правильно поступаю? Я не отличаюсь от других? Это

нормально?» Не надо забывать, что все-таки мы — стадные животные.

— Иногда. Тут нет единого правила.

— Ты не возражаешь? Против того, что я позвал тебя?

— Ничуть. Я рад, что ты это сделал.

Ридер подает мелодичный сигнал — считывание данных завершилось. На экране появляется показатель жизненности отца: шестнадцать процентов. Мы оба молчим. Да и что тут скажешь? Я вытаскиваю кабель из отцовского монитора, выключаю ридер и убираю его обратно в портфель. У себя в кабинете я скачаю все данные для отчета.

— Так странно: из этой жизни ничего не останется, — говорит отец.

— Зато появятся новые воспоминания, — говорю я и заставляю себя улыбнуться. — Сосредоточься на этом. Подумай, как здорово будет снова ощутить себя молодым. Вся жизнь впереди.

Это основные темы моих разговоров с ретайрами. Возможно, сейчас я просто повторяю предложения со сто первой страницы какого-нибудь учебника под заглавием «Человеческая динамика переходного периода». Фразы звучат слишком казенно, но это не делает их менее верными. (У моего подопечного, оставленного

в машине… черт, успел забыть его имя… наверное, есть целый набор карточек с подобными сентенциями, и он просматривает их во время обеденного перерыва.)

— Дому новая итерация не светит, — пытается пошутить отец. — Жаль, что я совсем не следил за ним.

— Как знать. Может, кто-нибудь отремонтирует его и будет здесь жить.

— Мне это уже не кажется важным. Наверное, так все и начинается. Ты просто перестаешь волноваться из-за подобных вещей, и все.

— Иногда так, иногда совсем наоборот. Что ты считаешь для себя наилучшим, то и правильно.

Снова пауза и ощущение пустоты.

— Говорят, это все равно что погрузиться в сон, — говорит отец.

— Правильно.

— Ты в это веришь?

И этот вопрос тоже звучит часто.

— Дело не в том, верю я или нет. Это так, только и всего.

— Lex non requirit verificari quod apparet curiae. — Отец вопросительно смотрит на меня. — Что, ничего не понял?

— Моя латынь подзаржавела. Сделай одолже-

ние, переведи.

— «Закон не требует доказательств того, что очевидно для суда».

— Ах вот оно что.

— Мысль, которая, как мне кажется, имеет некоторое отношение к сегодняшнему дню, хотя она посетила меня только сейчас. — Его лицо теплеет. — Знаешь, я всегда жалел, что ты недостаточно серьезно относился к этой стороне своего образования.

Здесь он прав. К учебе я относился в лучшем случае равнодушно. Не сказать чтобы книги совсем не вызывали у меня интереса. Просто собственные мысли занимали меня куда больше.

— Прости, забыл спросить: как Элиза?

— Благодарю, вполне себе. По горло в делах. Готовится к новому сезону.

— Обязательно передай, что я о ней спрашивал.

— Обязательно передам… Послушай, время поджимает. Может, перейдем к контракту?

Отец думает над вопросом, затем кивает:

— Конечно.

Здесь следует упомянуть о том, что мой отец — юрист. Точнее, был юристом. До смерти моей матери он занимал должность главного юрискон-

сульта Коллегии по надзору. Вполне вероятно, что нынешний вариант ретайр-контракта, который ему предстоит подписать, составлен им самим. Едва ли отцу требуются мои пояснения и подсказки. Однако протокол есть протокол. Я должен зачитать ему текст контракта и получить его устное согласие с изложенным. Затем он должен подписать контракт, обязательно черными чернилами. (У меня есть наготове нужная ручка: я повсюду ношу ее с собой. Нет ничего хуже, чем лихорадочно искать такую ручку в доме ретайра. К тому же ее может там не оказаться.) После отцовской подписи я должен поставить свою, поскольку являюсь не только паромщиком, но и официальным свидетелем.

Мы проходимся по пунктам контракта. Некоторым ретайрам это дается нелегко. Сугубо личное решение, касающееся их судьбы, предстает перед ними в виде юридических терминов и формулировок. Но отец чувствует себя как рыба в воде. Он любит язык закона и прекрасно владеет им. По мере того как я зачитываю ему пункт за пунктом, выражение его лица меняется. Появляется удовлетворенность, даже ностальгия. На несколько минут отец вновь оказывается в своей стихии.

Я добираюсь до конца и спрашиваю:

— Ты согласен со всеми условиями в том виде, в каком они представлены здесь?

— Да.

Отец берет ручку и быстро ставит свою подпись. Я делаю то же самое.

Это оказалось проще, чем я думал.

Остается последний пункт этой невеселой программы.

Я — его единственный наследник; больше у него никого нет. Какая странная и грустная ирония: много старых друзей, несколько брачных контрактов, обширный круг знакомств, разветвленные деловые связи — а теперь рядом с ним стою только я, словно припозднившийся гость, которому невдомек, что хозяин уже собирается ложиться спать.

— Что ты хочешь мне оставить? — спрашиваю я.

Отец говорит, что ему проще показать, чем объяснять, и выходит из дому. Я иду следом. Мостки из посеревших досок ведут нас через дюны и заросший травой эстуарий к пляжу. Я все острее чувствую, как время дышит нам в затылок; когда сядем в машину, придется гнать во весь опор. У кромки воды, на сваях, стоит лодочный ангар — цель нашего похода.

После смерти моей матери отец ушел с должности главного юрисконсульта, и отнюдь не из-за горя. Он всегда с большим вниманием относился к закону: и ко всей этой хитроумной юридической механике, и к этической стороне своей профессии. Останься он работать, думаю, это смягчило бы удар, но человек в его положении не мог допустить даже намека на скандал. Почти два года он вообще ничем не занимался — только бродил по дому в пижаме и разгадывал кроссворды, так что все тревожились относительно его душевного здоровья. Однако он не мог вечно предаваться безделью, и через какое-то время хобби, отвлекавшее от работы, превратилось в работу. Отец стал изготавливать деревянные лодки, которые почти сразу стали цениться — не только за надежность и прекрасные ходовые качества, но и за изысканную отделку. Бушприты, украшенные затейливой резьбой, сверкающие палубы и бимсы из тика, штурвалы, обтянутые кожей, медные детали, начищенные до блеска. Я испытал потрясение, но в хорошем смысле. Человек, которого я знал как сухого интеллектуала, преобразился в рукастого ремесленника; в человека, создающего вещи, которыми можно пользоваться. Такая метаморфоза показывает: люди гораздо сложнее,

чем принято думать, и даже трагедия (а иногда только она) может продемонстрировать наше истинное «я».

Окна ангара, превращенного отцом в мастерскую, выходят на океан. К воде ведет широкий пандус. Мы входим через боковую дверь. Внутри стоит густой запах яхтенного лака и опилок. Отец нащупывает выключатель. Вспыхивает свет, и я вижу ее.

Лодку, конечно лодку. Но какую! Даже я, разбирающийся в дизайне лодок намного хуже отца, сразу понимаю: передо мной — лучшее, что он создал. Лодка не поражает размерами. Длина — футов двадцать пять, может, чуть больше. Бимс — футов семь-восемь. Одномачтовая, с гафельным парусом, широким кокпитом и небольшой каютой. Идеально подходит для морских прогулок вроде тех, что мы когда-то совершали втроем, плавая к мысу на пикник или отправляясь полюбоваться красками заката. (Вечерние плавания родители называли «коктейльными круизами». Для себя они брали термос с джином и тоником, а для меня — апельсиновый сок.) Воспоминание становится ярким, как сон наяву. В лицо дует ветер. Поскрипывает парус. Рука держится за просоленный конец гика-шкота и ощущает твердую

кромку корпуса. Совсем рядом плещутся волны, вечернее солнце дарит нам свое тепло. Родители расположились на корме: отец за штурвалом, мама сидит рядом, устроившись у него под мышкой. Ветер треплет ей волосы. Она смеется отцовской шутке и откидывает прядь, попавшую в рот. Почему одни картины навсегда остаются на стенах памяти, а другие соскальзывают во временну́ю пропасть?

Я подхожу к стапелю. Отцовская лодка стоит на нем, сверкая, как драгоценный камень на бархатной подставке. Возникает сильное желание дотронуться до нее. Не удержавшись, я провожу пальцами по корпусу. Даже канаты выглядят сплетенными вручную.

— Сколько времени ушло на ее постройку?

— Два года.

Рядом со своим удивительным творением отец меняется. Он больше похож на себя прежнего, на краткий миг не выглядит покорным судьбе. Мне без всяких подсказок открывается истинный смысл отцовских слов. Я понимаю, чего на самом деле он ждал. Это и был последний прекрасный день — день, когда он закончил постройку своей красавицы.

Я огибаю корму и на другой стороне корпуса

вижу дощечку с названием корабля: «Синтия».

— К сожалению, мне не хватило времени, чтобы прибраться, — сетует отец. — Ненавижу оставлять после себя хлам.

Я понимаю, что сделал отец. Вещь, оставленная мне в наследство, предназначена вовсе не для меня. Я — не более чем хранитель. Тело матери тогда не нашли — только лодку, качавшуюся на приливных волнах, без якоря, с забрызганными кровью скамейками. Никакой записки. Последнее ударило по отцу больнее всего. Ее смерть породила пустоту, которую нельзя было заполнить ничем, даже последними словами. Это стало нарушением естественного порядка вещей. И в одиннадцатый час своей жизни отец попытался это исправить. Его лодка, его «Синтия». Так он вернул ее обратно в наш мир.

— Обещай, что будешь плавать на ней.

— Обязательно буду. Можешь не сомневаться.

Отец умолкает. Он стоит, переминаясь с ноги на ногу, засунув руки в карманы.

— Я знаю, что был не самым заботливым отцом. Особенно после… — Он пожимает плечами. — Ну, это дело прошлое. Что было, то было.

Меньше всего мне хочется говорить на эту тему сейчас. Да и вообще когда-либо.

— Не вини себя. Все позади.

— Просто хочу, чтобы ты знал, как я сожалею. — Отец протяжно вздыхает. — Это все моя вина. У нее были… свои особенности. Ты, сынок, о них не знал.

За спиной отца открывается дверь. Это мой подопечный. Он тяжело дышит. Наверное, бегал по всему дому, разыскивая нас. Я готов задушить парня на месте.

— По-моему, я велел тебе ждать в машине.

— Прошу прощения, сэр. Мне показалось, что я просто обязан напомнить вам о времени.

Бросаю взгляд на часы. Начало первого. Ехать до парома минут сорок; при интенсивном движении — больше. Меня словно ударяют в грудь. Мой отец уходит из нашего мира; мой отец почти ушел. И когда он уйдет, когда я буду стоять на причале и смотреть на отплывающий паром, я останусь последним из нашей семьи. Все воспоминания о событиях прошлого будут моими, и больше ничьими.

— Дай нам еще несколько минут, — говорю я стажеру.

Но он продолжает стоять с упрямством заборного столба. От меня сейчас можно ждать чего угодно, вплоть до того, что я наброшусь на парня

с кулаками. Положение спасает отец. Понимая мое состояние, он поворачивается к стажеру и протягивает руку:

— Давайте знакомиться. Я — Малкольм Беннет.

Эти слова повергают парня в шок. Выходит, он не знал, за кем мы едем. Пока они пожимают руки, глаза моего подопечного мечутся. Он попеременно смотрит на нас, затем мямлит:

— Так вы…

— Совершенно верно. А вы, как вижу, работаете с моим сыном.

— Да, сэр. Я — его стажер.

— Вам повезло. А звать вас как?

— Ой, простите. Забыл представиться. Джейсон Ким.

— Спасибо, мистер Ким, что напомнили нам о времени. А то мы углубились в воспоминания и совсем позабыли о нем.

— Вот-вот. — Мой подопечный тяжело сглатывает. — В смысле, так оно и есть.

— Отлично.

Отец обезоруживающе улыбается парню. Его улыбка — как луч прожектора, направленного в лицо стажера. Я сразу понимаю его замысел. Кто-то должен взять все в свои руки и сделать

так, чтобы мы оказались в машине. Я сейчас не способен на это. Еще немного, и я уронил бы себя в глазах коллеги, который моложе меня на двадцать лет. Этого отец допустить никак не может и приходит мне на выручку. Очень трогательно и очень грустно.

Продолжая улыбаться, отец поворачивается ко мне:

— Спасибо, Проктор, что уважил старика. Приятно было вот так поговорить.

Я могу лишь кивнуть.

— Ну что? — Отец растирает ладони, словно они озябли. — Поехали?

Мы с отцом едем на заднем сиденье. Таков протокол: паромщик ни на мгновение не оставляет ретайра своим вниманием, хотя я сделал бы это и без протокола. На дорогах почти пусто, словно мир понимает всю серьезность нашей миссии и создает нам наилучшие условия для проезда. Мое сердце успокаивается. Отец смотрит в окно. Мне кажется, что он прощается с миром. Разумеется, на время, поскольку он снова увидит этот мир юными, жадными до впечатлений глазами. Он сидит, изящно скрестив ноги, стараясь не помять идеально отглаженных брюк. Руки перестали нервно двигаться и спокойно лежат на коленях.

Время от времени он делает глоток воды из бутылочки (мы всегда держим в машине запас воды), и это единственные его движения.

Со стороны моря наползают облака, делая солнечный свет не таким резким и убирая все тени. Мы въезжаем в город. Приходится снизить скорость, но, если не случится чего-либо из ряда вон выходящего, мы доберемся вовремя. Нас окружают здания: жилые, административные, торговые комплексы. Появляются пешеходы. Кто-то одет по-деловому и спешит туда, где ему надо быть. Кто-то выбрался на пробежку и наслаждается согласованными движениями ног и рук, отирая пот с лица. На автобусной остановке мы видим стайку юных итерантов в форме Академии раннего обучения. Девочки одеты в блузки свободного покроя и клетчатые юбки, мальчики — в шорты цвета хаки и синие рубашки с короткими рукавами. У тех и других на нагрудных карманах вышита эмблема их школы. Все смеются и о чем-то болтают. Парни пихают друг друга локтями и смущенно поглядывают на девчонок, те посылают ответные взгляды. Эти извечные «танцы глаз», юношеское любопытство и пробуждение желаний. Так было всегда.

— Дождь собирается, — произносит отец.

Это его первые слова после отъезда из дому.

Он прав. Облака густеют. Небо над городом становится серым. Мы въезжаем в правительственный квартал Просперы. Машина движется мимо площади Просперити с обширной зеленой лужайкой, концентрическими дорожками и фонтаном в центре. Это большое каменное сердце города. В воздухе жужжат дроны, покачиваясь на ветру и наблюдая за всем, что происходит. Площадь с двух сторон окружают здания министерств: благополучия, труда, финансов, внутреннего благоустройства, общественной безопасности и социального обеспечения, где находится Департамент социальных контрактов. В верхней части площади, словно старейшина, председательствующий на праздничном собрании, стоит здание Коллегии по надзору: величественное, выстроенное в неоклассическом стиле, с внушительными колоннами и мраморной лестницей, ведущей к входным дверям. Ступеней на лестнице так много, что даже самый выносливый человек, достигнув верха, непременно останавливается, чтобы успокоить дыхание. Именно здесь, в просторных кабинетах и залах заседаний, работники Коллегии по надзору занимаются своей важной, скрытой от посторонних глаз деятельностью.

Именно сюда на протяжении шестидесяти лет каждый день, ровно в половине восьмого, приезжал мой отец, чтобы скрупулезно анализировать и совершенствовать законы Просперы.

— Теперь уже скоро, — сообщает мой стажер.

Паромный причал находится на западном конце П-образной гавани. Последний отрезок пути пролегает по широкой магистрали, которая так и называется — Прибрежное шоссе. Справа — многоквартирные дома и многочисленные рестораны, слева — оживленная яхтенная марина. Пляж пуст, если не считать нескольких запоздалых купальщиков. Не желая попасть под дождь, они спешно сворачивают полотенца, складывают стульчики и идут к своим машинам. В лобовое стекло нашего автомобиля ударяет сильный порыв ветра. Тишина в салоне становится гнетущей, но я ничего не могу поделать. Да я и не вправе вмешиваться. Сейчас все подчинено желаниям отца.

И как раз в этот момент начинается самое ужасное. Отец принимается бормотать.

Он произносит странные слова, комкая их, — возможно, даже не слова, а звуки, выражающие его замешательство. Беспокойно озирается по сторонам, вертя головой, словно птица. Мне при-

ходилось наблюдать нечто подобное у ретайров, чей уровень жизненности упал ниже десяти. Обычно такое случается на подъезде к причалу, когда паром уже виден издали. Груз событий судьбоносного дня становится непомерным для защитных психологических барьеров, возведенных ретайрами. Ментальные баррикады, которые они строили, чтобы сохранять душевное равновесие и сосредоточиваться на сиюминутной реальности, начинают рушиться. Это все равно что смотреть на плотину, не выдержавшую напора воды.

— Отец, посмотри на меня.

Он дышит очень часто; с губ срываются утробные звуки. Одна рука вцепилась в ремень безопасности, другая легла на ручку дверцы. Мой стажер видит это в зеркале заднего вида и спрашивает:

— У вас там все в порядке?

— Малкольм Беннет, посмотри на меня, — требую я.

Я касаюсь отцовского подбородка и поворачиваю отца лицом к себе. Его широко распахнутые мокрые глаза полны ужаса. Но уже через мгновение с ним что-то происходит. На лице вспыхивает улыбка. Такой улыбки у отца я еще не видел: пре-

красная и по-детски непосредственная. Кажется, будто с внутренней стороны глаз вспыхнул яркий веселый свет.

— Проктор! — восклицает он. — Проктор, это в самом деле ты?

— Может, остановиться? — спрашивает стажер. — С вашим отцом что-то не так.

— Поезжай дальше.

— Проктор, как я рад тебя видеть! — сообщает отец и обеими ладонями обхватывает мою руку, держащую его за подбородок. Его взгляд пронзает меня, как лазерный луч. Он наклоняется вперед и, понизив голос, спрашивает: — Мы уже приехали?

— Почти.

Отец кивает:

— Очень хочется прибыть туда поскорее.

— Скоро приедем. Ты смотри только на меня, и все будет хорошо.

— Мне холодно, — объявляет отец и начинает дрожать. — Что-то я озяб.

Машина останавливается. Стажер проворно выбирается наружу и останавливается возле отцовской дверцы. На стоянке полным-полно черных лимузинов. Я по-прежнему смотрю только на отца, дабы он не ускользнул от моего

взгляда, и поэтому скорее ощущаю, чем вижу толпу собравшихся. Сюда съехались родные, друзья, знакомые, бывшие сослуживцы, чтобы проститься с теми, кто им дорог, и проводить их в новую итерацию. Над толпой возвышаются рослые охранники в синей форме и высоких кожаных ботинках.

— Сейчас мы выйдем из машины, — объясняю я отцу. — Помочь тебе выбраться?

Его лицо мрачнеет. Он тяжело качает головой:

— Этот мир — совсем не тот мир.

Положение — хуже не придумаешь. Я теряю его; он погружается в безумие.

— Отец, не поддавайся. Я же здесь, рядом с тобой.

— Ты — это… не ты.

Стажер с излишней поспешностью открывает дверцу. Подстегиваемый паникой, отец покидает машину раньше, чем я успеваю схватить его за руку. Он с удивительной силой распахивает дверцу, опрокидывает стажера на бетон стоянки и убегает.

— Че-еее-рт!

Я выскакиваю наружу и вижу, как отец скрывается в толпе, заполнившей причал. А этот чертов Джейсон сидит и очумело таращится на меня.

— Простите меня, директор Беннет. Он застал меня врасплох.

— Раззява! Идиот конченый!

Я бросаюсь догонять отца. Происшествие возле нашей машины не осталось незамеченным. Трое охранников тоже бегут за ним. Из толпы доносятся испуганные крики. Для наших граждан нет ужаснее сцены, чем та, что разворачивается у них на глазах. Это сродни осквернению храма. Я толкаюсь, пихаюсь и ору, чтобы меня пропустили. На причале находятся и другие паромщики — мужчины и женщины, мои коллеги, с которыми мне еще не раз придется столкнуться в коридорах нашего ведомства. Сейчас они торопливо загораживают собой других ретайров или оттаскивают их в сторону, прося не смотреть на причал.

Отец добегает до конца причала. Дальше только вода. Никуда не спрятаться, нигде не укрыться. С ревом запускаются двигатели парома, вздымая клочья пены. Паром полностью автоматизирован и способен двигаться даже без рулевого. Что бы ни случилось, он отчалит ровно в час дня.

Я не успеваю подбежать к отцу первым, это делает один из охранников: молодой, сильный, полный служебного рвения. Под синей форменной рубашкой перекатываются накачанные

мускулы. На кожаном поясе позвякивают атрибуты его должности: наручники, электрошокер и длинная выдвижная дубинка. С какой стати этому парню замечать, что я сдернул с пиджака свой жетон паромщика и размахиваю им над головой, что я — управляющий директор? Ему нет дела до моих приказов остановиться. Он, словно пес, сорвавшийся с поводка, целиком находится во власти своих инстинктов. Охранник вырывается вперед, догоняет моего отца, а когда тот поворачивается к нему, ставит ему подножку и падает вместе с ним. Еще через мгновение охранник выхватывает электрошокер и приставляет к горлу жертвы.

Слышится отвратительный треск.

По телу отца пробегает судорога; оно нелепо изгибается и оседает на бетон, словно проткнутый воздушный шарик. То, что происходит дальше, — всплеск безрассудного насилия. Мне не удержаться, хотя я и сознаю, что потом буду мучиться из-за этого. Каждое мое движение фиксируется камерами дронов, зависших над причалом. Я нагибаюсь, хватаю охранника за ремень, оттаскиваю от отца и делаю локтевой захват, зажимая горло ретивому молодцу, надавливая ему на сонную артерию. Охранник

пытается сопротивляться, царапает мне руки, но я застал его врасплох. К тому же я не слабак. Его жизнь ничего не значит для меня. Если ему суждено умереть, так тому и быть. Боковым зрением замечаю, что двое других охранников стоят неподвижно. Наверное, все-таки увидели мой жетон (сейчас он где-то валяется). А может, оба слишком ошеломлены, чтобы вмешиваться.

Здравомыслящему началу во мне удается одержать верх. Я отпускаю охранника, тот сползает на бетон и вырубается. Меж тем смятение не помешало ретайрам подняться на борт парома. Раздается зычный гудок — сигнал трехминутной готовности. Я опускаюсь на колени перед отцом. Его глаза открыты и непрестанно моргают. На лбу, вдоль кромки волос, проступила кровь. Один рукав блейзера оторван у плеча. По брюкам расползается пятно мочи. Каким тщедушным и надломленным выглядит он сейчас! В последнюю минуту у него отняли человеческое достоинство. Осталась лишь хрупкая, ветхая, изломанная оболочка. Он шевелит губами, силясь что-то произнести. Я наклоняюсь ниже.

— Ораниос, — произносит отец.

Слово совершенно незнакомо мне. Наверное, это даже не слово, а набор слогов — бред угасаю-

щего сознания.

— Отец, посмотри на меня.

Я подсовываю руку под его затылок, другой поддерживаю ему подбородок, поворачивая отцовское лицо ко мне и сознавая природу этого жеста. Мы поменялись местами: я стал родителем, а он — ребенком. Еще одно унижение, от которого я не смог его уберечь. Снова звучит гудок, на этот раз дважды. Остается две минуты.

— Разве ты не видишь? — спрашивает он. — Это все… Ораниос.

Я поднимаю голову. Мой стажер подошел к застывшим охранникам. На лице — полное непонимание и шок. Мне никак не вспомнить его имя, хотя менее часа назад он представлялся моему отцу. Парню явно не по себе, но мне сейчас не нужна его помощь. Я осторожно поднимаю отца на ноги, кладу его левую руку себе на плечо и наполовину тащу, наполовину несу его к парому. Я чувствую себя тошнотворно; руки и ноги превратились в желе.

— Ораниос, — бормочет отец. — Ораниос, Ораниос, все Ораниос…

Мы добираемся до сходней. С палубы на нас глазеют ретайры. Стоит зловещая тишина; кажется, даже небо, готовое пролиться дождем, насмехает-

ся надо мной. Я несу отца на борт. Поднялся ветер; волны ударяют в корпус парома, отчего канаты скрипят в местах крепления. Палуба качается. Я усаживаю отца на скамейку и опускаюсь перед ним на корточки. Кто-то протягивает мне бутылку с водой. Я отвинчиваю крышку и подношу бутылку к губам отца. Ему удается сделать маленький глоток; вода капает с подбородка.

Три коротких гудка. Еще полминуты, и паром отчалит. Полминуты, за которые надо сказать последние слова. А я не знаю, о чем говорить.

— Проктор!

— Да, отец. Я здесь.

— Мне страшно.

Отец дрожит. Двигатели пока работают на холостом ходу. Я беру отца за руку и держу. Начинается обратный отсчет. Десять. Девять. Восемь.

— Понимаю, — говорю я.

— Я не хотел… не хотел ее забыть.

Секунды, которые совсем не напоминают секунды. Они растягиваются вокруг нас, словно мехи громадного космического аккордеона, внутри которых заключено бесконечное пространство. Во всяком случае, мне так кажется. Это пространство откровений, и я получаю свое: есть только один способ помочь отцу, сделав то, чего

я никогда не делал. Я целую его в лоб.

— Я люблю тебя, — говорю я ему.

Семь. Шесть. Пять. Двигатели переходят на рабочий ход. Сходни автоматически втягиваются в корпус. Мне придется прыгать.

— Прости, но мне пора.

Четыре. Три. Два.

Один.

Паром отчаливает.

Течение времени — нечто загадочное. Кажется, я только что стоял на палубе парома, а сейчас уже стою на причале. Паром тает в сером пространстве воды и неба. Провожающие расходятся, пока на причале не остается никого, кроме меня. В какой-то момент я сознаю, что объект наблюдения скрылся из поля зрения. Паром со всеми пассажирами ушел в запредельную даль.

С другого конца причала в мою сторону движутся четверо. Первый — мой стажер, чье имя я вдруг вспоминаю: Джейсон. За ним идут двое охранников, по очереди помогая третьему, которого я едва не задушил. Сунув руки в карманы, я жду, когда они приблизятся.

Джейсон держит мой жетон. Подойдя, молча отдает его мне. Охранники проходят мимо, явно надеясь, что я их не остановлю. Напрасно. Я велю

им остановиться.

У меня нет желания вредить им. Острота момента прошла. Но и оставлять инцидент безнаказанным я тоже не хочу.

— Касается всех троих.

Они виновато смотрят на меня. Я уже не вижу в них злодеев, какими они казались мне десять минут назад. Обычные парни, сознающие, что накосячили.

— Вы уволены.

Мы с Джейсоном возвращаемся к машине. Я усаживаюсь на переднее сиденье. Он спрашивает, куда ехать. Отвечаю, что на работу. Мне нужно составить отчет о происшествии. С такими делами лучше не тянуть, пока подробности еще свежи в памяти. Меньше всего мне хочется, чтобы мой рассказ хоть в чем-то расходился с записями камер.

— О чем говорил ваш отец? — спрашивает Джейсон.

«Этот мир — совсем не тот мир. Ты — это не ты». Фразы кажутся мне лишенными контекста, они сиротливо плавают, как атомы в вакууме. Но последовательность их произнесения порождает цепочку мыслей. Правда, мысли связаны лишь друг с другом. «Ораниос. Это все Ораниос».

Что такое Ораниос?

К площади Просперити едем молча. Пешеходов стало меньше: обеденный перерыв закончился, а дождь, наоборот, вот-вот начнется. Стоит мне подумать о дожде, как небеса посылают подтверждение. В небе над гаванью сверкает молния. По крыше машины ударяет несколько капель, а затем дождь начинается по-настоящему: теплый, колючий тропический ливень, заставляющий последних пешеходов спешно искать укрытие. Навесы витрин кафе. Двери офисов. Павильончики автобусных остановок. Особо стойкие продолжают идти, держа над головой портфели и газеты. Приятное зрелище, пробуждающее чудесные воспоминания. Дождливое утро, когда мы вместе с мамой собираем картину из фрагментов, и моя радость, когда я нахожу нужный кусочек, на котором изображено небо. Послеполуденный час, когда после школы я зашел к приятелю и, возвращаясь от него домой, попал под ливень. Я не стал прятаться, а стоял, запрокинув голову, и наслаждался дождевыми каплями, бившими по лицу. Еще одно воспоминания из времен, когда мы с Элизой только поженились. После близости мы уснули, но среди ночи нас разбудила гроза. Повинуясь ее магии, мы молча взглянули друг на

друга и снова занялись любовью под шум дождя.

Я велю Джейсону остановиться.

— Прямо здесь? Но снаружи такой ливень.

— Подрули к тротуару.

Он подруливает и останавливается.

— На сегодня твоя работа закончилась. Отдыхай.

— А как же отчет?

— Подождет. — (Джейсон молча смотрит на меня.) — Все нормально. Ты отлично поработал. Пока.

Я вылезаю. Машина уезжает. Мой костюм мгновенно промокает. Пешеходы, спешащие мимо, бросают на меня косые взгляды, полные любопытства. Недоверчиво смотрят те, кто нашел пристанище под навесами и за стеклянными дверями. Кто этот человек, стоящий под дождем? Что с ним? Никак он спятил?

Новости распространяются быстро. Пройдут считаные часы, от силы день, и весь город узнает о происшествии на паромном причале. А пока для всех этих людей я никто, что вполне устраивает меня. Я бреду по тротуару, подняв воротник и понурив плечи: ни один человек не увидит, как я плачу.

3

Тия знает: ее поездка — не самая умная затея.

На Просперити она садится в автобус до узловой станции. Гроза промчалась, и город снова залит солнцем. Тропические лучи ослепительно отражаются от луж на тротуарах, окон зданий и листвы деревьев, с которой вовсю капает. На станции она ждет минут пять. Подъезжает автобус, идущий прямо в Аннекс, и Тия садится в него. Едва она заходит в салон, как пассажиры поднимают на нее глаза и быстро отводят взгляды. Тия садится на одно из передних мест. Разговоры вокруг нее затихают почти до шепота. Салон заполнен не более чем наполовину. На сиденьях развалились мужчины в рабочей одежде. От них исходит резкий запах пота. Простая белая одежда женщин говорит о том, что они работают служанками или кухарками. Есть также горстка технических специалистов и клерков: у них работа уровнем повыше.

Двери с шипением закрываются, и автобус начинает спускаться по склону холма. Путь до дамбы занимает двадцать минут. Постепенно разговоры становятся громкими, как прежде.

Значит, пассажиры свыклись с присутствием Тии. Нельзя сказать, что просперианцы вообще не ездят на Аннекс. Ездят, но редко, причем только в составе группы, имея заранее известную и официально одобренную цель. Государственное расследование. Или благотворительность. (Просперианцы обожают благотворительность во всех ее видах.) Бывают и экскурсии, призванные удовлетворить нездоровое любопытство. (Участники таких экскурсий громко охают и ахают, находя «очаровательными» грязные лачуги и прочие атрибуты тамошней жизни.) Возможно, на мужчину обратили бы меньше внимания. Но чтобы просперианка без спутников уселась в автобус прямого сообщения… Тия чувствует себя ярким цветком среди грязного поля. Ее туфли на трехдюймовом каблуке и с открытыми носами совершенно не годятся для замусоренных и заплеванных улиц Аннекса, а стоимость ее сумочки, наверное, равна месячному жалованью этих людей. Что она делает в автобусе прямого сообщения? О чем думает эта женщина, отправляясь на Аннекс без сопровождения?

Автобус делает еще четыре остановки, и на каждой входят новые пассажиры. Вскоре все места в салоне заполняются — кроме того, что

находится рядом с Тией. Тем, кому не досталось места, стоят в проходе. Перед въездом на дамбу автобус притормаживает, оказываясь в очереди из автомобилей. У Тии учащается пульс, потеют подмышки, а в горле першит от сухости. Салон автобуса вдруг кажется невероятно тесным. Она не впервые едет на Аннекс и знает, как вести себя в подобных случаях, однако тело не желает подчиняться доводам разума. Постепенно их автобус оказывается третьим в очереди, затем вторым. Автобус, что был впереди, отъезжает. Теперь из окон видны шлагбаум и будка охраны. Дежурных охранников трое. На всех — обычная синяя форма. Еще двое — совершенно голые, поскольку это не люди, а роботы. На бюрократическом языке чиновников они называются «вооруженными факсимильными копиями сотрудников службы безопасности», но все зовут их безофаксами. По габаритам и внешнему виду они схожи с людьми, однако ничего человеческого в них, естественно, нет. Чисто функциональные машины со сверкающей поверхностью, пневмоприводами и мигающими сигналами датчиков. Каждое их движение сопровождается шумом.

Автобус подъезжает к шлагбауму и останавливается.

Охранник, вошедший в салон, — человек, но смахивающий на робота. Типичный представитель своей профессии. Как и у безофаксов, все в нем функционально. Ничего лишнего. Жесткие светлые волосы коротко подстрижены, лицо безжалостное, под форменной рубашкой выпирают мышцы, словно на них давит сжатый воздух. Когда он поднимался по ступенькам, его кожаные сапоги и ремень поскрипывали.

— Приготовить идентификаторы.

Бросив косой взгляд на Тию, охранник идет дальше. Он проверяет жетоны пассажиров, поднося их под луч сканера с плохо скрываемым презрением. Проверка начинается с задней части. Тия оказывается последней. Выражение лица охранника становится каким-то заискивающим, словно он хочет сказать: «Вы же знаете, сколько хлопот с этими». Но внутренняя жесткость сохраняется.

— Добрый день, госпожа. Позвольте взглянуть на ваш идентификатор. — Тия открывает сумочку и подает ему документ. Охранник сканирует его. — Благодарю, госпожа Димополус. Разрешите узнать цель вашей сегодняшней поездки на Аннекс.

— У меня своя художественная галерея. Еду по

просьбе заказчика.

— Искусство. Что-то вроде… живописи?

— Да, и весьма интересное произведение… в жанре примитива.

Услышанное изумляет охранника.

— Примитива, — повторяет он. — Бьюсь об заклад, они на большее не способны. — Он возвращает Тие идентификатор. Они вроде как подружились. Игроки одной команды. — Хотите, я позвоню и попрошу выделить вам сопровождающего?

— Очень любезно с вашей стороны, но это лишнее.

Охранник смотрит на нее с тревогой:

— Если передумаете, по приезде обратитесь к местной охране. И я бы не советовал задерживаться там после наступления темноты.

— Благодарю вас, господин полицейский. Задерживаться там я не собираюсь.

Поездка по дамбе занимает три минуты. За это короткое время один мир сменяется другим: просторная, ухоженная Проспера — тесным Аннексом. Тия вместе с другими пассажирами покидает автобус и идет по улице. Даже погода здесь кажется иной. Солнечный свет безжалостен. Унылые бетонные дома с тесными квартирами;

людный рынок, где продаются второсортные товары, а под ногами покупателей вечно толкутся оравы детей. Ступеньки тротуаров и перекрестки с праздно стоящими мужчинами, которые провожают ее взглядом.

Здесь грязно. Здесь опасно. Но это живое место. Такое слово приходит Тие на ум, когда она думает об Аннексе. Этот маленький остров — живой.

Тут ей попадается на глаза начальная буква другого слова, которое написано на стене дома. Вся надпись растянулась футов на шесть. Возле стены стоит охранник и следит за тем, как двое рабочих в комбинезонах пытаются соскрести надпись щетками на длинных ручках. Рядом — ведро с моющим раствором, куда они постоянно обмакивают щетки. Напрасные усилия. Стена сложена из пористого кирпича, и краска успела проникнуть в поры. Те, кто оставил надпись, на это и рассчитывали. Кончится тем, что стену заново покрасят.

Что все это значит? Тия слышала разные истории на этот счет. Да и кто их не слышал? Если где-нибудь собирается больше двух просперианцев, разговор обязательно заходит об этом. О слугах, которые вдруг начали часто болеть. О поредевших бригадах дорожных рабочих. О том,

что дворники, садовники и повара выполняют свои обязанности спустя рукава. Это пока еще не всеобщая забастовка, а лишь «замедление». Никто не знает, как все это началось и даже когда именно.

— Приветик, богатенькая госпожа.

Мальчишка внезапно появляется перед Тией и начинает идти рядом. Черная грива нечесаных волос, босые ноги заляпаны грязью, на физиономии — лукавая улыбка. На вид ему лет десять, хотя вполне может быть и тринадцать. Тия знает: мальчишка — не более чем затравщик, а где-то поблизости затаились его дружки.

— Ты прасси?[4] — спрашивает он.

Тия не замедляет хода. Мальчишка упрямо идет рядом и пританцовывает.

— Можешь сказать своим приятелям, что я их вижу.

— Приятелям? Каким приятелям? — Продолжая улыбаться, он слегка кланяется. — Антон Джонс, к вашим услугам.

— Понятно. И какие же услуги ты оказываешь?

— Любые, какие тебе понадобятся! Антон сделает что угодно.

---

[4] Примечания: 4

Прасси — презрительная кличка просперианцев, бытующая на Аннексе.

— Наверняка за соответствующую плату.

Мальчишка таращит глаза:

— Никакой платы! Только добровольное пожертвование. Приму с благодарностью.

Они доходят до конца квартала.

— Знаешь, у меня есть для тебя поручение. За мной следует мужчина. Только не пялься на него. Он в синей куртке и солнцезащитных очках.

Антон оборачивается:

— Этого у нас все знают. Хэнсон его фамилия. Он тут большой «прыщ».

«Прыщ». Жаргонное словечко, обозначающее агента Службы общественной безопасности. Сами они любят называть себя «Стражами социального спокойствия». Сокращенно «три-эс». Он увязался за Тией, как только она вышла из автобуса.

— Меня не волнует, кто он такой. Но я хочу, чтобы ты и твои дружки отвлекли его. За эту услугу я заплачу тебе десять долларов.

— Двадцать пять.

А этот Антон — парень не промах. Они приближаются к большому перекрестку. Пора действовать. Тия лезет в сумочку и достает деньги.

— Двадцать. Окончательное предложение. По рукам?

Мальчишка хватает деньги и, присвистнув, исчезает. Тия не оглядывается. На углу она ускоряет шаги, сворачивает направо, затем налево и ныряет в переулок, который выводит на небольшой рынок, кишащий народом. Одни просто смотрят на Тию, другие отходят в сторону, давая ей пройти. Тия сворачивает в другой переулок, где лежит тень от высоких зданий. Пройдя его наполовину, она останавливается возле тяжелой стальной двери, вмурованной в кирпичную стену, трижды стучит в дверь, выжидает несколько секунд и стучит еще два раза. Слышатся звуки отодвигаемых засовов. Дверь приоткрывается на длину цепочки. В узком проеме появляется мужское лицо.

— Я ищу Стефано.

— Кто такая?

— Меня послала Матерь.

Дверь закрывается. Хозяин сбрасывает цепочку и снова открывает дверь.

— Входи быстрее, — велит он.

Тия входит в небольшую комнату с единственным окном. Стекло в нем армировано проволочной сеткой. В углу койка, на которой спит хозяин, а рядом — что-то вроде кухонного закутка с электроплиткой.

— За тобой был хвост? — спрашивает мужчина: коренастый, мускулистый, с гладко выбритой головой и тяжелыми веками.

— Был, с самой остановки. Но на рынке я отвязалась от него.

— Что тебе нужно?

— Одежда и идентификатор.

— Сейчас посмотрю, что у меня завалялось.

Пока Тия раздевается, хозяин комнаты роется в ящике. Тия выбирает хлопчатобумажные брюки с завязками на поясе, просторную блузку и кожаные сапоги. Одежда далеко не новая; такую носят на работе, где приходится потеть. Запах пота сохранился до сих пор. Тия захватила с собой кое-что из косметики: красный и пурпурный карандаши для оконтуривания глаз, жидкость телесного цвета для обесцвечивания губ, желтоватую пудру, делающую лицо более смуглым. А вот волосы с каскадной стрижкой и слегка высветленными прядями можно лишь спрятать под мужской кепкой.

— Ну как? — спрашивает она.

Мужчина оглядывает ее:

— Старайся не поднимать голову, и все будет тип-топ. Теперь надо сделать снимок.

Тия встает у стены, завешенной белой просты-

ней. Мелькает вспышка, и из нижнего отсека фотокамеры выползает готовый снимок. Мужчина уходит в соседнюю комнату и вскоре возвращается с новым идентификационным жетоном, еще теплым после ламинатора. Тия прикрепляет жетон к блузке и открывает сумочку.

— Ты знаешь Старину Фреда? — спрашивает мужчина.

Тия кивает. Старину Фреда знают все.

— Я оставлю твои вещи под его лотком.

Этим он дает понять: не возвращайся сюда. Он провожает Тию до двери и снова отодвигает засовы.

— Прибытие грядет, — говорит он.

— Прибытие грядет, — отвечает Тия.

Тия идет, опустив голову, стараясь не попадать в поле зрения дронов и камер. Тот мужчина больше не следит за ней. Она выбирает кружной путь и, когда добирается до нужного места, замечает, что тени домов стали длиннее. Она находится вблизи гавани на востоке острова. Воздух насыщен запахом рыбы. У причалов покачиваются лодки. Рыбаки перегружают дневной улов в корзины. Что-то останется на Аннексе, но лучшая часть отправится на Просперу, где рыбу разделают, приготовят и станут подавать на красивых

фарфоровых тарелках — на квартирах, в частных домах и в залах ресторанов.

Тия вынимает из стены кирпич, достает ключ и открывает дверь. После унылой серятины улиц Аннекса комната кажется джунглями, сияя разнообразием красок и форм. Все стены увешаны большими живописными полотнами. Часть холстов прикреплена к мольбертам, расставленным повсюду. Манера письма — свободная и дерзкая, эмоциональная и в то же время говорящая о том, что художник прекрасно умеет владеть собой и следовать изначальному замыслу. Покой после ливня. Тоска по кому-то, ушедшему очень давно. Искра первой ошеломляющей любви.

— Паппи! — зовет Тия. Перед мольбертом в дальнем конце комнаты сидит старик, почти упирающийся в холст лицом. Он настолько поглощен работой, что не замечает гостьи. — Паппи, это я.

Он выходит из творческого транса и поворачивается к ней. Лицо старика остается неподвижным.

— Тия?

Его глаза похожи на мутные шарики, остатки седых волос всклокочены. Тия подходит и тепло обнимает его.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает он, и

его неподвижное лицо расплывается в улыбке.

— Странно слышать от тебя подобный вопрос.

— Полагаю, ты приехала повидаться с Матерью, — говорит Паппи. — Увы, ее здесь нет.

— Вообще-то, я приехала купить что-нибудь из картин. — Это шутка, но лишь отчасти. — Поверь, я сделаю тебя богатым. — Тия всматривается в холст. — Смотрю, ты снова взялся за лица.

К этой теме он возвращается снова и снова. Впрочем, «тема» — неподходящее слово; картины Паппи не имеют тем. Правильнее назвать это «присутствием»: лежащий на глубине слой, который едва проглядывает из-под поверхности произведения. Лица в воде. Лица в облаках. Лица на стенах домов. Целая нить лиц, вплетенная в ткань мира.

— Расскажи, что́ ты здесь видишь.

Они постоянно играют в эту игру. Тия смотрит на картину; ее глаза скользят по поверхности холста, впитывая заложенные художником чувства.

— Уединенность, — подумав, говорит она. — Нет, не то. Одиночество. Но особого свойства. Ты просыпаешься посреди ночи, а все остальные продолжают спать. Угадала? — спрашивает Тия, глядя на Паппи.

— Ты всерьез почувствовала это? Я думал, что

просто валяю дурака. Обещай, что останешься на обед.

— Я должна уехать до наступления темноты.

— Тогда мы пообедаем раньше обычного.

Надо бы отказаться. Времени мало. Но она не может заставить себя сказать «нет». Ну что случится, если она останется на обед? Одна мысль о совместном обеде доставляет ей радость, какой она не испытывала месяцами.

— Там будет видно, — говорит она, целуя старика в лысину.

Паппи улыбается. Вопрос с обедом решен.

— Тия, дорогая, знала бы ты, как братья и сестры обрадуются твоему приезду.

Она выходит через другую дверь и попадает в очередной переулок, поросший сорняками и заваленный мусором. Пройдя его до конца, она толкает очередную дверь и входит внутрь. Запах здесь ощущается еще сильнее; когда-то в этом помещении разделывали рыбу. Длинные металлические столы, предназначенные для резки и потрошения, сдвинуты к стенам. У задней стены есть люк заподлицо с полом. Тия открывает его и спускается в подвальный коридор, освещенный тусклой лампочкой. На стенах проступает влага; пахнет плесенью и сырой землей. Она подходит к

двери, над которой висит камера, направленная вниз. Тия стучится в дверь и поднимает голову, показывая себя камере.

— Кого там еще принесло? — спрашивает бесплотный голос.

— Квинн, да открой же. Не видишь, что ли?

— Обожди секунду.

Секунда растягивается до двух минут. Когда Тия уже начинает терять терпение, дверь открывается.

— Ну и ну, — говорит Квинн. — Смотрю, приоделась.

Сам он выглядит так себе. Квинну за сорок. Бледная кожа, вечно прищуренные глаза и неухоженная борода. Словом, у него вид некогда привлекательного мужчины, измученного затяжной болезнью.

— Это все, что ты можешь сказать? — удивляется Тия. — Я думала, мы друзья.

— А ты не слышала, что заводить друзей опасно? Тебя вызвала Матерь?

— Нет, сама приехала. Сегодня было происшествие на паромном причале.

Квинн открывает дверь шире, пропуская ее внутрь.

— Давай посмотрим, что́ у тебя есть.

Пространство, куда попадает Тия, разделено на клетушки. Комнатенка с двухъярусными кроватями для членов движения. Кухонька, одновременно служащая лазаретом. И центральная комната, известная как «логово». Ее площадь — не более пятидесяти квадратных футов, но это средоточие движения, кора его мозга. Комната и выглядит как обиталище искусственного мозга. Она заставлена терминалами, пультами с сигнальными лампочками и переключателями; многочисленные кабели убраны в самодельные трубки, тянущиеся по стенам, полу и потолку. О назначении половины или даже большей части оборудования Тия не знает.

— Ты можешь найти записи с дронов, которые висели над причалом?

— В какое время?

— Незадолго до часа дня. Скажем, в двенадцать пятьдесят.

Квинн усаживается за терминал. Его ладони замирают над клавиатурой. Он похож на пианиста, готового вызвать бурю звуков. Потом пальцы Квинна начинают бегать по клавишам, только вместо звуков он извлекает данные из Центральной информационной системы: на черном экране появляются ряды ядовито-зеленых букв и цифр.

— Зацепил, — объявляет Квинн.

На экране появляется окно с видеозаписью. Причал, вид сверху. Люди, поднимающиеся на борт парома. В правом верхнем углу отмечено время съемки — 12:53.

Квинн подается вперед и тычет пальцем в левый нижний угол.

— Это ты? — спрашивает он Тию.

— Ага.

— Что ты там делала?

— Пошла прогуляться в обеденный перерыв. — Она пожимает плечами. — Я иногда хожу туда.

— Нездоровый выбор места для прогулок.

— Какой есть. Смотри дальше.

В левой части экрана появляется фигура. Это мужчина. Он неуклюже бежит по причалу. За ним мчатся трое охранников с электрошокерами, а чуть поодаль — мужчина в темном костюме. Дрон поворачивает камеру, сосредоточивается на преследуемом и включает приближение. Достигнув конца причала, мужчина поворачивается к преследователям и поднимает руки, стараясь защититься от них, но первый охранник опрокидывает его на бетонный причал и приставляет к горлу шокер. Тело жертвы напрягается и обмякает.

— Прыткий парнишка, — замечает Квинн. — Разве его не учили уважать старших?

Запись продолжается. Подбегает паромщик, хватает охранника за ремень и делает локтевой захват.

— Так-так, — бормочет Квинн, постукивая по стеклу монитора. — Сдается мне, что он сейчас задушит охранника.

Похоже, Квинн прав. Через несколько секунд тело охранника становится ватным. Паромщик отпускает его горло, и тот сползает на бетон.

— Они все спятили, — усмехается Квинн.

Паромщик опускается на колени и приподнимает голову старика. Его движения становятся совершенно иными, в них ощущается нежность и даже любовь. Глаза старика открыты и смотрят в небо; его губы начинают шевелиться.

— Останови запись, — просит Тия.

Квинн нажимает клавишу.

— Это тот, о ком я подумал? — спрашивает он, поворачиваясь к Тие.

— Да. И еще кое-что. По-моему, паромщик — его сын.

— Обалдеть!

— Можешь включить звук? Мне нужно услышать, о чем говорит старик.

Квинн отматывает запись до того момента, когда паромщик опускается на колени, затем включает аудиоканал и вновь запускает видео. Слова тонут в хаосе фоновых звуков: криков толпы, гула двигателей парома, шума ветра, несущего грозу.

— Можно как-нибудь подчистить звук? — спрашивает Тия.

Еще три прокрутки. С каждым разом звук улучшается, но незначительно. Слов старика по-прежнему не слышно. Квинн откидывается на спинку вертящегося кресла и устало потирает лоб.

— Слишком много фоновых шумов.

— Повтори снова, но медленно. Кадр за кадром.

Квинн выпрямляется и начинает покадровое воспроизведение.

— Гляди-ка. — Он указывает на рот старика. — Это «о».

— Точно «о». Продолжай.

— Это «а»? — спрашивает Квинн.

— Нет, — мотает головой Тия. — Видишь, как он напрягает челюстные мышцы?

— Будь по-твоему. Тогда что?

— Это «р». «О», «р», затем «а».

Квинн пристально смотрит на нее. Оба молчат.

— Чертовщина какая-то, — бормочет он.

Они продолжают покадровый просмотр, но оба и так догадались, какое слово произносит старик.

О-Р-А-Н-И-О-С.

Ораниос.

— Я годами пытаюсь перевалить через эту преграду, — говорит Квинн. — И вдруг появляется некий старик и как ни в чем не бывало произносит слово вслух.

Они сидят на кухоньке и пьют чай. У них за спиной открывается дверь. Это Джесс.

— Тия! — радостно восклицает она.

Тия встает. Женщины обнимаются.

— Матери здесь нет, — сообщает Джесс.

— Мне уже сказали.

Они размыкают объятия. Тия смотрит на подругу. Десять лет назад, когда они познакомились, Джесс поразила ее своей эффектной внешностью. Пожалуй, тогда эта женщина легко бы сошла за просперианку. Красота Джесс никуда не исчезла, но лицо стало худощавее и жестче. Лицо женщины, в чьей жизни много чего произошло; женщины, живущей верой. Волосы, когда-то

длинные, теперь коротко подстрижены.

— А ты как? — спрашивает Джесс. — Все в порядке?

Тия пожимает плечами:

— Раз в неделю хожу на лицевой массаж. Разрабатываю левую руку.

— Тебя вызвала Матерь? — спрашивает Джесс.

— Нет, я приехала сама. Кое-что случилось. Тебе стоит посмотреть.

Они возвращаются в «логово», и Квинн показывает запись с камеры дрона.

— Вот здесь. — Квинн стучит ногтем по экрану. — В этот момент он и произносит…

Джесс плюхается в кресло.

— Боже милостивый. Как ты сумела узнать? — спрашивает она, глядя на Тию.

— Я там была. Видела все собственными глазами. И не только я. Зрителей хватало. Думаю, половина острова уже знает.

Джесс переводит взгляд на Квинна. Тот понимает намек.

— Я буду следить за трафиком, — обещает он. — Вскоре мы обязательно что-нибудь узнаем.

Джесс вновь поворачивается к Тие:

— Что еще известно об этом паромщике?

— Квинн добрался до его личного дела. Этот

человек начал работать в Департаменте социальных контрактов сразу после окончания университета. Сейчас он занимает весьма высокую должность: управляющий директор Шестого округа. Возможно, пойдет на повышение, учитывая связи его жены.

— Да? А кто его жена?

Тия называет имя.

— Семейство — первый сорт, — произносит Джесс с нажимом. — Что-нибудь еще известно?

Тия пожимает плечами:

— Их брачный контракт длится уже восемь лет, но они так и не взяли питомца. Довольно странно, учитывая их положение.

— Успешная парочка, где каждый зациклен на карьере, — предполагает Джесс. — Им не до питомцев.

— Может, и так, а может, у них не все гладко на семейном фронте. Допустим, охладели друг к другу.

— Интересно, о чем еще мог бы сказать этот старик.

— Он был под наблюдением? — спрашивает Тия.

— Был, но давно, — подумав, отвечает Джесс. — Думаю, за ним следила повариха. Несколько лет

назад он уволил ее. И Матерь отступилась.

— От чего?

Джесс пожимает плечами: «Откуда нам знать, почему она поступает так, а не иначе? Это ведь Матерь».

— Следовательно, мы можем лишь гадать, первый ли это его… эпизод, — говорит Квинн.

— Мы вообще ни черта не знаем.

— Расскажешь ей? — спрашивает у Джесс Тия.

— А ты сама не хочешь рассказать? — Не дождавшись ответа Тии, Джесс снова пожимает плечами. — Да, расскажу.

— Тогда что требуется от меня? — задает новый вопрос Тия.

— Надо подобраться поближе к этому паромщику, — недолго думая, отвечает Джесс. — Узнать, что известно ему.

— Согласна.

— Квинн, что скажешь?

Глядящий на экран Квинн пожимает плечами:

— Надо придумать то, что можно пустить в дело.

Джесс внимательно смотрит на Тию:

— Простите за банальность, но я все-таки скажу. Мы — не единственные, кто просматривает эту запись. Люди из «три-эс» тоже сунут сюда

свой нос, особенно если учесть, что происходит сейчас.

— По пути я увидела это словечко на стене дома. Почти у самой остановки. Такое трудно не заметить.

— И эта надпись — далеко не единственная. Они появляются повсюду.

— Известно хоть, кто этим занимается?

Джесс недовольно морщится:

— Насколько мы знаем, из нашего движения — никто. Во всяком случае, никто не берет на себя ответственность. Но кем бы ни были эти ребята, хлопот от них больше, чем пользы. Власти не станут смотреть сквозь пальцы на их художества. Ответные меры последуют как пить так. И тебе надо смотреть в оба.

— А то я не смотрю.

— Предупредить никогда не лишне. — Джесс делает затяжной вдох и такой же выдох. — Поверить не могу. Этот паршивый Ораниос.

А затем Тия на час ощущает себя частью семьи.

За столом собрались все братья и сестры. Разумеется, между ними нет кровного родства. Изгои общества, дети улицы. Они приходят и уходят, их число постоянно меняется. На одном конце стола

восседает Паппи, на другом — его жена Клэр: щедрая, властная и хлопотливая женщина. Она — словно теплый очаг, вокруг которого собираются все. Ни один рот не закрывается, отчего за столом стоит гвалт. Последним прибегает Антон, который садится рядом с Тией.

— Поверить не могу, что ты пытался запудрить мне мозги, — говорит ему Тия.

— А я что, не отвлек внимание «прыща»? — Мальчишка улыбается во весь рот. — И потом, я же был не один. Все должно выглядеть как надо.

— Ты меня за дурочку принимаешь?

— Твои слова, просси, не мои.

— Буду тебе признательна, если ты перестанешь называть меня этим словечком.

Паппи стучит черешком ножа по стакану с водой, утихомиривая собравшихся.

— Всем закрыть рты. Вы же знаете правило.

Все соединяют руки, образуя живой круг. Справа от Тии сидит Антон, слева — Квинн. Напротив нее — Джесс. Тия склоняет голову и закрывает глаза.

— Великая Душа, создательница земли и небес, благодарим тебя за милосердие и неустанную заботу. В особенности за то, что сегодня ты привела к нашему столу Тию. Она — одна из самых

смелых твоих служительниц; сестра, стремящаяся познать всю полноту твоего Совершенного Замысла. Пусть твои руки оберегают ее, дабы она и дальше выполняла свою жизненно важную работу. И да свершится Прибытие.

— И да свершится Прибытие, — разноголосо подхватывают собравшиеся.

Паппи поднимает голову и улыбается.

— А теперь, вознеся хвалу, перейдем к трапезе, — говорит он.

На столе — простая пища Аннекса: теплые караваи грубого хлеба, тушеная капуста с корнеплодами, графины с водой, куда добавлены ломтики лимона и апельсина. Пока еду раскладывают по мискам, Тия задает себе всегдашние вопросы. Пробудила ли молитва в ней определенные чувства? Почувствовала ли она хоть что-нибудь? Она тронута и даже немного ошеломлена словами Паппи, но неужели все это — лишь ее эмоции? Тия не причисляет себя к истинно верующим. Совсем нет. Она много раз пыталась силой привести себя к вере, надеясь, что это принесет ей душевное успокоение, укажет жизненный путь, избавит ее от гнетущего чувства внутренней опустошенности. Но все ее искренние усилия оказались безрезультатными.

Вот в живопись Паппи она верит. Судя по его картинам, он проникает в более глубокие пласты жизни. Будто нет ни холстов, ни красок, а каждая картина — окно, за которым мир предстает таким, каков он на самом деле. Паппи изображает реальность без прикрас.

Но Тия тут же прогоняет эту мысль. Может, Совершенный Замысел существует, а может, нет. Зато есть спасительный круг людей, собравшихся здесь. Слабый, почти электрический импульс, перебегающий от руки к руке. Это единственное счастье, доступное ей. Здесь, за общим столом, она счастлива. И это непреложная правда.

— Сбавь обороты, Антон. У тебя потом живот разболится.

Мальчишка соорудил из хлеба подобие черпака и торопливо поглощает содержимое миски. Тия не успевает глазом моргнуть, как он съедает все подчистую.

— Возьми мою, — говорит она, придвигая к нему свою миску.

— Тебе такое не по вкусу? Наверное, у себя одни пирожные лопаешь.

— Ошибаешься, Антон. Еда у вас очень вкусная. Просто я не голодна.

Мальчишка принимается за вторую порцию,

при этом говоря с набитым ртом:

— Да пошутил я. Не волнуйся. Ты же одна из нас.

Час за столом проходит почти незаметно. Тия отправляется на кухню — помочь с мытьем посуды. Клэр отводит ее в сторону.

— У тебя действительно все в порядке? — спрашивает Клэр. — Я беспокоюсь за тебя. Паппи тоже.

Они несут к раковине новую стопку тарелок.

— У меня все в порядке. Честное слово.

— Тия, я же тебя знаю. По лицу вижу.

— И что ты видишь?

Клэр отряхивает мокрые руки и пристально смотрит на Тию.

— Что вижу? Утомление. Беспокойство. Одиночество. Не знаю, почему Матерь заставляет тебя всем этим заниматься, но чем меньше я знаю, тем лучше. Может, настало время пожить своей жизнью? Ты честно заработала это право.

— Я ей нужна.

— Не сомневаюсь. Ты всем нам нужна, Тия. И прежде всего — Паппи. — Клэр испытывает чувство вины, отражающееся на ее лице. — Прости, наговорила лишнего, — спохватывается она.

— Все нормально. Приятно, когда ты кому-то

нужна.

— Я лишь прошу тебя: будь осторожна.

— Поверь, я не страдаю беспечностью. Тебе не о чем волноваться.

— Нет, есть о чем. Волноваться — моя работа. — Клэр устало улыбается. — Волноваться и кормить всю нашу ораву.

Посуда вымыта. Тия прощается и сразу уходит. Сумерки вот-вот сменятся темнотой. Старина Фред уже свернул торговлю и отнес товары на склад. Тия открывает дверь склада ключом, полученным от Стефано, находит бумажный мешок со своей одеждой, быстро переодевается и спешит на остановку. Пассажиры уже садятся в последний автобус.

— Ну как, госпожа Димопулос? Плодотворно провели день?

На пропускном пункте дежурит тот же охранник. Тия смотрит на его самодовольную физиономию.

— Да, благодарю вас, — с улыбкой отвечает она. — Уверена, так и есть.

Каллиста Лэйрд председательствует в Коллегии по надзору. Ей слегка за шестьдесят. Безупречный маникюр, такой же безупречный макияж, умело сделанная прическа. На ней деловой костюм:

юбка-карандаш и жакет из той же ткани. Костюм дополняют туфли на высоком каблуке. Этот день прошел для Каллисты отнюдь не лучшим образом.

Все началось с доклада, поступившего из Министерства труда. Каллиста надеялась на хорошие новости, однако в докладе говорилось прямо противоположное. Производительность труда неуклонно падает. За минувший месяц она снизилась более чем на четыре процента. Жители Просперы начинают это замечать, а те, кого сбой еще не коснулся, вскоре столкнутся с неприглядной реальностью. На тротуарах — зловоние из-за мусора, который не убирают. На фабриках и фермах — сплошная видимость работы. В ресторанах — нехватка официантов и мойщиков посуды. Посетители вынуждены ждать по часу, пока у них примут заказ.

А теперь еще эта… отвратительная история на паромном причале.

Едва узнав о происшествии, Каллиста, как всегда в подобных случаях, наложила запрет на упоминание о нем в средствах массовой информации. Но замолчать историю не удалось. На причале было немало очевидцев, и к вечеру, знала она, это станет главной темой разговоров.

«Вы слышали?.. Как ужасно, просто шок. Удивительно, что вам еще никто не рассказал…» И жертвой инцидента стал не кто-нибудь, а Малкольм Беннет. Конечно, ему можно только посочувствовать, но невольно встает вопрос: почему его доставили к парому только сегодня? Он давным-давно должен был отправиться на реитерацию.

Постучавшись, входит секретарша:

— Госпожа председатель, прибыл министр общественной безопасности.

— Благодарю, Саша. Проводите его ко мне.

Посетителя она встречает стоя.

— Здравствуйте, министр Уинспир. Хорошо, что вы пришли.

— Не смел отказаться, госпожа председатель.

— Могу я вас чем-нибудь угостить? Кофе? Чай? Или что-нибудь покрепче?

— Благодарю вас, не сейчас.

Они рассаживаются. Каллиста окидывает Уинспира взглядом. Мужчина примерно ее возраста. Хорошо сложенный, ухоженный, с красивыми рельефными скулами. Седые волосы аккуратно подстрижены, как и бородка. Несмотря на поздний час, его костюм выглядит только что отутюженным.

— Вы наверняка знаете, зачем я вас пригласила. — (Уинспир кивает.) — Вы видели запись с камер дрона?

— Естественно.

— И больше никто не видел?

Он качает головой.

— Каково ваше впечатление?

Уинспир пощипывает бородку, явно подыскивая слова для ответа.

— Это видео… вызывает тревогу.

— Отто, давайте без обтекаемых фраз. Малкольм произнес это или нет?

— Звук очень плохой, но он вполне мог произнести. Сейчас мы опрашиваем свидетелей.

— Сколько их?

— Пятьдесят шесть, не считая ретайров. Однако в большинстве своем они были на значительном расстоянии. Вряд ли они должны беспокоить нас.

— А кто должен?

— Помимо Проктора? Прежде всего его стажер.

— Я и не знала, что Проктор взял стажера. Кто он такой?

— Джейсон Ким.

У Каллисты сводит живот.

— Этого парня только приняли на работу, —

продолжает Отто. — Фактически сегодня был его первый день.

Каллиста делает паузу. Разве кое-кто не обязан предупреждать такие происшествия?

— Госпожа председатель, с вашего позволения… — Уинспир наклоняется к портфелю и достает папку. — После просмотра видео я кое-что выяснил. Это отчет из Министерства благополучия, составленный двадцать четыре года назад. Приемные родители Проктора провели всестороннее обследование его здоровья. Незапланированное.

Для Каллисты это новость.

— Что с ним было не так?

— Он видел сны. — Уинспир раскрывает папку и кладет на стол. — И не только это. Случались приступы сомнамбулизма, во время которых он вел себя весьма настораживающим образом.

Каллиста пододвигает папку к себе и читает. «Пациент: Проктор Беннет. Возраст: И + 2. Приемные родители: Малкольм и Синтия Беннет. Показания монитора: в пределах нормы. Пациент жалуется на частые и тревожные сновидения, хотя не может вспомнить никаких характерных подробностей. Приемная мать сообщала о случаях сомнамбулизма, сопровождавшихся поломкой

предметов домашнего обихода».

— Как видите, отзвуки у Проктора появились сразу после сошествия с парома, — продолжает Уинспир.

Боже милостивый, как же они это просмотрели?

— Были ли у него рецидивы?

— Об этом в отчете не говорится. В юности подобные явления не редкость. Доктор Пэтти, которая его обследовала, не придала этому особого значения.

Каллиста встает и поворачивается к окну у себя за спиной, глядя сквозь собственное отражение. Ей видны огни города, а дальше — полоса лунного света на водной поверхности внешней гавани.

— Госпожа председатель…

Она взмахивает рукой:

— Отто, не надо формальностей. Мы слишком давно знаем друг друга.

— Хорошо. Каллиста, я знаю… для вас это очень личное. И так было всегда. Но это… это и является проблемой.

— Возможно, Малкольм просто что-то пробубнил.

— Возможно. А может, все-таки произнес то самое слово, но Проктор даже не отреагировал.

Ситуация была стрессовой. Не исключаю, что он вообще забыл об этом. Элиза рассказывала вам о чем-нибудь?

— О чем именно?

— О переменах в его поведении. Может, между ними возникли трения?

— Ни о чем подобном я от нее не слышала. И вряд ли она поделится со мной этим.

— А с ней самой все в порядке? — (Каллиста отворачивается от окна.) — Каллиста, мне неприятно лезть в чужую жизнь, но я должен постоянно быть в курсе событий. Полагаю, вы уже видели новые данные из Министерства труда?

— Как все это связано с Проктором?

— Боюсь, самым прямым образом. На Аннексе ширятся беспорядки. Эти «прибытчики»…

— Мятежники, — презрительно морщится Каллиста, взмахивая рукой. — Религиозные фанатики. В прошлом мы уже разбирались с подобной публикой.

— Верно. Отчасти этого следовало ожидать, и мы всегда сумеем навести порядок. Но есть отличие. Это мы именуем их «прибытчиками». А они высокопарно называют себя «приверженцами Учения о Прибытии». Думаю, от вашего внимания не ускользнуло, какое слово они выбрали.

— Отто, у этого слова может быть куча значений.

— Может. Но я так не думаю. И даже если меня отправят в преисподнюю, я все равно скажу: вы тоже так не думаете. Кто-то из них что-то знает. Может, пока они не догадываются, что знают, и это существует только на уровне ощущений, но зараза быстро распространяется по всему Аннексу. Поговаривают даже о всеобщей забастовке. — Отто умолкает, приваливаясь к спинке стула. — А тут еще Малкольм Беннет с его маловажным… случаем на паромном причале. Одно дело, если Проктор расскажет о нем друзьям по загородному клубу. А вот когда такие разговоры ведутся с обслуживающим персоналом, это совсем другое. И не важно, что’ именно Проктор услышал от отца или думает, что услышал. Уверен, «прибытчиков» это заинтересует ничуть не меньше, чем нас.

— Мы по-прежнему не знаем, произнес ли Малкольм это слово.

— Допускаю, что не произнес. Вопрос в том, можем ли мы рисковать.

Каллиста вновь поворачивается к окну. Какой завораживающий, какой манящий вид! Начало восьмого. Жители Просперы готовятся к вечеру:

принимают душ, одеваются, смешивают коктейли и спешат заказать столики в ресторанах.

— Я думала, может, на этот раз…

— Проблема разрешится сама собой? — заканчивает за нее Отто. — Мы оба знаем, что такого не бывает.

Какое-то время они молчат.

— Чуть не забыла. — Каллиста по-прежнему смотрит в окно. — Насколько понимаю, вы заключили новый брачный контракт. Отто, примите мои поздравления.

— Благодарю. Очень любезно с вашей стороны.

— Как я слышала, чудесная девушка. Но учтите, она молода и на нее будут заглядываться. — Прежде чем Отто успевает ответить, Каллиста снова поворачивается к нему. — Благодарю вас, министр. Ценю, что безотлагательно прибыли по моему вызову.

— Если хотите, чтобы я поговорил с нашим другом…

Каллиста жестом останавливает его.

— Это лишнее.

Уинспир смотрит на нее с бесстрастным видом. Затем встает, берет портфель (папку он намеренно оставляет на столе) и кивает:

— Разрешите откланяться, госпожа председа-

тель.

Оставшись одна, Каллиста подходит к стенному бару и наливает себе виски. Уинспир — настоящий сухарь, в его присутствии ей всегда становится тревожно. А от происходящего в Министерстве общественной безопасности делается еще тревожнее. Четкого представления о происходящем нет даже у нее.

Она возвращается за стол, садится и делает несколько глотков. Что у них намечено на вечер? Вероятно, театр или концерт. По вечерам они с мужем редко сидят дома. Наверное, сейчас Джулиан ходит взад-вперед, постоянно глядя на часы и удивляясь, почему она опаздывает.

Негромкий стук в дверь. Вновь появляется секретарша:

— Госпожа председатель, будут ли еще какие-нибудь распоряжения?

Вопрос секретарши возвращает Каллисту к реальности.

— Нет, Саша. На сегодня все. Можете идти.

— Приятного вам вечера, госпожа председатель.

Хорошая девушка эта Саша. Воспитанная, пунктуальная, донельзя сдержанная. Каллиста допивает виски. Телефон стоит рядом и словно

ждет, когда она снимет трубку. Черт бы побрал Малкольма Беннета. Черт бы побрал Отто Уинспира. Черт бы побрал Проктора и всех и вся, включая ее работу.

Она знает, как поступить. Нужно лишь решиться на это.

4

— Проктор, дорогой. Я так сочувствую тебе… — Элиза встретила меня в прихожей и сразу бросилась на шею. — Я услышала и сразу вернулась домой. Где ты был? Боже, да ты весь мокрый!

В самом деле, где я был? Такое ощущение, словно события этого дня я помню лишь частично. Помню, как вылез из машины и мгновенно промок. Помню, как дождь изменил город. А потом я шел милю за милей, не зная, куда иду. Тучи рассеялись. Свет солнца был ослепительно-ярким и обжигал мне глаза. В какой-то момент я обнаружил себя… в самом буквальном смысле; не знаю, как меня туда занесло… Я обнаружил себя у ворот Академии раннего обучения. Я стоял, а в мозгу шевелилась мысль: попала ли Кэли сегодня в школу? (И почему это должно меня заботить?) Затем, под вечер, я оказался на берегу, где мы с ней встретились утром. Пейзаж тот же, но освещение поменялось. Солнце теперь стояло у меня за спиной, и моя тень тянулась к воде. Темнеющее море, закатное небо множества оттенков, неподвижный воздух, словно природа затаила дыхание. Барашки волн, накатываю-

щих на влажный песок. «Как по-вашему, что там находится?» Я встал у самой воды и вдруг почувствовал неодолимое желание нырнуть. Я разделся до трусов, оставив промокший костюм на песке, и бросился в волны.

А теперь, когда день необъяснимым образом закончился, я вернулся домой.

— Представляю, какой ужас ты пережил, — сказала Элиза.

— Откуда ты узнала?

Едва успев задать вопрос, я понял, насколько он глуп. Элиза узнала вместе со всеми.

— Услышала от покупательницы. Тогда я еще не знала, что это ты, но потом мне позвонили с твоей работы.

— Звонившего звали Джейсон?

— Кажется, да. Он назвался твоим стажером. Я даже не знала, что ты взял стажера. — Элиза крепче обняла меня. — Главное, ты дома. Представляю, как больно тебе было видеть отца в таком состоянии. Но его хотя бы не провожал чужой человек. Это очень важно.

— Наверное, ты права.

Элиза чуть отодвинулась, и я увидел, что ее глаза блестят от слез. Не надо ли было заплакать и мне, ведь я должен быть растроган тем, что жена

так любит меня и стремится утешить в тяжелую минуту? Но мне вовсе не хотелось. Я вообще не чувствовал ничего, кроме жуткой усталости.

— Прости за утренние слова, — сказала Элиза. — Я была так резка с тобой. Проктор, мне хотелось, чтобы ты был счастлив. А потом произошло все это…

— Я на тебя не сержусь. Я тоже вел себя не лучшим образом.

Мы снова обнялись.

— Ты весь промок. Раздевайся.

Пока я раздевался, Элиза наполнила ванну. Только погрузившись в горячую воду, я по-настоящему понял, как сильно продрог, часами расхаживая в мокром костюме и хлюпающих ботинках. Я устал до мозга костей. В ванне я просидел до тех пор, пока вода не начала остывать, а когда выбрался оттуда, произошли три события, не связанные между собой. У меня прояснилось в голове. Элиза приготовила обед. (Мои ноздри уловили запах чеснока в винном соусе.) Я решил уволиться.

Быть паромщиком означало исполнять определенную роль. Наша обязанность — утешать и успокаивать. Мы стоим на страже эмоционального порядка в самые трудные и ответственные

моменты жизни ретайров. Шесть часов назад на глазах толпы испуганных очевидцев я едва не задушил охранника. Утратив самоконтроль, я в одно мгновение перечеркнул все свои принципы, опозорился сам и опозорил свою профессию. Задумавшись о последствиях, я пришел к выводу, что меня почти наверняка уволят, а если нет, то понизят в должности, и это будет еще мучительнее. Это как медленная смерть, когда от тебя каждый день отрезают по кусочку. «Вы спрашиваете про бывшего директора Беннета? Пройдите по коридору. Слева, рядом с туалетами, будет кладовка. Теперь его рабочее место там».

Такая перспектива мне совсем не улыбалась. Уж лучше броситься на меч, как делали воины в древности. Да, настало время найти себе другой род занятий. Я оделся и прошел на кухню. Элиза заканчивала приготовление обеда. Стол уже был накрыт. В канделябре горели свечи, как принято у нас в доме. На разделочном столике ожидали открытая бутылка вина и два бокала.

— Тебе лучше? — спросила жена.

— Я только в ванне понял, как сильно озяб, — кивнув, ответил я.

Руки Элизы были заняты дуршлагом.

— Налей вина, пока я заканчиваю, — сказала

она.

Я перенес бутылку и бокалы на стол. Прекрасное вино. И цвет красивый: насыщенно-красный. Его присылает подруга Элизы, унаследовавшая от родителей виноградник на севере острова. Лето там суше, чем у нас, а дожди в прохладный сезон выпадают чаще. Говорят, это благотворно действует на урожаи винограда и, соответственно, на вино. Может, мне стать виноделом?

Мы уселись за стол и какое-то время ели молча. Я не сразу понял, откуда у меня такой волчий аппетит, потом вспомнил, что с утра ничего не ел. Когда тарелка опустела, я поднял голову и увидел, что Элиза смотрит на меня нежно и заботливо. Какая чудесная, добрая женщина. Ну неужели мне этого мало? Может, такое происходит со всеми парами: брак по выбору со временем превращается в брак по привычке? Приятно было вспоминать, как она меня встретила: объятия, слова утешения, ванна, вкусный обед при свечах. Но из-за дневных событий дня все это ощущалось каким-то зыбким и ненастоящим, словно я попал в чужую жизнь или в ту, которая была у меня прежде, а не сейчас. Я подумал о Кэли. Надо же, у меня вдруг появилась юная подружка. Наверное, эмоциональная травма притупила и отодвинула

на задний план остроту этой встречи, однако наше знакомство казалось мне предвестником чего-то. Я уже собрался рассказать о ней Элизе: «Знаешь, утром я познакомился с очень интересной девочкой. Наверное, ты слышала о девочке со шрамом. Так вот, это она». Однако меня тут же пронзила неприятная мысль. Дерганый мужчина среднего возраста и симпатичная девчонка со своими тараканами в голове. Странная парочка, не правда ли? Мой интерес к ней могли истолковать превратно. Если бы мне рассказали похожую историю, я бы сделал то же самое.

— Проктор, ты где?

— Прости. — Я изобразил одну из своих фирменных улыбок: наполовину смущенную, наполовину извиняющуюся. Я часто демонстрирую ее миру. Еда на тарелке Элизы была не столько съедена, сколько передвинута с места на место. — Мысли разбегаются. День был слишком уж странным.

— Хочешь, поговорим об этом? Может, станет легче?

— Я даже не знаю, о чем говорить.

Элиза потянулась через стол и взяла меня за руку.

— Ты ведь знаешь, я хочу тебе только добра.

— Это и без слов понятно. Я тут подумал… Утром ты была права. Сегодняшний день наглядно это показал.

Ее лицо озарилось довольной улыбкой.

— Проктор, так это же замечательно. Я очень рада. И как хорошо, что ты сам заговорил об этом.

— Мне понадобится несколько недель. Возможно, месяц. Надо передать дела. Не хочу лишних хлопот для сотрудников Департамента. А когда все сделаю, попрошусь в отпуск, из которого могу не вернуться. Наверное, это будет самым красивым уходом. Никакой горячки.

Элиза согласно кивала.

— Очень здраво. По-моему, великолепный план.

— Сомневаюсь, что после сегодняшних событий кто-нибудь станет возражать. Возможно, от меня и ждут чего-то в этом роде. Я просто избавлю начальство от необходимости сказать мне это в лицо.

— Ты прекрасно справляешься со своими обязанностями. Это скажет любой. Ты сделал карьеру, достиг в ней вершины. Нет ничего постыдного в том, чтобы двинуться дальше и начать делать другую. В отпуске у тебя появится время, чтобы хорошенько все обдумать.

— В общем-то, я уже обдумал. Почему бы не попробовать себя в преподавании?

— Преподавание. — Элиза кивнула, но без энтузиазма. Наверное, она рассчитывала на что-нибудь более эффектное. — Ты говоришь о высшей школе.

— Пока не знаю. — Я действительно не знал. Преподавание. Откуда взялась эта мысль? И чему я буду кого-то учить? — Пока это просто идея.

— Может, преподавание. Может, еще что-нибудь. Главное — понять, что́ ты хочешь делать. Каково самое сильное твое желание. Вот я, например, всегда хотела быть дизайнером одежды.

— У тебя это здорово получается.

— И у тебя многое будет здорово получаться. Так что не торопись. Наслаждайся своим выбором. Торопиться некуда. — Она сжала мою руку. — И не беспокойся о мытье посуды. Я хочу, чтобы ты отдохнул.

— Спасибо. Я и вправду устал.

— Иди отдыхай. Расслабься и постарайся успокоиться.

Взяв свой бокал, я отправился в патио, чтобы допить вино, любуясь морем. Волны вздымались, словно удары сердца, питающие землю. Как странно. Прекрасный вечер, ясный и пол-

ный звезд, однако моего отца уже не было на Проспере.

Этой ночью сон был другим.

Я проснулся, увидев себя бродящим по незнакомой улице. Где я? Как оказался здесь? Вокруг ни домов, ни фонарей. На мне — халат, накинутый на голое тело. Хорошо еще, что в этом диссоциативном состоянии мне хватило мозгов во что-то одеться. Скромность безумца! По крайней мере, меня не арестуют за оскорбление общественной нравственности. Но остается другой повод: невменяемость.

Вспомнилось завершение вечера. Я допивал вино, сидя на патио. Потом пришла Элиза, взяла меня за руку и повела в постель. Плотные простыни, гладкое тело Элизы, ее мягкие губы, прильнувшие к моим. Нарастающее возбуждение, знакомый ритм движений и последующее утомление, все сильнее овладевавшее мной.

Ночной воздух был на удивление холодным. Клочья облаков окаймляли серебристый диск луны. Час явно поздний. Вокруг — ни одного знакомого ориентира. В какой стороне дом? Что, если меня видели? Как я объясню свои ночные блуждания, да еще в халате на голое тело?

Я выбрал направление и пошел. Дорогу с обе-

их сторон окружали непроницаемые стены из растительности. Время неумолимо бежало, однако я так и не мог понять, куда меня занесло. Я уже почти оставил надежду на возвращение домой, смирившись с тем, что рассвет застанет меня неведомо где, — но тут наткнулся на проезд. Глубокие колеи подсказывали: он ведет к дому, в котором кто-то живет. Мое отчаяние было столь велико, что я отважился зайти внутрь и потревожить сон хозяев.

Я углубился в гущу листвы. Вскоре деревья расступились, и я увидел дом. Света в окнах не было, но кто бодрствует в такое время? Чем ближе я подходил к дому, тем больше печальных деталей пейзажа мне открывалось. Лужайка сильно заросла. Передние окна были закрыты ставнями, водосточная труба на боковой стене накренилась, готовая отвалиться. Я нажал кнопку звонка, но не услышал звука. Вероятно, звонок был сломан. Я постучался в дверь. Тоже безрезультатно. Потом еще раз, громче.

— Эй! — крикнул я. — Есть здесь кто-нибудь?

И снова тишина. Паника внутри меня нарастала. Вдобавок я зяб все сильнее. И когда ночи успели стать такими холодными? Я дернул ручку, и оказалось, что дверь не заперта.

— Эй! Хозяева, принимайте непрошеного гостя!

В тесной передней пахло сыростью и отчасти — плесенью. Постепенно до меня дошло: здесь никто не живет. К этому времени я успел побывать в нескольких комнатах. Пустые стены и полное отсутствие мебели. Никаких признаков того, что когда-то тут жили люди. Я попытался найти телефонный аппарат, но и его, естественно, тоже не было. Судя по всему, дом пустовал уже много лет.

Из гостиной на задний двор вела раздвижная стеклянная дверь. К этому времени я уже ничего не искал и открыл дверь просто так. Я выбрался в патио. Камни пола во многих местах раскрошились. Из трещин росли сорняки. За патио лежало темное открытое пространство.

Оказалось, что это плавательный бассейн. Дно завалено мусором, сверху — слой протухшей воды толщиной в несколько дюймов.

Что здесь произошло? Куда делись жильцы? И почему от этого места веяло такой грустью и чувством невосполнимой потери? Складывалось ощущение, что жившие здесь просто сбежали.

Тогда-то я и увидел мужчину.

Он стоял на краю патио, спиной ко мне, запрокинув голову к небу, словно любовался звездами.

На нем тоже был халат. Вот удача! Собрат по несчастью, которого тревожные сны подняли с постели, и он, подобно мне, отправился бродить в ночной темноте. Моих шагов он не слышал. Я кашлянул и окликнул его:

— Прошу прощения, сэр! Может, вы подскажете, куда я забрел?

Он не ответил. Я подошел к нему сзади.

— Видите ли, я нуждаюсь в помощи. — Чтобы незнакомец не встревожился, я остановился в нескольких футах от него. — Дело в том, что я заблудился.

Молчание. Потом:

— Звезды какие-то не такие.

Странное замечание. Может, я чего-то недослышал?

— Даже не верится, что раньше я не замечал этого. А ты видишь? — Продолжая стоять ко мне спиной, он поднял руку и широким жестом обвел небо. — Звезды вообще не на тех местах.

Мне вдруг стало очень неуютно и даже страшно.

— Но ты ведь всю жизнь знал это, верно? Время проснуться и вдохнуть аромат кофе.

Он резко повернулся ко мне. Мои руки и ноги стали желейными. Силы куда-то делись. Казалось,

я завис над землей, словно воздушный шарик. Кошмар, в котором я никак не мог опуститься на землю и боялся, как бы не улететь навсегда.

Этим человеком был я.

— Ты забыл, да? — Он крепко и больно схватил меня за плечи. — Грустное ничтожество, ты успел все позабыть.

Я дрожал, не в состоянии произнести ни слова.

— Открой глаза!

— Отпустите меня, — промямлил я. — Я ничего не понимаю.

Он разжал пальцы и влепил мне пощечину. Щеку обожгло невыносимой болью.

— Открой глаза, я сказал!

Он снова ударил меня. Я скулил, как собачонка. Сил сопротивляться не было.

— Эй, соня!

И опять.

— Да открой свои чертовы глаза!

— Открывай глаза, соня.

Прохладные простыни, солнце, струящееся в глаза, лицо, склонившееся надо мной. Элиза.

— Ну наконец-то проснулся, — с улыбкой сказала она.

Я поморгал, прогоняя остатки сна. Элиза, уже одетая для работы, сидела на краешке кровати,

словно медсестра, собирающаяся измерить мне температуру.

— Который час? — спросил я.

— Около десяти.

Надо же, как я заспался. Жена давным-давно встала, успела поработать в мастерской, позаниматься фитнесом, перекусить, принять душ и одеться. А я все это время дрых. Изрядная часть утра прошла без меня.

— Я позвонила Уне и сказала, что ты неважно себя чувствуешь. Оставайся дома и отдыхай. А мне надо в город по делам.

Огненно-рыжая Уна была моей секретаршей, хотя на самом деле играла более важную роль, сравнимую с ролью первого зама. Я считал, что с ее умом и деловой хваткой заниматься секретарской работой — просто гробить себя. Год за годом я ждал, что Уна найдет себе занятие, больше отвечающее ее способностям, однако она так никуда и не ушла.

— Спасибо, — сказал я жене. — Но мне все равно нужно поехать и составить отчет.

— Проктор, ты серьезно? Уверена, что это вполне сможет сделать кто-нибудь из твоих сотрудников.

— У нас так не принято, — возразил я; Элиза

выразительно посмотрела на меня. — Хорошо. Я тебя понял. Но рано или поздно мне все равно нужно там появиться.

Кажется, мой ответ ее удовлетворил. Она наклонилась и поцеловала меня в губы. Не чмокнула, а именно поцеловала, сказав:

— Минувшей ночью ты был очарователен.

Она имела в виду секс? Или это мне тоже приснилось?

— Ты тоже.

Элиза встала с кровати. В этот день она оделась изысканнее, чем обычно: шелковая блузка кремового цвета с умеренным вырезом, короткая облегающая юбка и туфли на высоком каблуке. Женщина, одевшаяся для войны. Должно быть, ей предстояла встреча с важной покупательницей.

— Не забудь, что вечером нас ждет поход.

Я прошерстил память, но так ничего и не выудил.

— Прости, но я не помню, куда мы идем. Подскажи.

— На концерт, — вздохнула она. — С моими родителями. Неужели забыл?

Мои тесть и теща — завзятые меценаты. Опера, симфонические концерты, театры. Они заседают во всех благотворительных комитетах и полу-

чают абонементы на все спектакли и концерты, часто приглашая и нас.

— Представь себе, забыл. Еще раз прошу прощения.

— Это последствия стресса, — сказала Элиза и снова улыбнулась. — Понимаю. — Наклонившись, она наградила меня вторым поцелуем. — Я так горжусь тобой, Проктор. Мы это преодолеем. Вот увидишь, перемена пойдет тебе на пользу.

Она ушла. Вскоре я услышал скрип гравия под колесами отъезжавшей машины. Я был одновременно рад и не рад остаться один. В ванной я подключил ридер и измерил уровень своей жизненности. Семьдесят пять процентов. Не так плохо, как я опасался, и тем не менее не ахти. Ну и состояньице! Я пробудился от сна и оказался в других снах. Мысли начали тревожно ветвиться. Кто поручится, что я и сейчас не продолжаю спать?

Не буду же я до вечера валяться в постели. Я побрился, оделся, подумал о завтраке, однако сил соорудить себе что-нибудь не было. Я ограничился чашкой кофе. Едва я успел сесть за стол и сделать несколько глотков, раздался дверной звонок. Неужто Джейсон притащился? Сейчас я заверну его обратно. Оказалось, это был не он.

— М-да… — буркнула Кэли, стоявшая в проеме двери. — Вы что, совсем забыли?

Она была в желтом махровом платье, надетом поверх купального костюма, а в руке держала плетеную сумку.

— Я и не знал, что ты имела в виду сегодняшний день. Не помню, чтобы я соглашался начать уроки сегодня.

— Вы говорили, что научите меня плавать. Вот я и пришла.

— А не должна ли ты сейчас быть в школе?

— Необходимость ходить туда слишком преувеличена. — Кэли обшарила взглядом прихожую. — А где ваша жена?

— На работе.

— Чем она занимается?

— Если тебе так любопытно, она — модельер женской одежды.

— Модельер, — повторила Кэли с какой-то смешной интонацией. — В смысле, платья и прочие шмотки?

— Да. Платья и прочие шмотки.

Она равнодушно кивнула, закинула прядку светлых волос за ухо и наморщила лоб.

— Пока мы не отправились на берег, скажу вам одну штуку. Я и в самом деле боюсь воды.

— Серьезно? А почему?

Кэли склонила голову набок и окинула меня снисходительным взглядом, в котором читалось: «Боже, какие нелепые вопросы задают эти взрослые. И почему только им позволено всем распоряжаться?»

— Понятия не имею, господин паромщик. Может, потому, что вода хочет меня утопить.

— Океан вообще ничего не хочет. Это водная стихия, которая просто существует.

Она торжествующе улыбнулась:

— Пусть будет так. Кое-что я уже узнала. Я обожду снаружи, пока вы собираетесь.

Кэли, как выяснилось, не преувеличивала. Она не просто боялась воды, а панически боялась ее.

Мы зашли в воду по пояс.

— Ни хрена себе, — пробормотала она.

— Юная леди, следите за своим лексиконом.

У девчонки дрожал подбородок. Лицо стало бледным.

— Я сказала то, что чувствую. Зря я вчера согласилась. Дурацкая затея.

— Ты до этого погружалась в океан?

— Что значит «погружалась»? Объясните.

— Значит, нет.

— Могу сказать, что я все время собиралась это

сделать.

— Тогда мне придется окунуть тебя с головой.

— Вы не посмеете.

Я посмел. Кэли тут же вынырнула, размахивая руками и отфыркиваясь.

— Вы придурок!

— Ты же знаешь, что здесь можно стоять.

— Знаю, что можно, — сердито буркнула она. — Я просто… привыкала к обстановке.

Она выпрямилась во весь рост.

— Ну и как тебе? — спросил я.

— Полная жуть. Спасибо вам большое.

— Я не о погружении. Что ты почувствовала, назвав меня придурком?

Кэли задумалась.

— Мне понравилось.

— Давай начнем с простых вещей, к которым легко привыкнуть. Можешь задержать дыхание секунд на двадцать?

— На пять.

— На десять. Встань у меня за спиной и ухватись за мою шею.

Я присел на корточки. Кэли забралась мне на спину.

— Странный способ, — заявила она.

— Ничуть. Так меня учила плавать мама. Го-

това?

— Вы собираетесь напугать меня до смерти?

— Держи глаза открытыми. Тебе понравится смотреть на водный мир. А теперь набери побольше воздуха, и… нырнули.

Я нырнул и поплыл, неся на себе Кэли, словно плащ. Два взмаха, потом три, и вот я уже плыву вдоль дна. Вокруг нас сновали рыбки, их чешуя отливала всеми цветами радуги. Такие моменты обычно нравятся всем. Я их просто обожал. Это чувство погруженности в таинственный мир, полный жизни и красоты… Рыбешки снуют, повинуясь инстинкту, без всяких мыслей. Да и что может волновать рыб, помимо своей принадлежности к рыбьему племени? Есть ли им дело до мира за поверхностью воды? Существует ли он для них или кажется недосягаемым небесным сиянием? Я отсчитал десять секунд, затем оттолкнулся и всплыл, вновь оказавшись под утренним солнцем.

— Держите меня за задницу! — пробормотала Кэли.

Трудно сказать, была ли она удивлена совершенным погружением или рассержена оттого, что я заставил ее сделать это.

— Говоря более приличным языком, там очень

красиво, так?

— А кто там все время мелькал? Неужели рыбы?

— Кэли, ты что, шутишь? Разве ты никогда не видела рыб?

— На тарелке. — Она снова встала у меня за спиной. — Ну что, господин паромщик, пора совершить еще одну прогулку на дно.

Я невольно улыбнулся. Давно я не получал столько удовольствия. Кто бы мог подумать, что после вчерашних событий я буду учить плавать эту странную девчонку, взирающую на мир с недетской угрюмостью? Мы ныряли снова и снова, забираясь все глубже. Перед последним погружением я велел ей отпустить мою шею и всплыть самостоятельно. Кэли вынырнула с ликующей физиономией.

— А теперь займемся настоящим плаванием, — сказал я.

Час или даже больше я учил ее основам плавания вольным стилем. Поначалу она делала это неуклюже: высовывала голову, чтобы набрать воздуха, переставала двигаться и, естественно, камнем шла на дно. Но мало-помалу она освоилась.

Когда мы решили сделать перерыв, был почти

полдень. Солнце стояло высоко в небе, а мы — парочка веселых заговорщиков — подрывали основы мироустройства, постаравшись забыть о том, чем каждый из нас должен был заниматься в этот день.

— Спасибо, что учите меня плавать, — сказала Кэли.

Мы сидели на полотенцах, прислонившись спиной к скалам. Кожа стала липкой от морской соли. Тело испытывало приятную усталость.

— Вообще-то, это я должен тебя благодарить, — сказал я.

— За что?

— Вчера ты спросила, бывает ли мне грустно. Твой вопрос заставил меня задуматься. Ты оказалось права: бывает. Или бывало, — пожав плечами, добавил я.

— Что значит «бывало»?

Это утро настроило меня на откровенность.

— Вчера у меня на работе кое-что произошло. Не стану вдаваться в подробности, история слишком долгая. Но после этого я решил сменить род занятий.

Кэли недоверчиво посмотрела на меня:

— И вы теперь больше не паромщик?

— Нет, какое-то время я еще побуду паромщи-

ком. Это не делается за один день. Но потом сменю род занятий. Можешь что-нибудь посоветовать?

Кэли задумалась.

— Из вас получился бы отличный учитель плавания. Интересно, за это хорошо платят? — (Я усмехнулся.) — Но вы же не пробовали. — (Я вдруг вспомнил, что сказал Элизе: «Почему бы не попробовать себя в преподавании?» Может, подсознательно я имел в виду Кэли и сегодняшний урок.) — Одного не пойму: если работа нагоняла на вас грусть, зачем вы стали паромщиком?

Ну и въедливая девчонка!

— Во-первых, работа не всегда нагоняла на меня грусть. Я помог многим пожилым людям. У меня это хорошо получалось. Кстати, ты знаешь, что такое А-линии?

Кэли прищурилась:

— Какие-то тесты?

— Совершенно верно. На первом курсе их полным-полно. В зависимости от того, как ты с ними справляешься, наставник помогает тебе выбрать работу, в которой ты достигнешь наилучших результатов. Проверяют не столько знания, сколько твое отношение к ним. Наставников интересовало, как я воспринимаю, например, «формы и пространства» или «знаки и семиотику». Должен

признаться, воспринимал я их прескверно.

— Если серьезно, я не въезжаю.

— Вот и я тогда не въезжал, — засмеявшись, признался я. — Но нашлось то, что вызывало во мне отклик. Это называлось «эмоциональным восприятием». Если в двух словах, речь о способности понимать чувства других людей. Там я всегда получал самые высокие оценки.

— Значит, наставник посоветовал вам стать паромщиком?

— Представь себе, нет. Он посоветовал мне стать юристом. А я меньше всего хотел погружаться в дебри юриспруденции.

Взглянув на Кэли, я увидел, что она зевает, не стараясь скрыть это.

— Извините, — спохватилась она. — Рассказывайте дальше.

— Скучная история, правда?

— Ну… есть такое. Напрасно я спросила. Хотя про способность понимать чувства других людей мне понравилось.

Разумеется, не все было так просто. На меня сильно повлияла мама, но я тогда был слишком молод и не понимал этого. До трагического происшествия с ней оставалось еще много лет, однако я укрепился в мысли, что уже тогда уви-

дел признаки грядущей беды и что решение стать паромщиком было символической попыткой предотвратить ее; попыткой взломать код таинственной внутренней жизни мамы, дабы разделить с ней ее тайну.

— Можно задать еще один вопрос? — проговорила она; я кивнул, глядя в сторону моря. — Почему вы ни разу не спросили про мой шрам?

Вопрос застал меня врасплох. Я давно перестал думать о Кэли как о «девочке со шрамом».

— По правде говоря, я вообще забыл о нем.

— Да будет вам, — недоверчиво усмехнулась она и выпучила глаза.

— Честное слово, мне он не кажется таким уж заметным.

— Значит, вы — первый, кто так думает.

— Кэли, шрамы есть у многих. Иногда — внутренние, невидимые. Но от этого они не перестают быть шрамами.

— И у вас тоже есть?

— Есть. Моя мать покончила с собой.

Слова выпорхнули из меня, миновав контроль со стороны разума. Трагедия превратилась в фигуру умолчания; я никогда и ни с кем не говорил на эту тему. Но случившееся продолжало будоражить меня, и было бы ложью отрицать, что после

спонтанного признания мне стало легче. Когда делишься своей давней болью с кем-нибудь, это приносит утешение. Вот только кому я признался? Зеленой девчонке с неустойчивой психикой? Не зря она назвала меня придурком.

— Ничего себе, — удивленно пробормотала Кэли. — Выигрыш за вами.

— Только я играл нечестно. Приношу свои извинения.

— Но вопрос-то задала я. А как по-вашему, почему она это сделала?

— Сам хотел бы знать. — «Проктор, что с тобой? — подумал я. — Рассказываешь эту историю едва ли не самой депрессивной девчонке на Проспере». — Слушай, я всерьез прошу: забудь то, что я тебе сказал о своей матери. Напрасно я завел речь об этом.

— Должно быть, вы жутко злитесь на нее.

— Тебе действительно хочется продолжать этот разговор? — Кэли молча посмотрела на меня, и я пожал плечами. — Иногда злюсь. Но больше всего жалею, что ничем не смог ей помочь.

— А как вы могли бы ей помочь?

Никаких размышлений не понадобилось. Ответ, предельно ясный, всплыл у меня в голове:

— Сказать: «Мама, я тебя люблю. Пожалуйста,

не уходи из жизни».

Какое-то время мы сидели молча, глядя, как накатывают и отступают волны.

— Я вам очень сочувствую, — сказала Кэли.

— Не принимай близко к сердцу. Это было давно.

— Вы не виноваты. Наверное, вы считаете себя виноватым, но это не так.

Я повернулся к ней. Кэли смотрела вниз, рассеянно чертя на песке фигуры. Сплошные концентрические круги.

— Это была глупая ошибка. — Ее голос звучал отстраненно, словно она переместилась в какое-то абстрактное пространство. — Если бы ваша мама хоть на секундочку задумалась, как вам будет без нее, она бы ни за что не сделала этого.

Я оторопел. Никто и никогда не говорил мне таких слов, даже чего-нибудь похожего. Насколько иной была бы моя жизнь, услышь я их от отца? Вслед за этой мыслью пришло грустное осознание: ему я тоже не говорил ничего подобного.

— Возможно, — ответил я Кэли. — Надеюсь, так и было бы.

Новое молчание — более многозначительное, чем в первый раз. Время едва перевалило за полдень, но казалось, что мы находимся здесь

намного дольше. Я был бы рад провести на пляже весь день.

— Ну что, похоже, мне надо двигать, — наконец сказала Кэли. Она встала, сунула ноги в сандалии и убрала полотенце в сумку. — Следующий урок завтра?

— Кэли, мне очень понравилось обучать тебя, но я считаю, что тебе все-таки надо ходить в школу.

— Совсем не мое место.

— Я это понял. Но тебе хочется вляпаться в неприятности?

Она молча посмотрела на меня и сокрушенно вздохнула:

— Ладно. Как скажете.

— Говорю тебе честно: я совсем не против наших уроков. Но… есть определенные правила. Есть определенный порядок вещей.

— Но я же сказала: ладно. Иду в школу. Усекла.

Мне стало паршиво. В то же время сколько могли продолжаться эти уроки? Она же была чьей-то питомицей. Кэли уныло добрела до начала дорожки, затем повернулась и взглянула на меня. Вернее, вперилась.

— А как вы думаете, мы когда-то были знакомы? — спросила она.

Я понял смысл ее вопроса. Существовала распространенная теория: нас тянет к людям, которые что-то значили для нас в предыдущих итерациях. Это называлось конвергенцией. Конвергенция порождала нечто вроде дежавю: мимолетное, похожее на сон ощущение, что с этим человеком тебя связывали какие-то отношения. Конвергенция служила темой постоянных шуток: «Думаю, когда-то мы были женаты! А может, одно время просто спали друг с другом. Надеюсь, я был на высоте!» Дурачество, игра, но с серьезным подтекстом. Нам хочется, чтобы наши прежние жизни не забывались целиком.

— Возможно, были, — ответил я на ее вопрос.

— Я чувствую, что вроде как были.

— Сейчас мы друзья. Это важнее всего.

Она поправила лямку сползшей с плеча сумки.

— Но мне все равно хотелось об этом сказать. Спасибо за урок.

Она стала подниматься наверх. Кэли не ошиблась: я тоже это чувствовал. Конвергенция была чисто психологическим феноменом, не заслуживавшим доверия и не имевшим практического применения. Тогда почему, глядя, как она уходит, я испытал острое ощущение потери? Откуда это мгновенное чувство одиночества? Я вдруг понял,

что за несколько часов, проведенных вместе, ничего не узнал о Кэли и даже не догадался спросить. Мы словно находились в плотном коконе, отгороженные от остального мира.

Тропинка не была прямой: она вилась по склону утеса. Кэли поднималась медленно, словно не хотела уходить, а может, просто устала за время урока. Поднявшись наверх, она обернулась и, увидев, что я смотрю в ее сторону, помахала мне. Был ли ее жест приветственным или прощальным — не знаю. Я помахал в ответ.

Она уже скрылась из виду, а я все смотрел и смотрел.

5

Сегодня Тия немного опоздала и открывает свою галерею в половине одиннадцатого.

У входной двери — медная табличка:

ГАЛЕРЕЯ «ДИМОПОЛУС»

ВРЕМЯ РАБОТЫ:

ПОНЕДЕЛЬНИК – ЧЕТВЕРГ с 10 УТРА до 5 ВЕЧЕРА

ПЯТНИЦА – ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ДОГОВОРЕННОСТИ

Ниже указан номер телефона. Галерея находится в отличном месте, где сосредоточены дорогие и изысканные магазины. С одной стороны к ней примыкает ателье женских шляп, с другой — книжный магазин. Напротив расположена пекарня, откуда по утрам на весь квартал распространяется аромат свежего хлеба и сладких булочек. Войдя внутрь, Тия отключает сигнализацию и зажигает свет, потом идет в служебное помещение и ставит чайник. Ей кажется, что у нее в голове стучит двигатель. Заварив чай, она несет чайник и чашку в зал галереи и ставит

на свой стол. Ей очень, очень нужно ощутить в руках, а потом и внутри себя что-нибудь теплое. Правда, сейчас она бы предпочла для успокоения взбудораженных нервов напиток покрепче чая.

На сегодня у нее намечены три встречи, хотя куда важнее дождаться сведений от Квинна, которые должны навести ее на след Проктора Беннета — того самого паромщика. По словам Квинна, если знаешь, где искать, можно узнать о человеке все. Списки гостей, в которых он значится, членство в клубах, время занятий спортом и прогулок. Однажды Квинн узнал, что некий помощник заместителя министра финансов, у которого недавно закончился брачный контракт, каждый день выходит на прогулку ровно в половине первого и всегда придерживается одного и того же маршрута. Тии оставалось лишь «случайно» оказаться на его пути, где у нее так же «случайно» оборвался ремень плечевой сумки и содержимое выпало под ноги прогуливающегося чиновника.

Откуда Квинн черпает эти сведения? Свои источники он никогда не раскрывает. Посланником Матери может быть кто угодно, он встретится тебе где угодно. Экономки, дворники, садовники, официанты. Они ходят и ездят по Проспере,

постоянно держа глаза и уши открытыми. Подмечают, кто с кем играет в теннис, вытаскивают из мусорных корзин служебные бумаги, подслушивают разговоры, наливая вино и убирая грязные тарелки. Другие, вроде Тии, работают на более высоком уровне. Не наливают вино, а пьют его. Проводят вечера, занимаясь бесстыжим флиртом. «Вы из Службы безопасности? Мне всегда было интересно, в чем заключается работа таких, как вы. Наверное, это очень увлекательно. Расскажите подробнее…» И все это надо произносить с улыбкой, не морща нос, когда мужская рука под столом ложится тебе на колено.

За окнами галереи виден тротуар и пешеходы, выглядящие такими далекими от всего этого. До чего счастливыми они кажутся, насколько они здоровы и доброжелательны! Просперианцы не просто встречают новый день, а врываются в него, как во вражескую траншею. «Будь особенным!» Эти призывы встречаются повсюду: на билбордах, на страницах журналов, в рекламных паузах телепрограмм. «Прояви свой потенциал!», «Чувствуй себя на все сто!».

Тия не чувствует себя на все сто. Вчера, возвращаясь с Аннекса, она была почти уверена, что у двери квартиры ее поджидают двое «прыщей».

Взмахнут перед глазами служебным жетоном, положат тяжелую руку ей на плечо. С этим страхом она живет каждый день; он — словно эпизод из фильма, постоянно прокручивающийся в ее голове. Но ее никто не ждал: ни у лифта, ни возле двери. Только записка от соседки с просьбой проведать на выходных ее кошку. («Я оставила ей еды с избытком. Решила выбраться с друзьями на природу. Надеюсь, что не обременю Вас своей просьбой!»)

Тишина квартиры чуть не доконала ее. Как ужасно остаться наедине с собственными мыслями. Тия улеглась на диван, выключила свет и стала думать о Прокторе Беннете. Кто такой Проктор Беннет? Один из винтиков государственной машины — но что-то в нем зацепило ее. В этом Прокторе ощущалось что-то… иное. Тия стала мысленно кадр за кадром воспроизводить видео с дрона. Шум толпы на причале, удар электрошокером, замершее тело старика, Проктор, зажавший шею охранника. И дальше… Слова, произнесенные стариком; Проктор, поднимающий его на ноги и придерживающий за талию. Короткая пауза перед спешной погрузкой на паром, когда Проктор, встав поудобнее, поднял лицо к небу.

Тия остановилась на этом кадре.

Проктор был не лишен обаяния. Темные волосы, зачесанные назад, слегка выступающий лоб, выразительные брови и линия подбородка, небольшой рот с полными губами. Мышцы, напрягшиеся под пиджаком, говорили о том, что он достаточно силен. Привлекательный, хотя и вполне типичный просперианец среднего возраста: ухоженный, натренированный, хорошо сложенный, привыкший честно сражаться и по большей части побеждать.

Однако лицо этого человека говорило о другом.

Точнее, глаза. Он задрал голову, чтобы взглянуть на дрон. Вполне объяснимый поступок — но, казалось, он вообще ни на что не смотрит, а транслирует свои мысли в какую-то невидимую область, откуда может прийти помощь или хотя бы утешение. «Помогите мне, — говорили глаза Проктора. — Не знаю, почему я это делаю. Помогите мне понять».

После этого Тия налила себе первую рюмку. За первой последовала вторая, третья… пока бутылка не опустела. Дальше Тия ничего не помнила, а проснувшись, удивилась, что лежит на диване одетая, жмурясь от утреннего солнца.

Усталый взгляд Тии путешествует по стенам

галереи, отчего ей становится еще хуже. До чего же скучны эти картины. Застывшие, безжизненные. Закаты. Горные пейзажи. Натюрморты с бутылками, цветами и фруктами. Чья-то собака.

Тия вздыхает. Развешенное по стенам галереи — это не живопись. Мазня. Порча холстов и напрасный расход красок.

Она идет в служебную комнату, где заполняет документы на продажу картин. Там ее застает дверной звонок. Первый из намеченных на этот день визитов. Тия быстро оглядывает себя в зеркале, возвращается в зал и видит женщину с картонным подносом в руках. На подносе — бумажные чашки с кофе.

— Сандра!

— Тия!

Они обнимаются, что выходит неуклюже из-за подноса, и обмениваются неизменным воздушным поцелуем. Сандра пришла в галерею прямо с йоги. На ней черные легинсы, мягкие туфли наподобие балетных и рубашка с длинными рукавами. Студия йоги находится в нескольких минутах ходьбы. Ее волосы заколоты на затылке. Влажное от пота лицо пышет здоровьем.

— Я принесла тебе латте, — говорит Сандра и снимает чашку с подноса. — С соевым молоком.

Не возражаешь?

Тия ненавидит сою, напоминающую на вкус сырое тесто. Она и кофе-то не слишком любит. Но посетитель всегда прав. Она делает глоток, обжигая кончик языка.

— Спасибо. Мне как раз нужно было взбодриться.

— Бурная ночь?

— А по мне не видно?

Сандра слизывает пену с края чашки.

— У нас одна жизнь. Наслаждайся ею, пока можешь. Уж поверь моему опыту.

Основная тема разговоров Сандры — тяготы ее брака. Если она заводит речь о чем-нибудь другом, то все равно упоминает о мелких прегрешениях мужа: поздних возвращениях домой, бестактных замечаниях, забытых датах и никудышном сексе. Представления Тии об этом человеке целиком состоят из жалоб Сандры. Она даже не знает его имени.

— В этом есть свои плюсы, — улыбается Тия.

— Тебе надо ходить со мной на занятия. Сегодня вообще была сказка. Я проверила свой монитор. Как думаешь, сколько? Девяносто два! Девяносто два, в моем-то возрасте!

Тия понятия не имеет, сколько лет Сандре. Ей

встречались женщины за семьдесят, которым она дала бы пятьдесят, а то и сорок пять. С таким же успехом Сандре может быть и все сто.

— У нас появился новый преподаватель, просто потрясающий, — продолжает Сандра, слегка задыхаясь от восторга. — Видела бы ты, что́ он нам показал. Я не шучу. Он стоял на голове, упираясь в пол лишь кончиками пальцев.

— О-о! — подыгрывает ей Тия.

— К тому же он столько рассказал нам о дзенской философии! Она позволяет войти в контакт со всеобщим сознанием. — Порывшись в сумке, Сандра достает сложенный лист бумаги, разворачивает и читает: — «Как пчела, собирая нектар, не повреждает лепестки цветка и не уничтожает его аромата, так мудрец строит свои отношения с миром». — Закончив читать, Сандра вскидывает голову. — Правда, вдохновляет? Я буквально заставила его повторить эту фразу, чтобы записать.

— Интересные рассуждения, — согласно кивает Сандра.

— Малость заумные, но, если вдуматься, открывается бездна смысла. К тому же он очень симпатичный. Даже красивый.

Сандра переходит к цели визита и объясняет,

что ей надо. Не для себя. Она работает декоратором, и ее заказчики — весьма обеспеченные люди. Сейчас она занята интерьерами большой квартиры вблизи оперного театра. Роскошный современный дом, огромные окна, обилие света. Тия ведет ее по залу. Сандра делает пометки в блокноте, затем пролистывает каталоги художников, которые ей нравятся. Близится время обеденного перерыва. Наконец Сандра объявляет, что ей пора. У двери они снова обнимаются и обмениваются воздушными поцелуями. Сандра берет с Тии обещание обязательно побывать на занятиях у нового преподавателя йоги, которого зовут Реймонд.

— Ты только представь, что' этот человек способен делать такими пальцами, как у него… Ой! Чуть не забыла. — Сандра вытаскивает из сумки небольшой конверт и протягивает Тие. — Это тебе.

Удивительно: заурядная встреча вдруг обретает совершенно новый смысл. Тия вскрывает конверт. Внутри лежит билет.

— Наш общий друг решил, что тебе может быть интересно, — говорит Сандра.

Тия смотрит на нее. Ох эта легкомысленная Сандра! Кто бы мог подумать?

— Спасибо, — говорит Тия. — Я тронута. Уверена, что мне будет интересно.

Сандра снимает напряжение ослепительной улыбкой.

— Я очень рада! — На пороге она оборачивается и подмигивает Тие. — И не забудь про Реймонда. Клянусь, если никто с ним не трахнется, это сделаю я.

Тия закрывает за Сандрой дверь и опускает жалюзи. Она отменяет по телефону два послеполуденных визита, после чего делает еще пару звонков — в маникюрный салон и парикмахерскую. «Это Тия Димополус. Знаю, что сваливаюсь вам на голову, но могли бы вы найти окошечко для меня?.. Замечательно, вы просто ангел. Не могу подыскать слов благодарности…»

Она убирает в сумочку конверт, переданный Квинном через Сандру, и выходит из галереи. Обеденный час в полном разгаре. Несколько секунд Тия стоит, глядя на оживленную улицу, потом сама вливается в людской поток, движущийся в двух направлениях.

6

Домой я вернулся в третьем часу дня, посчитав, что пора заняться куда менее приятными делами.

Приняв душ и одевшись, я отправился на автобусную остановку в конце нашей улицы. Из расписания на стеклянной стенке я узнал, что автобус появится минут через десять. Я уже не помнил, когда в последний раз ездил на автобусе. Паромщику в должности управляющего директора полагается машина с водителем, которой можно пользоваться в любое время суток. Но теперь придется жить без этих плюшек, и лучше привыкать сразу.

И все-таки когда я в последний раз садился в автобус? Сколько я ни пытался вспомнить, в голове всплывало лишь то утро, когда мама повезла меня к доктору Пэтти. Конечно, я и потом ездил на автобусе. Но в те минуты мысли то и дело возвращались к тогдашнему разговору. «Ты ведь знаешь, что я тебя люблю?» Я вдруг остро затосковал по маме, хотя не ощущал грусти. На меня снизошло умиротворение, словно воспоминание о том дне пробудило во мне дремавшее чувство.

Чувство, что я — ее сын.

Подошел автобус. В это время в нем ехали те, кого мы называли «поддерживающим персоналом». Попросту говоря, обслуга Просперы. Я вошел и уселся на первое свободное место. Рядом сидел мужчина в коричневом комбинезоне. От него разило застоялым потом, к которому примешивался запах фекалий. Комбинезон болтался на нем как на вешалке, хотя по всему чувствовалось, что этот человек не лишен физической силы. Мне стало неуютно от такого соседства. Как и многие просперианцы, я никогда не ездил по дамбе на Аннекс: для этого не было причин, а любопытства я не испытывал. Опыт моего общения с обслугой ограничивался горсткой людей и общими разговорами. Мне почему-то стало неловко перед этим человеком, и я решил заговорить с ним.

— Как дела? — спросил я.

— Сносно, — пожал плечами он, продолжая смотреть вперед.

— А чем вы занимаетесь?

Опять пауза. Он всем своим видом показывал, что не хочет со мной говорить.

— Чищу канализацию, — буркнул он.

Понятно, откуда запах.

— Работа не из легких.

— Надо думать.

Спрашивается, зачем я это сделал? Зачем вынудил беднягу вспомнить, как он копался в дерьме просперианцев? Достаточно взглянуть на обувь, и она многое расскажет о человеке. Его массивные рабочие ботинки даже не были зашнурованы, чтобы ноги не перегревались. А рядом сидел я в сверкающих лоферах.

Я не нашел ничего умнее, чем сказать ему:

— Извините.

Он повернулся ко мне. В его рту теснились крупные пожелтевшие зубы. Когда-то давно ему сильно повредили нос.

— За что извиняетесь?

— Простите. Вы правы. Это было глупо.

Он смерил меня взглядом, как мясник, оценивающий кусок говядины. Мы поменялись ролями, и теперь я выслушивал его слова.

— Не нужна мне ваша жалость, — заявил он.

— Я имел в виду совсем не это.

В его глазах сверкнуло нескрываемое презрение. Сигнал, показывавший, какие мысли бурлили в его голове. Этот человек ненавидел меня!

— А что же вы имели в виду?

— Ровным счетом ничего. Забудьте мои слова.

— Не я начал разговор. Вы прицепились. Потом стали извиняться, прощения просить. Так валяйте, говорите за что. Смелее, просси!

Это слово прозвучало, как сирена. Все разговоры в салоне утихли. Я понял, что вступил на опасную территорию. Повторяю, я знал об Аннексе очень мало, но помнил, что драки там — обычное явление. Слово за слово, эмоции вырываются из-под контроля… не успеешь глазом моргнуть, как стены забрызганы кровью, а кто-нибудь из дерущихся распластался на полу. Мы с чистильщиком находились в одной весовой категории, и я не считал себя слабаком, но он приобрел свою силу не в спортзалах: это было существенным отличием. В зеркале заднего вида я поймал предостерегающий взгляд водителя: «Мистер, что вы делаете? Немедленно заткнитесь».

— Я пытался быть общительным. Если я вас огорчил, приношу свои извинения.

— Вы ж про меня ни черта не знаете. Может, я с большим удовольствием разгребаю ваше дерьмо. Может, я считаю разгребание вашего дерьма самым клевым в мире занятием.

— Возможно, так и есть. Это ваша работа.

— Советую попробовать как-нибудь. Глядишь, понравится.

Я никак не мог сократить время поездки. Интересно, на что я рассчитывал, пытаясь вовлечь этого человека в разговор? Что мы будем весело болтать, вспоминая юность? Я еще ни разу не сталкивался с откровенной ненавистью по отношению к себе и не знал, как быть.

На очередной остановке в салон вошел новый пассажир: долговязый, бородатый, довольно небрежно одетый, с усталыми прищуренными глазами. Он уселся напротив меня, снял с плеча сумку и достал оттуда тощую книжицу в темном переплете. Потом закинул ногу на ногу, положил сумку на колени и открыл книгу со странным названием: «Принципы Учения о Прибытии».

— Эй, просси, — окликнул меня чистильщик канализации. — Хотите, историю расскажу?

— Что? — вздрогнул я, глядя не на него, а в окошко, за которым проносились пригороды.

— Уверен, она вас позабавит. Так вот, Тесс — жена моя — прислугой работает. У одной дамочки, богатенькой, вроде вас. Тесс помогает ей вечеринки устраивать и все такое. Работает давно, они с хозяйкой вроде как подругами стали… Вы слушаете?

— Вашу жену зовут Тесс, и она работает прислугой, — как идиот повторил я.

— Вот-вот. Как-то раз вечером Тесс хлопочет на кухне, а хозяйка одевается к приему гостей. Нацепляет на себя разные цацки. Их у нее тьма, но ожерелье, которое она хотела повесить на свою шейку, куда-то запропастилось. А штучка старинная, кучу деньжищ стоит. Хозяйка поднимает шум, весь дом переворачивает вверх дном. «Где мое ожерелье? Где оно?» Нет его. Как в воду кануло. И знаете, что она тогда заявляет?

Я уже догадывался, куда он клонит, и мне это совсем не нравилось.

— Хозяйка обвинила вашу жену в краже ожерелья.

Он улыбнулся во весь рот, демонстрируя подпорченные зубы:

— О! Первые разумные слова, которые слышу от вас. Дамочка напрочь забыла, что Тесс годами ишачила на нее. Ну а дальше — понятное дело. Запихнули мою жену в полицейскую машину и повезли в отделение. Просси, вы меня слышите?

Разумеется, я его слышал, но не знал, как реагировать на эту жуткую историю. Я повернул голову и поймал на себе взгляд человека, сидевшего напротив. Наши глаза на мгновение встретились, и мне показалось, что им движет не праздное любопытство, а желание узнать, как я поведу

себя дальше.

— Само собой, я тогда ничего не знал, — продолжил чистильщик. — Целых четыре дня от Тесс не было ни слуху ни духу. А когда вернулась, я ее не узнал. Лицо — сплошная отбивная котлета. Но лицо — еще не самое худшее.

— Приятель, может, оставишь своего соседа в покое? — не выдержал наконец человек, сидевший напротив.

Рассказчик пропустил его слова мимо ушей.

— Хотите знать, что́ они с ней сделали?

Мне совсем не хотелось этого.

— Ну, смелее. — Он пихнул меня локтем в бок. — Пошевелите мозгами.

— По-моему, хватит, — произнес человек напротив уже настойчивее.

Чистильщик канализации бросил на него ледяной взгляд:

— Я ж не вам рассказываю.

Меня начало мутить.

— Не знаю, — пробубнил я, отвечая на его вопрос.

Чистильщик канализации вскинул правую руку, прижал большой палец к ладони и помахал остальными пальцами.

— Пойманному вору оттяпывают большой

палец. Так что у Тесс стало одним пальчиком меньше. — Он наградил меня дьявольской улыбкой. — И как вам мой рассказ?

Я молчал, прекрасно сознавая, зачем он поведал мне эту жуткую историю. Для него все, кого он называл «богатенькими», были одинаково жестокими, и на месте владелицы ожерелья вполне мог оказаться я.

— Что, просси, язык проглотили? — не унимался он.

Я не нашел ничего лучшего, чем задать дурацкий вопрос:

— Ожерелье нашлось или нет?

— Само собой, нашлось. Я к этому и веду. Хозяйка нашла его на диване, под подушкой. Прислала Тесс миленькое письмецо с извинениями. Мы его к холодильнику пришпилили.

Теперь мне стало по-настоящему тошно. Рот наполнился слюной. В горле появился привкус желчи.

— Это… ужасно, — пробормотал я.

— Вы чертовски правы. А хотите узнать самое интересное?

Боже милостивый, неужели там есть еще что-то?

— Я же все высосал из пальца. И жены у меня

отродясь не было. — Он покатился со смеху. — Посмотрели бы вы на свою физиономию, просси.

Меня затрясло от гнева. На шее задергалась жилка.

— Мерзавец — вот вы кто.

— Вот как заговорили! Сначала с извинениями лезли. А чуть против шерсти — сразу нутро поперло. Все вы, просси, такие, — добавил он, повернувшись к окну.

К моему великому облегчению, на этом наше общение закончилось. Остаток пути мы сидели молча и каждый делал вид, что рядом с ним никого нет. «Подлец бессердечный! — хотелось крикнуть мне. — Кто дал вам право глумиться над совершенно незнакомым человеком?» Когда автобус достиг площади, моя голова едва не лопалась. Я вскочил с места, будто спринтер с низкого старта, промчался по проходу и выпрыгнул на тротуар. В лицо ударило нестерпимо яркое солнце. Казалось, оно влепило мне пощечину. Я почувствовал нехватку воздуха. Сердце бешено колотилось. Что со мной? Эти двадцать четыре часа напрочь выбили меня из колеи.

— Гражданин, могу ли я вам помочь?

Я стоял согнувшись, упираясь ладонями в колени. Услышав голос, я поднял голову. Сервофакс.

Бесполый говорящий робот с подобием рук и колесиками вместо ног. Их называли «помощниками». Они катались по улицам города, стараясь услужить: подсказывали, куда идти, открывали дверь женщине, чьи руки заняты покупками, в случае необходимости регулировали уличное движение. Пустое, как у манекена, лицо не вызывало ничего, кроме отвращения.

— Гражданин, нуждаетесь ли вы в медицинской помощи?

— Нет, благодарю вас, — медленно выпрямляясь, ответил я.

— Проктор Беннет, если вам требуется помощь, я охотно вам ее окажу.

Откуда он узнал мое имя? Ничего удивительного. Сервофаксы связаны с Центральной информационной системой. Робот отсканировал мое лицо и сопоставил изображение с базой данных. Вероятно, эта механическая тварь знала, что́ я ел на завтрак. (Ничего.)

— В этом нет необходимости. Я в полном порядке.

Выждав несколько секунд, он объявил монотонным, бесполым голосом:

— Я оснащен полным набором диагностического оборудования.

— Ты меня слышишь, безмозглая машина? Убирайся!

— Позвольте проверить показатели вашего монитора.

Я уперся ладонью в металлическую грудь сервофакса и с силой его толкнул:

— Сказано тебе, оставь меня в покое!

Сервофакс откатился назад и остановился. Внутри его что-то щелкало и стрекотало. Затем он развернулся и поспешил на поиски тех, кого можно осчастливить своей назойливой помощью. Я с неприязнью смотрел ему вслед. Кому взбрело в голову создать эти чудовищные пародии на людей? И почему раньше я не замечал, насколько они уродливы? Точно так же я не замечал плохо скрытой враждебности всех, кто обслуживает нас и вынужден не только выполнять самую тяжелую и неквалифицированную работу, но и выслушивать слова сочувствия. Какое лицемерие! Можно подумать, что не мы нанимаем их для подобных работ.

— Дружище, вы хорошо себя чувствуете?

Это был бородатый человек из автобуса. Он достал из сумки бутылку с водой и протянул мне:

— Держите. Я еще не открывал ее.

Мог ли я в такой момент ответить отказом? Я

отвернул пробку и сделал несколько глотков.

— Я тоже не поклонник этих штучек, — сказал он. — Докучливые твари.

Я вернул ему бутылку и поблагодарил его.

— Был рад помочь, — ответил он, убирая воду в сумку. — Этот субъект, что сидел рядом с вами, — сущий придурок.

— Я признателен за вашу попытку вмешаться и помочь.

— Просто не выдержал, — признался он. — Не скажу, чтобы попытка удалась.

— А что за книгу вы читали в автобусе? Ни разу не видел такого.

Он улыбнулся в бороду:

— Чтобы знать все книги, нужно быть предельно начитанным человеком.

— Я не о содержании, а о заглавии. Такие слова, как «Учение о Прибытии», я вижу впервые.

Он снова полез в сумку, достал книгу и протянул мне.

— Так что означает «Учение о Прибытии»? — спросил я, вертя книгу в руках.

— Все и одновременно ничего. Если в двух словах, это совершенно новый взгляд на вещи. — Он слегка наклонил голову. — Если хотите, оставьте себе. У меня есть другие экземпляры.

Это была скорее брошюра: от силы двадцать страниц, дешевый самодельный переплет. Трактат какого-нибудь чокнутого философа, напечатанный в подвале.

— Спасибо за предложение, — сказал я, возвращая ему книгу. — Но пока что мне не до чтения. Других дел хватает.

Я ждал от него возражений. Мне казалось, он искренне заинтересован в том, чтобы я взял этот опус. Но никаких возражений не последовало.

— Значит, время еще не настало. — Он убрал книгу в сумку и снова взглянул на меня. — Тот рабочий был очень груб с вами. Вам действительно не нужна помощь?

Я заверил его, что со мной все в порядке. Забота, проявленная незнакомым человеком, привела меня в чувство. Я стал жертвой жестокого розыгрыша, но не более того. И уже представлял, как впоследствии эта история превратится в забавную шутку. «Мне попался жуткий тип, который рассказал еще более жуткую историю. Самому не верится, что тогда купился на нее…»

— Вы были чрезвычайно добры ко мне, — сказал я.

— Ничего особенного я не сделал. — Он снова улыбнулся. — Прибытие грядет, друг. Да свершит-

ся Прибытие.

Я смотрел ему вслед, думая о странных словах. «Прибытие грядет». Какое прибытие? И потом: «Да свершится Прибытие». Прибытие куда? А еще слово «друг» совсем не прозвучало неискренне. Скорее наоборот — будто случай в автобусе сдружил нас.

Я собирался появиться на работе и быстро уйти, не привлекая к себе излишнего внимания. Департамент социальных контрактов, как и все ведомства, находился на северной стороне Просперити. Вестибюль поражал своим великолепием: пронизанное воздухом пространство со множеством окон, мраморными стенами и полами. Казалось, если произнести там что-нибудь вполголоса, эхо будет еще полчаса повторять твои слова. Я предъявил пропуск и прошел к лифту, чтобы подняться на шестой этаж, где находились кабинеты Шестого округа. Здесь не было и намека на великолепие атриума. Строгий, предельно функциональный интерьер: звукопоглощающие потолки, люминесцентное освещение, ковровые покрытия нейтральных оттенков. Как я и рассчитывал, коридоры были пусты; большинство сотрудников уже ушли. Но Уна по-прежнему сидела за секретарским столом в приемной. Увидев

меня, она вздрогнула от удивления:

— Директор Беннет? Я думала, вас сегодня не будет. Ваша жена утром позвонила и предупредила.

— Не верьте всему, что слышите. Можете принести мне документы моего отца? Я должен составить отчет о происшествии.

— Конечно. — Она встала из-за стола. — Директор Беннет, я лишь хотела сказать… я так потрясена… случившимся. Я вам очень сочувствую.

— Благодарю вас, Уна.

Уже на пороге кабинета я вспомнил, что вчера оставил в машине свой ридер. Надо же, начисто позабыл: настолько меня взбаламутило случившееся.

— Скажите, Джейсон на работе?

— С утра не видела. Думаю, он отправился домой.

Может, оно и к лучшему. Я не был настроен общаться с ним.

— Он, случайно, не оставлял вам мой ридер?

— Нет, но я могу поспрашивать.

Я вошел в кабинет и стал ждать. Мой кабинет был самым большим на этаже, с уютной зоной отдыха и прекрасным видом на гавань. В без-

упречно ясные дни на горизонте проступали едва заметные очертания Питомника. Но не в тот день. Я подумал об отце. Как он там сейчас? Приходится ли ретайрам ждать своей очереди, думая о новой жизни, или их сразу забирают для реитерации? Может, отцу уже восстановили тело и стерли все дорогие ему воспоминания? Казалось, паромщик моего уровня должен был это знать, однако я не имел ни малейшего представления ни о чем таком.

Через несколько минут Уна принесла мне папку.

— Странно как-то, — пробормотала она, кладя ее на стол.

На обложке стоял штамп: «ЗАВЕРШЕНО». Я раскрыл папку и обнаружил, что кто-то уже составил отчет о происшествии, включив туда все показания отцовского ридера. В разделе «Процедура» значилось: «Ретайр страдал легкой формой дезориентации. Персонал Департамента социальных контрактов оказал ему необходимую помощь. Доставлен на борт парома в установленное время».

Всего три предложения. Ни слова о том, как он безумно несся по причалу, никакого упоминания об электрошокере и о том, что я едва не

задушил охранника. Я должен был бы испытать облегчение — меня избавили от тяжкой обязанности, вызывавшей ужас. Однако я почему-то испытывал другое чувство. У меня что-то отняли, даже украли. Вплоть до этого момента я и не подозревал, что очень хочу рассказать правду о случившемся.

— Проктор, что вы тут делаете?

В дверях стоял Эймос Корделл — крупный, доброжелательный мужчина, мой непосредственный начальник. Мы знали друг друга очень давно.

— Я собирался составить отчет о происшествии с моим отцом. — Я указал на папку. — Вы знаете, кто сделал это вместо меня?

Эймон кашлянул.

— А-а, вот вы о чем. — Он повернулся к моей секретарше. — Уна, оставьте нас.

Она вышла, плотно закрыв дверь.

— Прежде всего позвольте выразить мое глубочайшее сочувствие. Вам ни в коем случае нельзя было в этом участвовать.

— Значит, это вы составили отчет.

— Вы меня поймали, — улыбнулся он, поднимая руки. — Честное слово, Проктор. Я думал, вы не станете возражать.

— Но это моя обязанность.

— Поверьте, я знаю, как серьезно вы относитесь к своим обязанностям. Но после того, что вам пришлось пережить, я не мог допустить, чтобы вы занимались еще и отчетом.

— Эймос, я в порядке. Вчера не все прошло гладко, но свою работу я выполнил.

— Никто не посмеет возразить. Но, учитывая обстоятельства, я решил немного помочь вам и взял этот труд на себя.

— Значит, правду о случившемся мы заметем под ковер?

— Проктор, в ваших устах это звучит как-то… зловеще. Я всего лишь хотел вам помочь. — Эймос достал из кармана пиджака мой ридер и положил на стол. — Вы забыли в машине. Работники гаража обнаружили.

Моя реакция явно задела Эймоса. Я почувствовал укол совести. Как-никак мы с ним были друзьями, и он решил по-дружески помочь мне.

— Простите меня, Эймос. Я слишком остро переживаю это. Хорошо, что вы все сделали.

Повисло неловкое молчание, потом он пожал плечами:

— Забудем это. Все вас понимают. Я бы вел себя не лучше. — Эймос поднял голову и улыбнулся. —

Как поживает Элиза?

Я обрадовался перемене темы:

— Сбивается с ног. Скоро грандиозный показ.

— Это приятные хлопоты. У вашей жены есть несомненный талант. Оливия без ума от ее платьев.

— Рад слышать. Обязательно расскажу Элизе.

— Вы просто обязаны ей рассказать. Скажу по секрету: если сложить стоимость всех нарядов, купленных моей женой у Элизы, получится кругленькая сумма. Пожалуй, вам бы хватило на пристройку к дому. — Эймос направился к двери. — И прошу вас, Проктор, не торчите здесь. Возвращайтесь домой, к своей потрясающей жене.

Я взял такси (хватит с меня этих рискованных поездок на автобусе), и когда вернулся домой, Элиза была уже там.

— Проктор, где тебя носило? — Она говорила со мной, смотрясь в зеркало туалетного столика. Элиза успела нарядиться в черное вечернее платье и сейчас надевала украшения: серебряный амулетный браслет и ожерелье из синих камней. Нам предстояло провести вечер с ее родителями, отчего вся теплота утреннего разговора куда-то улетучилась. — Впрочем, меня это не касает-

ся, — добавила она. — Даже знать не хочу. Только поторопись со сборами, иначе мы опоздаем.

Одевшись подобающим образом, мы отправились в город. (Элиза настояла, что поведет машину сама, отчего я вновь ощутил себя не столько мужем, сколько пациентом.) Мы добрались до стоянки Культурного центра, вылезли из машины и влились в поток других слушателей предстоящего концерта: то были весьма состоятельные люди, в большинстве своем — старше нас.

Когда мы вошли в атриум, я услышал от жены:

— Забыла тебе сказать. Уоррен тоже будет на концерте.

Я застыл на месте.

— Ну что ты, в самом деле? — нахмурилась Элиза. — Днем случайно встретила его, и только. Подумала, что тебе будет приятно с ним увидеться. — Не дождавшись моего ответа, она принялась всматриваться в толпу слушателей. — Уоррен! — крикнула она, махая рукой. — Иди к нам!

Не прошло и нескольких секунд, как он уже шел в нашу сторону, пробираясь сквозь толпу: мой давний друг Уоррен Сингх. Облаченный в строгий черный костюм, он улыбался во весь рот. Курчавые волосы были небрежно зачесаны

назад. Подойдя, он поцеловал Элизу в обе щеки («Привет, несравненная»), затем сдержанно, по-мужски пожал мою протянутую руку, обнял меня за плечо и окутал ароматом своего одеколона.

— Проктор, дружище! Даже не знаю, что сказать.

Мне было предельно ясно: Уоррен появился здесь не случайно. Зачем Элиза пригласила его сюда? Как старого друга, обеспокоенного моим состоянием? Как профессионального медика? Или как стороннего наблюдателя для оценки степени моей умственной нестабильности? Мои отношения с Уорреном, при всей их сердечности, были непростыми. Еще до знакомства со мной Элиза имела с ним роман. Она уверяла меня, что их отношения были краткими и несерьезными, окончившись без последствий. И все-таки мне было тяжело смотреть, как Уоррен целует мою жену и называет ее «несравненной». Невольно вспоминалось, что когда-то он развлекался с ней в постели. Вдобавок Уоррен был самым обаятельным из всех знакомых мне мужчин: беззаботный, самоуверенный ловелас с обширным списком побед на любовном фронте. Из всех моих друзей только он ни разу не заключил брачного контракта, предпочитая существование свободного

сексуального электрона. Женщины — каждая красивее предыдущей — проходили через его жизнь, как манекенщицы проходят по подиуму.

— И где же та, с которой ты встречаешься? — спросил я.

Продолжая сжимать мое плечо, словно я мог улететь, Уоррен снова улыбнулся, демонстрируя ровные, сверкающие зубы:

— А ты не догадался? Он рядом со мной. Элиза сказала, что охотно уступит тебя на этот вечер. — Улыбка Уоррена погасла. — Если серьезно, представляю, какой ужас ты пережил.

— Спасибо за сочувствие.

В его взгляде было столько искренней заботы, что я даже смутился.

— Проктор, он был хорошим человеком. И надо же такому случиться, что это выпало на твою долю. Жаль, что все закончилось… столь неподобающим образом. Но ты тут ни при чем.

— Именно это я и твержу ему со вчерашнего дня, — сказала Элиза.

— Ты не должен винить себя, — так же искренне продолжил Уоррен. — Уверен, ты сделал все, что было в твоих силах. И знай, дружище: я всегда рядом. Какое бы решение ты ни принял, я тебя поддержу.

Я посмотрел на Элизу. Та виновато пожала плечами:

— Наверное, я обмолвилась об этом. В смысле, о твоих новых планах.

— Обмолвилась?

— Ну ладно. Рассказала. Вырвалось как-то само собой. Но, дорогой, это же не кто-то там, а Уоррен. Наш друг.

— Думаю, это здорово, — принял эстафету Уоррен. — По-настоящему здорово. А пока я хочу, чтобы ты навестил мой кабинет. Не торопись возражать. Знаю, ты скажешь, что отлично себя чувствуешь. Но почему бы не убедиться в этом лишний раз?

— Вот и я постоянно говорю ему об этом, — подхватила Элиза.

Я опять бросил на нее выразительный взгляд:

— Ты рассказала Уоррену, какой у меня процент?

— Проктор, Элиза всего лишь поделилась своей тревогой. — (Интересно, когда этот заботливый дружок отпустит мое плечо?) — Она любит тебя. И я, представь себе, тоже. Давай, не откладывая, завтра с утра. Я пришлю за тобой машину.

Можно было рукоплескать их мастерству. Все это напоминало пьесу. Я буквально слышал, как

они репетируют свои роли под салаты и шардоне, сидя в каком-нибудь ресторанчике, где встречаются еженедельно. Пьеса «Угрюмый Проктор». Где был я, когда все это происходило? Ясно где: давал урок плавания.

— Добрый вечер, дорогие. А вот и мы.

К нам подошли родители Элизы. Может, и они участвовали в этом спектакле? Не важно; их появление на время отвлекло внимание от меня. Я высвободился из хватки Уоррена, пожал руку Джулиану (его глаза были полны сочувствия; значит, ему тоже было известно о случившемся), затем повернулся к теще и, как обычно, поцеловал ее в щеку:

— Добрый вечер, Каллиста.

Наверное, здесь надо упомянуть об одном знаменательном обстоятельстве: моя теща и приемная мать Элизы — не кто иная, как достопочтенная Каллиста Лэйрд, председатель общепросперианской Коллегии по надзору. Иными словами, она руководит не только моей семейной жизнью, но и всем островом.

— Проктор, как ты?

Этот вопрос уже начал раздражать меня, однако Элиза пришла на выручку:

— Мы как раз говорили о будущем.

Каллиста взглянула на дочь, затем снова на меня и сдержанно улыбнулась. Моя теща вообще отличалась сдержанностью. Холодноватая, как океанский бриз, острая, как только что заточенный карандаш, уже немолодая и при этом не утратившая подлинной, несколько властной чувственности. На концерт она приехала в длинном облегающем платье с глубоким вырезом. Ее украшения отличались простотой и изяществом. Наряд дополняла легкая меховая накидка, что было вовсе не лишним. (Насколько помню, кондиционеры в зале всегда работали на полную мощность.) Словом, увядшая роза, но не без шипов. Казалось бы, я должен был бояться ее, как тот же Джулиан, однако я почему-то не испытывал страха. Наоборот: ее прямота, порой даже жестокая, нередко сберегала время, избавляя от пустопорожних прелюдий. Мне нравилось думать, что мы с Каллистой уважаем друг друга. В конце концов, у меня было то, чего не было у нее: ее дочь.

— Значит, о будущем. Интересно, — сказала Каллиста. — И к какому решению все пришли?

Ей ответил Уоррен, посчитавший, что теперь его выход, и намеренно державший руки в карманах.

— Мы решили, что будущее таит в себе множество возможностей. Вы согласны?

— О, и Уоррен здесь, — с непривычной теплотой произнесла Каллиста. — Не знала, что вы составите нам компанию. Замечательно.

— Элиза взяла меня в оборот. Иначе меня в такие места не затащишь. Дикарь есть дикарь.

— Каюсь, приложила руку, — с чрезмерной горячностью призналась Элиза. — Кто хочет вина?

Я точно хотел вина. Лучше всего — в бокале размером с цветочный горшок. Элиза с Уорреном вызвались пойти в бар, оставив меня наедине с тестем и тещей. Еще один внезапный маневр, на который я не успел отреагировать.

— Я слышал самые лестные отзывы о сегодняшней исполнительнице, — сказал Джулиан, желая чем-нибудь заполнить паузу.

Похоже, из всех нас только его по-настоящему интересовал концерт. По пути сюда я не удосужился спросить Элизу о репертуаре. До реплики Джулиана я даже не знал, кто будет выступать: мужчина или женщина. Спрашивать у него, на чем она играет, я не хотел. Хоть на губной гармонике.

— Джулиан, почему бы тебе не пойти в бар и не помочь им? — предложила мужу Каллиста.

— Так это же всего несколько бокалов.

Каллиста многозначительно посмотрела на него:

— Уверена, лишняя пара рук им не помешает.

Джулиан открыл рот, но в последнюю секунду решил не спорить.

— Ладно, — проворчал он и растворился в толпе.

«Бедняга», — подумал я, глядя ему вслед. Однажды мы с ним играли в теннис — три сета, — и он победил меня, но это далось ему нелегко. Несколько порций джина с тоником, при помощи которых Джулиан восстанавливал силы, развязали ему язык, и он признался мне, что считает дни до завершения своего брачного контракта с Каллистой.

— Проктор, я хотела поговорить с тобой наедине, — начала Каллиста.

— Я так и понял.

— Знаю, как тяжело тебе пришлось. Я сочувствую тебе, как никто другой.

— А дальше последует «но».

— Нет, никакого «но» не будет. Я тревожилась за тебя. Ты был свидетелем ужасного события. Причем во второй раз. Каждый растерялся бы.

Каллиста никогда не говорила о моей матери.

Это было чем-то новым.

— Каллиста, со мной все в порядке. Честное слово.

— Никто не сомневается. Ты сделал все, что смог.

— Значит, вы видели запись с камер дрона. Скажите, в каком состоянии шея у охранника?

Она взяла меня за локоть. Почему всем вдруг приспичило трогать меня?

— Не принимай близко к сердцу. Это все, что я могу сказать. Увы, твой отец был попросту не в себе… Кстати, дочь сказала, что ты подумываешь взять отпуск.

— Боже милостивый, есть хоть один человек, которому она еще не сказала об этом?

— Проктор, она волнуется за тебя. Хочет, чтобы ты был счастлив. И знай: какое бы решение ты ни принял, я тебя поддержу. Излишне говорить, что ты мне как сын.

Едва ли я был ей как сын. Каллиста что-то задумала и сейчас вела меня в нужном направлении.

— Это печальное событие нужно оставить в прошлом. Еще один вопрос, и мы закроем эту тему. Проктор, что он тебе сказал? Звук на записи очень плохой. Много посторонних шумов. — («Ага, — подумал я. — Вот что тебе нужно».)

— Твой отец был известным человеком. Он занимал ответственную должность и имел доступ к массе конфиденциальной информации. Проктор, я знаю, что могу рассчитывать на твое благоразумие. Ты не из болтливых. Но если твой отец что-то… разгласил, есть риск, что его слова могли подслушать.

— Это даже не были связные фразы. Просто набор слов.

— Значит, ничего особенного.

«Этот мир — совсем не тот мир. Ты — это не ты. Это все Ораниос». Знала ли Каллиста? Ее назойливо-добрый тон, осторожная игра на эмоциях, косвенное упоминание о моей матери… Все это произвело обратное действие: мне захотелось надежно сохранить тайну последних минут, проведенных с отцом.

— По правде говоря, я даже не помню, что он там бормотал. Вы же сами сказали, что он был не в себе. Если бы я услышал что-нибудь запоминающееся, то сказал бы. А сейчас я попросту хочу забыть обо всем этом.

Каллиста отпустила мой локоть.

— Что ж, это даже к лучшему. Сейчас ты не помнишь, что он бормотал. Но со временем что-нибудь может всплыть в памяти. Если такое

случится, обязательно сообщи мне. Любую мелочь. Обещаешь? Такие происшествия, — сказала она, слегка вздрогнув, — будоражат народ… А вот и вино, — сообщила Каллиста, взглянув поверх моего плеча.

Вино появилось как нельзя вовремя. И тут же раздался мелодичный звон, приглашавший слушателей в зал.

— Пьем до дна, — сказал Уоррен, раздавая бокалы.

Я немедленно последовал его указанию.

На сцене стоял массивный черный концертный рояль. Свет прожектора делал его похожим на акулу. За ним сидела пианистка: бледное овальное лицо, темные волосы, собранные на затылке в пучок-ракушку, и ярко накрашенные губы. Музыка была насыщенной, негармоничной и даже атональной. Пальцы исполнительницы порхали над клавиатурой, сливаясь в одно безостановочное движение, слишком быстрое для глаз. Джулиан, сидевший рядом со мной, был готов расцарапать себя от наслаждения, а во мне с каждой минутой нарастало отвращение. В манере игры пианистки было что-то невероятно механическое, даже конвейерное. Я словно смотрел на плотника, безупречно забивавшего гвозди.

Четыре произведения — и каждое вызвало шквал аплодисментов. Пятое я узнал, так как слышал его в университете, проходя курс музыковедения. Это была Венгерская рапсодия № 2 Ференца Листа: эмоциональная, сочная, ужасно сентиментальная, но не лишенная романтизма. Под руками пианистки она стала мертвой как бревно.

На сорок первой минуте я не выдержал. Пока слушатели аплодировали, я коснулся локтя Элизы и прошептал:

— Мне надо глотнуть свежего воздуха.

Прежде чем она успела возразить, я переступил через ноги тестя, выбрался в проход и покинул зал. Фойе пустовало, если не считать нескольких уборщиков и одинокого бармена, мывшего бокалы. Безжизненные звуки, извлекаемые пианисткой, слышались и здесь. Во мне поднималась ненависть; от этих звуков веяло ужасом. Возникло желание убежать туда, где их вообще не слышно.

Я поднялся по ступенькам в зону отдыха. Там был выход на балкон, откуда открывался вид на красивый, ухоженный садик с живой изгородью, цветами, соответствовавшими времени года, и журчащим фонтаном. Я прошел на балкон и какое-то время просто вдыхал воздух. С ветвей

доносилось пение древесных лягушек. До чего приятные звуки! Настоящее лекарство против игры пианистки, если это вообще можно было назвать игрой. Сколько времени я простою здесь, пока не появится Элиза и не потащит меня обратно?

За моей спиной открылась дверь. На балкон вошла женщина. Вероятно, она почувствовала, что я хочу побыть один, и сделала вид, что не заметила меня. Но балкон был невелик по размерам, и не обращать внимания друг на друга было бы глупо. Женщина подошла к перилам, открыла клатч, достала трубочку и показала ее мне.

— Вы не возражаете? — спросила она.

Это был облачник — последний писк моды среди поборников здорового образа жизни. Внутри трубочки находилась ароматизированная жидкость, насыщенная основными питательными веществами. Миниатюрный нагреватель превращал жидкость в пар, который наполнял легкие. Считалось, что облачник оказывает расслабляющее воздействие.

— Ничуть, — ответил я.

Она поднесла трубочку к губам и вдохнула. Облако сладковатого, терпкого тумана оказалось слишком большим, и часть его, подхваченная

ветром, понеслась прямо на меня.

— Извините, — смущенно пробормотала женщина. — Пожалуй, нам стоит поменяться местами.

— Это лишнее. Запах приятный. Что я вдыхаю?

— Смесь называется «Торт мира». — Она подошла ближе и протянула мне облачник. — Хотите попробовать?

Ее лицо попало в полосу света, лившегося из зоны отдыха. Красивое, но по-своему, без косметических ухищрений, свойственных просперианкам. Светло-каштановые волосы с янтарным отливом, белая кожа (что обычно свойственно рыжим), небольшая россыпь веснушек, вздернутый носик, мягко закругленные скулы и бледные, почти невидимые брови. На женщине было простое облегающее платье из шелка темно-синего цвета.

— Пользоваться этой штучкой несложно. — Она показала, как правильно держать облачник. — Нужно всего лишь нажать кнопку и вдохнуть пар.

Я последовал ее совету. Послышалось слабое шипение, и пар устремился мне в легкие. Когда я выдохнул, во рту остался привкус фруктов и пирожных.

— Неплохо, — сказал я, возвращая ей облачник. — Надо бы мне купить такой же.

Незнакомка снова затянулась и выдохнула.

— Как вам сегодняшняя исполнительница?

— Мне показалось, что она играла… слишком быстро.

Женщина негромко засмеялась, выдыхая облачка пара:

— А по-моему, это просто издевательство над роялем.

— Я думал, что, кроме меня, этого никто не заметил.

— Смею вас уверить: вы — не единственный. Хотите выслушать мою теорию?

— Да вы, оказывается, женщина-теоретик.

— Пожалуй, «теория» — слишком громко сказано. Просто кое-какие соображения. Дрянную игру заметили все. Но эти люди изо всех сил стараются слыть ценителями музыки в глазах друг друга и не желают признавать то, что сами же заметили.

— Вы позволите еще раз? — спросил я, указывая на облачник.

Я затянулся, задержал пар в легких на несколько секунд дольше, чем во время пробы, затем медленно выдохнул. Пар висел у меня перед лицом, лениво расползаясь. Новый порыв ветра

быстро унес его.

— Тия Димополус, — представилась женщина, протягивая руку.

Я протянул свою. Ее рука была небольшой, но сильной.

— Проктор Беннет.

Какое-то время мы молчали, передавая друг другу облачник. Восторженные отзывы об этой вещице оказались правдой: под влиянием ароматного пара мир казался более сносным и даже приятным.

— И чем же вы занимаетесь, Проктор Беннет? Если не ошибаюсь, такой вопрос всегда задают при знакомстве.

Обычно я всеми силами уклонялся от ответа. Стоило мне сказать, чем я зарабатываю на жизнь, как разговор на этом и заканчивался — в десяти случаях из десяти. Но в ту минуту… возможно, на меня подействовала ароматическая смесь… словом, я утратил бдительность.

— Я работаю в Департаменте социальных контрактов, — сказал я и добавил: — Паромщиком.

— Понятно, — спокойно кивнула она. — Звучит интригующе.

— И вас это не настораживает?

— Не знаю. А должно?

— Большинство людей, узнав, кто я такой, бросились бы к выходу.

Она лукаво улыбнулась:

— Наверное, я отличаюсь от большинства людей.

— Моя работа совсем не так романтична, как вы думаете. В ней полным-полно канцелярской рутины. Димополус… Я мог где-нибудь встречать вашу фамилию? — спросил я, вспомнив, что она мне знакома.

— Вполне.

— Вот только не знаю где.

Тия достала из клатча визитную карточку, на которой значилось: «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ГАЛЕРЕЯ „ДИМОПОЛУС“». Судя по адресу, галерея находилась неподалеку от моей работы. Я вспомнил, что по пути в пекарню видел вывеску.

— Значит, вы торгуете произведениями искусства.

— Как будто бы так, — округлив глаза, усмехнулась она.

— В чем причина?

— Хотите правду? Большинство подобных, с позволения сказать, произведений отвратительны. Ничуть не лучше игры этой пианистки. Они… бездушные.

— Наверняка не все.

— Зайдите как-нибудь, и убедитесь.

— Думаете, они мне не понравятся?

— Не знаю. — Наши глаза встретились. — А какие вещи вам нравятся?

Последовала напряженная пауза. Это напоминало игру в гляделки: кто первым отведет глаза. Со мной давным-давно никто не кокетничал. Ощущение было необычайно приятным, словно через много лет я вернулся к прежнему увлечению.

— Какие? Наверное, настоящие.

— Значит, вы — из тех самых людей.

— Что вы имеете в виду?

— Вы знаете, — улыбнулась она. — Из тех, кто думает своей головой.

Из фойе донеслись голоса. Слушатели покидали зал, собираясь чего-нибудь выпить или пообедать.

— Концерт закончился, — с сожалением констатировал я. — Мне надо идти.

— Похоже, да, — согласилась она.

— Разве у вас никого нет?

— Вы про него? Что есть, что нет.

— Трудно поверить.

— Дело ваше. Он из… обыкновенных. Мне боль-

ше нравится общаться с вами. — Она кивнула в сторону балконной двери. — Не смею задерживать. Не хочу, чтобы у вас были сложности.

— Они уже есть. — Мне отчаянно не хотелось уходить и разрушать магию нашего общения. — Было приятно побеседовать с вами. Надеюсь, мы еще увидимся.

— У вас есть моя визитка.

Толпа в фойе заметно поредела. Уоррен и Элиза дожидались меня у стойки закрывшегося бара.

— Прошу прощения, — сказал я, подойдя к ним.

Элиза пробуравила меня сердитым взглядом:

— Проктор, где ты был?

— Я же тебе сказал, что пойду подышать воздухом. Вот и подышал. — Я оглядел зал, не увидев ни Каллисты, ни Джулиана. — А где твои родители?

— Поехали в ресторан. Проктор, ты меня удивляешь. Ускакал, чтобы подышать воздухом, оставил меня одну. На тебя это не похоже.

— Не одну, а с Уорреном.

Мой друг поднял руки — «сдаюсь»:

— Не смотри на меня, дружище. Это твой поединок. Я тут ни при чем.

— Это не поединок. — Я снова посмотрел на жену. — Элиза, нам действительно нужно ехать

на обед? Что-то я очень устал.

— И как, по-твоему, я должна ответить?

— Сказать: «Нет, нам не нужно».

— Не говори глупостей. Они нас ждут.

И как ей возразишь? Вечер должен продолжаться согласно плану. Мы втроем отправились на стоянку, где уже почти не было машин. Уоррен простился с нами, пожелав приятного вечера.

— Ты не составишь нам компанию? — спросил я.

Мне вдруг захотелось, чтобы он поехал с нами.

— Ты серьезно? Я до смерти боюсь Каллисты. Элиза, не сочти за оскорбление.

— Не сочту.

Естественно, он покидал нас, поскольку его ожидало более интересное времяпровождение. Зачем такому человеку, как Уоррен Сингх, вместе с нами погружаться в скукотень ресторанных посиделок? Возможно, дома его ждала, лежа в постели, женщина в дорогом шелковом пеньюаре, надетом на голое тело: она рассеянно листала журнал и удивлялась, почему Уоррен не возвращается.

— Все, ребята, мне пора, — сказал он, все так же театрально целуя Элизу в щеку. — А что касается тебя, — добавил он, ткнув пальцем в мою

сторону, — не забудь о нашей завтрашней встрече. Я буду ждать тебя. Учти, вызовов на дом не принимаю.

Мы смотрели, как он быстрым шагом подошел к своему элегантному двухместному автомобилю с откидным верхом (машина холостяков). Запрыгнув на сиденье, Уоррен опустил крышу, дал прощальный гудок и умчался навстречу ночным приключениям.

— Я поведу машину, — сказал я. — (Элиза недоверчиво посмотрела на меня.) — Я прекрасно себя чувствую. Это прочистит мне мозги.

Едва ли вождение способствовало прочистке мозгов, но все же Элиза со вздохом протянула мне ключи:

— Только прошу, не угробь нас по пути в ресторан.

Мы уселись в салон машины. За минувшие сутки терпение жены по отношению ко мне закончилось. А впереди маячил отвратительный обед. (Восторженные охи и ахи по поводу концерта, после чего Джулиан будет долго и нудно рассуждать о культурной жизни города; на десерт — сплетни о знакомых и незнакомых мне людях, одинаково неинтересные.) Однако в те минуты, положив руки на руль, я думал не об обеде. А об

одной лишь Тие. Наше недолгое перекидывание фразами, непринужденное и одновременно целенаправленное, как передача эстафетной палочки бегунами. Сексуальное возбуждение, охватившее меня, когда облачник переходил из рук в руки. Взгляды, с помощью которых каждый побуждал другого отвести глаза. «Думаете, они мне не понравятся?» — «Не знаю… А какие вещи вам нравятся?» Сколько времени прошло с тех пор, как я испытывал нечто подобное? Годы. Нет, века. Я завел двигатель и бросил взгляд на балкон — не стоит ли там по-прежнему Тия? Естественно, балкон был пуст. Она исчезла так же непостижимо, как появилась.

— Проктор, мы так и будем стоять на месте?

— Извини. Сейчас поедем, — ответил я, выруливая со стоянки.

Концерт. Элиза. Уоррен. Каллиста. Тия, облака ароматного тумана на балконе. И Кэли — странная, властная и глубоко несчастная девчонка, ввинтившаяся в мою жизнь.

Все это случилось со мной. Я лишь не видел взаимосвязи.

Часть вторая
Буря

7

В пятницу утром я снова проснулся один. Дория выгружала пакеты с продуктами на кухне.

— Миссис Беннет просила передать, что поехала за город. Ей не хотелось вас будить.

Опять я проспал часть событий.

— Когда она уехала?

— Совсем недавно. Сказала, что будет готовиться к показу.

— Она говорила, когда вернется?

— Миссис Беннет сказала, что едет на все выходные. Машину она оставила вам.

Отъезд Элизы не был неожиданностью. Накануне ответственных показов она часто уезжала за город, чтобы собраться с мыслями и завершить последние приготовления. У жены было немало друзей, имевших загородные дома и охотно пускавших ее пожить.

— Мистер Беннет, приготовить вам завтрак?

— Спасибо, Дория. Сварите несколько яиц, этого хватит.

Я позавтракал, принял душ, оделся и вышел на подъездную дорогу. Вскоре появилась машина, присланная Уорреном. За рулем сидела женщи-

на лет шестидесяти, которую я видел впервые. Мы тронулись, и через несколько минут я обнаружил, что мы едем не в сторону города, а в противоположную.

— По-моему, произошла какая-то ошибка. Мне нужно в Министерство благополучия.

Женщина взглянула на планшетку с маршрутным листом:

— Здесь указан совсем другой пункт назначения.

Она передала мне планшетку. Место, обозначенное там, находилось далеко от города. Название показалось мне знакомым, хотя я не помнил, где встречал его.

— Отвезти вас в другое место? — спросила водитель.

— Не надо. — Я вернул ей планшетку. — Не хочу, чтобы у вас были неприятности.

Дальше мы ехали молча. Примерно через полчаса, когда мы почти добрались, я понял, куда меня везут. Машина подъехала почти к самым дверям.

— Сэр, я подожду вас в машине, — сказала женщина.

Здание ничуть не изменилось с тех пор, как мы с мамой ездили к доктору Пэтти. В вестибюле

не горел свет. Стол регистратора пустовал; не было даже телефонного аппарата. Я уже хотел выйти, когда открылась одна из дверей и оттуда вышел Уоррен в белом халате, накинутом поверх рубашки с короткими рукавами и слаксов.

— Ну наконец-то, — весело произнес он. — А то я собирался отправлять поисковый отряд.

— Судя по виду, здесь давно никто не работает. Что мы будем делать?

— Ты прав. Здание пустует, но иногда мы им пользуемся. Я подумал, что ты не станешь возражать против такой уединенности. Ну что, займемся твоим осмотром? Времени не так много. У меня в полдень игра.

Он провел меня в смотровой кабинет. Тот же стол, тот же стеклянный шкаф с инструментами. Как и тогда, помещение заливал холодный люминесцентный свет. Уоррен протянул мне бумажный пакет:

— Будь паинькой и надень эту сексапильную ночнушечку.

Я разделся за занавеской. «Ночнушечка» оказалась короткой, и я мгновенно замерз. Какой садист постановил, что в кабинетах врачей всегда должен царить собачий холод?

— Оделся? Отлично. А теперь забирайся на

стол. — Уоррен провел обычную процедуру, водя стетоскопом по моему телу. Все это время он безостановочно кивал, будто соглашался про себя с результатами наблюдений. После этого он ненадолго вышел и вернулся с ридером. — Посмотрим, что скажет твой монитор.

Он подключил меня к устройству, которое оказалось крупнее домашнего ридера и даже моего рабочего. Судя по всему, оно позволяло считывать куда больше данных. Во время считывания Уоррен забрасывал меня вопросами, записывая ответы в бланк опросника.

— Какими физическими упражнениями ты занимаешься?

— Плаваю почти ежедневно.

— Рад за тебя. Что насчет спиртного?

— Пара бокалов вина по вечерам.

— Знаю, что ты не замечен в сумасбродствах, поэтому вопрос о наркотиках пропускаю. — Он что-то пометил на листе. — По словам Элизы, в последнее время ты был несколько подавлен.

— Ну, может, совсем немного, — пожал плечами я.

— Да и история с твоим отцом способствовала унынию. А как насчет сексуальной активности? Как дела на этом фронте?

— Ты всерьез?

Уоррен поднял глаза и хитро улыбнулся, явно наслаждаясь своей ролью.

— Этот вопрос есть в анкете. Хочешь взглянуть?

— Не хочу и отвечать не буду.

— Строго entre nous[5].

— А если entre nous, тебя это не касается.

Уоррен ничего не сказал и лишь окинул меня типично докторским взглядом. Может, их учат так смотреть на медицинском факультете?

— Головные боли бывают?

— Не припомню, чтобы у меня болела голова.

— Посещают ли тебя навязчивые мысли?

— Вроде твоих вопросов о моей сексуальной жизни?

— Записываю «нет». Как со сном?

— Прекрасно.

— Спишь семь-восемь часов?

— Что-то вроде этого.

— А как насчет сновидений? Тебе что-нибудь снится? — Я застыл. Уоррен снова посмотрел на меня. — Проктор, я читал записи в твоей медицинской карте. Я должен спросить. Тут нет

---

[5] Примечания: 5
Между нами *(фр.)*.

ничего особенного.

— Нет.

— Совсем ничего? Или снится, но ты ничего не помнишь?

— Первый вариант, — ответил я, удивляясь тому, с какой легкостью соврал.

— В твоей карте отмечены случаи сомнамбулизма. И еще — очень странное поведение в эти моменты. Чем тот несчастный сэндвич провинился перед тобой?

— Уоррен, я тогда был зеленым юнцом.

— Значит, сейчас ничего подобного с тобой не происходит?

Эти вопросы начали меня доставать. К тому же я не знал в точности, что происходит со мной в такие моменты.

— Сказал же тебе: нет.

Ридер подал сигнал. Скачивание данных окончилось. Уоррен вытащил кабель:

— Одевайся. Я сейчас пробегусь по данным и вернусь.

Вернулся он довольно быстро — я еще засовывал ноги в лоферы.

— Ну что, осмотр завершен? — спросил я.

Выражение его лица говорило об обратном.

— Проктор, скажу тебе честно: меня волнует

процент твоей жизненности. Семьдесят два для мужчины твоего возраста — это слишком мало.

Значит, убавились еще три процента.

— Ты говоришь совсем как Элиза.

— Она права. У тебя все признаки острого умственного и физического стресса. Нужно успокоиться.

— И это все? — с облегчением спросил я. — Просто успокоиться?

— С небольшим дополнением. Сейчас я проделаю процедуру, которая вернет тебе бодрость. Заберись на стол и засучи рукав.

Я подчинился, как надлежит делать послушному пациенту. Вскоре рядом со столом, где я сидел, оказался столик на колесиках, сверкавший хромом. Уоррен достал из кармана халата металлическую коробочку. Внутри лежал шприц с громадной иглой. Объемистый стеклянный цилиндр был заполнен желтоватой жидкостью, поршень, хромированный, как и столик, блестел под холодным светом ламп.

— Что еще за чертовщина? — насторожился я. — Не игла, а настоящий меч.

Уоррен надел перчатки, смочил спиртом ватный тампон и протер место будущего укола на моей руке.

— Этот считается маленьким. Ты бы видел по-настоящему большие шприцы.

— Что в него залито?

— Ты же знаешь: лекарственный раствор. — Уоррен поднял шприц и щелкнул пальцем по игле. — Расслабься, Проктор. Имей хоть каплю доверия. Это всего лишь витамины.

— Чертова пропасть витаминов.

Он всадил мне иглу в предплечье, причем на всю длину. Я выругался.

Уоррен методично давил на поршень. Казалось, мне в руку накачивали холодный цемент. Когда поршень уперся в дно цилиндра, Уоррен извлек шприц и подал мне марлевую салфеточку:

— Приложи к месту укола.

Я настолько оторопел, что не мог говорить. Уоррен надел на иглу колпачок, отложил шприц и закрепил салфетку лейкопластырем.

— Ну вот и все, — с веселой улыбкой объявил он. — Согласись, это было совсем неплохо.

— Болит так, словно ты забил туда гвоздь.

— Не стоит благодарности, — отшутился Уоррен. Он швырнул перчатки в корзину под раковиной и стал мыть руки. — Поболит и перестанет. Носи повязку весь день. Перед сном снимешь и вымоешь с мылом место укола. Результат почув-

ствуешь через день-полтора.

Я опустил рукав. Вся рука пульсировала от боли.

— Теперь все?

Уоррен локтем закрыл рычажный кран и отряхнул воду с рук.

— Если не хочешь сделать промывание прямой кишки, тогда все. Я знаю женщину, которая этим занимается. Весьма полезная процедура.

— Оставлю на потом.

— Только не говори, что я тебе не предлагал. — Уоррен кивнул в сторону двери. — Не смею задерживать. И научись расслабляться. Слышишь?

Вернувшись домой, я увидел возле дома служебный седан. Джейсон сидел за кухонным столом и уписывал яичницу. Он вскочил со стула, словно мальчишка, застигнутый на мелкой шалости, вытирая рот салфеткой:

— Доброе утро, босс.

Теперь он величал меня боссом.

— Надеюсь, вы не возражаете, — продолжил он с характерным придыханием. Возможно, это действовало на женщин, но не на меня. — Ваша экономка предложила мне яичницу.

— Очень любезно с ее стороны. А что, омары

кончились?

Мой вопрос смутил парня.

— Знаете, я не очень люблю морепродукты.

— Сынок, я пошутил. — И почему мне так нравилось издеваться над бедным мальчишкой? Однако я не смог удержаться и спросил: — Значит, тебя послали за мной? Или решил заехать по пути?

— Я подумал… мало ли, вдруг вам понадобится куда-нибудь съездить.

— Если ты еще не слышал, я в отпуске. Дория, нам с коллегой надо поговорить. — Экономка ушла в другую комнату. Я сел напротив Джейсона. — Слушай, почему бы просто не выложить то, что тебя тревожит?

Парень ерзал на стуле. Я заметил, что воротник его рубашки где-то на полдюйма шире, чем нужно. Либо он неправильно выбрал размер, либо исхудал за пару дней.

— Сэр, они говорили со мной. О… ну, вы знаете. О случившемся.

— Кто «они»?

— Их было трое. Двое из службы внутреннего аудита. Я записал их имена. — Он полез в карман за блокнотом. — Чейз Смит и Дженнифер Бодэн.

— Я их знаю. Нормальные люди. — Я взял с его

тарелки ломтик поджаренного хлеба. — А кто третий?

— Это меня и насторожило. Он не представился. Никаких вопросов мне не задавал. Просто сидел. Мне было не по себе. — Джейсон понизил голос. — Я думаю, что он из «три-эс».

«Три-эс». Служба общественной безопасности, или, как они любят себя называть, «Стражи социального спокойствия». С чего это они всполошились?

— Как он выглядел?

— Я старался на него не смотреть. Кажется, седые волосы. И небольшая бородка. Он сидел сбоку.

— А с чего ты решил, что он из «три-эс»?

— По поведению тех двоих. Они нервничали не меньше меня. Так, будто каждое мое слово могло доставить неприятности и им тоже.

— Что ты им рассказал?

Он пожал плечами:

— Да почти ничего. Сказал, что поначалу все шло как надо, а потом ваш отец почему-то забеспокоился и выскочил из машины. Но о том, что он вам говорил, — ни слова. Я понял, что об этом нельзя говорить.

Парень обучался на лету.

— Что именно ты слышал?

— Там, в машине… «Ты — это не ты». И еще: «Этот мир — совсем не тот мир». Я запомнил.

— А что ты слышал на причале?

Джейсон прищурился:

— Ваш отец говорил про какой-то… Ораниос.

Вот так мой стажер, моя тень, превратился в трехмерное существо. Хотелось ему или нет, но он стал частью этой истории.

— О причале ты им тоже ничего не сообщил? — (Он покачал головой.) — А вообще кому-нибудь рассказывал? Другу? Подружке? Постарайся вспомнить.

— У меня нет ни друзей, ни подружек.

Джейсон не стал говорить, почему он так одинок, да это меня и не интересовало. Причины могли быть любыми.

— Продолжай в том же духе.

— Как вас понимать, сэр?

— Прости. Я не о том, чтобы и дальше жить без друзей и подружек. Заводи их столько, сколько душе угодно. Только не рассказывай никому о том, какие слова произносил мой отец в машине и на причале.

Джейсон энергично закивал:

— Никому не скажу, босс. Можете на меня по-

ложиться.

— И еще… Перестань называть меня боссом.

— Серьезно? — Он просиял. — Хотите, чтобы я называл вас по имени?

— Нет, Джейсон, не хочу. Я хочу вот чего: чтобы ты подождал меня у машины. Мне надо подумать.

Итак, во второй раз за нашу недолгую совместную работу я выпроводил молодого Джейсона Кима из дома — жариться под тропическим солнцем и размышлять о своей жизни. Я не был поклонником «три-эс». Каждое общество производит таких людей. Они держатся в тени, живут, постоянно подозревая всех, и одним своим появлением создают напряженность. В их присутствии даже дышится тяжелее. Наверное, «три-эс» были неизбежным злом. Кто-то ведь должен делать грязную работу. Но от этого они не переставали быть злом.

Что же их так заинтересовало? Последние минуты итерации моего отца вряд ли могли иметь какое-нибудь значение для общественной безопасности. Удивляло и то, что на этот, с позволения сказать, разговор вызвали моего стажера, а не меня — главное действующее лицо. Теща ни словом не обмолвилась об этом.

Я вышел из дому. Джейсон ждал меня, сидя за рулем. При моем появлении он опустил стекло.

— Дай мне ключи, — велел я.

— Директор Беннет, я хотел вам сказать…

— Сынок, забудь об этом.

— Нет, я все-таки скажу. Я всегда хотел быть похожим на вас.

«Поверь, тебе это не понравится», — подумал я.

— Мы что, действительно остановимся вот здесь? — недоумевал Джейсон.

Мы подъехали к тротуару на восточном краю площади Просперити, где стояло здание Коллегии по надзору.

— Да, здесь и остановимся. Жди меня в машине.

Мне вполне могли дать от ворот поворот. К председателю Коллегии по надзору не приходят без предварительной договоренности, даже если это ее зять. Я поднялся в лифте на верхний этаж. В приемной Каллисты за столом сидела молодая женщина. Она взглянула на мои документы, затем послала мне дежурную улыбку:

— Чем могу помочь, директор Беннет?

— Я бы хотел, чтобы госпожа председатель уделила мне несколько минут.

— У госпожи председателя нет свободного вре-

мени этим утром. Предлагаю записаться к ней на прием.

— Саша, я не возражаю. — Из дверей кабинета вышла Каллиста в шикарном сером костюме, который был мне знаком: его разрабатывала Элиза. — Проктор, как мило. Чем обязана?

— Нам нужно поговорить.

— Конечно. — Она жестом пригласила меня войти. — Саша, прошу ни с кем меня не соединять.

Огромный, великолепно отделанный кабинет Каллисты соответствовал ее положению. В дальнем конце стоял стол — величественная громада из красного дерева. На таком вполне можно было бы играть в бильярд. Теща кивком указала мне на диван, а сама села напротив.

— Рада тебя видеть, — сказала она. — Может, хочешь кофе? Или чая?

— Спасибо, не хочу.

Она откинулась на спинку стула и скрестила свои красивые ноги.

— Я так понимаю, ты припомнил какие-то подробности случившегося на причале?

— Нет. Я пришел совсем по другому поводу.

— Вот как?

Пока мы ехали сюда, я навел порядок в мыслях

и чувствах. Вмешательство «три-эс» казалось уже не столько загадкой, над которой надо ломать голову, сколько атакой, требовавшей достойного ответа.

— Почему Отто Уинспир допрашивал моего стажера?

— Так, понимаю. — Каллиста профессионально умела владеть лицом. — Его зовут Джейсон?

— Джейсон Ким.

— Прежде всего заверю тебя: никто никого не допрашивал. Несколько вопросов, и только. Министр Уинспир был просто наблюдателем.

— От Джейсона я слышал совсем другое. Парень до смерти напуган.

— Сочувствую бедняге. Обещаю разобраться с этим. Но я думала, ситуация тебе ясна.

— Может, вы еще раз объясните, что к чему?

— Насколько я понимаю, ты рассержен. Рада, что ты заботишься о своем стажере. Но в подобных случаях обязательно проводится официальное расследование. Это просто de rigueur[6]. Я при всем желании не могла бы этому помешать.

— Я тоже должен ждать людей Уинспира? Пусть присылает своих молодцов. Мне нечего

---

[6] Примечания: 6
В порядке вещей *(фр.)*.

скрывать.

— Никто в этом не сомневается. Должна тебе сказать, что «три-эс» как раз хотели побеседовать с тобой. Я отговорила их.

— Да? А с какой стати?

Ее лицо вытянулось.

— Проктор, я тебе удивляюсь. Если честно, меня это немного задевает. Мы же семья. Естественно, я пришла тебе на помощь. Не хотела заострять на этом внимание, но ради тебя я воспрепятствовала официальному расследованию. Думаю, я заслуживаю хотя бы маленькой благодарности.

Надо отдать ей должное. Десять секунд назад я несся на волне уверенности в собственной правоте. Каллиста умело поставила меня в положение виноватого, вынудив извиниться.

— Вы правы, — сказал я. — Приношу свои извинения.

Ее лицо потеплело.

— Пойми, тебе не о чем волноваться. Я на твоей стороне. И очень многие тоже. Прежде всего моя дочь. Слышала, у тебя была встреча с Уорреном.

М-да, моя личная жизнь перестала быть тайной.

— Утром я ездил к нему на осмотр.

— И что он тебе сказал?

— Настоятельно посоветовал успокоиться.

— Твой друг дал превосходный совет. — Взгляд Каллисты посуровел. — У тебя нелегкая работа. И не ты один страдаешь от нее. Желая блага Элизе, я никогда не лезла с советами, держалась отстраненно. Но ее счастье для меня — все. Надеюсь, ты это понимаешь.

Вот такую Каллисту я знал очень хорошо. Эта женщина — что крем для пирожных, нанесенный на кусок железа.

— Для меня тоже, — сказал я.

— Знаю. Поэтому советую не забивать голову всякими мыслями.

Раздался стук в дверь, потом она приоткрылась, и в кабинет заглянула секретарша:

— Госпожа председатель, простите за вторжение, но только что звонили из приемной министра труда. Он направляется на встречу с вами.

Каллиста театрально вздохнула. Спектакль предназначался для меня.

— Это безотлагательно?

— По его словам, да. Что-то касающееся замедления.

— Какого замедления? — спросил я, посмотрев на Каллисту.

— Удивлена, что ты до сих пор не заметил. Производственная активность упала ниже шестнадцати процентов.

— Вы хотите сказать… обслуживающий персонал только делает вид, что работает?

— Такое бывает. В прошлом мы уже разбирались с похожими случаями. — Она встала со стула. — Увы, моя работа не знает замедлений. Я провожу тебя.

Мы прошли к двери.

— Рада, что ты заглянул, — сказала Каллиста. — Надеюсь, я немного успокоила тебя?

Ничуть.

— Да, благодарю.

Каллиста одарила меня улыбкой — обезоруживающей и очень короткой.

— Не забывай, Проктор: мы все — одна команда.

Я вышел в приемную и на полпути остановился, застигнутый мыслью не самого приятного свойства.

— А как вы раньше разбирались с этим?

— С чем? — не поняла Каллиста, уже закрывавшая дверь кабинета.

— С замедлением. Вы говорили, что в прошлом такое уже случалось.

Она беззаботно взмахнула рукой:

— Чуть-чуть подкрутить в одном месте, чуть-чуть в другом. По большому счету это ведь игра, как и все в нашей жизни. Все быстро придет в норму, вот увидишь.

Джейсона я застал возле машины: он что-то объяснял дорожному инспектору, а тот собрался выписывать штраф за стоянку в зоне погрузки.

— Извините, директор Беннет. Я не знал, как поступить. Вы велели мне ждать…

Я помахал перед инспектором своим жетоном и потребовал исчезнуть. Тот мгновенно удалился. Я взял ключи, и мы с Джейсоном уселись в машину.

— Второе правило, — сказал я парню. — Не извиняйся каждые десять секунд. Это раздражает.

— Да, — согласно закивал он. — Понял. Не извиняться.

— И еще. Перестань повторять все, что я говорю.

— Это третье правило?

Я посмотрел на его наивную физиономию.

— Да, — ответил я, и мы тронулись.

Следующим пунктом нашей поездки стала Центральная библиотека.

В ее громадных, тускло освещенных лабирин-

тах хранились знания многих веков. Здесь было собрано все, что накопила человеческая цивилизация со времен, предшествовавших «ужасам». Главный читальный зал по своему величию мог бы поспорить с собором или пиршественным залом средневекового дворца. Помещение освещалось металлическими люстрами на черных цепях, которые висели над рядами столов. Посетители — студенты и ученые — усердно читали и делали записи в тетрадях. Акустика зала настолько усиливала звуки, что даже шепот становился громким, как выстрел. Легкое покашливание мгновенно вызывало неодобрительный взгляд библиотекаря, восседавшего на подиуме в центре зала. Мы с Джейсоном не прошли и десяти шагов, как в нас вперились глаза стража тишины. Это был все тот же гомункулус с тяжелыми веками, которого я помнил по университетским дням. Тогда молнии, вылетавшие из его суровых глаз, пронзали меня до костей. В этот день я чувствовал себя ненамного смелее. Я попросил Джейсона найти себе свободное место, а сам поднялся на подиум.

— Я могу воспользоваться терминалом Центральной информационной системы?

Пришлось снова предъявить документы. Би-

блиотекарь долго изучал их, поджав губы, и намеренно тянул время, всячески показывая, что здесь — его владения, а не мои. Промурыжив меня с полминуты, он сунул руку под стол и достал ключ, прикрепленный к тяжелому деревянному брелоку.

— Пройдите по коридору. Третья дверь слева.

Комнатка оказалась чуть больше платяного шкафа. В ней не было ничего, кроме столика с терминалом и шаткого стула, явно поставленного с намеком: долго засиживаться не стоит. С потолка спускался провод, который заканчивался патроном и лампочкой без абажура. Доступ к Центральной информационной системе имели далеко не все. Обычные граждане его вообще не получали. Даже у меня — управляющего директора — он был ограниченным. И все же я надеялся, что этого хватит для поисков.

Стул оказался неудобным не только с виду, но что поделаешь. Я авторизовался и набрал на клавиатуре:

ПОИСК › ОРАНИОС
ЦИС ответила:
ОРАНИОС ›?

Система распознала слово; значит, в ней долж-

ны были иметься какие-то сведения. Я набрал запрос:

ОРАНИОС › ФАЙЛ

Прошла секунда.
ОРАНИОС › ФАЙЛ НЕ НАЙДЕН

Итак, сведения хранились не в виде файла.
ЗАПРОС › ОРАНИОС
ОРАНИОСЦИС ВХОД ›

Ага! Не файл с данными, а системная команда. Не существительное, а глагол. Я набрал:

ОРАНИОСЦИСВХОД › ПБЕННЕТ8759476

ЦИС ответила:

ВВЕДИТЕ ПАРОЛЬ ›

У меня был всего один, не слишком хитроумный:

ПАРОЛЬ › ЭЛИЗА

Через несколько секунд на экране появилось:

ПРОКТОР, Я ПРОКТОР

Что за чертовщина?..

ОТКРОЙ СВОИ ГЛАЗА, ПРОКТОР.
ОТКРОЙ ЖЕ СВОИ ЧЕРТОВЫ ГЛАЗА.

Прежде чем я успел задуматься об этих двух фразах, они сменились сообщением:

ПБЕННЕТ8759476 › АВТОВЫХОД ИЗ СИСТЕМЫ

Но я же видел те две фразы. Откуда они взялись? Я вновь авторизовался и повторил попытку.

ОРАНИОСЦИСВХОД › ПБЕННЕТ8759476
ПБЕННЕТ8759476 › АВТОВЫХОД ИЗ СИСТЕМЫ

Я сделал еще две попытки, с тем же результатом. Может, мне померещилось? Я отвел взгляд от погасшего экрана. То ли мои глаза утомились, то ли комната непонятным образом изменилась. Она стала еще более тесной, совсем как клетка. Свет действовал на нервы; казалось, лампочка над головой неуловимо мигает. Невесть откуда взялся холод. Я почти видел пар от своего дыха-

ния. Рубашка, взмокшая от пота, стала ледяным коконом. Я помахал рукой перед лицом. Рука была моей… или нет? Я вдруг засомневался, моя ли эта ладонь. Возникло ощущение, что она принадлежит кому-то другому или ее только что прилепили к моей руке.

Я покинул комнатенку в состоянии, близком к панике. Сердце колотилось; я боялся, что это окончится каким-нибудь приступом. Вернулся я настолько взбаламученным, что меня шокировала упорядоченность читального зала. А что я ожидал увидеть, войдя туда? Кривые зеркала, как в пресловутых комнатах смеха? Джунгли с обезьянами, раскачивающимися на лианах?

— Директор Беннет, что с вами?

Библиотекарь пялился на меня. Я протянул ключ; он зыркнул на меня, как гоблин. Оставалось найти Джейсона. Парень сидел, положив ноги на стол, и листал спортивный журнал.

— Директор Беннет, вы хорошо себя чувствуете?

Должно быть, он что-то понял по моему лицу. Сердце успокоилось, но тело еще не согрелось после той проклятой комнатенки. У меня закоченели пальцы.

— Что-нибудь нашли?

— Пока нет, — ответил я не раздумывая. — У меня возникла другая идея.

В библиотеке имелось множество словарей. Были простые, с кучей картинок, предназначенные для новых итерантов. Были специализированные. «Дедушкой» этой богатейшей коллекции словарей считался «Словарь лексики и соответствий английского языка и его истории» Уэллса-Гиффорда. Я повел Джейсона в конец зала, отыскал словарь, положил его на ближайший стол, полистал и нашел нужное слово.

«Ораниос: один из вариантов греческого слова οὐράνιος (Ураниос, Оранос, Уранос); в греческой мифологии — небо в облике бога и отца титанов; нечто небесное, то есть принадлежащее небесам или приходящее с небес; звезды.

Римский аналог: Caelus».

«Caelus», — подумал я и почему-то вспомнил Кэли.

Интересно — почему?

8

Я и не заметил, как погода из солнечной превратилась в пасмурную, но, когда мы свернули к отцовскому дому, над головой уже висели плотные серые облака. Дом был похож на единственного человека, выжившего после грандиозной катастрофы. Мы вышли из машины и поднялись на крыльцо. Приятно было убедиться — после стольких лет, — что ключ по-прежнему лежит под ковриком. Мы открыли дверь и вошли.

— Что мы ищем? — спросил Джейсон, едва мы оказались в прихожей.

— Хороший вопрос.

И в самом деле. Как я должен относиться к тому факту, что последнее слово отца на пароме и имя чуть ли не самой депрессивной в мире девчонки, по сути, обозначают одного и того же персонажа классической мифологии? Что они, в общем-то, синонимы? Да, меня это потрясло. Думаю, с любым на моем месте случилось бы то же самое. Однако, как относительно здравомыслящий человек, я был решительно склонен считать это простым совпадением.

И тем не менее…

Мы двинулись дальше. Какая мертвая тишина! Всего два дня назад я забирал отсюда отца, чтобы отвезти на паром, а теперь казалось, что он покинул наш мир давным-давно. Я постоял у порога гостиной, стараясь увидеть ее свежим, непредвзятым взглядом стороннего наблюдателя, но это было трудно. Все, на что натыкался мой взгляд, вызывало лавину воспоминаний. Несмотря на все усилия, я смотрел сквозь пелену событий прошлого.

— Осмотри кухню, — велел я Джейсону.

Я прошелся по гостиной. Ничто не изменилось, ничто не казалось странным. Так выглядят заброшенные комнаты. Но глаза подмечали печальные мелочи, связанные с последними днями отца. Два дня назад я не обратил на них внимания. Сборник кроссвордов на боковом столике, раскрытый, лежащий обложкой вверх. Тапки перед любимым отцовским стулом. Недопитый бокал разбавленного виски на столе. Стопка непрочитанных писем. (Кто, собираясь на паром, станет читать письма? Разумеется, никто.)

Вернулся Джейсон.

— Нашел что-нибудь?

— Грязные тарелки в кухонной мойке.

Мне не хотелось смотреть на следы последней

отцовской трапезы. Да и зачем?

— Идем со мной, — велел я парню.

В отцовский кабинет можно было попасть из прихожей, пройдя по коридорчику. Сколько я помню, двустворчатая застекленная дверь всегда была занавешена с внутренней стороны. Даже теперь я не решался просто нажать ручку и войти. Кабинет был святая святых отца, его личным мужским пространством, куда меня звали очень редко и лишь с одной целью — прочитать нотацию. На первый взгляд обстановка не изменилась, но перемены вскоре обнаружились и здесь. Стеллаж с юридической литературой и пухлыми папками, содержавшими материалы о прежней деятельности отца, находился на своем месте, однако письменный стол, который всегда стоял посередине, был сдвинут к окну, а на его месте стоял чертежный. На нем лежал крупный чертеж какого-то судна, подпертый по краям массивными стеклянными пресс-папье. Судно, естественно, было парусным. Чертеж состоял из трех фрагментов. Первый — вид сбоку при поднятых парусах, второй — вид корпуса в разрезе, третий — внутренние помещения: кают-компания, камбуз, каюты в носовой и кормовой частях, машинное отделение. Изображение было фан-

тастически подробным, вплоть до мельчайших деталей оснастки. Судя по указанному масштабу, судно имело внушительные размеры: свыше восьмидесяти футов в длину.

— Ваш отец строил это судно? — спросил Джейсон.

— Не представляю, как он мог. Ты видел его мастерскую.

— Тогда зачем ему понадобился чертеж?

Этого я не знал. Я подошел к стеллажам. Как я уже сказал, там в основном помещались юридическая литература и документация. Но несколько полок были отданы морской тематике: истории путешествий, кораблестроение, рассказы о морских приключениях, навигация по солнцу и звездам. Помимо книг, на полках стояли разные вещицы, тоже имевшие отношение к морю. Кораблик в бутылке. Гироскопический компас в изящном деревянном футляре. Секстант. Я провел пальцем вдоль полок. Они оказались чистыми. Я поднес палец к носу и ощутил запах полировочного средства для мебели.

— Давай посмотрим второй этаж.

Мы начали с родительской спальни. Комната была просторной и двусветной: окна выходили частью на восточную лужайку и сад, частью

на океан. Одна сторона широкой кровати была застелена аккуратно, вторая — наспех. На полу валялись груды одежды, ящики комода были выдвинуты. Мой взгляд натыкался то на недопитые чашки с чаем, то на грязные тарелки.

— Запах, однако, — наморщил нос Джейсон.

И действительно, дело было не только в подгнивших объедках. Я сразу почувствовал старческий запах, очень характерный, похожий на кислое дыхание. Мы начали с гардероба. С одной стороны висели отцовские блейзеры, костюмы и обожаемые им полотняные брюки, тщательно отглаженные. С другой — мамины платья и блузки, слегка потерявшие форму. Я проверил полки гардероба, просмотрел ящики бюро, потом встал на четвереньки и заглянул под кровать, но не обнаружил там ничего, кроме шариков пыли. Выбравшись оттуда, я вдруг с грустью понял, что плохо заправленная сторона кровати — мамина. Отец спал на ее стороне.

— Это она? — спросил Джейсон.

Он смотрел на небольшую фотографию в рамке, стоявшую на отцовском бюро. Я взял ее. Родителей сняли на какой-то вечеринке. Отец выглядел значительно моложе мамы. Он был в смокинге, а та — в облегающем красном платье. Они стояли

плечом к плечу и улыбались. Снимок был сделан еще до моего появления в их жизни.

— Красивая женщина, — сказал Джейсон.

Меня тронули его слова.

— Да. Она была красивой. И очень общительной.

— А как ваши родители встретились?

— Мама работала у отца. И уволилась, когда они усыновили меня.

Я подумал, не забрать ли фото с собой, но тут же отказался от этой затеи. Зачем? Оно будет лишь вгонять меня в депрессию. И потом, брать что-либо из дома считалось противозаконным. Снимок, как и все личные вещи отца, теперь являлся собственностью Центрального банка.

— Продолжим осмотр, — сказал я, ставя рамку обратно на бюро.

Две гостевые комнаты ничего нам не рассказали. Они выглядели так, словно туда годами никто не заглядывал. Исчерпав все варианты, мы свернули в боковой коридорчик и остановились у двери комнаты, которая когда-то была моей. Я подсознательно оставил ее напоследок и вдруг понял почему: из-за телескопа.

Самое раннее мое воспоминание, и притом предельно ясное. Мой первый день после парома,

когда вокруг — сплошные странности. Отец повел меня в комнату, сказав, что теперь она моя. И там, среди множества незнакомых вещей, я увидел красивый таинственный предмет: длинную, тонкую трубу, обтянутую кожей. Она крепилась к сверкающей медной скобе (точного названия я не знал), а скоба — к деревянному полированному штативу, поставленному в эркере. Мой взгляд сразу же примагнитился к волшебному прибору. «Что это? — спросил я у мужчины, назвавшегося моим отцом. — Для чего это нужно?» Я увидел радость в глазах отца, словно он ждал этого вопроса. Он стал объяснять устройство линз и принцип работы телескопа. Оказалось, телескоп способен приближать то, что находится далеко, и увеличивать мелкие предметы. В далекие времена мореплаватели вовсю пользовались телескопами (только те были поменьше и назывались подзорными трубами), чтобы вести наблюдения и ориентироваться по звездам. Отец употреблял много незнакомых слов, но мне понравилась сама манера объяснения. Многое прояснилось, когда я прильнул к окуляру и навел трубу на океан. Парусная лодка, до того еле видная, стала четко различимой. Зрелище показалось мне чудом; я задыхался от восхищения. Я понимал, что отец,

рассказывая о действии оптического прибора, на самом деле говорит о том, как человек — в данном случае я — должен взаимодействовать с миром.

Поначалу телескоп был источником нескончаемого восхищения. Я часами всматривался в окуляр, познавая мир, частью которого теперь являлся. Разглядывал волны с белыми барашками, парусники, бесстрашно несшиеся под напором ветра, а вечерами созерцал луну, похожую на человеческое лицо: казалось, будто она тоже смотрит на меня и признает, что я существую. И конечно же, смотрел на звезды. Постепенно мои интересы изменились, и я мог повесить на телескоп рубашку, не испытывая прежнего благоговения. Но в памяти он оставался символом моей юности, величайшим из чудес той поры, когда я только вступал в жизнь.

Открыв дверь, я увидел, что телескопа нет. Мебели тоже. Комната была пустой.

Я остановился как вкопанный и с грустью подумал, что наше взаимное отчуждение, наступившее после гибели мамы, было очень болезненным для отца. И тогда он опустошил комнату, дабы вычеркнуть меня из своей жизни. Но человек, с которым я сидел два дня назад, вовсе не казался мне таким.

— Чем пахнет? — спросил я Джейсона.

Он принюхался:

— Свежей краской?

Я провел рукой по стене. Поверхность была совершенно гладкой. Потом я взглянул на пол и заметил белые капельки возле плинтуса.

— Когда те двое беседовали с тобой, они спрашивали что-нибудь о моем отце? — спросил я, повернувшись к парню.

Он ненадолго задумался.

— Простите, директор Беннет, но я не помню. Я был сильно напуган.

— А третий? Ты уверен, что он не включался в разговор и не задавал тебе никаких вопросов?

— Именно так. Он просто сидел. — Джейсон прищурился. — Думаете, это сделал кто-то из «три-эс»?

— Не знаю, но краска едва успела высохнуть. Мы с тобой не первые, кто побывал здесь после нашего отъезда в среду.

Я снова принялся разглядывать стены. Что-то здесь было, я чуял это. Однако глаза ничего не видели.

Мы вернулись ко мне домой. Я сказал Джейсону, что надо поставить машину в служебный гараж, а дальше он волен делать все, что ему

заблагорассудится.

— Вы уверены? Вам действительно больше не надо никуда ехать?

— Уверен. Приятных выходных. — Я вылез и подошел к водительскому окошку. — И последнее. О том, где мы были сегодня, никому ни слова.

— А что, если это все-таки «три-эс»?

— Тогда тем более. Если они вдруг объявятся, сразу звони мне.

Парень молчал, уставившись на рулевое колесо.

— Но я хочу сказать, директор Беннет… Мне очень жаль, что с вашим отцом случилось такое.

Эти слова с незначительными вариациями я слышал в течение всех трех дней. По меткому выражению одного человека, они служили «психологическим болеутоляющим». Но в устах Джейсона они звучали по-другому.

— Спасибо, Джейсон. Я очень признателен.

— Мои родители вместе пошли на ретайрмент. Это было три года назад. Может, вы их помните? Фрэнк и Леони Ким.

Я вдруг вспомнил. Правда, их контрактами занимался другой паромщик, но я следил за ходом дела, поскольку оно касалось парного ретайрмента. Такое случалось, хоть и редко. Они дважды

продлевали свой брачный контракт и прожили вместе почти шестьдесят лет. У Фрэнка, который был старше жены, были проблемы со здоровьем, требовавшие дополнительных документов. Их питомец учился в университете.

— Разве мы с тобой тогда встречались?

Он кивнул:

— У них дома, в день отправки на паром. Там собралось много народа, но вы отвели меня в сторону и пожали мне руку. И еще похвалили за смелость.

— Серьезно?

— Да. Это было очень здорово.

Все это время Джейсон терпеливо ждал, когда я вспомню тот день.

— Джейсон, прости. Я должен был вспомнить.

— Мы встретились, когда у вас хватало своих забот, — пожал плечами он. — Все нормально.

Нет, черт возьми, это было ненормально. Я постучал по крыше машины и отошел.

— Увидимся в понедельник.

Я посмотрел вслед отъезжающему седану, затем пошел в дом, странно пустой. Потом я вспомнил, что Элиза отправилась за город. Я проверил записи на автоответчике. Она не звонила. Подумав, я решил, что это даже к лучшему. Что я сказал бы

ей? Как объяснил бы события этого странного и тревожного дня?

Я смешал себе коктейль и отправился в патио. Со стороны моря наползали густые облака. Температура падала. Я сел в шезлонг и вскоре продрог. Пришлось взять из спальни одеяло, но и оно не согрело меня.

Я вернулся в дом, чтобы сделать вторую порцию, и услышал телефонный звонок. «Наконец-то Элиза позвонила, — подумал я. — Хочет заверить, что не забыла о моем существовании». Но я услышал совсем другой голос — правда, тоже женский.

— Привет, господин паромщик. Кажется, я не вовремя?

— Кэли?

— Сейчас проверю. Да, это явно Кэли.

Излишне говорить, что ее звонок застиг меня врасплох.

— Как ты нашла мой номер?

— Вы слышали про телефонные книги? Сейчас расскажу, почему звоню… Вы говорили, что ваша жена… модельер. Так? Я подумала: может, она придумает какую-нибудь одежку для меня? И еще: я хотела бы с нею познакомиться. Раз уж мы с вами друзья и все такое.

— Кэли, а твои родители знают, что ты мне звонишь?

— Ну вот, опять, — вздохнула она.

— Думаю, надо бы сказать им.

— Вы все усложняете.

— Что усложняю?

— Да это! — с отчаянием выпалила она. — Вообще все! Я лишь пытаюсь помочь!

Похоже, с девчонкой происходило что-то странное и настораживающее.

— Кэли, у тебя все в порядке? Ты одна или рядом кто-то есть?

— Вы же говорили, что вам грустно? Вот я и пытаюсь поднять вам настроение. Уфф!

— Кэли, со мной все в порядке. Спасибо за заботу, но беспокоиться не о чем. Я прекрасно себя чувствую.

— Значит, я могу встретиться с ней?

— Думаю, да. Только не сегодня.

— Как по-вашему, я ей понравлюсь?

Я решительно не понимал, почему это так важно для Кэли.

— Почему бы и нет? — ответил я вопросом на вопрос.

— Потому что, если я ей не понравлюсь, это… будет меня цеплять. И еще я хотела вам сказать,

что какое-то время вы меня не увидите.

— Да? И куда же ты едешь?

— Сама не знаю. Просто подумала, что надо предупредить. А то вдруг вы начнете волноваться.

Я не знал, как относиться к столь откровенному заявлению. Подождав — Кэли, однако, ничего не добавила, — я сказал:

— Что ж, спасибо, что сообщила. Жаль, конечно.

— Мне тоже, — призналась Кэли. — Ну вот, сказала вам все, что собиралась. Спокойной ночи, господин паромщик.

После этого она повесила трубку. Я стоял в полном замешательстве и смотрел на телефонный аппарат. Может, она попала в беду? Ее слова казались какими-то… зашифрованными, словно она хотела о чем-то сообщить мне и при этом не подставиться.

Телефон снова зазвонил.

— Мистер Беннет? Это Тия Димополус.

Мне понадобилась пара секунд, чтобы переключить мысли. Тия намеренно обратилась ко мне «мистер Беннет». Если бы Элиза была рядом, она решила бы, что мне звонят с работы.

— Надеюсь, вы не в обиде на меня за то, что я потревожила вас дома.

Совсем наоборот. После событий этого дня я чувствовал себя одиноким и взвинченным. Мне не хотелось оставаться наедине со своими мыслями.

— Ничуть, — ответил я и добавил: — Я тут один.

— Я очень довольна нашим вчерашним разговором. Мне принесут новое произведение. Я подумала, что оно может вас заинтересовать.

— И что же это такое?

— Понимаю, что сваливаюсь как снег на голову. Но может, у вас завтра найдется время и мы встретимся за ланчем?

9

Когда-то мы с Элизой были по-настоящему счастливы. Более того, после первой встречи нам показалось, что судьба предназначила нас друг для друга. А встретились мы на каком-то официальном сборище, оказавшись на соседних местах за столом. Мы представились друг другу, и с той минуты я не мог отвести глаз от Элизы. Не из-за ее красоты, хотя и это сыграло свою роль. Меня охватило чувство, что моя жизнь полностью меняется, словно я вдруг обрел ключ к двери, которую очень долго не открывали. Это чувство становилось все сильнее. Мы оба с головой погрузились в разговор, зал и другие люди перестали существовать для нас. Когда оркестр заиграл первый танец, я встал и протянул Элизе руку. Она молча протянула свою и понимающе улыбнулась, тоже поняв, что этот вечер стал судьбоносным. Я повел ее танцевать, и она впервые оказалась в моих объятиях.

Весь вечер мы танцевали только друг с другом.

Дни ухаживания были окутаны дымкой счастья. Меня восхищало в ней все: взгляды на жизнь, карьера, рассказы о прошлом. Я словно

нашел единственную на земле женщину, предназначенную только для меня. Моя работа ничуть не отпугивала ее. Наоборот, она хотела знать мельчайшие подробности и искренне восхищалась тем, чем я занимался. С появлением в моей жизни Элизы все стало казаться возможным. Я не верил в свое счастье. И однажды солнечным днем, ровно через два года с момента нашей встречи, мы подписали брачный контракт на пятнадцать лет. Я бы с радостью подписал контракт и на сто лет, но пятнадцать — стандартный срок для первого контракта, который при желании всегда можно продлить. По обычаю, нас посыпали рисом, и под добрые пожелания родных и друзей мы шагнули в семейную жизнь.

И все же что-то не давало мне покоя. Разумеется, невозможно полностью узнать другого человека, даже если это твоя жена. В конце концов, мы — узники собственного разума. Но с Элизой (здесь сыграла роль моя профессиональная подготовка) случилось что-то более серьезное; я ощущал скрытую печаль, которую ей не удавалось спрятать под улыбками. Например, я заставал ее смотрящей в окно; на лице отражалась душевная боль, причину которой она силилась понять и не могла, что терзало ее еще сильнее. Порою

она впадала в легкую рассеянность, что продолжалось несколько часов и даже дней. Может, когда-то в ее жизни произошла трагедия? Может, она получила психологическую травму, запрятанную теперь так глубоко, что даже ей самой не проникнуть туда? Я пытался расспрашивать ее (разумеется, с величайшей осторожностью), но она клялась, что с ней все в порядке.

Однако с ней что-то происходило. Я чувствовал, что трещина между нами становится шире с каждым годом, а мое горячее желание взять приемного сына или дочь еще больше портило дело. (Может, это желание было вызвано, частично или целиком, надеждой, что питомец снова сблизит нас? На самом деле оно еще больше отдалило нас друг от друга.) Между нами не возникало явных трений; во всяком случае, крупных ссор не было. Как я уже сказал, мы были вполне довольны совместной жизнью, а пламя страсти не может пылать вечно. Но мы с Элизой плыли по течению, отчего я чувствовал себя глубоко одиноким.

Я рассказываю об этом не из желания оправдаться за все, что последовало: это невозможно. Просто стараюсь как можно точнее описать свое умонастроение, которое субботним июньским днем привело меня в экзотический подвальный

ресторанчик, на ланч с другой женщиной. Так началась история, в которой я вовсе не выглядел героем.

Итак, представьте себе зал подвального заведения. Окон нет. Освещение искусственное, довольно тусклое. Здесь царит приятная прохлада, тогда как на улице нещадно печет солнце. День выдался невероятно жарким. А в зале не только прохладно, но и тихо, если не считать легкого стука столовых приборов о тарелки. Я пришел на десять минут раньше. Нервничал ли я? А какой мужчина не нервничал бы, сидя за пустым столиком со стаканом воды в руках и размышляя о нарушении своих брачных обетов? Все утро я испытывал сильное нравственное беспокойство. Я неоднократно порывался позвонить и отменить встречу (но так и не позвонил). Зал ресторана был невелик — двенадцать столиков, из которых были заняты всего четыре. За каждым сидели двое, поглощенные доверительным разговором, чему способствовала атмосфера заведения. Был ли я здесь единственным потенциальным прелюбодеем, или полуденное свидание в ресторане «У Мальволио» подразумевало нарушение супружеской верности? Какого черта я здесь торчу? Мне подумалось, что я непра-

вильно понял ситуацию. Я уже давно не играл в такие игры и, скорее всего, неверно истолковал сигналы. Я был женатым мужчиной средних лет. Вероятно, на меня навалилась профессиональная депрессия: из всех мрачных работ, какие только существуют, моя была самой мрачной. С какой стати женщине вроде Тии Димополус проявлять ко мне хотя бы малейший интерес?

Все эти мысли мгновенно улетучились, когда через пять минут в зале появилась Тия.

Глядя, как она идет к столику, я встал. Она была такой же, как позавчера, то есть действовала на меня гипнотически.

— Я не опоздала? — тихо спросила она.

— Ничуть.

Последовала неловкая пауза. Как я должен был приветствовать ту, с которой имел пятнадцатиминутный флирт, два неполных дня занимавший мои мысли, хотя я и старался избавиться от них? Тия спасла положение: подалась вперед, и мы поцеловали друг друга в щеку.

— Вам доводилось здесь бывать? — спросила она, когда мы уселись.

Как-никак место встречи выбирала она, а не я.

— Доводилось, но не помню когда.

— Обожаю этот ресторан. Мне нравится здеш-

ний уют.

Стоило Тие посмотреть в сторону официанта, стоявшего за стойкой, как он мгновенно подошел к нам.

— С чего мадам желает начать? — спросил он, чиркая длинной спичкой и зажигая свечу на нашем столике. — Коктейль? Или, может, вино?

— Как вы считаете, для вина не слишком рано? — с озорной улыбкой поинтересовалась Тия, обращаясь ко мне.

Я заказал бутылку вина, появившуюся в тот же миг словно по волшебству. Официант продемонстрировал нам этикетку, затем откупорил бутылку, и все это с деликатной учтивостью, словно он хотел сказать: «Я понимаю, что у сэра и мадам свидание». Затем он наполнил объемистые бокалы. Казалось, в них льется не вино, а золотистый свет. Мы сделали по глотку, хотя мне было трудно не смотреть на Тию. Чем же она отличалась от других женщин? На ум пришло слово «естественность». В этом зале она выглядела естественнее других. Мысль опечалила меня (куда исчезла моя жена?) и одновременно усилила почти магнетическое воздействие Тии.

— И с чего же мы начнем? — спросила она.

— Вы говорили о каком-то новом произведе-

нии.

— Я так и сказала? — рассмеялась она. — Какая же я хитрюга! По правде говоря, мне просто захотелось встретиться с вами.

— Я догадывался.

— Вот и умница.

— Значит, никакого нового произведения нет. Правильно?

Тия прислонилась к спинке стула.

— Новые произведения есть всегда. Как вам картина с котом, сидящим на подоконнике? У меня есть парочка сентиментальных морских пейзажей, которые могли бы вам понравиться.

Вернулся официант, чтобы принять заказ. Мы что-то выбрали. Однако подробности совершенно не занимали меня — я находился под чарами Тии.

— Хочу кое-что рассказать вам, — продолжила Тия. — Есть по-настоящему хорошие картины. Только они не отсюда.

— А откуда?

— Все это с Аннекса. Удивлены? — спросила она, увидев мою изумленную физиономию.

Мне вспомнился тот пассажир в автобусе: грязные руки, испорченные зубы, грубая речь, ненависть, горящая в глазах.

— Немного удивлен. Я всегда думал…

— Не только вы. Все так думают. Но поверьте мне, там живут разные люди. В том числе один художник. Мы с ним подружились. Этот человек абсолютно гениален.

— Слишком смелое заявление.

Она пригубила вина.

— Возможно, но так оно и есть. Вам стоит взглянуть на его картины. Насыщенные, будоражащие, совершенно уникальные. Но их он не продает. Я сто раз пыталась их купить.

— Разве ему не нужны деньги?

— Уверена, что нужны, только вряд ли это его заботит.

— Просто святой.

— Или безумец. Наверное, то и другое… Можно вас спросить кое о чем?

— Конечно.

— Почему позавчерашний концерт вызвал у вас такую ненависть?

— Все очень просто, — засмеялся я. — Он вогнал меня в скуку.

— Скука — это одно, а ненависть — совсем другое. Я видела: ненависть не покидала вас ни на секунду. Потом вас вынесло из зала.

— Откуда вы знаете?

— Я сидела за вашей спиной.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы переварить услышанное.

— Получается, вы… преследовали меня?

— «Преследовала» — сильно сказано. Становится как-то не по себе. Согласны? — Тия запрокинула голову и засмеялась. — Хорошо, можете в меня стрелять. Да, я преследовала вас. Правильнее сказать, последовала за вами. Кралась по пятам до самого балкона. Мне захотелось узнать больше о человеке, у которого игра этой заводной куклы вызвала такую же ненависть, как и у меня.

Я не знал, как отнестись к ее словам. С одной стороны, было досадно, что кто-то читал меня, будто открытую книгу. С другой — я едва ли мог сожалеть о последствиях. Я очень давно не испытывал ничего подобного: ощущения, что личность другого человека затягивает меня.

— Знаете, вы правы, — сказал я. — Я действительно возненавидел этот концерт. Исполнение показалось таким… пустым. Даже нечеловеческим. Вы правильно сказали о ней: заводная кукла. Все звуки были безупречными, но за ними не стояло ничего, никаких подлинных чувств.

— Словно в ее жизни никогда не происходило ничего настоящего, — подхватила Тия.

— Вот-вот. — Я мотнул головой, прогоняя воспоминание о пианистке. — Раньше мне нравилось ходить на такие концерты. По крайней мере, они не вызывали у меня протеста. А сейчас… не могу понять.

— Просто в один прекрасный день ваши чувства изменились, только и всего.

— Я не смотрел на вещи под этим углом, но вы правы. С вами случилось то же самое?

Тия задумалась.

— И да и нет. Это началось рано, хотя тогда я не отдавала себе отчета. Мои родители водили меня везде. Музеи, концерты, оперы, спектакли. Не стряпня, предназначенная для новых итерантов, а солидный культурный багаж. Вам может показаться, что я шучу, но однажды родители заставили меня сидеть на всех операх Вагнера из цикла «Кольцо нибелунга». Четыре дня подряд я слушала тяжеловесную оперную музыку.

— Досталось же вам от них.

— Они делали это с благими намерениями. И мне казалось, что я очень взрослая. В этом-то и была проблема. Я ничего не понимала в этих шедеврах, и они мне совсем не нравились, но я мастерски научилась притворяться и изображать восхищение.

— Ваши родители были из мира искусства?

— Боже упаси! — засмеялась Тия. — Отец работал в Министерстве финансов, а мать дни напролет каталась верхом.

— Стало быть, галерея…

— Назовем это сверхкомпенсацией. В университете я получала высшие баллы по предмету «творческое самовыражение и эстетика». Я думала, это поможет мне разгадать тайну того, почему одни вещи считаются прекрасными, а другие — наоборот, но вышло гораздо хуже. Вся эта возвышенная болтовня — какое отношение она имела к реальности? Вы знаете, кем был Пикассо?

— Наверное, какой-то знаменитостью, — предположил я, делая очередной глоток вина.

— Испанский художник, живший в двадцатом веке. Он изобрел направление в живописи, которое назвали кубизмом. Это трудно объяснить словами, нужно самому увидеть кубистические работы. В общем, он показывал тот или иной предмет сразу в трех измерениях. Понимаете? Зритель видел его под разными углами, причем одновременно. Когда смотришь на картины Пикассо, кажется, что все изображено более правдиво, таким способом, о котором ты даже не

задумывался. Это какой-то необычный мир грез. Там нет ничего красивого в привычном смысле, у зрителя возникает некомфортное ощущение, но в этом вся соль. Правда не всегда приятна. Познакомившись с творчеством Пикассо, я решила после окончания университета открыть галерею. Захотелось найти других художников, способных вызвать у меня такие же чувства. Ведь не мог же Пикассо быть единственным! И не вся живопись состоит из натюрмортов с цветами и фруктами. — Тия сокрушенно пожала плечами. — Вскоре я поняла, что ошиблась. Художники плодят банальщину.

— Кроме вашего друга с Аннекса.

— Да. — Она подняла бокал, словно собираясь выпить в его честь. — Кроме него.

Мне стало любопытно, и я спросил:

— И вы часто туда ездите? На Аннекс?

— Не сказала бы, что часто. Но езжу.

— Значит, у вас там есть друзья.

— Можно сказать и так. — Она вдруг насторожилась. — А почему вы спрашиваете?

— Мне недавно встретился один человек. Не то чтобы встретился… Мы с ним немного поговорили на автобусной остановке. Мне показалось, что он из обслуги, но занимает высокое положение.

Он читал книгу, которая называлась «Принципы Учения о Прибытии». Вы что-нибудь знаете об этом учении?

— Слышала. На Аннексе много его приверженцев. А у меня есть лишь самые общие представления.

— Расскажите.

Тия сделала несколько глотков и поставила бокал на стол.

— Это разновидность религии. Свой главный догмат они называют Великим Замыслом. Нечто вроде награды на небесах после земных тягот. Примерно так. Праведное восхождение и достижение мифической земли обетованной. Власти не признают Учения о Прибытии, но пока относятся к нему терпимо.

— Эти люди поклоняются кому-нибудь?

— Да. Великой Душе. Это их богиня. Или бог. Или божество. Честно говоря, все это весьма расплывчато и туманно.

— И много на Аннексе последователей этого учения?

— Трудно сказать. Они очень скрытные.

— А ваш художник?

— Не знаю. Никогда не спрашивала.

Странно: столкнувшись с тем человеком, я

почти забыл о нашей встрече, однако что-то запало мне в душу и заставило заговорить об этом с Тией.

— Человек, который мне встретился… Он постоянно называл меня «другом».

— Приятный, доброжелательный человек. Что вас удивляет?

— Меня удивили не столько его слова, сколько то, как он их произнес. Он сказал: «Прибытие грядет, друг. Да свершится Прибытие». Прибытие куда?

Она улыбнулась:

— Вечный вопрос. Думаю, туда, куда мы движемся.

Мы перестали говорить об этом. Официант принес заказ — блюда из рыбы. Мы ели и беседовали на разные приятные темы. Золотистого вина в бутылке становилось все меньше.

— Проктор, должна вам честно признаться кое в чем, — сказала Тия, когда мы доедали десерт. К этому времени зал опустел. — Не удивлюсь, если после этого вы выставите мне счет за моральный ущерб.

— Сомневаюсь.

— А зря. — Она глубоко вздохнула. — Я отправилась вслед за вами на балкон еще по одной

причине. В среду я была на причале и видела, что там произошло. — (Я оцепенел.) — Иногда я хожу туда… проводить паром. Зачем? Не могу толком объяснить. Наверное, чтобы посмотреть на людей, которые… обрубили все связи с прежней жизнью.

Казалось, она показала мне уровень существования, о котором я не знал: параллельный моему, но не пересекающийся с ним.

— Значит, все это вы затеяли, чтобы… удовлетворить свое нездоровое любопытство?

— Должна признаться, мне было любопытно.

— Что именно?

— Не что, а кто. Естественно, вы. Работа паромщиков. Я всегда считала этих людей… не знаю, как правильнее выразиться…

— Упырями?

— Это уже чересчур. Но по сути — да. — Тия внимательно посмотрела на меня. — Меня удивило выражение вашего лица. То, как вы вели себя с тем стариком. Я ожидала совсем другого.

— А чем отличалось мое поведение?

Она задумалась.

— Мягкостью? Нет, не то. Что-то более глубокое… Вы знали этого человека?

— Он был моим приемным отцом.

— Понятно, — растерянно прошептала Тия.

— Правда, мы несколько лет не общались друг с другом.

— Возможно, этим и объясняется ваше поведение. Все это потерянное время. Представляю, как тяжело вам было прощаться. Обоим.

«Все это потерянное время». Она имела в виду годы, которые мы с отцом провели впустую: каждый из нас думал, что так лучше для другого. Однако в словах Тии я услышал не только это. Не один десяток лет я брел по жизни, как лунатик. Я выбирал то, что кто-то уже выбрал для меня. Я произносил чужие слова, как актер, репетирующий роль. Мир учил нас такому поведению, но оно не имело ничего общего с настоящей жизнью. И теперь я впервые почувствовал, что просыпаюсь.

— А знаете, вы напоминаете мне одну особу, с которой я недавно подружился.

— И кто она?

— Девочка-подросток. Я познакомился с ней на берегу. Она тоже не спускает мне банальных отговорок.

— Что ж, вам повезло с такой подругой. — Тия помолчала. — А потом я увидела вас на концерте, узнала и… остальное вам известно. — Она

настороженно посмотрела на меня. — Я все испортила, да?

— Ничуть, — возразил я и улыбнулся в подтверждение сказанного. — Рад, что вы признались. Приятно поговорить о таких вещах.

— Вы имеете в виду честный разговор.

Я кивнул.

— Раз уж речь зашла о честности… Ваша жена…

— А-а.

— Она знает, что вы здесь?

Я покачал головой:

— Уехала на выходные.

— Значит, наша с вами встреча…

— …не будет предметом моего разговора с ней.

Мы расплатились и покинули ресторан. Едва мы оказались на тротуаре, как солнце ударило нам в глаза, а жара плотно взяла в кольцо. Воздух обжигал легкие. Я даже вздрогнул.

— Боже! — простонала Тия. — Какой ужас! Кто сломал погоду?

Я взглянул на часы. Было самое начало четвертого.

— У меня есть идея, — сказал я.

— Проктор, какое чудесное суденышко!

— Это не суденышко. — (Тия удивленно посмот-

рела на меня.) — Не суденышко и не кораблик. Парусная лодка, — пояснил я. — И все парусные лодки — женского рода.

Тия шагнула в мастерскую моего отца и медленно обошла вокруг лодки. Дойдя до кормы и прочитав название, она спросила:

— А кто такая Синтия?

— Так звали мою маму. — Стоило ли вдаваться в подробности? — Она умерла намного раньше отца.

— И ваш отец построил лодку, назвав ее именем.

— Да.

— Так это же здорово! — весело улыбнулась Тия. — И мы сейчас поплывем на ней?

— За этим я и привез вас сюда.

Покрутив лебедку, я приподнял стапель. Мы с Тией надавили на нос лодки, и отцовская красавица покатилась по роликам в воду, двигаясь кормой вперед. Послышался легкий всплеск. Когда лодка оказалась на воде, я закатал брючины, вылез на причал и, держа лодку за фалинь, довел ее до конца причала и привязал к тумбе, а сам перебрался в кокпит. С юго-востока дул устойчивый ветер. Пока Тия наблюдала за мной с причала, я приладил руль и румпель, отщелкнул

стопор швертбота и поднял парус. Новенький, хрустящий и ослепительно-белый.

— Как мне забраться на палубу? — спросила Тия.

— Я вам помогу.

Я протянул ей руку. Она уселась на край причала, ногами нащупала палубу, собралась с духом и оказалась в лодке.

— Мы пойдем правым галсом, — сказал я.

— Правым… чем?

Она улыбалась, я тоже. Последний раз я плавал на лодках еще при жизни мамы. На борту я чувствовал себя как дома, в более естественной среде. Еще одно удовольствие, в котором я долго себе отказывал.

— Правым галсом. Когда вы смотрите на нос лодки, парус будет слева, — пояснил я. — Этот борт называется левым, а противоположный — правым. Ветер будет дуть с той стороны.

— Понимаю, — с наигранной серьезностью ответила Тия. — Столько морских терминов.

— Пока что предлагаю вам просто посидеть на скамье.

Тия послушно уселась. Я отчалил, прошел на корму, потянул румпель на себя и до отказа натянул гика-шкот. Послышался легкий щелчок,

парус наполнился ветром, и мы поплыли.

— Как легко у вас получается, — сказала Тия.

— На самом деле управлять парусной лодкой совсем несложно.

— Мне так не показалось. — Она закрыла глаза и запрокинула голову, подставив лицо ветру. — Какой чудесный ветер!

— Это лишь одно из многих преимуществ плавания по морю на лодке.

Тия махнула левой рукой в сторону носа.

— Что ж, капитан, умчите меня подальше от берега, — сказала она и, подумав, добавила: — Я не ошиблась? Вы же не только рулевой, но и капитан.

— Вы схватываете на лету.

— Если не ошибаюсь, я в таком случае становлюсь старшим помощником. Меня это вполне устраивает.

Когда выходишь на лодке в море, размеры отдельных частей мира меняются. Суша отодвигается, а море, наоборот, расширяется, становясь более синим и неспокойным. Во всем этом есть отзвук чего-то грандиозного. Человек невольно ощущает себя маленьким и в то же время связанным с могущественными силами; он становится частью огромной планетарной стихии.

Я глубоко погрузился в это «здесь и сейчас» — более подходящее для меня бытие. «На лодке не захандришь», — часто говорил отец, и это было правдой, по крайней мере для меня. И вот после жуткой недели я сижу на палубе «Синтии». Рука лежит на руле. Ветер наполняет парус. Я плыву вместе с привлекательной, умной женщиной, открыто заявившей о своем интересе ко мне. Я и представить не мог, что окажусь в совершенно новой реальности.

— Теперь я понимаю, почему вам это нравится, — сказала Тия.

По голосу я понял, что она заворожена плаванием.

— Хотите сесть за руль?

Сомнение на ее лице быстро сменилось восторгом.

— А что, можно?

Мы поменялись местами. Я показал ей, как надо держать руль.

— Мы сейчас находимся на галсе, — сказал я. — Это значит, что ветер дует более или менее в одном направлении. Вам надо делать вот так. — Я стал двигать руль, показывая, как нос лодки поворачивается по ветру и против ветра. — Видите, как управляют лодкой?

— Похоже на магию, — довольно улыбаясь, призналась Тия.

— На самом деле чистая физика. Рассказать принцип действия?

— Не сейчас. — Она наморщила нос. — Не хочу портить впечатление.

Я снял руку с руля:

— Смелее. Лодка вас послушается. Сначала подержите руку на руле, чтобы почувствовать ее.

Мы продолжали удаляться от берега. Тия, выглядевшая предельно сосредоточенной, следила за носом лодки. Я рассказал ей о различных положениях судна относительно ветра и объяснил, как действовать в каждой из них.

— Ну что, готовы порулить? — спросил я.

— Может, лучше вы?

— Когда-нибудь придется постигать эту премудрость.

— Была не была, — вздохнула Тия.

Она резко сдвинула руль. Строя «Синтию», отец заботился об изяществе, а не о скорости. То, что произошло дальше, я наблюдал, словно в замедленной съемке. Лодка развернулась против ветра. Над нами качнулся гик. Заскрипел парус. Через мгновение мы вновь встали по ветру и поплыли дальше.

— А вы прекрасно справились, — сказал я Тие.

К этому времени мы удалились на приличное расстояние от Просперы. Зыбь и ветер усилились. Слева по борту появились очертания Питомника. До острова было около полумили. Не помню, чтобы я когда-нибудь подходил к нему так близко, даже плавая с родителями.

— Хотите взглянуть на Питомник поближе? — предложил я Тие.

Я снова сел за руль, и мы пошли к острову, напоминавшему громадный каменный куб. Почти со всех сторон его окружали рифы, так что вода была белой от барашков, таявших и появлявшихся снова.

— Мы увидим паром? — спросила Тия.

— Сегодня — нет. Следующий поплывет лишь в понедельник.

Течение стало более ощутимым. Волны, шедшие от ближайших рифов, раскачивали лодку. И вновь меня охватило чувство, которого я никак не ожидал. Я знал, что Питомник — место, где начинается жизнь, нечто таинственное, почти священное. Однако угрюмый, отталкивающий вид острова вызывал ощущение какой-то пугающей торжественности. Здесь начинались жизни просперианцев, но здесь же они и закан-

чивались.

— У меня от этого места нервная дрожь, — призналась Тия.

— Вполне вас понимаю.

— Вот и дроны пожаловали.

Их было четверо. Они летели почти впритык, над самой водой, быстро двигаясь в нашу сторону. На расстоянии сотни ярдов дроны рассредоточились, сбросили скорость и повисли над нами.

— Придайте лицу невинное выражение, — пошутил я.

Тия насмешливо помахала дронам.

— Может, стоит убраться отсюда?

Кто же следил за нами? Дроны были оборудованы системой распознавания лиц. Нас уже идентифицировали, и теперь наши личные данные передавались на чей-то экран. Так. Это Проктор Беннер, управляющий директор Шестого округа. Но почему с ним в лодке сидит Тия Димополус, которая не является его женой?

— Думаю, вы правы. Разворачиваемся.

Я развернул лодку. Дроны досаждали нам еще несколько минут, а потом взмыли в небо и улетели.

— Ненавижу эти дьявольские штучки, — сказала Тия.

До Просперы было еще далеко. Настроение испортилось, а с ним испортилась и погода. Солнце заволокло облаками. Я раздумывал о последствиях нашей морской прогулки. Что, если «три-эс» заинтересуются пассажирами лодки, дерзнувшими приблизиться к Питомнику, и поделятся результатами своих наблюдений с Элизой? «Миссис Беннет, не соблаговолите ли вы рассказать нам о женщине на этом фото? В каких отношениях она состоит с вашим мужем?»

Но меня тревожило не только это. Погода быстро становилась штормовой. Ветер усилился, поднялись волны, в высоту достигавшие двух футов, потом трех. В лодку летели холодные брызги. «Синтия», с ее тяжелым остовом и несоразмерно большим парусом, не была рассчитана на плавание в бурю.

— Мне уже начинать бояться? — спросила Тия.

— Это часть развлечения, только и всего, — выдавив из себя улыбку, ответил я.

Лодку сильно кренило. Руль сражался со мной, я удерживал его из последних сил. Оглянувшись назад, я не поверил своим глазам. С востока надвигалась плотная стена темных, почти черных туч; они едва не касались вздыбленных волн, отчего казалось, что море дымится. Внутри стены

вспыхивали молнии.

Эта громада двигалась на нас, словно гигантский плуг.

— Ну вот, теперь мне страшно, — сказала Тия.

Температура резко упала. За какое-то мгновение похолодало градусов на двадцать. Над морем разнеслись первые раскаты грома, словно некий темный бог решил откашляться. Они не смолкали ни на мгновение, становясь все громче. Что еще хуже, в кокпите плескалась вода.

— Спуститесь в каюту и посмотрите, нет ли там лейки, — сказал я Тие.

— Что еще за лейка? — удивилась она.

— Так моряки называют емкость для вычерпывания воды.

Стараясь не упасть, Тия пробралась в каюту.

— Нашла ведро! — крикнула она.

— Сгодится!

Тия вылезла и принялась вычерпывать воду из кокпита, выливая ее за борт. Без толку. Нос лодки снова скрылся под водой, а когда вынырнул, вместе с ним поднялись фонтаны брызг. Я настолько озяб, что руки едва ощущали руль.

Вдобавок посыпал дождь.

Не «посыпал». Он колол нас тысячами острых водяных игл. Мы оказались внутри шторма.

— Помогите!

Голос, но где? Впереди нас? Позади? Я вертел головой, пытаясь определить направление.

— Пожалуйста, помогите мне!

— Тия, вы слышите? Кто-то зовет на помощь!

Она лихорадочно вычерпывала воду, даже не глядя в мою сторону. Наверное, в этом хаосе звуков она меня не услышала. Нос лодки взлетел на гребень волны, стремительно упал и снова взлетел. Я уже видел берег и причал. Но как пристать к нему? Лодку разнесет в щепки, и нам на берег не выбраться живыми.

И вдруг все прекратилось.

Это было необъяснимо. Мгновение назад мы сражались с ревущей бурей, а теперь плыли по почти спокойному морю. К воде потянулись коридоры солнечного света, сквозь облака, которые даже не рассеивались, а таяли на глазах. Казалось, я усилием воли отогнал шторм от берега. Охваченные безмолвным изумлением, мы благополучно причалили. Я привязал лодку к канатной тумбе.

— Проктор, вы весь дрожите.

Так оно и было. Я настолько замерз, что дрожь больше походила на судороги, поднимавшиеся откуда-то изнутри. Я успел забыть о криках, кото-

рые слышал. Наверняка то была галлюцинация, порожденная бурей.

— Вам нужно согреться. Идемте в дом.

Тия помогла мне выбраться из лодки и, обнимая меня за талию, повела по дорожке. Я едва переставлял ноги. Мы вошли через патио в гостиную.

— Где лежат одеяла?

Я показал, где находится бельевой шкаф, а сам стал раздеваться. Негнущимися пальцами я кое-как стянул с себя насквозь промокшую одежду, оставшись в одних трусах, потом уселся на диван, обхватив плечи и пытаясь унять дрожь. Вернулась Тия.

— Надо вас согреть, — сказала она и тоже разделась до нижнего белья. — Ложитесь и двигайтесь к стенке.

Она легла рядом, закутала нас в одеяло и крепко обняла меня. От ее тела исходили теплые волны. Я ощущал кожей лица легкое дыхание Тии. Запах ее кожи и волос был удивительно женским.

— Теперь лучше? — тихо спросила она, массируя мне спину, чтобы согреть ее.

— Да, — ответил я, хотя все еще дрожал.

Прошло несколько минут.

— Спасибо, мне стало теплее. Гораздо теплее.

10

Два часа ночи.

Они появляются отовсюду, словно из воздуха. Они знают, что́ им предстоит и как это надо делать. Все встречаются в переулке: Джесс, Антон и еще шестеро тощих мальчишек, чьи тела вихляют, как марионетки.

Аннекс спит. Ни горящих окон, ни прохожих. Присев на корточки, Джесс открывает банку и разливает краску по четырем баночкам поменьше. Краска, густая и клейкая, по цвету похожа на кровь. Мальчишкам не терпится приняться за работу. Каждая группа должна нанести три надписи, а если получится, то и четыре. Чем крупнее и заметнее, тем лучше. На дома вдоль главных улиц, правительственные здания, автобусные остановки. Главное, все это должно находиться вблизи дамбы. Джесс напоминает мальчишкам: об этом никто не должен знать, даже Матерь. Особенно Матерь. Это наша забота, а не ее. Затем Джесс спрашивает, все ли понятно.

Все понятно.

Мальчишки разбиваются на пары.

— Готов? — спрашивает у Антона Джесс.

Тот кивает, не поднимая глаз. Он взбудоражен, как и все, но не показывает виду. Антон покрепче остальных, лучше владеет собой. Мальчишка соображает, что это совсем не игра и они здорово рискуют. Прирожденный лидер. Его время еще придет.

— Пошли, — говорит Джесс.

Они быстро идут по лабиринту переулков и оказываются на рынке. Здесь тоже пусто. Торговые ряды закрыты. Джесс собирается двинуться дальше, но вдруг Антон поднимает руку; его слух острее. Мальчишка способен улавливать едва слышные звуки. Ага, движется слева. Теперь и Джесс слышит свист дрона. Оба ныряют под навес. Дрон проплывает над рынком и исчезает.

— Хорошие у тебя ушки, — шепчет Джесс.

Их цель — старая будка охраны в конце квартала. Пост перенесли в другое место, но будка все равно остается символом. Она стоит посреди улицы. Там уже не спрячешься. Стоящее место, хотя и Джесс, и Антон понимают, что это рискованнее. «Мы здесь были, — будет гласить их послание. — И оставили это прямо на вашей поганой будке, кровопийцы».

Прячась в тени домов, используя любое прикрытие, они приближаются к цели. Вот она, будка.

Торчит прямо на перекрестке, словно громадное надгробие. Джесс и Антон переглядываются, кивают и выходят на открытое пространство. Джесс несет баночку с краской, Антон — кисть.

«ЗАБАСТОВКА», — пишет мальчишка.

Он отходит, быстро оценивает надпись, снова обмакивает кисть в краску и добавляет восклицательный знак.

«ЗАБАСТОВКА!»

— Получается, что мы кричим прямо им в морду, — говорит он Джесс.

Внезапно раздается скрип сапог: кто-то шагает по тротуару.

— Эй, вы!

Оба замирают.

— А ну, стоять!

— Бежим! — шепчет Джесс.

Бросив краску и кисть, они мчатся по улице и на первом перекрестке разбегаются в разные стороны. Джесс не чувствует страха — она действует сообразно плану, и все. Это их мир, а не охранника. Они знают этот мир вдоль и поперек; знают то, чего обалдую в форме никогда не узнать. Короткие пути. Так называемые слепые пятна, где человек просто растворяется в воздухе. Сейчас

ей нужно добраться до чердачного окна. Антон верткий и юркий, как призрак, и в скорости ей с ним не тягаться. Охраннику тоже, и потому этот «блюститель порядка» погнался за ней. Джесс испытывает счастье; нет, даже ликование. «Что, решил догнать меня, паршивец?» — думает она. Ей хочется, чтобы охранник не просто вкусил горечь поражения, а изглодал поражение, как кость.

Вопреки здравому смыслу Джесс решает немного позабавиться.

Она проскакивает мимо чердачного окна, даже не взглянув на него. Как же она ненавидит этого охранника! И сколько сил дает ей ненависть, сколько темной радости! Всем в этом мире движет одна лишь ненависть, а не молитвы Паппи, умопостроения Матери и прочее. Это мир сапог, кулаков и ухмыляющихся физиономий, и, если ты действуешь правильно, если собираешь всю ненависть внутри себя и позволяешь ее черным щупальцам обвить твое сердце, ничто не сможет тебя остановить. Не успеешь и глазом моргнуть, как пол-Аннекса попрет по дамбе, зажав в зубах ножи.

Джесс сворачивает в очередной переулок. На веревках, натянутых между домами, висит давно

высохшее белье. Ночь кажется пустой и бездушной. Даже звезды пропали. На пути Джесс встает высокий деревянный забор, однако она чувствует себя непобедимой и способной летать. Где-то сзади пыхтит охранник. Джесс быстро подходит к забору, приподнимается на цыпочки, хватается за верхний край, подтягивается и перемахивает на другую сторону.

Потом приземляется.

Жестко.

На что-то.

«Что-то» оказалось толстой палкой. Палка — не проблема. А вот торчащий из палки гвоздь — это настоящая проблема. Гвоздь прокалывает ей подошву сапога, затем подошву ступни и выходит с обратной стороны.

Боль настолько сильная, что Джесс не выплескивает ее наружу. Джесс кричит внутрь себя. У нее перехватывает дыхание. Черт! Черт! Черт!

А охранник приближается.

Боль спасает Джесс, дает ей волю к действию. Сидя на земле, она прижимает колено к груди, находит более удобное положение для поврежденной ноги, набирает в легкие побольше воздуха и упирается руками в палку.

Хлещет кровь, и вскоре ее нога свободна.

Времени бежать нет, да с такой ногой и не побежишь. Охранник достигает забора. Он подтягивается, заглядывает на другую сторону и видит Джесс.

Это не просто охранник. Это «прыщ». Тот самый Хэнсон.

— Ты только посмотри на себя, — говорит он.

Джесс сидит на земле, вцепившись в ногу.

— Кажется, я сломала ногу, — говорит она и смотрит на него широко распахнутыми, полными слез глазами. Беспомощная, как птица со сломанным крылом. — Пожалуйста, не бейте меня.

Хэнсон спрыгивает на землю, снимает с пояса складную дубинку и выдвигает ее на всю длину.

— Поднимайся.

Джесс прикрывает лицо:

— Я не могу… простите.

Хэнсон подходит к ней:

— Я сказал, поднимайся… сука.

Когда он замахивается дубинкой, Джесс уже готова. Она поднимает палку и тоже замахивается, вставая. Неожиданно рука Хэнсона пустеет; дубинка улетела в темноту. Он недоумевает, глядя на пустую руку:

— Что за…

На этом его речь обрывается по очень простой

причине: гвоздь ударяет ему в висок и дюйма на три уходит в недра мозга. Хэнсон стоит с выпученными глазами. На лице — ничего, кроме неподдельного изумления. Кажется, еще немного — и откроется величайшая в мире тайна. У него подгибаются колени. Он бы сполз на землю, но, поскольку гвоздь остается в его мозгу, а Джесс обеими руками держит палку, тело «прыща» сохраняет вертикальное положение. Он напоминает смиренного верующего во время молитвы.

Глаза Хэнсона закрываются. Он мертв.

Джесс вытаскивает гвоздь из его головы, и Хэнсон ничком падает на тротуар. Джесс взвинчена. Ее трясет. В сапоге хлюпает кровь. Однако ночь для нее еще не закончилась. Нет. Тело «прыща» — только часть замысла. Нужно оставить такое послание, которое будет сильнее всех слов на стенах, и она сейчас сделает это.

Она поднимает палку над головой, прицеливается и ударяет по черепу Хэнсона.

Это требует времени. Палка неутомимо взлетает и опускается. Джесс крошит череп агента «три-эс» до тех пор, пока от головы ничего не остается. Довольная результатом, она отшвыривает палку и ковыляет по переулку, удаляясь от места расправы. Джесс знает, что́ она сделала.

Создала повод для войны, которым обязательно воспользуются.

11

Рассказывая о событиях последующих суток, я обойдусь без некоторых подробностей. Мои чувства, естественно, были моими; я не могу приписать их кому-нибудь другому. Я чувствовал, что попал в некую вневременную зону. Нет, я не строил ни малейших иллюзий насчет того, что можно назвать нашим с Тией «будущим». Я был женат на дочери Каллисты Лэйрд — председателя Коллегии по надзору. Какие бы трения ни возникали между Элизой и мною, я не хотел делать их предлогом для семейного скандала. А такой скандал вполне мог бы разразиться. Но когда я проснулся среди ночи, лежа рядом с Тией на диване, с которого мы почти не вставали, я понял, что к неожиданностям заканчивавшейся недели добавилась еще одна: я был счастлив.

Воскресное утро выдалось ясным и солнечным. Жара отступила. Воздух был сухим и прохладным. Безбрежная синева небес завораживала. Казалось, буря унесла все, что было нечистого в мире. Было понятно, что мы оба не хотим расставаться и разрушать это волшебство. Но потом меня начало снедать беспокойство, которое я старался не

показывать. Я тревожился не столько за Элизу, сколько за себя. Как возвращаться в привычный мир после всего, что произошло в отцовском доме? Как дальше обходиться без счастья, помня его удивительный вкус?

Но наступил момент, когда оттягивать расставание стало нельзя. В город мы ехали молча. Тия оставила свою машину напротив ресторана. Я встал позади ее автомобиля и заглушил мотор.

— Мы еще увидимся? — спросила Тия, глядя не на меня, а вперед.

Каким опустошенным я чувствовал себя в эту минуту! Я был готов разреветься.

— Если ты скажешь «нет», я пойму, — добавила она.

— Пока у меня вообще нет ответа, — признался я.

Она повернулась ко мне, обхватила мои щеки, притянула меня к себе и поцеловала. Поцелуй был долгим, чувственным и одновременно печальным.

— Прекрасный ты человек, Проктор Беннет.

Она быстро вылезла и захлопнула дверцу. Жаль, что я не мог рассказать ей о своих чувствах. Все слова куда-то исчезли. Я смотрел, как она садится в свою машину. На мгновение ее глаза

мелькнули в зеркале заднего вида, но лишь на мгновение. После этого она уехала.

Я опасался, что Элиза вернется раньше меня, но напрасно: ни Элизы, ни сообщений на автоответчике. Пройдясь по дому, я увидел, сколько улик оставил вчера. Невымытые тарелки на кухонном столе. Разбросанная одежда в гардеробной. Даже кровать не была заправлена. Я спешно навел порядок, затем тщательно осмотрел дом, пытаясь взглянуть на него глазами обманутой жены. Для меня началось новое состояние. Я не мог заставить себя сожалеть о случившемся, ведь я словно напился воды после многолетней жажды. Однако мое положение изменилось, и мне начала открываться его мрачная сторона. Супружеская неверность не была в нашем мире чем-то диковинным, но вызывала порицание у большинства людей. При бракоразводном процессе виновный оставался с пустыми руками да еще платил крупный штраф в пользу общества. Даже если бы я больше ни разу не встретился с Тией, нас связывала тайна, которая в случае раскрытия угрожала сломать жизнь обоим. Я не мог представить никаких убедительных оправданий для своего поступка. С какой стороны ни посмотри — кругом виноват. Иными словами, я

дал жене изрядную власть над собой, и эта мысль меня глубоко угнетала.

Я отправился в патио — ждать Элизу и оттачивать лживую историю о том, как я провел выходные. Если ограничиться общими фразами, получится, будто я что-то скрываю. Обилие подробностей тоже могло показаться подозрительным. (Возможен и третий вариант: Элиза поглощена предстоящим показом и не спросит, как я провел время.) Меня продолжали беспокоить дроны, висевшие над «Синтией» близ Питомника. Если Элизе уже сообщили, меня ждет катастрофа. Однако тревога по поводу дронов попахивала паранойей. Глупо волноваться из-за того, на что не можешь повлиять.

— Мистер Беннет!

На мое плечо легла рука. Я открыл глаза и увидел Дорию. Должно быть, я задремал. Когда она успела появиться?

— Который час? — спросил я, заметив, что солнце село.

— Начало восьмого, сэр. Вам звонит миссис Беннет.

Странно. Обычно она звонила утром или днем. Я прошел в спальню и снял трубку.

— Вот ты где, — сказала Элиза вместо привет-

ствия.

Утихшее было чувство вины ударило меня под ребра.

— У тебя все в порядке? — спросил я. — Я думал, к этому времени ты уже вернешься.

— Знаю. Извини, дорогой. Совсем забыла про время. Не сердись. Ты сердишься?

— Нет, Элиза, я не сержусь. Просто беспокоюсь.

— Я же никуда не исчезла. Просто очень продуктивно поработала. Два альбома с новыми фасонами! Два!

Я понял, куда она клонит.

— Значит, ты остаешься.

— Надеюсь, ты не слишком возражаешь? У меня завтра несколько важных встреч в городе. Поеду прямо отсюда. Встретимся дома.

Должен сознаться, моей первой мыслью было: «Я бы мог провести с Тией еще один день». Вторую мысль я высказал вслух:

— Где находится это «отсюда»?

— Ты о чем?

— Ты ведь не сказала мне, где гостишь.

— А-а. — Она помолчала. — Это какая-то глушь. Все время забываю, как называется место. Дом принадлежит другу моих родителей. Вряд ли ты встречал этого человека и его жену. Мне отвели

гостевой домик.

Объяснение было неполным и даже несколько туманным, но едва ли я имел право допытываться о местонахождении жены.

— Проктор, тебе стоит здесь побывать. Полная тишина! А какой воздух! Честное слово, он что-то делает с моими мозгами. Вычищает всю паутину.

— Приятно слышать.

— Знаешь, что пришло мне в голову? Как насчет того, чтобы обзавестись загородным домиком где-нибудь в этих местах? Предвижу твои возражения. Да, дороговато. Но я уверена, мои родители нам помогут. Дорогой, ты же знаешь, как меня тревожит твое состояние. А тут еще эта история с твоим отцом. Мне больно видеть, как ты теряешь силы. Тишина и покой — думаю, именно это нужно тебе сейчас.

Кем я себя чувствовал, слушая ее слова? Куском дерьма! Пока я изо всех сил разрушал наш брак, моя жена строила планы покупки домика, стараясь меня взбодрить.

— Проктор, что ты думаешь? — настаивала Элиза.

Прежде чем ответить, я протолкнул в горло скопившуюся слюну.

— Конечно, можно навести справки.

— Это должно быть нашим обоюдным решением, иначе смысла нет.

Помимо голоса Элизы, в трубке слышались еще какие-то голоса: вначале мужской, затем женский, наконец мужской, но уже другой. Однако слов было не разобрать.

Наверное, эти люди что-то сказали Элизе. Ее тон стал рассеянным.

— Меня зовут на обед.

— Прекрасно. А то ты, наверное, даже поесть забываешь.

— Ты не возражаешь? В смысле, против моей задержки? Но если ты против, я соберусь и приеду.

Из трубки донесся смех. Скорее всего, Элиза звонила мне из хозяйского дома, где устраивали вечеринку.

— Прости, дорогой. Здесь шумновато.

— Ничего страшного. Тебя, наверное, ждут за столом.

— Тогда до завтрашнего вечера?

— До завтрашнего вечера.

Мы повесили трубки одновременно, словно по молчаливому уговору.

Часть третья
Пропавшая девочка

12

— Где Джейсон?

Было утро понедельника. За рулем седана сидел незнакомый мне парень. Короткая стрижка, на лице — следы удаленных угрей.

— Какой Джейсон? — спросил он.

— Джейсон Ким, мой стажер.

— Не знаю, сэр. Начальство прислало меня.

Странно, но ничего не поделаешь. Мы молча доехали до здания Министерства социального обеспечения. В вестибюле я, как обычно, показал охранникам пропуск и поспешил к лифту, двери которого уже начали закрываться.

В кабине я увидел троих мужчин и женщину — Регану Брандт из Пятого округа. Мы были едва знакомы, хотя часто встречались на разных совещаниях и принимали участие в работе ревизионных комиссий. Наше общение ограничивалось взаимными приветствиями и двумя-тремя банальными фразами. Поэтому меня сильно удивило, когда она не только не ответила на мое «Доброе утро, Регана», но даже не взглянула в мою сторону. Прижимая к груди стопку папок, она намертво приклеилась глазами к дверцам.

Едва кабина тронулась, как женщина ткнула кнопку второго этажа, а когда дверцы раздвинулись, пулей вылетела из лифта. Я знал, что Регана работает на четвертом этаже.

Удивляясь ее поведению, более чем странному, я доехал до своего шестого этажа, вышел и понял: что-то не так. С каждым шагом чувство тревоги только нарастало. За стенами комнат было непривычно тихо: ни стука клавиш, ни шуршания бумаг, ни приглушенных голосов, оживляющих рабочий день. Вместо этого — беспокойный белый шум, еле слышный.

Уна, как всегда, сидела за своим столом, но дверь моего кабинета почему-то была распахнута настежь. В глазах секретарши я уловил тревогу. «Вам не стоило здесь появляться», — говорил ее взгляд.

— А вот и Проктор, — произнес Эймос, остановившись в проеме двери. — Присоединяйтесь к нам.

Он взмахнул рукой, приглашая меня войти в мой же кабинет.

К нам? Я вошел. На диванчике под окнами сидел человек, который встал, увидев меня.

— Что все это значит? — спросил я Эймоса.

— Да вы присаживайтесь.

— Благодарю. Я постою.

— Ну, как хотите. — Эймос нервно побренчал монетами в кармане. — Полагаю, вы знакомы с Набилем?

Набиль Уэст, главный юрисконсульт Министерства социального обеспечения. Худощавый, серьезный, он был известен как своей непрошибаемой невозмутимостью, так и склонностью к щегольству. В этот день он надел облегающий костюм в меловую полоску, с ярко-желтым галстуком-бабочкой.

— Вынужден сообщить вам неприятную новость, — сказал Эймос. — В субботу утром стало известно, что охранник, на которого вы накинулись на причале, скончался от смертельной травмы.

Я понимал каждое слово, однако вместе они казались какой-то бессмыслицей.

— Эймос, о чем вы говорите?

— О том, Проктор, что этот человек умер.

Я посмотрел на Эймоса, затем на Набиля:

— Простите, но я не понимаю. Вы хотите сказать, что я причастен к этому?

Эймос откашлялся.

— Это не было… так сказать… удушением в чистом виде. Патологоанатом считает, что при-

чиной смерти стало мозговое кровотечение, вызванное ушибом головы. При просмотре записей с камер дронов выяснилось: когда вы разжали руку, охранник упал и ударился головой.

Нелегко переварить известие о том, что ты причастен к чьей-то смерти. «Разве я — убийца? — зазвучал в мозгу мой собственный голос. — Я? Но ведь я дружелюбно отношусь к людям! Совсем недавно я мирно завтракал! Как они могут говорить такое обо мне?»

— Должно быть, тут какая-то ошибка. Когда я убрал руку с его шеи, он просто сполз на землю и потерял сознание. Он не ударялся головой. Кто-то неверно истолковал случившееся.

— Увы, директор Беннет, здесь нет никакой ошибки, — вступил в разговор Набиль. — Отчет патологоанатома и записи с камер дронов практически не оставляют сомнений. К тому же есть свидетельские показания.

— Свидетельские показания? Чьи?

— Джейсона Кима, вашего стажера.

Этого восторженного идиота!

— Что он вам рассказал?

— Более чем достаточно.

Я почувствовал, что мне нужно сесть. Меня мутило.

— Спокойнее, Проктор, — сказал Эймос. — Хотите воды?

Я не хотел, но понимал, что стакан хотя бы даст возможность сосредоточиться. Уна принесла воду. Я взял стакан дрожащей рукой и сделал несколько глотков.

— В выходные мы провели заседание аттестационной комиссии. — Голос Эймоса стал менее официальным. Теперь это был голос старого друга, старавшегося помочь мне, но придавленного неопровержимыми фактами. — Могу сообщить хорошую новость: вас не обвинят в совершении преступления.

— Да? А с какой стати? Не вы ли говорили мне, что я убил человека?

— Нет, такого мы не говорили. Вы лишь сыграли определенную роль в его смерти. Но по мнению аттестационной комиссии, применение охранником электрошокера было совершенно неоправданным. К тому же он не подчинился вашему непосредственному приказу. Ваша реакция, при всей ее жестокости, была спровоцирована тем, что охранник злоупотребил своими полномочиями и применил силу там, где этого совсем не требовалось. Его травму можно вполне считать результатом несчастного случая.

Смягчающим обстоятельством является и то, что ретайром, с которым так грубо обошелся охранник, был ваш отец. Мы все очень сочувствуем вам. Вы оказались в ужасном положении.

До меня начало доходить: вот он, конец моей прежней жизни.

— А плохая новость?

— Учитывая обстоятельства, комиссия рекомендовала немедленно уволить вас из Департамента социальных контрактов. Если вы согласитесь не обращаться в суд, аттестационная комиссия не будет предпринимать против вас никаких действий… Набиль, прошу вас.

Главный юрисконсульт достал из портфеля тонкую стопку листков и положил на кофейный столик передо мной.

— Чепуха какая-то, — вырвалось у меня.

— Совершенно стандартная процедура, директор Беннет. Будьте любезны, поставьте вашу подпись там, где стрелочки.

«Директор Беннет». Недолго мне осталось ходить в директорах.

— Не возражаете, если я вначале прочту? Профессиональная привычка.

На лице Набиля отобразилась вспышка раздражения. Ему хотелось поскорее все закончить.

— Как вам угодно, — буркнул он.

Настоящее **Соглашение об увольнении по собственному желанию** (далее — «Соглашение») заключено между **Проктором Беннетом** (далее — «Работник») и **Министерством социального обеспечения,** расположенным по адресу: площадь Просперити, 200 (далее — «Работодатель»), с целью освободить Работника от занимаемой должности и дальнейшей ответственности перед Работодателем.

Принимая во внимание, что Работник, Работодатель и нижеперечисленные стороны желают избежать любых взаимных претензий, все разногласия, существующие между ними на данный момент, считаются решенными мирным путем. Работник признает, что условия, перечисленные в Соглашении, установлены исключительно для того, чтобы избежать каких-либо неясностей, взаимного недовольства и судебного разбирательства. Настоящим стороны заявляют, что Соглашение между Работником и Работодателем заключено добровольно, с полным осознанием его содержимого, включая условия и последствия…

И так далее и тому подобное. Аналогичными документами я руководствовался всю жизнь,

придавая им большое значение, считая, что они связывают общество воедино. А теперь труд всей моей жизни, мои добрые дела, само мое имя… все будет перечеркнуто. Какая горькая ирония! Совсем недавно я собирался уйти с этой работы. Но теперь, когда то, что я был готов отдать добровольно, вырывали у меня из рук, я чувствовал себя раздавленным.

Прочитав последнюю страницу, я поднял глаза на Уэста:

— А это что еще за балаган?

— Всего-навсего подписка о неразглашении. Совершенно стандартная процедура.

— Мне даже запрещается говорить об этом?

— Неужели у вас еще осталось желание об этом говорить… директор Беннет?

Эймос подал мне ручку. Одну из моих.

— Уверен, что вы понимаете: так будет лучше для всех.

— Где Джейсон? Я хочу с ним поговорить.

Они переглянулись.

— Увы, этот парень уволился, — сказал Эймос.

— Он уволился?

— Случившееся сильно потрясло его. Вы явно были для него героем. Утром курьер привез нам подписанное им заявление.

— Каллиста знает обо всем этом? — (Эймос кивнул.) — И она согласилась?

— Проктор, это была ее идея. Первоначально аттестационная комиссия придерживалась мнения, что вас надо судить. Каллиста произнесла вдохновенную речь в вашу защиту. По сути, это благодаря ей вы не оказались за решеткой. — Эймос чуть ли не насильно совал мне ручку. — Проктор, ну пожалуйста. Будьте благоразумны. Вряд ли вам нужна скандальная огласка. Не хотите сделать это ради себя, сделайте ради Элизы.

Был ли у меня выбор? В морге лежал труп. Я понимал, что дешево отделался.

Я взял ручку и расписался везде, где стояли стрелочки.

Набиль торопливо убрал бумаги в портфель и выразительно щелкнул замком. В проеме двери появились двое охранников.

— Эймос, зачем этот цирк? Я что, не могу покинуть здание самостоятельно? Или вы думаете, что я начну все крушить?

— Проктор, существуют правила. — (Я не подозревал о существовании правил, касавшихся выдворения убийцы из присутственного места.) — Да, вот еще что. Пожалуйста, сдайте докумен-

ты.

Это когда-нибудь кончится?

Я швырнул их на кофейный столик.

— Личные вещи собирать не надо, — сказал Эймос. — Мы их отправим с посыльным.

— Оставьте себе. Плевать мне на это барахло.

Отнюдь не все из того, что находилось в моем кабинете, теперь уже бывшем, было барахлом, но пусть.

— Проктор, мне жаль, что все закончилось вот так.

— Эймос, не надо лишних слов.

Я вышел. Уна стояла возле своего стола с глубоко несчастным видом.

— Ох, директор Беннет…

Она не договорила. В ее глазах блестели слезы. Мы обнялись — в первый раз за все то время, что работали вместе, и, надо думать, в последний.

— Нет больше директора Беннета. Теперь я Проктор, — сказал я. — Просто Проктор.

Вот так и кончилось мое директорство. За стенами помещений Шестого округа было тихо, как в доме, где все улеглись спать.

— Идемте, ребята, — сказал я охранникам.

Я впервые узнал, что от моего кабинета (еще раз: бывшего) до улицы — ровно сто восемьдесят

шесть шагов.

Вопрос для размышления: на что человеку потратить целый день, когда еще нет девяти часов утра, а его прежняя жизнь перестала существовать?

Позвонить жене, чтобы вдоволь наораться и наскулиться в трубку? Отправиться в бар и мучить посетителей сетованиями на судьбу? Сесть на морском берегу, созерцать воду и думать о вечности?

Мой организм выбрал четвертый вариант: меня начало выворачивать в мусорный контейнер.

Внутри меня что-то прорвалось. Три раза подряд я исторгал свой скудный завтрак на брошенные в контейнер мятые газеты, бумажные кофейные чашки, сплющенные куски жевательной резинки и мешки с собачьим дерьмом, лежавшие на дне. Прохожие косились на меня. Ничего удивительного. Уродство притягивает не меньше, чем красота. Разве можно пройти мимо отталкивающего зрелища и хотя бы мельком не взглянуть на чужой позор? Когда рвотные позывы стихли, я взялся за стенки контейнера и выпрямился.

— Ну что глаза вылупили?

Мой вопрос наотмашь ударил по испуганному лицу пожилой женщины, выгуливавшей пуши-

стую собачонку. Женщина в ужасе смотрела на меня.

— Проваливайте отсюда! — рявкнул я.

Ее как ветром сдуло. Во рту сохранялся вкус блевотины. С лица капал пот. Я осмотрел галстук, пиджак и носки ботинок. К счастью, одежда и обувь не пострадали.

Я пересек улицу и ступил на лужайку. Роскошная зелень, безупречно подстриженные деревья, живые изгороди, кусты в виде животных и птиц, цветочные клумбы — все это вдруг показалось смешным, частью какой-то большой космической шутки. Бродя по дорожкам, я не знал, куда отправиться. Разумнее всего было бы вернуться домой, но я лишился служебной машины, а к поездке на автобусе мое состояние совсем не располагало. Мелькнула мысль — не ворваться ли в кабинет Каллисты? — и тут же погасла. Довольно с меня унижения, пережитого на теперь уже бывшей работе. Следом явилась другая мысль: Элиза уже знает. Узнав о моем «добровольном» увольнении, Каллиста вполне могла позвонить дочери, тем более если знала, где та находится. «Дом принадлежит другу моих родителей. Вряд ли ты встречал этого человека и его жену».

Мне требовалось тихое, уединенное место, где

я смог бы привести себя в порядок и собраться с мыслями. Галерея Тии находилась в пяти кварталах. Вряд ли она обрадуется моему внезапному приходу, подумал я, но других вариантов у меня не было.

Запертая дверь еще ни о чем не говорила; внутри горел свет. Я постучался в стеклянную дверь — никто не откликался — и наконец увидел кнопку звонка. Тия открыла почти сразу.

— Какой приятный сюрприз! — сказала она и тут же перестала улыбаться. — Выглядишь ты…

— Жутко. Сам знаю. Ты не против, если я войду? Мне нужно умыться и прополоскать рот.

Она молча окинула меня взглядом.

— Конечно. Входи.

Меня встретил прохладный, сухой воздух. Я мельком взглянул на картины, развешенные по стенам: океанские волны, пейзажи, уличные музыканты. Видя мое лицо, Тия скорчила гримасу:

— Я тебе говорила.

— Кто все это намалевал?

— Люди, у которых есть краски и избыток свободного времени. Идем в мой кабинет. Оттуда пройдешь в туалет.

Письменный стол Тии был завален бумагами. Вдоль стен громоздились ящики. Отгороженный

уголок служил кухней. Я поспешил в туалет, где снял пиджак и рубашку. Смочив холодной водой полотенце, я провел им по лицу и груди. Мое отражение в зеркале выглядело ужасно. Кожа почти утратила естественный цвет, глаза глубоко ввалились. Об их выражении лучше было не говорить. Я обнаружил в аптечке флакон с жидкостью для полоскания рта и воспользовался им, затем умылся холодной водой. Стало легче, но я по-прежнему выглядел страшновато.

— Тебе лучше? — спросила Тия, когда я вышел из туалета.

— Немного.

Как все это отличалось от вчерашнего дня!

— Могу приготовить чай.

— Чай будет очень кстати.

Тия пошла ставить чайник. Я уселся на стул возле ее стола.

— Расскажешь, что с тобой стряслось?

— Меня уволили.

— Проктор, какой ужас! — воскликнула она, побледнев.

— Хочешь посмеяться? Я сам подумывал об увольнении. Казалось бы, мне помогли. Но от этого не легче.

Тия прошла на кухоньку, где свистел заки-

певший чайник, положила в кружки пакетики, наполнила их кипятком и отнесла на стол.

— Молока принести? Сахар нужен? — спросила она.

— То и другое. Спасибо, — промямлил я.

Я поднял чашку дрожащей рукой и подул на чай. Тия села напротив меня.

— Если хочешь, давай поговорим об этом.

— Вообще-то, я не имею права.

— Почему?

— Меня заставили дать подписку о неразглашении. «Все это — стандартная процедура, директор Беннет», — произнес я, подражая голосу Набиля и рисуя в воздухе кавычки. — В обмен на молчание мне пообещали не возбуждать уголовного дела.

— Неужели все так серьезно?

— Они по-своему правы. Мне нечего возразить. По их словам, я убил человека. Того охранника на причале.

Я ждал, что мои слова испугают ее. Еще бы: у нее в кабинете сидит убийца и попивает чай! Однако на Тию это не произвело никакого впечатлении.

— Почему-то тебя это не удивляет.

— Почему же? Удивляет. Я просто не могу свести концы с концами.

— Мне сказали, что, когда я разжал руку и выпу-

стил охранника, он ударился головой о бетонный причал.

— Я сама видела, как уводили этого охранника. Человек, получивший ушиб головы, так не выглядит.

— Я тоже так думал. По их словам, это случилось потом. Мозговое кровотечение.

— И ты им веришь?

— А что мне остается?

Тия нахмурилась:

— Просто вся эта история кажется несколько… странной. Ты не находишь?

— У меня тоже мелькнула эта мысль.

Тия встала, отошла от стола, затем повернулась ко мне:

— Твой отец вспоминал что-нибудь из прежней жизни? Его донимали тревожные мысли?

— Да. И смотреть на это было ужасно.

— Может, он говорил то, чего ты не ожидал услышать?

— Ты действительно хочешь об этом узнать? — спросил я, пристально глядя на Тию.

— Хочу, если ты готов мне рассказать.

Таиться дальше не имело смысла. Ведь это я, пусть и косвенно, втянул ее во все это.

— Все, что касалось поездки моего отца к при-

чалу, было весьма странным. Тогда я принял его слова за бессвязное бормотание, однако сейчас вовсе не уверен в этом. Все началось в машине, когда он вдруг усомнился, я ли это. Не скажу чтобы я сильно удивился. Я уже наблюдал такие сдвиги в психике ретайров. Странным было то, как он это говорил.

— Поясни.

Я подыскивал слова.

— Я будто раздвоился. Наряду со мной появился кто-то еще.

— Это могло быть конвергенцией? Чем-то из прежней итерации?

— Вполне допускаю. Но человек, сидевший рядом со мной в машине, был моим отцом. Кто-то из нас наверняка уже переживал подобное состояние. Потом он вдруг заторопился. Я даже запомнил его фразу: «Очень хочется прибыть туда поскорее».

— «Прибыть». — Тия внимательно смотрела на меня. — Он употребил именно это слово, и сомнений у тебя нет.

Я понимал, куда она клонит.

— Ты говоришь о человеке, встретившемся мне на автобусной остановке? О его словах «Прибытие грядет» и так далее?

— Не знаю. — Тия пожала плечами. — Хотя какая-то связь может существовать.

— Должен сказать, что отец был рациональным человеком, далеким от мистики. Во всяком случае, не припомню, чтобы он интересовался такими вещами. Но самое странное началось, когда мы подъехали к причалу. Она стал произносить нелепые фразы: «Ты — это не ты», «Этот мир — совсем не тот мир». А потом выскочил из машины и побежал. Думаю, ты видела сама.

— А потом? Он говорил еще что-нибудь?

Сказал «а», скажи и «б».

— Он произнес слово.

— Слово?

— Он сказал: «Ораниос. Это все Ораниос». Отец бормотал: «Ораниос, Ораниос», пока я не втащил его на паром. Такое запоминается на всю жизнь.

Тия нахмурилась:

— Что вообще означает это слово?

— Я потом поискал и нашел. Это имя древнегреческого бога.

— Проктор, у меня всегда было туго с мифологией.

— Ораниос, отец титанов. Бог небес. Его имя так и переводится: «небесный». — Я пожал плечами. — Вот и весь рассказ.

— Ты еще кому-нибудь рассказывал об этом?

— Нет. Ты первая.

— Польщена, — улыбнулась Тия.

— Не торопись. Возможно, я, сам того не желая, втянул тебя в большую беду.

— Я уже взрослая девочка, — отмахнулась она. — Умею за себя постоять. Лучше скажи, что ты намерен делать.

Об этом я пока не задумывался.

— Готов выслушать предложения. Но возвращаться сейчас домой — не лучший вариант.

— Даже так?

— Да. Мое внезапное увольнение не добавит мне популярности. И потом, я паршиво себя чувствую. Если можно, я бы с удовольствием прилег.

— Есть местечко, где ты сможешь отдохнуть, — сказала Тия и встала. — Пошли со мной.

Мы вышли через заднюю дверь, оказались в подъезде жилого дома, вошли в лифт и поднялись на седьмой этаж, затем молча прошагали по коридору.

— Это здесь.

Тия отперла дверь и отошла, пропуская меня. Отделка была современной. Минимум мебели, ощущение простора и легкости. Широкие окна в

гостиной выходили на крыши окрестных зданий. Вдали виднелась гавань. Вид был почти таким же, как из окон моего кабинета. (Какого еще «моего» кабинета? Нет у меня больше кабинета, и в то здание меня уже никогда не пустят.) Мебель была опрятной, приземистой. Книжный стеллаж, заполненный лишь наполовину, художественные безделушки на столиках. В квартире отчетливо пахло женщиной. Странно, что я только сейчас попал в жилище Тии, ведь мы так сблизились друг с другом.

— Диван удобный. Даже слишком удобный, — сказала она. — Я часто засыпаю на нем, не успев перебраться на кровать.

— Ты очень выручила меня, — сказал я, глядя на нее. — А я могу лишь извиниться за свое вторжение.

— Постарайся уснуть. Часа через два я разбужу тебя. Отдохнешь и решишь, как быть дальше.

Но я уже не слышал, глядя во все глаза на стену за ее спиной. Тия повернула голову и перехватила мой взгляд.

— Как тебе эта картина? Ее написал художник с Аннекса, о котором я рассказывала.

Я шагнул к картине, выдержанной в голубых и темно-синих тонах. Полотно было очень боль-

шим и безупречно квадратным. Чем ближе я подходил, тем больше деталей различал.

Меня словно ударили в живот.

— Мне надо сесть.

Я плюхнулся на ближайший стул. Что было передо мной? Ночной океан, безбрежное, почти черное пространство, полное двойных звезд с… лицами. Призрачными, парившими в густой ночной синеве. В глазах — невероятно глубокая тоска.

— Проктор, что с тобой?

— Я уже видел это.

Тия настороженно прищурилась:

— Что значит «уже видел»?

— Мне это снилось. — «Бедная женщина!» — подумал я. Безобидный флирт на концерте, а теперь в ее квартире сидит лунатик и бредит. — Знаю, мои слова покажутся тебе чистым сумасшествием. Можешь вызвать санитаров. Я не стану сопротивляться.

— Ты… видел это во сне.

— Видел и продолжаю видеть. Это происходит постоянно. Правда, лиц никогда не было. — Я мотнул головой. — Я несу какую-то бессмыслицу. Лучше мне уйти и не смущать тебя.

— Сомневаюсь, что в таком состоянии ты спо-

собен куда-нибудь пойти.

— Познакомь меня с художником.

Тия покачала головой:

— Не могу.

— Почему не можешь?

— Ему не понравится. Он ведет очень замкнутый образ жизни. — Она помолчала. — Думаю, тебе будет интересно узнать о нем еще кое-что.

— Что именно?

— Этот человек не способен видеть, — сказала она.

Мне показалось, что я ослышался.

— Как это — не способен?

— Он слеп.

— Он слеп и пишет такие вот картины?

— Поверь, я тоже спрашивала его об этом.

Я снова взглянул на картину. Как вообще кто-нибудь может видеть подобное, не говоря уже о слепце?

Я узнал одно лицо, встречавшееся мне в реальности.

Лицо Кэли.

13

Понедельник, десять утра.

С холма в сторону дамбы движется кортеж. Спереди и сзади едут машины службы безопасности, посередине — черный лимузин. Для кортежа освободили трассу. Не сбавляя скорости, он въезжает на дамбу. О ее понтоны ударяются легкие волны. Вверху — высокое синее небо. Ворота на другом конце уже открыты. Охрана беспрепятственно пропускает кортеж. Отто Уинспир, сидящий на заднем сиденье лимузина, открывает портфель, чтобы еще раз просмотреть материал. Фотографии не могут рассказать обо всем, но у него есть не только они. Отто достает портативное просмотровое устройство, перематывает запись назад и смотрит снова.

Судя по индикатору времени, запись начинается в два часа тринадцать минут. Ночь. Видны фигуры двух бегущих людей; на заднем фоне — старая, давно не используемая будка охраны. Хэнсон еще не попал в поле зрения камеры дрона. Эти двое бегут, опустив голову, иначе бы они знали, что дрон уже начал слежку за ними. Судя по очертаниям, один из них — ребенок, мальчишка

лет десяти или чуть старше. Второй — женщина с короткими волосами. Достигнув переулка, они разбегаются в разные стороны. На краю экрана появляется Хэнсон и пускается в погоню за женщиной. Ошибка. Разумнее было бы преследовать ребенка. Конечно, мальчишка бегает быстрее, но их поединок не кончился бы жуткой гибелью агента безопасности.

На пятьдесят две секунды камера дрона теряет их из виду — внизу лабиринт переулков, — но затем они появляются снова, в четырех кварталах к западу от места начала погони. Камера еще не успела зафиксировать лицо подозреваемой. Женщина вбегает в тот самый переулок. Странный выбор. Она наверняка знает, что переулок перегорожен забором. Отто склоняется к мысли, что женщина намеренно вовлекла Хэнсона в долгую погоню. Можно было бы давным-давно раствориться в лабиринте переулков, но женщина хочет показать агенту безопасности, какого низкого она мнения о нем. Достигнув забора, она даже не замедляет шага, а подтягивается на руках и с ловкостью гимнастки прыгает вниз, скрываясь из виду.

Хэнсону, почти догнавшему ее, труднее. Он устал; погоня измотала его. Возле забора он оста-

навливается, словно решая, стоит ли лезть. Потом все-таки подтягивается и повисает на руках. Там он снова медлит. Почему? Что он увидел? Еще через несколько секунд он спрыгивает с другой стороны.

Датчики любого дрона запрограммированы на два показателя: движение и телесное тепло. Хэнсон и женщина находятся по другую сторону забора, вне поля зрения беспилотника. Он зависает, рассчитывая очередной маневр, затем датчики обнаруживают новый объект, и дрон резко разворачивается. Еще один подозреваемый? Нет. Дрон опускается между домами и несется в погоню. Вскоре Отто видит на экране шелудивого пса, роющегося в мусорном баке.

Кортеж останавливается. Охранники вперемешку с агентами «три-эс». Целая толпа. Но зевак еще больше.

— Госпожа председатель, думаю, вам лучше всего подождать в машине, — говорит он.

Каллиста, сидящая напротив, бросает на него испепеляющий взгляд:

— Отто, мне не впервой видеть кровь.

— Разумеется. Но меня настораживает толпа местных жителей. Лучше, если они не будут вас видеть.

Совет вполне здравый, хотя Отто знает: Каллисту бесит, когда ей пытаются указывать. Она молча поворачивается к окну.

— На этот раз — да, — сухо роняет она.

Отто вылезает и идет к переулку, оцепленному и перегороженному лентой. У забора его ждут три агента «три-эс». Один, по фамилии Кэмпбелл, ему знаком, двух других он видит впервые. Не обращая внимания на них, он опускается на корточки перед трупом Хэнсона. Кто-то сообразил прикрыть труп одеялом. Отто берется за край одеяла. Фотографии должны были бы подготовить его к этому зрелищу, но он все равно в шоке. Почти все, что находилось выше шеи Хэнсона, превратилось в пятно на тротуаре, окруженное неправильным кругом из мелких обломков. Тропическая жара внесла свой разрушительный вклад.

— Сэр, мы нашли то, что, скорее всего, явилось орудием убийства.

— Покажите.

Из багажника своей машины Кэмпбелл достает густо перепачканную засохшей кровью толстую палку с торчащим из нее гвоздем. Отто слегка взмахивает палкой, прикидывая, сколько она весит.

— Свидетели есть? — спрашивает он Кэмп-

белла.

Тот качает головой.

— Мы прочесали весь квартал.

Отто поднимает голову и смотрит на окна окрестных домов. Расправа над Хэнсоном явно сопровождалась шумом.

— Прочешите еще раз. И не церемоньтесь.

Кэмпбелл подает знак коллегам, и все трое удаляются. Тем временем подъезжает фургон с эмблемой Министерства благополучия. Оттуда выходят два человека, которые открывают задние дверцы и извлекают каталку. Отто смотрит, как они засовывают обезглавленное тело Хэнсона в мешок и грузят на каталку.

— Везите прямо в крематорий, — говорит им Отто.

Каталка скрывается в недрах фургона, и тот уезжает. Отто вновь смотрит на сцену убийства, пытаясь соотнести увиденное с тем, что запечатлела камера дрона. Почему Хэнсон, повиснув на заборе, спрыгнул не сразу? Если женщина намеревалась устроить агенту засаду, там не было ничего, что могло бы послужить ей укрытием. Находясь вверху, Хэнсон явно видел ее. И все-таки что-то заставило его спрыгнуть, не побоявшись палки с гвоздем. Что же он увидел?

Отто мысленно разбивает конец переулка на квадраты и начинает обшаривать их, сосредоточиваясь на тротуаре. Мусор, битые бутылки. Как на любом тротуаре Аннекса. Он подходит к забору и замечает темное пятно.

Он снова опускается на корточки, лезет в карман за перчаткой, надевает и дотрагивается указательным пальцем до пятна, липкого на ощупь. Отто бросает взгляд на то, что находится вокруг, и видит следы, идущие прочь из переулка.

Отто пересекает барьер и подзывает охранника.

— Слушаю, сэр.

Охранник вытягивается по стойке смирно. Он старше остальных, со слегка выпирающим брюшком.

— Принесите сюда ведра и щетки, наведите порядок, — говорит Отто, надавливая пальцем на его плечо. Потом возвращается в машину.

— Что-нибудь выяснили? — спрашивает Каллиста.

— Женщина поранилась о гвоздь. И весьма серьезно. Агенты снова прочесывают квартал.

Каллиста смотрит сквозь тонированное стекло на толпу зевак:

— Хочу спросить вас, Отто: эти люди кажутся вам… какими-то другими?

Ей — да. При виде множества агентов «три-эс» собравшиеся должны были бы разойтись, однако случилось прямо противоположное: толпа стала расти. И все с вызовом поглядывают на черный лимузин. «Думаете, мы вам что-нибудь расскажем? Держите карман шире». Женщина, размозжившая Хэнсону голову, возможно, тоже здесь — прячется в толпе.

— Они ненавидят нас, — говорит Каллиста.

— Кто-то ненавидит, — отвечает Отто. — Так было всегда.

— Не «кто-то». Все.

Отто велит водителю трогаться. Он уже рассчитывает свой следующий шаг. Передняя машина с охраной громко сигналит. Толпа неторопливо расступается. Отто усаживается поудобнее.

«Прекрасно, — думает он. — Пусть ненавидят. Это даже лучше».

14

Поездка до Академии раннего обучения занимает десять минут. Академия находится вдали от моря, на внутренней окраине города. Это целый городок с учебными зданиями, спортивными и сценическими площадками, павильонами для игр и выступлений, а также внушительным спортивным комплексом.

Естественно, Академия тщательно охраняется. Двух охранников мы увидели уже на подъезде к воротам.

— Не волнуйся, — сказала Тия, когда мы оказались у самых ворот. — Я сейчас проверну один трюк. — Она опустила стекло. — Добрый день, господин полицейский. Мы приехали на ознакомительную беседу для новых родителей. Наша фамилия — Димополус.

Охранник заглянул в список:

— Вашей фамилии здесь нет.

Тия изобразила огорчение:

— Наверное, это моя вина. Мы удосужились позвонить только сегодня утром. Но у нас хорошая новость! — Она крепко сжимает мою руку, чтобы охранник видел. — Подошла наша очередь!

— Что ж, поздравляю.

— Мы возьмем мальчика. Меня бы устроила и девочка, но мой муж был непреклонен.

Подыгрывая Тие, я высунулся в окошко с ее стороны и продемонстрировал охраннику лучезарную улыбку молодого отца:

— Так оно и есть. Какому мужчине не хочется сына!

— Дорогой, я же не спорю, — прощебетала Тия. — Пусть сначала будет мальчик. Потом возьмем девочку. Уговор есть уговор. — Она снова повернулась к охраннику. — По нам видно, как мы волнуемся. Подумать только, уже через две недели он сойдет с парома!

— Я еще раз проверю список.

Охранник вперился в лист, водя пальцем по строчкам.

— Очень любезно с вашей стороны, — сказала Тия. — Мне не хватает слов, чтобы поблагодарить вас.

Охранник добрался до конца списка и поднял голову.

— Вы совершенно уверены, что ваша беседа назначена на сегодня?

— Абсолютно. На сто процентов.

Мы рисковали. Охраннику ничего не стоило

снять трубку и позвонить начальству.

— Понимаю, — сокрушенно вздохнула Тия. — Наше упущение, нам и расплачиваться. Приедем в другой раз.

— Черт с ним, со списком, — вздохнул охранник и крикнул парням около будки: — Все нормально! Пропустите машину.

— Вы нас пропускаете? Мы у вас в долгу.

— Наверное, кто-то опять недоглядел, — сказал охранник, наклонившись к окошку. — Такие накладки случаются сплошь и рядом. — (Ворота поднялись.) — Хорошего вам дня.

Мы покатили по длинной подъездной аллее.

— Потрясающий спектакль, — сказал я. — Ты, наверное, блистала в студенческом театре.

Тия пожала плечами:

— Торговля произведениями искусства — тоже торговля. Кое-чему научилась.

Кампус остался таким же, каким я его помнил. Здания со строгими, внушительными пропорциями, обилие зелени на лужайках и в садах, общая атмосфера места, словно проникнутая благородными устремлениями. Тия въехала на стоянку. Мимо нас прошествовали первоклашки в новенькой форме, похожие на шумный выводок утят. Ведомые учительницей, они шли туда, где им

предстояло поглотить дневную порцию знаний.

— Теперь начинается мой театр, — сказал я.

За столом в приемной сидела молодая блондинка со стрижкой под пажа, в строгом костюме. Ее шею украшало жемчужное ожерелье.

— Добрый день, — поздоровался я. — Проктор Беннет из Департамента социальных контрактов. Мы с помощницей приехали по поводу одной ученицы. Есть несколько рапортов о правонарушениях с ее стороны.

— Правонарушениях? — переспросила блондинка.

Казалось, это слово было ей незнакомо.

— Регулярное прогуливание занятий.

Глаза блондинки округлились от ужаса. Я решил немного сгустить краски:

— В часы занятий девочку видели вне кампуса. Она болтала и строила глазки мужчинам из обслуги.

— Боже мой!

— Мы могли бы увидеть ее?

— Конечно. — Секретарша порывисто встала. — Пожалуйста, назовите имя и фамилию.

— Ее зовут Кэли. К сожалению, фамилии мы не знаем. Думаю, она учится в третьем или четвертом классе.

Блондинка ушла в соседнее помещение и через пару минут вернулась.

— Вы уверены, что правильно назвали имя? У нас не значится никакой Кэли. Может, вкралась ошибка?

Я сомневался в этом, но все же назвал пару вариантов. Секретарша снова удалилась и вернулась, как и в первый раз, с пустыми руками:

— Жалею, что не сумела вам помочь. — Она слегка вздрогнула. — Строить глазки обслуге! В голове не укладывается.

— Возможно, вы видели ее. Короткие светлые волосы, довольно рослая. На одной щеке характерный знак.

— Какой знак?

— Шрам.

— Боже мой! Бедняжка! — воскликнула блондинка, потом задумалась. — Ничего не припоминаю. Девочку со шрамом я бы обязательно запомнила… Впрочем, постойте. — Блондинка хлопнула себя по лбу. — Возможно, родители забрали ее из Академии. Поэтому данных и нет.

Я не слышал, чтобы приемные родители забирали итеранта из Академии.

— А что, такие случаи бывают?

— Бывают, хотя и крайне редко. Приемные

родители переводят итеранта на домашнее обучение. Почти всегда это связано с неадекватным поведением питомца. Судя по вашим словам, родители этой девочки вполне могли принять такое решение.

— Но неужели у вас не осталось ее личного дела? Каких-нибудь других документов?

— Мы отдаем все это приемным родителям. — Выражение лица блондинки изменилось. — Вы же из Департамента социальных контрактов. Ваше ведомство должно получать такие данные.

Я взглянул поверх ее плеча. На стене, у самого потолка, торчала камера, направленная вниз. Неизбежное зло любого присутственного места.

— Теперь мы обязательно проверим по нашим каналам, — сказал я и улыбнулся блондинке. — Благодарю вас за хлопоты, мисс…

— Бофорт. Флоренс Бофорт.

— Спасибо, что уделили нам время, мисс Бофорт.

Мы спешно ретировались. Но как теперь выехать за ворота Академии? Как объяснить наше быстрое возвращение? Однако ворота поднялись автоматически. Тия погудела и помахала охраннику. Я обернулся. Охранник стоял посреди дороги, уперев руки в бока, и смотрел нам вслед.

— Мы вели себя не слишком разумно, — сказал я Тие. — Один телефонный звонок, и кое-кому все станет ясно.

— Согласна. Импровизации не всегда бывают удачными. Но ты когда-нибудь слышал, чтобы итеранта забирали из Академии?

— Никогда.

— Я тоже. — Тия бросила на меня косой взгляд. — Ты уверен, что видел на картине именно ее лицо? Полностью уверен?

— Мне не померещилось. Это была она. Точно.

— А то, что связано с ее именем?

— Признаюсь, это чистое совпадение.

Тия вновь посмотрела на меня:

— Проктор, я не говорю, что не верю тебе…

— За такими словами всегда следует «но».

Она набрала воздуха, как перед нырком в воду.

— Но это кажется немного… неправдоподобным.

— Не отрицаю. Я не хочу усложнять тебе жизнь. Одно твое слово, и я уйду.

Какое-то время мы ехали молча. Мое физическое состояние было отвратительным. Вернулся озноб. Во рту и на языке ощущался привкус какой-то химической горечи. Может, я подцепил что-нибудь? Эта мысль была тягостной. Я не пом-

нил, болел ли когда-либо, и мне было не с чем сравнивать свои ощущения. Я не знал, сколько это продлится и какие мучения меня ждут. Машина подскочила на дорожной выбоине, и у меня забурлило в животе. Сама езда вдруг стала невыносимой.

— Останови машину, — попросил я.

— Зачем?

— Я серьезно. Останови.

Я выскочил из машины, не дождавшись полной остановки. Увидев канаву, я склонился над нею, уперев ладони в колени, и стал ждать, когда меня начнет выворачивать. Но этого не случилось. Да и с чего бы? Все, что было во мне, желудок исторг в мусорный контейнер несколько часов назад. Постепенно тошнота отступила, а озноб остался. Но он сделался другим; теперь это было не столько физическое ощущение, сколько тревожное чувство внутреннего разлада. Со мной творилось что-то непонятное. Я поднял голову. Мы остановились на краю луга, поросшего густой травой. Трава вдруг показалась мне экзотически-яркой, почти психоделической. Легкий ветер теребил травинки; они колыхались, как волны, постоянно меняя цвет. Гипнотическое зрелище полностью заворожило меня. Ветер, дувший в лицо, был

прохладным и тоже странным; я воспринимал его не как движение единой воздушной массы, а как стук микроскопических дождевых капель, только дождь состоял из отдельных молекул. Стало спокойно. Я вдруг ощутил, что я один во всей вселенной. Нет, не вдруг. Так было всегда. Просто сейчас я сделал это открытие.

— Проктор!

Голос, зовущий меня, раздавался откуда-то из необъятной дали. Голос из моря, летящий сквозь звезды.

— С тобой все в порядке?

Ее вопрос вернул меня к реальности. Я увидел траву и деревья вдали, ощутил ветер на щеках. Все стало знакомым и обыденным. Тия по-прежнему сидела за рулем, глядя на меня через открытую пассажирскую дверцу. Я вернулся в машину.

— Извини, меня немного укачало.

Она встревоженно посмотрела на меня:

— Вид у тебя, прямо скажем, не блестящий.

— Сколько я там находился?

Вопрос заставил ее нахмуриться.

— Не знаю. Может, секунд тридцать.

Тридцать секунд. А для меня — как несколько дней.

— Может, поискать ридер и проверить процент

твоей жизненности? — предложила Тия.

— Только этого не хватало. Довольно с меня дурацких измерений и осмотров.

Мимо пронесся тяжелый грузовик, и нас обдал резкий порыв ветра. Я почти забыл, что мы остановились на обочине дороги, где ездят другие машины.

— Почему ты так беспокоишься о ней? — спросила Тия, глядя не на меня, а перед собой. — Я об этой Кэли.

Я беспокоился? Для этого не имелось никаких оснований, она же не была моей приемной дочерью. Однако меня не покидало это странное ощущение.

— Я знаю одного человека, — сказала Тия. — Наверное, он поможет отыскать ее следы.

— Одного человека, — повторил я.

— Он не из «три-эс», если ты подумал об этом.

— Я вообще ни о чем не думал.

— Пусть будет так. Но я ему доверяю, он профессионал высокого класса.

Я был не в том положении, чтобы отказываться.

— Мне понадобится день-другой, чтобы связаться с ним. Если кто и может разузнать, что приключилось с этой Кэли, то один только он.

— Хорошо.

Мы помолчали.

— Наверное, тебе пора домой, — сказала Тия.

Она была права; я не мог вечно прятаться. Но оставалось еще одно дело, с которым следовало разобраться до конца дня.

Узнать адрес Джейсона оказалось несложно: я зашел в ближайшую телефонную будку и открыл телефонную книгу. Я думал, он обитает в другом месте. Большинство молодых людей предпочитали жить в центре города, поближе к работе и развлечениям. Дом, где снимал квартиру Джейсон, стоял на западной окраине города и соседствовал с оживленной магистралью. Здание было старым, довольно обшарпанным, без лифта. Мы поднялись на второй этаж. Кнопка звонка отсутствовала. Я несколько раз постучал в дверь. Ответа не было. Спустившись, мы увидели, что шторы на его окнах плотно задернуты. Мы вернулись в дом и стали расспрашивать жильцов.

Никто не видел его ни в этот день, ни в выходные.

15

Нельзя сказать, что он совсем не видит. Видит, но очень слабо. Размытые, лишенные границ очертания, пятна цветного тумана. Смещающиеся тени подсказывают ему, как происходит то или иное движение. Если сравнить движущиеся предметы с кометами, он видит лишь их хвосты. Таков мир, в котором он живет и занимается повседневными делами: умывается, одевается, справляет естественную нужду, ест и засыпает, чтобы назавтра встать и начать новый день.

Было время, когда он мог видеть наравне с другими. Но однажды все изменилось. Это случилось в каком-то переулке. Он был молод, неистов и горяч. Трудно сказать, что именно в его поведении вызвало гнев охранников. В таких случаях часто говорят: оказался не в то время, не в том месте и не с теми людьми. *Черт бы побрал эту житейскую мудрость!* Он ничего им не дал, да у него и не было ничего. Впрочем, охранники и не собирались поживиться за его счет. Кажется, он все-таки что-то крикнул им, и тогда… Его били дубинками, кулаками и носками сапог. Все это обрушивалось на него с разных сторон, а когда охранникам

надоело его избивать и они удалились, окружающий мир изменился. Превратился в подобие туннеля с темными стенами, внутри которого плясали искорки. Он думал, что это пройдет, однако привычное зрение не возвращалось. Стены лишь смыкались, а искорки превращались в неясные цветные вспышки. Однажды утром он проснулся и не мог понять, день сейчас или ночь, бодрствует он или это ему снится.

Вскоре он на собственном опыте убедился: быть слепым не означает вообще ничего не видеть. Его зрение просто поменяло направление, переключившись с внешней, физической реальности на внутреннюю — реальность разума. Внутри него рождались новые мысли, а вместе с ними рождался и новый образ жизни. Мир стал тем, что он чувствовал, уже не отягощенный тиранией зрения.

Затем возникла настойчивая потребность заняться живописью. Как еще запечатлеть свое новое понимание, чтобы поделиться им? Он и понятия не имел, с чего начнет. Раньше, когда он прекрасно видел, ему и в голову не приходило взяться за кисть. Но в своем новом состоянии, среди визуальной тишины, он чувствовал безмерную нежность ко всему, что существует. Он

словно прощал мир за все, чем тот был.

Итак, лица.

Когда они впервые появились на его холсте, он даже не понял, что изображает их. Это было… когда? Много лет назад. Утро началось с привычных действий: он провел руками по чистому холсту, примериваясь к очередной картине. Затем, почти вплотную прильнув к мольберту, начал писать. Он работал над картиной так же, как вол тянет плуг, целиком сосредоточиваясь на том, что у него под носом. Только вместо комков земли это были участки холста. Он живописал начавшийся день так, как ощущал его: ностальгически, с оттенком беспокойства и скуки. Использовал оттенки синего и зеленого для кругов и квадратов. Изображенные им формы означали здания, стоявшие косо, словно тяготение по-разному действовало на каждое из них. Он почти вошел в состояние транса, как вдруг волшебство оборвалось. За его спиной кто-то стоял.

— Кто эти люди?

Клэр. Та, что всегда приносила ему полуденную еду. Она поставила поднос на рабочий столик, где Паппи держал свое хозяйство: банки с кистями, тюбики с красками, растворители и масла. Все это было расставлено и разложено в определен-

ном порядке, чтобы он мог не задумываясь найти любую вещь.

— Какие еще люди? — резко спросил он, недовольный тем, что Клэр прервала его размышления.

Казалось, от него что-то скрывали.

— Не прикидывайся, — сказала Клэр.

— Я и в самом деле не знаю, о чем ты говоришь.

Перед глазами мелькнула серая полоса. Клэр указывала на холст.

— Люди, которых ты изобразил. Они какие-то странные.

— Расскажи, что ты видишь?

— Ты действительно не знаешь? — В ее голосе появилось раздражение. Новая картина явно чем-то задевала ее. — Они повсюду.

— Тебе это не нравится.

— Ты никогда не спрашивал моего мнения.

— А сейчас спрашиваю.

— Нет, совсем не нравится, — помолчав, ответила Клэр.

Она ушла. Паппи понял, в чем дело. Он был проводником. Через него говорил мир. Нет, не мир, а какой-то невидимый, скрытый план бытия. Делало ли это его сумасшедшим? Ему было

все равно. Он понимал: сегодняшняя картина — лишь проблеск. Что-то вроде… прочистки горла перед тем, как оттуда вырвутся настоящие слова.

Чем были эти лица? Душами мертвых? Тенями тех, кто еще не родился? Кем были эти люди, выглядывавшие из домов, с деревьев, с поверхности океана, со звезд?

После реакции Клэр Паппи решил молчать о лицах. Ему было не о чем беспокоиться; никто не обращал внимания на его творчество. Он был частью сообщества, в котором жил: старый слепой чудак, заполнявший холсты разной чепухой, что приходила ему на ум. Такое положение вещей вполне устраивало Паппи, хотя ему часто недоставало того, кто был бы способен понять смысл его живописи.

И такой человек появился.

Он помнит, когда Тия впервые приехала. (Десять лет назад? Пятнадцать? Сейчас уже и не вспомнить.) Какой молоденькой она была, какой неуверенной — но одновременно в ней был характер, а внутри — духовный голод. Все это отражалось в ее голосе, но не только. Паппи чувствовал, что Тию окружает зона бурлящей энергии, похожая на гудящий пчелиный рой. Она рассказала, что изучает в университете эстетику

и в дальнейшем намерена открыть художественную галерею. О нем она узнала от своих друзей, а те — от своих и так далее. Словом, непонятно как. Казалось, она нашла Паппи инстинктивно, по воле судьбы. Тогда он не поверил ее словам. Он не питал неприязни к просперианцам; раньше он их ненавидел, но то время давно прошло. Однако новая жизнь не сделала его доверчивым глупцом. «Что ты ищешь?» — спросил он Тию. Разговор происходил в переулке, где он сидел, подставив лицо солнцу. Там Тия и нашла его, присев рядом. Услышав вопрос, она некоторое время сосредоточенно ковыряла землю носком туфли, потом призналась, что сама не знает, но поймет, когда увидит.

В тот день Паппи спровадил ее. У него не было времени на подобные глупости. Он не строил иллюзий насчет того, будто девица, воспитанная и обученная по всем стандартам просперианского общества, избалованное чадо богатеньких родителей, сумеет понять ценность того, что он делает; что его картины пробудят в ней какие-нибудь мысли. Он пишет картины не для кого-то, а для себя. Мир может думать об этом что угодно — ему все равно. Девчонка, которой некуда девать деньги. Да что она вообще знает о жизни?

Через неделю Тия приехала снова, и он опять спровадил ее. И на третий раз тоже. На четвертый он сдался. Она явно не собиралась оставлять его в покое; лучше поскорее покончить с этим. (Паппи не хотел признаваться сам себе, что ждал ее приездов. Клэр тоже ждала и иногда присаживалась вместе с ними на дворовую скамейку.) Он повел Тию в мастерскую. Та увидела пустые стены (все картины он убрал заранее). Паппи уселся за мольберт.

— Ну и что ты думаешь? — спросил он.

— О чем?

— О картине, разумеется.

— Но на холсте нет ни одного мазка.

Тия говорила правду. Холст был пустым.

— Кое-что есть. — Паппи указал на дальний конец комнаты. — Там стоит стул. Видишь?

— Откуда вы об этом узнали?

— Стул всегда там стоит. Тащи его сюда. — (Тия послушно принесла его и поставила позади мольберта.) — Что стоишь? Садись.

Кажется, она угадывала его намерения. После нескольких встреч у Паппи сложилось более четкое представление о ней. Любопытная, не лишена скептицизма, быстро соображает. Привыкла все раскладывать по полочкам. И этих полочек внут-

ри ее не счесть. Большие, средние, маленькие.

— Я должна сидеть неподвижно?

— Это не обязательно, но со стула не слезай. И не подглядывай.

— И долго мне сидеть?

— Вопросы, вопросы, — проворчал он.

Так они провели остаток этого дня и два следующих. Текли часы, но Тию это не тяготило. Ей не требовалось принуждать себя к сидению на месте. Она не испытывала неловкости. Оба словно заключили дружеское соглашение: «Ты будешь сидеть, я буду писать картину, а потом посмотрим, что получилось». Тия ни разу не заикнулась о том, как это нелепо — позировать слепому художнику, и не попросила разрешения взглянуть на холст. И ничего не сказала о странной манере его работы. Паппи надолго замирал над холстом, не касаясь его кистью, а когда вновь принимался за дело, широкие мазки ложились произвольно, словно он красил стену. Тия стойко молчала.

— И как успехи? — как-то раз во время обеда спросила Клэр.

Вопрос был задан в присутствии всех, кто находился за столом, включая новую девушку, назвавшуюся Джесс.

— Работаю, — коротко ответил Паппи, зачер-

пывая суп. — Пробую кое-что новое.

— Меня ты никогда не просил позировать, — сказала Клэр.

Паппи улыбнулся так, чтобы видели все:

— А мне этого не требовалось. Я и так отлично тебя понимаю.

— Ты излишне самоуверен, — усмехнулась Клэр.

Картину он закончил на следующий день, уже под вечер. Сунул кисть в банку, отложил палитру. От утомления кружилась голова. Ему казалось, будто он три дня подряд стоял в спокойном центре бурлящего шторма. Выждав немного, он спросил Тию:

— Хочешь посмотреть?

Он услышал скрип стула. Тия подошла и встала рядом:

— Это я?

Ее голос звучал неуверенно.

— А кто же еще?

Слои темных и светлых тонов. Точки застывшей краски, соединенные тончайшими нитями наподобие нейронов. Неистовые, эмоциональные полосы цвета идут рядом, изгибаясь, и уходят друг в друга, словно вихревые потоки. А под всем этим — синева безмятежного океанского

простора, невероятно глубокая, пронизанная темно-синими, почти черными нитями, складывающимися в нечто вроде железной сети. Чернота боли, которую, правда, нельзя назвать невыносимой. Это была глубинная структура картины, источник ее силы.

— Это ты, — сказал Паппи. — Здесь все твое настоящее, все, что случилось с тобой в прошлом, и все, что произойдет в будущем.

Тия молчала. Паппи ждал. Она стояла не шелохнувшись, но он чувствовал, как струятся волны ее энергии. Прошло еще какое-то время, и вдруг Тия вздохнула и сдавленно застонала.

— Это я, — прошептала она. — Это я, это я…

Она бросилась к Паппи на шею и заплакала.

Тия стала частью его жизни. Не так, как бывает со взрослой дочерью, вдруг разыскавшей отца, хотя «родительское» начало тоже присутствовало. Может, это больше напоминало отношения престарелого дядюшки и любимой племянницы? На все вопросы Паппи отвечал кратко: они понимают друг друга на глубинном уровне, без всяких умствований. Две родственные души, случайно столкнувшиеся в этом мире.

Она смотрела, как работает Паппи. Это позволялось только ей; всех остальных Паппи

бесцеремонно выгонял из мастерской. Его очень занимало то, что она никогда не просила разрешить ей поработать с кистью и красками и отказывалась брать уроки живописи, которые он предлагал. Но постепенно Тия перестала быть наблюдательницей и стала высказывать свои соображения, а иногда и критические замечания. Она могла сказать: «Этот оттенок красного слишком яростный», или «Не понимаю, почему ты застрял в этом углу», или «Ты сегодня выдохся. Пожалуй, стоит сделать перерыв». В ее словах не было безапелляционности; она говорила то, что видела, констатировала факты. Очень часто Тия оказывалась права, а если даже нет, ее слова заставляли Паппи глубже задумываться о своем творчестве. Образно говоря, смотреть на свои картины другими глазами.

И конечно же, где-то рядом всегда была Матерь. Наблюдательность, живой ум, постоянная потребность узнавать новое и проникать вглубь жизни делали Тию настоящим самородком и… опасностью для всех, кто окружал Паппи. Тия видела, что в доме постоянно появляются незнакомые люди, в кухне о чем-то шепчутся, а при ее появлении умолкают. Девушка понимала, что ее посвящают далеко не во все.

Настало время, когда ее положение «часто приходящей гостьи» стало тяготить хозяев, и они решили сказать обо всем напрямую. Разговор происходил в кухне. Кроме Паппи, там были Квинн, Джесс, окончательно влившаяся в сообщество, и, естественно, Матерь, которая поставила Тию перед жестким выбором: покинуть этот дом и больше никогда не возвращаться — или стать одной из них.

После слов Матери наступила тишина. Паппи знал, что сейчас под столом чьи-то пальцы сжимают рукоятку ножа.

— Спасибо, что сказали. — Голос Тии звучал тихо, но твердо. Она обращалась ко всем. — Правда, я давно догадывалась. — (От нее ждали заключительных слов.) — Какую работу вы мне поручите?

Потом она перестала приезжать. Паппи скучал по ней. Ей на два года запретили появляться на Аннексе. Таковы были правила, установленные Матерью. Тие предстояло все глубже врастать в просперианскую жизнь, пока она не сможет стать полезной для них. Прошло два года. Тия не возвращалась. Матерь ничего не рассказывала ему о ее жизни. Она выполняет порученную работу; это все, что должен знать Паппи.

На четвертый год, в один из дней, Паппи, как всегда, работал в мастерской и вдруг ощутил присутствие Тии. Он почувствовал ее так остро, словно переместился назад во времени. Они молча обнялись. Тия сказала, что приехала ненадолго. Короткий разговор с Матерью, и она вернется на Просперу. Но за те минуты, что она сумела выкроить для Паппи, Тия рассказала ему о многом. О своей жизни в городе, о людях, с которыми успела познакомиться, о квартире, где теперь жила, и о собственной галерее, начавшей пополняться произведениями. «Знал бы ты, какая жуть там собрана, — со смехом рассказывала она. — Дурная шутка. Иногда кажется, что я свихнусь от всей этой слащавости».

Как замечательно было снова слышать ее голос. Лед был сломан. С тех пор она время от времени появлялась, всегда без предупреждения, — во всяком случае, Паппи об этом не говорили. После короткого разговора (он дорожил каждым мгновением их бесед) она открывала люк и спускалась в подвал. Паппи старался не волноваться, но, конечно же, безуспешно. Он опасался не того, что Тию разоблачат. Такая мысль была просто недопустимой. Он опасался за ее истинную суть, за то, что делало Тию той, кем она была. Долго ли

она сможет играть несвойственную ей роль? Так ведь недолго и сжиться с этой ролью или, потеряв себя, стать вообще никем.

Такие мысли обуревают сидящего за мольбертом Паппи. Утро только началось. Но дверь мастерской открывается. По шагам он уже знает, кто пришел.

— Доброе утро, Матерь.

Как и каждый человек, она движется сквозь пространство и время особым, присущим только ей образом. Она присутствует практически везде, но… частично, почти призрачно. Она как бы здесь и не здесь. Матерь никогда не бывает там, где ее ищут, а те, кто делает это, неизменно слышат: «Она только что ушла».

— Откуда ты узнал, что это я? — спрашивает она.

— Входи, — вместо ответа говорит Паппи.

Она встает у него за спиной, смотрит на холст:

— Это что-то интересное.

— Пусть будет «интересное». Для меня сойдет.

Он возобновляет работу. «Пришла? Ну и славненько. Стой и не мешай». Он берет с палитры порцию краски — это почти неразбавленные белила — и почти упирается носом в холст. Потом тонкой частью кисти проводит белую дугу,

узкую, словно ресница. Паппи сам не понимает, что делает, но по ощущениям вроде так и должно быть.

— Паппи, я тебе мешаю?

Он проводит вторую дугу.

— Ты спрашиваешь всерьез?

— Паппи, ну прерви ненадолго этот свой творческий процесс!

Он откладывает кисть и разворачивает вертящийся стул в сторону Матери. Ему все равно, в каком положении разговаривать, однако людям нравится, когда на них смотрят, даже если смотрящий слеп.

— Я не знаю, кто из наших сейчас на месте, — говорит он.

— Речь не о них. Я пришла к тебе.

— Серьезно?

— У меня к тебе вопрос.

— А это уже что-то новенькое.

Ее тень растворяется в окружающем сером фоне. По шагам Матери Паппи понимает: она ходит взад-вперед, собираясь с мыслями.

— Как по-твоему, откуда они приходят? Все эти отзвуки? Плохие мысли?

— Разве это не по части Квинна?

— Я тебя спрашиваю.

— Ладно. — Паппи задумывается. — Откуда-то приходят — так я скажу.

— Не слишком вразумительный ответ.

— Потому что ты неправильно задала вопрос. — Он поднимает кисть, как дирижерскую палочку. — Вопрос не в том, откуда приходят отзвуки, — говорит он, — а в том, от кого.

Матерь вздыхает.

— Тебе не нравится мой ответ. Что ж, очень плохо. Если хочешь знать мое мнение, Беннету кто-то пытался что-то рассказать.

— Например?

— Не имею ни малейшего представления. Но согласись, вопрос интересный.

Паппи чувствует: от Матери несет досадой. Чем-то похоже на настоящий сквозняк из незакрытой двери.

— Тогда я задам свой вопрос, — говорит Паппи. — Может, Проктор что-то знает, а может, и нет. Не стану отрицать, мне тоже любопытно. Но даже если это и правда, что бы ты стала делать с подобными сведениями?

— Они что-то значат. И это что-то может нам помочь.

— В чем? Порешить всех факсов? А дальше?

— Жить. Как люди.

— Мы и сейчас живем как люди, — заявляет Паппи. — Если хочешь знать мое мнение, это просперианцы живут не по-людски.

— Они-то как раз думают, что ведут жизнь, достойную людей.

— Верно. Они думают. Но от их мыслей жизнь не становится такой. Скажи, ты хотела бы уничтожить их всех?

— Многие этого хотят. Та же Джесс.

Паппи взмахивает рукой, отметая доводы Матери:

— Джесс зла на весь мир и еще слишком молода. К тому же она здесь не главная.

— Паппи, помнишь охранников, по чьей вине ты ослеп? Неужели ты не хочешь, чтобы их не стало?

— Прости меня, но ты сейчас усиленно стараешься вызвать чувства, которых в тебе нет. Точнее, уже нет. Мы оба это знаем. — (Матерь молчит, затем отходит от мольберта.) — Знаешь, грустить — это вполне нормально.

В ответ слышится горький смешок:

— Ты серьезно?

— Прислушайся к себе. Грусть — вполне нормальное состояние. — Паппи умолкает, затем добавляет: — Мы с тобой не так уж сильно отли-

чаемся друг от друга.

— Да? Как ты это обнаружил?

Паппи пожимает плечами:

— Мы оба не питаем к ним ненависти. Когда-то питали, в прошлом. У меня были такие отрезки в жизни. Но сейчас нас по большей части интересует другое: почему? Почему это место, почему Проспера? Нам это может казаться бессмыслицей, а для кого-то имеет вполне определенный смысл. А теперь, — он снова берет кисть, — если ты задала все вопросы, я был бы не прочь вернуться к работе.

— Знаешь, я ошиблась, назвав твою картину интересной. Правильнее назвать ее безумной.

Паппи уже набирает краску на кисть.

— И ты окажешься не первой, кто так думает. Наверное, Клэр согласится с тобой. Просто она слишком воспитанная женщина, чтобы говорить это мне в лицо. Так мы закончили?

Он ждет от нее еще каких-нибудь слов, однако Матерь молчит. Через несколько секунд она направляется к двери. Скрипят старые петли, и до ушей Паппи доносится звуковой фон внешнего мира: плеск океанских волн, голоса людей, идущих по своим делам, порывы ветра, ударяющего в стены домов, и — где-то далеко — монотонный,

жалобный лай собаки.

— Ты ведь волнуешься за нее. Я знаю, — говорит Матерь, выходя из мастерской. — (Паппи не отвечает.) — Паппи, с ней все будет хорошо. Она умеет постоять за себя.

— Ты знаешь, где меня найти.

Он лишь делает вид, будто поглощен картиной.

16

Настало время вернуться домой и получить по полной все, что там меня ожидало.

Я взял такси. Был уже шестой час. Элиза сидела в гостиной. Рядом, на кофейном столике, стоял бокал вина, к которому она не притронулась. При моем появлении Элиза даже не подняла головы. От нее исходила едва сдерживаемая ярость. Я сел напротив:

— Догадываюсь, что Каллиста тебе уже все рассказала.

— Проктор, я проторчала тут невесть сколько времени. Где тебя носило?

— Это долгая история.

— Не сомневаюсь.

Я ощутил всплеск ярости. Элиза встала, прошла к двери, выходившей в патио, и остановилась, глядя на крытый дворик.

— Элиза, послушай. Тут не все так просто. Когда я уходил с причала, охранник был во вполне приличном состоянии. Я помял ему шею, не более того.

— Проктор, ты будешь оспаривать запись с камер? Ты именно что напал на него.

— Все было совсем не так. Говорю тебе, там есть нестыковки.

Она запрокинула голову к потолку:

— Боже, но почему я не видела этого раньше? Как я могла быть такой невнимательной?

— О чем ты говоришь?

— Не догадываешься? О твоих снах, о сомнамбулизме. Проктор, ты ведь болен.

— Слушай, я тогда был почти ребенком. Ты придаешь слишком много значения давнишней истории.

Она резко повернулась. Указательный палец был направлен в мою сторону, как дуло пистолета. В глазах блестели сердитые слезы.

— Думаешь, я не знаю? Каждую ночь одно и то же. Этот жуткий цирк с твоими хождениями по дому. — (У меня свело живот.) — Тебе даже нечего сказать в свое оправдание?

Я глубоко подышал, чтобы успокоиться. Все пошло совсем не так, как я планировал.

— Элиза, ты должна меня выслушать. Все это имеет какое-то отношение к отзвукам, случавшимся у моего отца.

— Великолепно! — взмахнула она рукой. — Парочка лунатиков.

— Знаю, это немного похоже на паранойю…

— Немного? Проктор, да ты нуждаешься в серьезной помощи.

— Помнишь Джейсона, моего стажера? Эймос сказал, что парень уволился, но, думаю, там случилось другое. Я ездил к нему домой. Квартира закрыта. С утра пятницы никто из соседей его не видел.

— Может, ему попросту не хотелось тебя видеть. Тебе это не пришло в голову?

— Он не единственный в этой истории. Есть еще девушка. Совсем молоденькая. Думаю, ее тоже втянули во все это.

Элиза вперилась в меня:

— Ах, девушка? Какая девушка? — В ее голосе зазвучал упрек. — Проктор, ты завел роман?

— О чем ты? Как у тебя язык повернулся? Я же сказал, совсем молоденькая. Почти ребенок.

— Еще великолепнее. — Элиза округлила глаза. — Почти ребенок, — повторила она, изобразив в воздухе кавычки.

Я чувствовал, что каждое мое слово губит меня.

— Ты поняла все превратно. Я случайно познакомился с ней неделю назад, на берегу, когда решил поплавать с утра.

— Что за чушь ты несешь? При чем тут какая-то

девчонка с берега? Как все это связано с историей на паромном причале?

— То-то и оно, что связано. Я только не знаю как. Но и она тоже исчезла. Я даже ездил в Академию раннего обучения, чтобы навести справки о ней.

— Ты поперся в Академию разыскивать ее? Ну и как прошло ваше свидание?

Я сделал еще несколько успокоительных вдохов и выдохов.

— Элиза, ты не слушаешь меня, а просто цепляешься к словам. Я же сказал, что попытался навести справки. Так вот, ее никто не видел. Похоже, там вообще о ней не слышали.

— Послушал бы ты сейчас себя! Бред сумасшедшего.

— Согласен, это попахивает безумием. Но возможно, ты ее знаешь. Девочка со шрамом на щеке.

Взгляд Элизы заметался по гостиной, затем остановился на мне.

— Какой шрам? Почему я должна знать какую-то девчонку со шрамом?

— Потому что она живет где-то поблизости. Ты наверняка слышала о ней. Ее зовут Кэли.

Едва я произнес это имя, как произошло нечто странное. Лицевые мышцы жены обмякли, гла-

за отяжелели. Казалось, она вот-вот уснет. Мне почему-то подумалось, что ее разум покинул гостиную, а тело осталось. Так продолжалось несколько секунд, затем она порывисто обхватила себя за плечи и сильно вздрогнула.

— Ну почему в гостиной всегда такой собачий холод? — спросила она, обращаясь не ко мне, а в пространство.

По моим ощущениям, в гостиной было даже очень тепло.

— Мне так вполне комфортно, — сказал я и поплатился.

— А мне некомфортно! Мне уже давно некомфортно!

Она резко повернулась и пошла на кухню. Мне оставалось лишь двинуться следом. Я жаждал, чтобы меня поняли, отчаянно пытался спасти хоть что-нибудь в разразившейся катастрофе.

— Элиза, постой…

— Я хотела, чтобы у нас все было хорошо. И только. Неужели это нечто запредельное? Неужели я не смею мечтать о спокойной жизни? Я не могу влезать во все твои лабиринты, когда у меня близится показ. Не могу!

Теперь и я разозлился:

— Как ты можешь сейчас думать о показе? Ты

понимаешь, насколько это серьезно? Я мог попасть в большую беду.

Эти слова заставили ее обернуться.

— Ты? В беду? А ты ничего не перепутал? У меня через две недели показ новой коллекции, а мой муж оказывается знаменитым убийцей.

— Элиза, что ты несешь? Ты же знаешь меня. Я кажусь тебе убийцей?

Я потянулся к ее руке. Элиза отпрянула:

— Не трогай меня!

Только тогда мою голову посетила вполне очевидная мысль: жена меня боится.

— Проктор, я не шучу. — Она попятилась, прижавшись к кухонному шкафчику. — Не… дотрагивайся.

И естественно, в этот самый момент на кухне появилась Дория:

— Миссис Беннет, у вас все в порядке?

Я прекрасно понимал, как это выглядит со стороны: разговор на повышенных тонах, разъяренный муж, преследующий испуганную, заплаканную жену.

— Дория, у нас все в порядке, — с излишней строгостью ответил я. — Благодарю. Мы разберемся сами.

Экономка не поверила моим словам и шагнула

к Элизе:

— Миссис Беннет!

Элиза шмыгнула носом и вытерла глаза тыльной стороной ладони. Она собралась было что-то сказать, но не стала.

— С ней все в порядке, — сказал я экономке. — Понервничала немного. Вам что-нибудь нужно на кухне?

— Сумку забыла.

Ее сумка стояла на обычном месте, в уголке разделочного стола. Дория подхватила сумку, сунув ее под мышку.

— Миссис Беннет, если вам нужна моя помощь, я готова остаться.

Элиза замотала головой, глядя в пол:

— Все в порядке. Поезжайте домой.

Дория с нескрываемым подозрением посмотрела на меня, затем вновь повернулась к Элизе:

— Ну что ж, если вы уверены, что у вас все в порядке…

— Спасибо, Дория, — сказала Элиза. — Хорошего вам вечера.

— И вам хорошего вечера, миссис Беннет.

Мы молча ждали, когда закроется входная дверь.

— Элиза, я сожалею, что…

Жена выскочила в коридор. Дальнейшее развитие событий было вполне предсказуемым. Я ретировался в гостиную, налил себе виски и залпом проглотил его. Это было единственным, что пришло мне в голову. Все тело вдруг сковала усталость. Казалось, я не спал много лет подряд, а в мозгу скопились все мысли, которые способен удержать разум. Я налил еще виски, улегся на диван, поставил стаканчик на грудь и закрыл глаза. Я ловил звуки, сопровождавшие перемещения Элизы по дому, как ловят далекие радиосигналы. «Вот она в спальне, открывает и закрывает ящики комода, хватая одежду и складывая в чемодан… Вот прошла в ванную, открыла воду, чтобы умыться, после чего причешется и поправит макияж… А теперь берет сумочку, бумажник и ключи».

— Проктор, я ухожу.

Я открыл глаза. Элиза стояла возле дивана. На ней был желтовато-коричневый плащ. У ног — небольшой кожаный чемодан. В прошлом году я подарил его Элизе на годовщину нашей свадьбы.

— Ну что ж… — сказал я и сел. — Я понимаю.

Она твердо посмотрела на меня:

— Понимаешь? Вряд ли. Проктор, мне всего-навсего хотелось нормальной жизни. А не этого…

сумасшедшего дома.

— Знаешь, я тоже не планировал такого.

Резкие слова, окончательные. «Удивительно, — подумал я, — как быстро может измениться жизнь. А изменившись, она уже никогда не вернется в прежнее русло».

— Думаю, на этом все, — сказала Элиза.

— Видно, так оно и есть.

Хлопнула входная дверь. Зашуршали автомобильные шины. Под эти звуки моя жена Элиза покинула дом.

Восход солнца я встретил, сидя в патио. Я сознавал, что прежняя жизнь кончилась. Хотел было позвонить Тие, но раздумал; наверное, все стало бы еще хуже. Возникла другая мысль: позвонить какому-нибудь старому другу. Встретились бы в тихом ресторанчике, вспомнили бы прошлое, а затем я рассказал бы ему о событиях прошлой недели и выяснил, что он думает об этом. Я стал перебирать в памяти тех, с кем когда-то дружил, и обнаружил, что давно не общаюсь ни с одним из них. Получалось, друзей у меня вообще нет.

Утро перешло в день. Элиза не звонила, да я и не ждал этого. Во мне крепло убеждение, что я все-таки подхватил какую-то болезнь. Меня постоянно знобило и трясло, аппетит напрочь

пропал. Головная боль превратилась в физический белый шум, постоянное мучительное ощущение на заднем плане. Под вечер я спустился на берег, думая, что плавание меня взбодрит, но как только вошел в воду, озноб мигом выгнал меня оттуда. Я побрел по берегу, питая глупую надежду на внезапное появление Кэли. Но час шел за часом, а Кэли не было. Пришла тревожная мысль: увижу ли я ее когда-нибудь?

Подходя к дому, я по звукам понял, что там кто-то есть. Неужели вернулась жена? На мгновение затеплилась надежда: вдруг за ночь и половину дня ее отношение к случившемуся изменилось? Но это была не Элиза. В доме хозяйничала Дория.

Мы сухо поздоровались. Я удалился в спальню, принял душ, переоделся, а когда вышел, экономка уже заканчивала обычные дела по дому, готовясь уйти. Мне стало очень неловко. Вчерашние события требовали объяснений.

— Послушайте, Дория. Я сожалею, что вы стали невольной свидетельницей той отвратительной сцены. — (Женщина холодно посмотрела на меня.) — Мы с Элизой вели себя не лучшим образом. Но вам не о чем беспокоиться.

Дория по-прежнему молчала. Я прекрасно понимал, что она не верит ни одному моему слову.

Я и сам себе не верил.

— У вас будут еще поручения или я могу отправиться домой?

Меня бы устроила исповедь с отпущением грехов, но не просить же об этом экономку. Решив, что я отпускаю ее, Дория взяла сумку и пошла к выходу. Я проводил ее до двери.

— Хорошего вам вечера, мистер Беннет.

— Дория, а как поживает ваша семья?

— Моя семья? — переспросила она, явно удивленная моим вопросом.

— Да. Как они? Надеюсь, у них все отлично.

— Да, сэр. Так и есть.

Я не понимал, зачем завел этот разговор.

— Рад слышать, — сказал я, не придумав, о чем говорить дальше. — Очень рад. Передайте им мои наилучшие пожелания. Передадите?

— Мистер Беннет, моя семья — это я и мой мальчик.

— Да, конечно, — рассеянно кивнул я.

— Ему восемь лет.

Знал ли я что-нибудь о ее сыне? Знал ли я вообще, что у нее есть сын? Дория пыталась освежить мою память, дабы я не ляпнул невпопад еще чего-нибудь. От ее усилий мне стало еще хуже.

— Чудесный возраст, — сказал я, хотя ровным

счетом ничего не знал о детстве. — Наверняка он любит проказничать.

— Немного, — пожала плечами она. — А так он послушный. — Дория посмотрела на меня с сожалением, которое я вполне заслужил. — Вы его видели. Год назад. У вас были гости, вот я и привела его, чтобы он помог.

И вдруг я вспомнил: гостиная, полная взрослых, маленький мальчик, одетый, как официант. Он сновал по комнате, собирая грязные тарелки и опустевшие бокалы. Устав от гостей, я вышел в патио, чтобы передохнуть, и увидел мальчишку, сидящего в шезлонге. Он листал книгу, принесенную из гостиной. История кораблестроения, богато иллюстрированная. Отец подарил ее мне в день усыновления. Такие книги обычно хранят как память и далеко не всегда читают. Вряд ли я открывал ее больше одного раза. Мы с сыном Дории поговорили о лодках; он почти ничего не знал о них и, естественно, ни разу не ступал на борт. Тогда я пообещал научить его управлять парусным судном. Туманное обещание, оставшееся невыполненным.

— Вспомнил. Его ведь Джорджем зовут?

— Да.

— Я и про обещание свое вспомнил — научить

его плавать на парусной лодке.

— Не волнуйтесь, мистер Беннет. Мальчик был в восторге от разговора с вами.

Что же я за человек? Не подумав, дал этому Джорджу обещание и мало того что не выполнил — вообще забыл о нем. Напрочь.

— Мне неловко. У меня из головы все вылетело. Давайте как-нибудь выберем время, и я исправлю свою оплошность.

— Очень любезно с вашей стороны. Джордж будет очень рад. — (Возникла нелепая пауза, словно что-то осталось недосказанным.) — До свидания, сэр.

— Дория, а сколько мы платим вам за работу? — Она остановилась. Неизвестно почему, но я чувствовал отчаянную потребность задержать экономку еще на какое-то время. — Сколько вы получаете в час?

— Восемь долларов.

Прижимистость Элизы шокировала меня.

— Всего-навсего восемь долларов?

— Сэр, такой тариф установлен властями. Миссис Беннет каждую пятницу оставляет мне деньги на кухонном столе.

Я видел деньги, но никогда не пересчитывал их.

— Это же совсем мало. Вы столько делаете по дому да еще готовите еду. Как насчет двенадцати? — спросил я, назвав цифру наобум.

— Сэр, вы о чем?

— Нет, шестнадцать. Так будет справедливее. Или даже двадцать. — Мне вдруг захотелось осыпать Дорию деньгами. — Решено: двадцать. Такая сумма вас устроит? — (Она кивнула. Чувствовалось, что она скорее ошеломлена, чем обрадована.) — Значит, договорились. Я сообщу Элизе.

— Спасибо, мистер Беннет.

— И вам, Дория, спасибо за ваш труд. Счастливо добраться домой. И обязательно передайте Джорджу привет от меня. Скажите, что я не забыл о своем обещании.

Я смотрел ей вслед. Быстро темнело. Дория дошла до улицы и свернула налево, к автобусной остановке. Я помахал ей. Бессмысленный жест: она ни разу не обернулась.

За окнами стало совсем темно. Взяв одеяло и пару подушек, я устроился на диване. Вдали мелькнула молния, загрохотал гром, по дорожкам патио застучал дождь, вскоре перешедший в настоящий ливень. Водяные струи барабанили по крыше и широкими полосами стекали по окон-

ным стеклам. Небеса сотрясались от грома. Буря, но какая! Хаос в природе подействовал на меня расслабляюще. Бушующая стихия успокаивала. «Я со всех сторон окружен водой», — подумал я и быстро уснул.

В квартире кто-то есть.

Тия ощущает это сразу же, едва войдя. Даже воздух изменился, став каким-то… потревоженным. Тия останавливается у двери. Солнце село, и в комнате сумрачно. Она бесшумно ставит сумку на столик и так же тихо проходит на кухню, затем останавливается рядом с плитой, у стойки с кухонными ножами. Осторожно, чтобы не выдать себя ни единым шорохом, Тия берет самый большой — поварской нож длиной в восемь дюймов. Из гостиной доносятся какие-то звуки. Сколько незваных гостей пожаловало: один или больше? Она годами ждала этого дня, и вот он наступил.

Держа нож перед собой, Тия крадется в гостиную.

— Привет, дорогая.

Тия опускает нож:

— Квинн? Ну и напугал ты меня, паршивец!

Мужчина невозмутимо сидит на диване, положив ноги на кофейный столик, и листает журнал. Рядом стоит сумка, с которой он не расстается.

— Хочешь сказать, что ты была готова исполосовать меня этим ножом? Я принимаю твои извинения. — Он взмахивает журналом. Это «Сосайети таймс». — Такие душещипательные статейки. Обожаю снимки со светских вечеринок. Сам-то я в этих кругах никогда не вращался.

Тия кладет нож на стол.

— Я так понимаю, ты получил мое сообщение насчет девочки.

— А было сообщение о девочке? Я не в курсе.

«Сандра, раззява, — думает Тия. — Совсем затрахалась со своим преподавателем йоги».

— Не знаю, что ты там писала, но это подождет, — говорит Квинн. — Ситуация на Аннексе меняется быстрее, чем мы ожидали.

— Это почему?

Квинн рассказывает ей о Хэнсоне. Тия вынуждена сесть.

— Боже милостивый, — шепчет она.

— Мы не знаем, чьих это рук дело, но власти не намерены спускать дело на тормозах. Аннекс ждут весьма мрачные времена. Сейчас он — все равно что пороховая бочка.

— Каков план Матери?

— Развивается по мере того, как мы говорим.

— Значит, у нее нет плана.

— Значит, велика вероятность, что все в сети могут оказаться под угрозой. Как у тебя с Беннетом?

— Мне надо больше времени.

— Увы, этого блюда нет в меню.

— Квинн, там что-то серьезное. Я чувствую.

— Что-то серьезное? — скептически переспрашивает Квинн.

Тия рассказывает ему о неожиданной смерти охранника, который переусердствовал на причале.

— Не знаю, что и думать, — говорит Квинн. — Интересный поворот. Но может, он в самом деле сбросил охранника на причал и тот шмякнулся головой? Ты этого не допускаешь?

— Меня на это не поймаешь. Если бы видел Беннета, ты бы тоже так подумал.

— Ну да, он из тех, что мухи не обидит? Если честно, когда я смотрел запись с дрона, мне так не показалось.

— Придется мне поверить.

— Но разве надо шить этому Беннету убийство, чтобы уволить его?

— Вот-вот, — подхватывает Тия. — Поэтому я считаю, что не все так просто.

Квинн рассеянно листает журнал, о чем-то

думая.

— Так что с той девочкой?

— Нужно, чтобы ты выяснил, куда она исчезла. Я знаю лишь ее имя — Кэли. Больше ничего. Второй год после парома. Или третий.

Квинн недоверчиво смотрит на нее:

— А девчонка как во все это вляпалась?

— Все очень запутанно. Так просто не объяснишь. Но найти ее — очень важная задача. Сделай это, и я от тебя отстану.

Квинн встает и поднимает с пола сумку.

— Делаю это только потому, что мы с тобой вроде как друзья.

— У тебя есть доступ к терминалу ЦИС?

— На этот счет не беспокойся. Я знаю одного парня.

У Квинна всегда находятся нужные люди. Тия провожает его до двери.

— К рассвету убираемся отсюда, — говорит он. — И без дураков.

Тия закрывает за ним дверь и встает у окна. Через минуту Квинн выходит из дома и быстрым шагом удаляется, покидая поле ее зрения. Он идет, опустив голову. На улице тихо и пусто, что странно для этого времени дня. Обычно люди спешат на встречи с друзьями, заполняют ресто-

раны и бары. Присмотревшись, Тия замечает то, чего еще недавно не было. Неубранный мусор на тротуаре. Темные окна кафе напротив. Обычно под вечер там было не найти свободного столика и кое-кто сидел на улице. Сейчас все уличные столики и стулья собраны в кучу. На углу торчит сервофакс, напрасно выискивая, кому бы помочь. Непонятное затишье. Кажется, что город затаил дыхание в предчувствии беды.

Неизвестно, сколько времени понадобится Квинну на поиски. Тия может только ждать. Она ложится на диван. Мало-помалу мысли начинают путаться, и она засыпает. Ей снится, что она плывет в море. (Сны посещали ее постоянно, только она никогда не знала об этом.) Высунув голову из воды, она чувствует, что плывет не одна. Рядом есть другие люди. Она их не видит, но знает: они здесь. Десятки, сотни, затем тысячи, и все плывут в одном направлении.

На поверхность воды начинает падать дождь — сначала приятный, успокаивающий, затем все более сильный. Небо прочерчивает молния. Одновременно гремит гром. Поднявшийся ветер вздымает волны, которые делаются все выше. Тию швыряет, как щепку. Море держит ее мертвой хваткой.

«Я переживаю кошмар, — думает она. — Все это нереально. Просыпайся, Тия. Вылезай из кошмара».

Она просыпается и слышит, что звонит телефон. Снова и снова.

17

И опять я оказался где-то в другом месте.

Очнувшись, я понял, что стою под дождем, перед отцовским домом. Я не ощущал тревоги, но понимал, что нужно поскорее попасть внутрь. Дождевые струи хлестали по мне; ветер швырял их прямо в лицо. Небо раскалывалось от молний. Строгий силуэт отцовского дома едва выделялся на фоне тьмы.

В доме было что-то предназначенное для меня. То, что следовало найти.

Я достал ключ, открыл дверь и вошел в переднюю, промокший и дрожащий. В ботинках хлюпала вода. Я щелкнул выключателем, но свет не загорелся. Электричество было отключено. Выдвинув ящик тумбочки, стоявшей в передней, я достал фонарик и при его тусклом свете прошел в гостиную, а оттуда поднялся на второй этаж. Казалось, будто судьба следует за мной по пятам. Я добрался до двери своей бывшей комнаты и толкнул ее.

Я словно попал в спятивший мир.

Стены, некогда покрашенные, теперь были целиком — от пола до потолка — покрыты то-

ропливыми записями: строчки, выведенные черными чернилами. Я понял, что вижу комнату такой, какой она была до покраски. Я подошел к одной из стен. Математические вычисления: длинные цепочки цифр и символов, нескончаемые иксы и игреки, перемежающиеся более экзотическими знаками. Что-то подобное я видел в далекие дни своей учебы. Рядом — геометрические фигуры: треугольники, трапеции, круги. К ним примыкали изображения на трехмерной координатной сетке, рассеченные линиями и снабженные стрелками с пояснениями.

Было очевидно, что рассудок моего отца помутился за какое-то время до его ухода. Такое всегда происходит постепенно. Охваченный грустью и ужасом, я думал о неделях и даже месяцах, которые отец провел в этой комнате, одержимый непонятно чем.

Но было и нечто отрадное: у окна стоял телескоп. Единственный предмет в пустой комнате. Он наверняка был связан с таинственными отцовскими вычислениями, хотя я не знал, каким образом. Буря за окном разыгралась не на шутку. Ветер уже не выл, а пронзительно кричал. Я подошел к телескопу и склонился над окуляром.

Темнота. Волны титанической высоты и ши-

рины. Бурю такого размаха я видел впервые. Молния на мгновение разорвала тьму, и я успел увидеть… неужели парусное судно? Или мне померещилось? Какой безумец решится плыть в кромешной тьме по ревущему морю? Вспышки следовали одна за другой, позволяя отчетливее рассмотреть судно. Это был довольно большой парусник, упрямо плывший сквозь шторм. Нос глядел в сторону ветра. Через палубу перекатывались волны. Я разглядел фигурку человека за штурвалом, а у него над головой — героический белый парус, надувшийся от ветра и толкавший парусник вперед. Какое безумие! Еще немного, и глупец вместе с судном угодит в водную пучину! Нос парусника нырнул в пропасть между волнами, а корма поднялась в воздух.

Я прочитал название судна.

И тут же отпрянул от телескопа. Все вдруг превратилось в полнейшую чертовщину. Казалось, будто мир одновременно расширяется и сжимается; атомы разлетались и тут же образовывали совершенно новые конфигурации. И холод! Холод, побивший все прежние представления о холоде. Такой сковал бы вселенную, перестань она вращаться.

Через мгновение я попал в другой дом.

Здесь я никогда не был. Он состоял из одной просторной комнаты с отгороженным кухонным уголком. Судя по диванам, стульям и обеденному столу, помещение служило гостиной и столовой. Лестница у меня за спиной вела на внутренний балкон, тянувшийся по всему периметру комнаты. Из высоких окон и открытой двери, ведущей в патио, струился свет утреннего солнца.

— Привет! — крикнул я. — Есть тут кто-нибудь?

Ответа не было. Я побрел по комнате, уютной, но захламленной. Мягкие стулья и удобные диванчики, книги и безделушки на полках и столиках. У двери — корзиночка с ключами, в кухонной раковине — груда немытых тарелок. На разделочном столе кто-то оставил открытую пачку с хлопьями для завтрака и пакет молока.

Кто здесь жил? Куда они подевались? Снаружи слышался плеск воды. Я вышел через раздвижную дверь в патио, где увидел большой плавательный бассейн овальной формы с неровными каменными краями и стенкой, выложенной плитками. Посередине торчал кран, из которого лениво вытекала вода.

Новая странность: мне показалось, будто я уже давно нахожусь в этом доме, хотя с момента

моего появления прошли считаные минуты. Я вернулся в гостиную и понял, в чем дело. Изменилось освещение. Сначала было утро, а теперь — разгар дня.

Никак шаги?

Я замер. Звук повторился: легкие, быстрые шаги где-то наверху. Я поднялся на внутренний балкон и увидел два коридора. Один вел влево, другой — вправо. Я остановился и снова замер, стараясь определить, откуда идет звук.

Он шел из левого коридора.

Там я увидел две двери, открыл первую и оказался в кабинете. В середине стоял стеклянный стол с ЦИС-терминалом. Раньше я не видел таких терминалов: небольшой, обтекаемой формы. На экране постоянно менялись фигуры, составленные из разноцветных фрагментов. Как в калейдоскопе. Я сел за письменный стол, стоявший неподалеку от стеклянного. На нем лежали стопки бумаг. Я наугад протянул руку к одной из них, взял верхний лист и принялся читать. Но… что за чертовщина? Я читал слова, однако общий смысл ускользал от меня, будто каждое новое слово стирало память о предыдущем. Я взял другой лист, затем третий — с тем же результатом.

Рассерженный неудачей, я поднял голову и

увидел на противоположной стене пробковую доску с прикнопленным к ней чертежом судна, имевшего большие квадратные паруса. Я решил получше рассмотреть чертеж, но чем ближе подходил, тем сильнее расплывались линии. Когда я оказался у самой стены, изображение исчезло.

Мимо двери кто-то промелькнул.

Я выскочил в коридор, и в этот момент вторая дверь захлопнулась.

— Эй, кто здесь?

Молчание. Я подергал ручку. Дверь была заперта. Я поднял руку, чтобы постучаться, но изнутри хлынул целый шквал звуков: смех, хлопки, гнусавое бибиканье автомобильного клаксона. Через мгновение все это потонуло в маниакальной какофонии дудок, цимбал и даже ксилофона. Звуки били по ушам и по мозгу, отчего внутри меня вспыхнул почти неуправляемый гнев. Мои кулаки замолотили по двери.

— Да впустите же меня, черт бы вас всех побрал! — Я был охвачен яростью. — Откройте эту проклятую дверь!

Внутри стало тихо.

У меня колотилось сердце, в висках учащенно стучал пульс. Я снова дернул ручку. Дверь послушно открылась.

Комната была пуста.

Меня встретил застоявшийся воздух, словно никто не заходил сюда месяцами, а то и годами. На ковер падали косые лучи. Вмятины говорили о том, где стояли кровать и комод. Я прошел к окну и выглянул наружу. Дневной свет почти померк. Небо заволокли тяжелые тучи. По оконному стеклу ударили первые струи дождя. Я взглянул на бассейн. Всего несколько минут назад он был полон до краев. А теперь — лишь черная лужа на дне и листья.

Я повернулся и вновь стал осматривать комнату. На глаза попался шкаф, ранее ускользнувший от моего внимания. Я открыл дверцы. Шкаф был пуст, однако на верхней полке, почти у самой стенки, лежала картонная коробка. Я встал на цыпочки, потянулся и достал ее.

В ней было полно игрушек.

Не тех, грубых, которые и игрушками-то назвать нельзя: их дают новым итерантам для ознакомления с окружающей действительностью. В коробке лежали настоящие детские игрушки. Разноцветные кубики с буквами и цифрами. Деревянная уточка на колесиках, которую можно возить за веревочку. Плюшевая выдра, довольно потрепанная, словно ее жевали. Я пе-

рекладывал содержимое коробки на пол, пока не добрался до последнего предмета. Это было детское расклешенное платьице без рукавов и с широкими бретелями на пуговицах. Я прижал его к лицу. От платьица пахло пылью и чем-то еще. Кажется, молоком. Ткань была удивительно мягкой и сама льнула к моим щекам. Сам не зная почему, я вдруг заплакал. Снаружи грохотал гром, неистовствовал ветер, потоки дождя били по стенам. Дрожали балки, пол под ногами качался, как палуба корабля. Прижимая платье к лицу, я плакал, не в силах остановиться. Мое тело содрогалось от горя, но другая часть меня наблюдала за этим со стороны. «Это Проктор Беннет, паромщик, — сказал мой разум. — Он рыдает, уткнувшись в платье. Если бы он мог забыть».

Забыть.

Забыть.

Надо мной склонилось чье-то лицо. Хмурое, сосредоточенное. Лицо показалось мне странным, как и свет с зеленоватым отливом, а также звук. Похоже, это ревел двигатель мощного грузовика, готового тронуться с места.

— Проктор, нужно убираться отсюда!

Меня бесцеремонно взвалили на плечо. Кто это был, не знаю, но неужели он не понимал, что

мне нужно прийти в себя и собраться с мыслями? Я попробовал говорить, но язык точно сделался скомканным носком. Рев усиливался. Вокруг что-то трещало, скрипело и ломалось.

— Шевелись!

Голос был мужским и принадлежал тому, кто меня нес. Человек толкнул входную дверь, вышел на крыльцо, спустился по ступенькам, и неожиданно мы оказались внутри урагана. Когда мой спаситель перенес меня через лужайку, я оказался исхлестан острыми маленькими обломками неизвестно чего.

Меня бросили. Вернее, на чем-то разложили. Я огляделся, понял, что нахожусь на заднем сиденье автомобиля, и выглянул в окошко. Что я там увидел? В воздухе носились кучи каких-то предметов, лихорадочно кружившихся, как в водовороте, когда вода уходит из раковины. Только эта «раковина» стояла вверх тормашками. Машина тронулась и стала быстро разворачиваться. Облака над домом моего отца сбились в черную массу циклона. Он напоминал живое существо, громадное летучее чудовище, которое пульсировало, извиваясь и кружась, как волчок. Из его центра к земле потянулись щупальца.

— Гони быстрее, черт тебя дери! — (Мы раз-

вернулись, и я полетел на пол.) — Смотри, куда едешь!

Послышался скрежет металла, машина вздрогнула и качнулась сначала в одну сторону, затем в другую. В конце подъездной дороги водитель затормозил, свернул влево и вновь нажал на газ. Двигатель взревел, откликаясь на увеличение скорости.

Мой ум постепенно возвращался в привычное состояние. Приподнявшись на полу, я увидел знакомое лицо: за рулем сидела Тия.

— Привет, — сказал я, не придумав ничего лучшего, но и это далось мне ценой изрядных усилий. Она мельком взглянула на меня в зеркало заднего вида:

— Постарайся не говорить.

— Эта нечисть преследует нас? — послышался голос мужчины, сидевшего рядом с Тией.

Кем был этот человек? Послышался свист рассекаемого воздуха, потом грохот; машина опять свернула влево, и мы вдруг понеслись напролом через кустарник. Ветки и листья нещадно хлестали по бокам машины. Потом она накренилась, подпрыгнула и резко опустилась на дорогу под визг шин. Тия снова надавила на газ.

— Они наверняка видели нас, — сказал муж-

чина.

— Дерьмо! — воскликнула Тия и ударила кулаком по рулевому колесу. — Дерьмо, дерьмо, дерьмо!

— Возвращаться к тебе нельзя.

— Думаешь, я не знаю? — огрызнулась Тия. — Как он там?

Мужчина обернулся назад:

— Дама интересуется твоим состоянием. Тебе удобно на полу? Не дует?

Я попытался ответить, но мне не хватило сил.

— Все еще малость не в себе, — сказал незнакомец и вновь повернулся лицом к лобовому стеклу. — Надо убираться с этой дороги. Проедешь немного и сворачивай вправо.

Машина сбросила скорость. Мы ползли по грунтовой дороге. Я слышал, как из-под колес вылетает гравий. Безумие последних минут сменилось сверхъестественным покоем. Ревущий ветер вдруг исчез. Должно быть, я уснул. Возможно, я спал бы и дальше, но меня выволокли из машины. Тия и мужчина куда-то повели меня под руки. Я смотрел, как их ноги в ботинках перешагивают через кочки. Я хотел было сплюнуть, но длинная полоса слюны приклеилась к губам и раскачивалась, как маятник. Вокруг была густая

листва. Потом она расступилась, и я понял, что иду по ступенькам крыльца.

Меня привезли в дом, вернее, в домик: тесный, без изысков, с дощатым полом и острым запахом плесени. Тия и ее спутник протащили меня по комнате и толкнули дверь в другую. Там стояла кровать, на которую меня и уложили. Кто-то прикрыл меня одеялом. Потом они ушли в соседнюю комнату.

— Только его нам не хватало. Что прикажешь с ним делать?

Я слышал их разговор. Даже не разговор, а спор.

— Мы не могли бросить его там, — сказала Тия.

— Еще как могли. Ты ведь давно этим занимаешься. Помню, раньше ты не церемонилась.

— К чему ты клонишь?

При всем старании я не понимал смысла их слов, существовавших без привязки к чему-либо. Похоже, они и сами не очень-то понимали, о чем говорят.

— Я никуда не поеду, — заявила Тия.

— Тия, они сидят у нас на хвосте. Нужно валить отсюда. Что еще я должен сделать, чтобы до тебя наконец дошло?

Разговор продолжился, по большей части

оставаясь непонятным для меня. Потом голоса зазвучали тише, словно оба перешли в другое место, и я слышал только перешептывание; потом стихло и оно. Входная дверь открылась и снова закрылась. В комнате, где я лежал, стало тихо. Я не мог открыть глаза. Вернулись прежние ощущения. Я снова чувствовал все это. Ревущий ветер, хлещущий дождь. Корабль вдалеке от берега и маленькая человеческая фигурка за штурвалом. Меня обдало брызгами, белый парус изгибался под напором ветра, мои руки вцепились в штурвал. Я испытывал неописуемый ужас и в то же время ликовал, ведя мой корабль, мой «Ораниос», прямо в черное сердце бури.

18

Я проснулся от утреннего света и от ощущения, что я не один. Я повернул голову, утопавшую в подушке. У кровати сидела Тия и читала книгу.

— Есть что-нибудь интересное? — (Она подняла глаза от страницы.) — Я о том, что ты читаешь.

Тия захлопнула книгу и отложила в сторону.

— Слишком сентиментально. Заурядное повествование в духе «парень встретил девушку». Мне больше нравятся разные тайны. Как ты себя чувствуешь?

— Получше. — Я приподнялся на локте и оглядел комнату. — Где это мы?

— В доме моих друзей.

— И один из них — тот, кто помогал тебе минувшей ночью?

— Ты запомнил? Я сомневалась, что это застрянет у тебя в памяти.

— Не скажу, чтобы она была ясной.

Я попробовал встать. Судя по ощущениям, моя голова весила фунтов сто.

— Принесу тебе воды.

Тия ушла. Я услышал шум и бульканье в трубах. Должно быть, здешним водопроводом давно не

пользовались. Вода, принесенная Тией, имела ржавый оттенок, но я стал жадно пить ее.

— Не давись. Пей помедленнее.

Я вернул ей пустой стакан.

— Еще я запомнил бурю.

— Это лишь начало, — сказала Тия, ставя стакан на стол.

— Правильнее сказать, то была не буря, а торнадо.

Тия кивнула.

— Что с домом моего отца?

— Разрушен. — Она пожала плечами. — Много чего разрушено. По радио передали, что половина острова осталась без электричества.

— Кто-нибудь пострадал?

— Не знаю. Скорее всего, да.

— А как ты меня разыскала?

Тия недоверчиво посмотрела на меня:

— Что, не помнишь? Ты мне позвонил.

— И что я сказал?

— Сказал, куда собираешься, и попросил подъехать туда и встретиться с тобой. — Ее взгляд стал еще более недоверчивым. — Хочешь сказать, это был не ты?

— Нет, конечно. Я вполне уверен, что это был я.

— Однако ты не помнишь, как звонил мне.

Я покачал головой.

— Что я говорил?

— Это не назовешь просто желанием поболтать. Ты вел себя весьма настойчиво. — Она помолчала, разглядывая мое лицо. — Проктор, так что же случилось минувшей ночью?

— Знал бы, рассказал.

— Плоховато.

Она поставила меня в тупик.

— Думаю, у меня был приступ сомнамбулизма. — (Тия удивленно выгнула брови.) — В юности это случалось часто.

— Значит, ты позвонил мне, пока спал. Ты объясняешь это так?

— Спал, бодрствовал… По-моему, я уже не отличаю одно от другого.

Тия встала, прошлась по комнате, затем снова вернулась к кровати.

— Прости за любопытство, но как Элиза отнеслась к твоему увольнению?

— Могу сообщить: этот этап моей жизни завершился.

— Сочувствую.

Я пожал плечами, уперев их в подушку:

— С учетом последних событий без меня ей

будет лучше.

— Проктор, не будь так жесток к себе.

— Обещаю, что не буду. — Я помолчал, собираясь с мыслями и сортируя воспоминания о прошлой ночи. — Когда ты меня нашла, в комнате было еще что-нибудь?

— По-моему, нет. А почему ты спрашиваешь?

— Как насчет стен? На них были надписи?

— Когда мы появились, стены уже тряслись. Мне было не до осмотра. — Ее взгляд стал цепким. — Проктор, что ты видел?

Ответ пришел сам собой. Телескоп, уравнения, чертеж в кабинете. Картина сложилась.

— Кажется, я знаю, чем занимался мой отец.

— Значит, «Ораниос» — это лодка?

— Скорее, его парусный корабль.

— И ты его увидел в тот… телескоп. Корабль, который был на самом деле или просто почудился тебе.

— Понимаю твое недоверие, но так оно и есть.

— А эти вычисления на стенах…

— Навигационные расчеты с ориентацией по звездам. Когда я был подростком, отец показывал мне это.

Мы сидели в кухоньке, попивая чай.

— Ты считаешь, что корабль реально суще-

ствует?

— Отец проектировал его. Это все, что я могу сказать. Но судно громадное. Если отец действительно строил «Ораниос», то не мог обойтись без посторонней помощи.

Тия задумалась.

— Может, он хотел покинуть Просперу? Уплыть куда-нибудь?

— Если иметь такой большой корабль, это вполне возможно.

— Но почему он хотел уплыть?

— Сам не пойму. Не похоже на него.

— Твой отец не был рядовым гражданином. Он много лет занимал должность главного юрисконсульта Коллегии по надзору. Возможно, он что-то знал?

— Смешно, но моя теща говорила то же самое.

На лице Тии отразился неподдельный интерес.

— А когда именно?

— Перед концертом. Ее очень интересовали слова, которые отец произнес на причале и на пароме.

Тия отвела взгляд, погрузившись в размышления, затем снова повернулась ко мне:

— Чисто гипотетически… Если бы ты построил корабль такого размера, где бы ты его спрятал?

— Только не на воде. Дроны мигом обнаружили бы его. Нужен вместительный ангар на берегу.

— Можешь вообразить себе такое место?

— Воображения не хватает. И как я уже сказал, отец не мог построить такой корабль в одиночку. Если хочешь знать мое мнение, корабль был и остался его мечтой.

— Но он почему-то прикрепил чертеж на видном месте, там, где ты должен был его увидеть. — Тия побарабанила пальцами по столу, затем снова подняла голову. — А мог ли корабль быть просто отзвуком? Чем-то из его прошлого?

— Хочешь сказать, мой отец не знал, что переносит на бумагу судно из своего прошлого?

— Или знал, но не понимал, зачем делает это. Он оставил чертеж тебе, чтобы ты нашел ответ, поскольку сам не сумел найти его.

— Было бы здорово, если бы он еще оставил и пояснительную записку.

— Знаешь, если стены действительно закрасили люди из «три-эс», кому-то это понадобилось. Например, твоей теще.

— Трудно сказать. Каллиста старалась уберечь меня от тюрьмы.

— Раньше — да. Сдается мне, за последние двое суток у тебя изменились отношения не только с

женой, но и с тещей.

Безусловно, Тия была права.

— Этим объясняется появление дронов, — добавила она.

Дронов?

— Когда я подъехала к дому твоего отца, они висели повсюду. Я успела насчитать семь штук, пока буря не прогнала их.

— С чего бы там появляться дронам? Ведь дом пустовал.

— Может, за тобой давно следили.

Я перебрал в памяти прошедшие дни.

— Мне они на глаза не попадались. Только тогда, вблизи Питомника.

— Это не значит, что их не было поблизости. Думаю, после того плавания мы оба попали в чей-то список слежения.

Мрачная, но верная мысль.

— Я виноват перед тобой, — сказал я Тие. — Нельзя было впутывать тебя во все это.

— Я бы не стала делать того, чего мне не хочется, — улыбнулась она. — В этом мы похожи. Тебе не приходило в голову?

— Мне это льстит, однако вся история вряд ли сулит тебе что-нибудь хорошее.

— Принимаю твои слова за комплимент. И кто

знает, может, ты оказываешь мне услугу? Довольно натюрмортов с цветами и фруктами. Скажу честно: меня уже тошнит от галереи.

— Не понимаю, как ты можешь шутить о том, что грозит сломать твою привычную жизнь.

— А кто сказал, что я шучу? У меня есть друзья на Аннексе. Там легко затеряться в толпе. Пройдет какое-то время. Глядишь, люди из «три-эс» потеряют ко мне интерес.

Ее слова поставили меня в тупик.

— И ты действительно можешь… вот так взять и уйти?

— Если хочешь, идем со мной. Вряд ли тебя что-нибудь держит на Проспере. — (Мне вспомнился работяга в автобусе, чьи глаза полыхали от ненависти.) — Проктор, у меня прекрасные друзья.

— Не сомневаюсь. Но это не для меня. Извини.

— Если корабль твоего отца — не плод его воображения, власти не оставят тебя в покое. Впереди тюрьма или, хуже того, насильственная реитерация.

— Возможно.

— Если тебе все равно, то мне — нет.

Мы замолчали. Сколько времени ждать появления дронов?

— Должен сказать еще кое-что, — сказал я. —

Прошлой ночью там была Кэли.

Лицо Тии вытянулось.

— Ты хочешь сказать, она была в доме твоего отца?

Воспоминания не отличались четкостью и маячили где-то на задворках сознания. Дом, бассейн во дворе, шаги на лестнице. Но все это указывало на присутствие Кэли.

— Нет, не там. Попробую объяснить, только вряд ли получится. Единственное, что я знаю: она там была.

Тия встала и отошла.

— Тия, мне надо найти эту девчонку.

Она повернулась ко мне:

— А почему тебе надо ее найти? Расскажи! Что такого важного в этой Кэли?

— Сам не знаю. Просто мне кажется, что ее надо найти. — (Тия ждала дальнейших слов.) — Наверное, так говорят отзвуки. Говорят, что она в беде, а я должен ей помочь.

Тия села напротив:

— Тут есть закавыка. Мой друг, который помогал мне вчера…

— Как раз собирался спросить тебя о нем.

— Это и есть тот человек, о котором я говорила. Его зовут Квинн. Когда-то он занимался

анализом данных в Министерстве общественной безопасности. У него остались друзья, через них он получает доступ к персональным данным в ЦИС. Он прошерстил все, что мог, разыскивая эту девочку.

Наконец-то хоть одна хорошая новость.

— И что?

— И ничего.

— То есть как «ничего»?

— Никаких следов. Нет записей об удочерении, даже копий. Словом, в Министерстве благополучия о ней вообще не знают. Квинн проверил все данные прошлых лет. По его словам, среди итерантов не было ни одной девочки по имени Кэли.

Надежда погасла, не успев как следует разгореться.

— Должно быть, Квинн что-то пропустил.

— Не думаю. Если бы имелись хоть какие-нибудь сведения о ней, он бы нашел их. Для ЦИС Кэли попросту не существует.

— Как так?

— Понятия не имею, Проктор. Тебе лучше знать.

— Получается, Кэли — призрак. Плод моего воображения.

— Я этого не говорила. Ты говоришь, что знаешь ее, и, значит, так и есть. Проблема в том, что ты — единственный, кто знает о ее существовании.

— Говорю тебе: Кэли — реально существующая девчонка. Я учил ее плавать.

— Почему же из системы удалили все данные о ней?

И вдруг я догадался, в чем дело.

Это было самым тяжелым в моей работе.

Я трижды возвращал свежеиспеченных итерантов в Питомник. В течение первых двух лет любого питомца можно было легко отправить обратно. Приемным родителям даже не задавали вопросов, однако общественное мнение осуждало это, да и социальные издержки были высокими. Парам приходилось годами ждать возможности взять питомца; как в их глазах выглядели те, кто не справился с родительскими обязанностями и не пожелал испытать все радости и горести материнства и отцовства? Нетрудно догадаться. Иными словами, такое случалось, но очень редко и всегда воспринималось как трагедия.

Из трех случаев возврата во время моей работы паромщиком два имели под собой кое-какую основу (что не делало их менее неприглядными). В первом случае здорового, спортивного пар-

ня сбил автобус и его парализовало. Сознавая катастрофичность своего положения, парень не возражал. Наоборот, он с нетерпением ждал возможности начать новую жизнь в здоровом теле. Во втором случае девица стала неуправляемой: воровала, дралась, вела себя непристойно. У меня состоялся продолжительный разговор с приемными родителями. Я пытался переубедить их, приводя свои доводы: девочка еще слишком молода, этот период пройдет и она будет со смехом вспоминать себя сегодняшнюю. Родители говорили, что терпели до последнего, надеясь на перемены к лучшему, но у них не осталось сил.

Третий случай потряс меня до глубины души. Оказалось, что супружеская пара попросту устала от родительских обязанностей. «Похоже, это совсем не для нас», — признался мне отец парня, сказав это буднично, как о мелочи, не заслуживающей внимания. Словно в ресторане ему подали недожаренный стейк, который надо вернуть на кухню. Вся эта история от начала до конца напоминала фильм ужасов. Когда я посадил парня в машину, тот обмяк от страха и ощущения своей полной никчемности. Он провалил первое в жизни задание — быть чьим-то сыном. По пути к причалу никто из нас двоих не сказал ни слова. Я

до сих пор сожалею о своей трусости. Под конец парень даже не смог выбраться из машины, и мы внесли его на паром. Он и в самом деле стал обузой, в чем его постоянно упрекали приемные родители.

Эти три случая, при всех их отличиях, имели одно сходство. Данные об итерантах удалили из Центральной информационной системы; все документы, на которых стояли их имена, бесцеремонно отправили в уничтожитель бумаг. Исчезли не только люди, исчезла официальная память о них, словно этих троих вообще не существовало.

— Здесь есть телефон? — спросил я Тию.

Она повела меня в комнатку, находившуюся в задней части дома. Мне повезло: старомодный аппарат с дисковым набором работал без электричества. Сняв трубку, я услышал гудок. Часы на тумбочке у кровати показывали девятый час утра. Уне полагалось уже быть на работе.

— Приемная директора Брандт.

Чему тут удивляться?

— Уна, это Проктор. — (Молчание.) — Уна, вы меня слышите?

— Да, конечно, — не своим голосом ответила она. — Чем я сегодня могу вам помочь, мистер

Смит?

Все оказалось намного хуже, чем я думал.

— Сделайте мне одолжение… Скажите, есть ли сейчас кто-нибудь в изоляторе?

На линии снова стало тихо.

— Что такое изолятор? — спросила Тия.

— Место, где до прихода парома находятся те, кто подлежит принудительному ретайрменту. Словом, зона размещения в подвале здания Министерства социального обеспечения.

— Зона размещения… Это вроде тюрьмы?

Мне вдруг стало стыдно. За двадцать лет работы у меня ни разу не возникло таких мыслей по поводу зоны размещения.

— Да, вроде тюрьмы.

— Мистер Смит, вы меня слушаете? — раздался в трубке голос Уны.

— Да. Внимательно слушаю.

— На вашей встрече будет присутствовать еще один человек.

У меня свело живот, но надежда еще теплилась.

— Мужчина или женщина?

— Боюсь, для ответа на этот вопрос у меня недостаточно сведений. Насколько я поняла, человек очень молод.

Один человек. Очень молодой. Кэли.

— Благодарю вас, Уна. Хочу вам сказать: все, что они говорят обо мне, — неправда.

— Я никогда не сомневалась в вас, сэр. Но мне больно слышать о том, как ухудшается ваше самочувствие. Я бы посоветовала вам проверить свой монитор перед тем, как идти на встречу.

Мой монитор?

— До свидания, мистер Смит. Надеюсь, вам станет лучше.

Моя бывшая секретарша повесила трубку.

— В этом доме найдется ридер? — спросил я, повернувшись к Тие.

— Я думала, ты ненавидишь эти штучки.

— Ненавижу. Так есть или нет?

Ридер нашелся в ванной, под раковиной умывальника: старой модели, но вполне работоспособный. Индикатор показывал, что заряда еще достаточно. Под пристальным взглядом Тии я сел на кровать и подключил ридер к монитору. Экран замигал. В ридер стали поступать данные. Через тридцать минут экран погас. Ридер закончил обработку данных.

Отобразился процент моей жизненности.

Какое-то время я просто пялился на экран ридера и думал: «Конечно. Только этим и можно все

объяснить».

— Проктор, какие показатели?

Я протянул ей ридер. Девять процентов.

Я не просто терял рассудок. Я умирал.

19

Когда показатель чьей-нибудь жизненности падал ниже десяти процентов, это уже не являлось личным делом человека. Сигнал с монитора сразу же поступал в Центральную информационную систему и оттуда передавался в Министерство социального обеспечения. Его называли «сигналом тревоги». Соответствующая служба отправляла дроны, которые засекали местонахождение источника сигнала. Департамент социальных контрактов издавал постановление о принудительном ретайрменте и высылал охранников. Если парома в этот день не было, делали запрос на внеочередную отправку. Через день, от силы через два ретайр уже плыл в Питомник.

Так почему же охранники не барабанили в дверь?

Ответ был очевиден: из-за бури. Все дроны вернулись на землю. Должно быть, сигнал тревоги раздался поздно вечером. Дроны следили за мной вплоть до отцовского дома. Потом буря нарушила электроснабжение, и служба слежения потеряла меня из виду. Но как только электричество появится снова (а может, оно уже появилось?),

поиски возобновятся.

Они могли явиться сюда в любую минуту. Если меня найдут, Кэли уже никто не поможет.

В кухонном столе я нашел довольно острый кухонный нож, а в инструментальном ящике под раковиной — кусачки. Обследовав комнаты, я разжился швейными принадлежностями, полотенцами, коробком спичек и чистой белой футболкой, которую разорвал на лоскуты. В неработающем холодильнике нашлась бутылка водки — очень кстати. Лучшим местом для осуществления моего замысла оказалась ванная. К счастью, там имелось окно. А я собирался провести варварскую операцию, причем без всякого наркоза. Я продезинфицировал водкой нож и кусачки, разложил все необходимое на бортике ванны, уселся на крышку унитаза, налил в стакан водки на толщину трех пальцев и залпом выпил ее. Не ахти какой анестетик, но другого у меня не было. Тия стояла в проеме двери. На лице застыл ужас.

— Учитывая то, что будет дальше, лучше тебе не смотреть, — сказал я.

Она не шевельнулась, чему я втайне обрадовался. Еще со времен моих студенческих состязаний по плаванию я усвоил одну нехитрую истину: со зрителями ты ведешь себя смелее. И вскоре я

почувствовал прилив смелости. (Думаю, кроме присутствия Тии, этому поспособствовала выпитая водка.) Взяв нож, я приставил острие к коже у кромки монитора.

— Приступим.

В глазах замелькали звезды. Закружились галактики. Целый космос боли. Из-под лезвия хлынула кровь. Я вскрывал себя. Казалось, продолжать будет немыслимо, однако я знал: стоит замешкаться хотя бы на секунду и моя сила воли иссякнет. Словно повар, срезающий лишний жир с куска мяса, я надрезал кожу по периметру монитора, затем подсунул лезвие под него и стал давить, пока проклятая штука не отделилась от тела с медленным чмоканьем. Я отодвинул монитор кончиком ножа, обнажив изрезанный розовый прямоугольник плоти, тут же исчезнувший под струей крови. Бросив нож, я потянулся к кусачкам. Оставалось лишь перекусить тоненькие проводки, но я не мог. Голова кружилась, руки ослабли. Я протянул кусачки Тие.

— Прошу тебя, помоги, — простонал я.

Так окончились самые отвратительные шестьдесят секунд моей жизни. Тия стояла передо мной, держа в одной руке монитор, а в другой — кусачки. Затем она швырнула их в раковину,

прижав к ране полотенце, щедро смоченное водкой. Казалось, моя рука попала в огонь.

— Извини, — пробормотала Тия и поморщилась.

Я судорожно глотал воздух. Она приложила мою руку к полотенцу:

— Прижми покрепче и держи.

Взяв из швейного набора иголку, Тия простерилизовала ее в пламени спички. Остальное было сущим издевательством над раной. К тому времени, когда она закончила накладывать швы, я едва соображал и к тому же был изрядно пьян. Но меня мучила жажда. Тия принесла воды, и, пока она перевязывала мне рану лоскутами футболки, я осушил целый стакан.

— Удержишься на ногах? — спросила она.

Я удержался. Рубашка, брюки, лоферы — все было забрызгано кровью. Монитор по-прежнему валялся в раковине, куда его бросила Тия. Оставлять его там было нельзя. Я поднял крышку унитаза, кинул монитор в горловину и спустил воду.

— Мне надо во что-нибудь переодеться, — сказал я Тие.

Она ушла в комнату и принесла оттуда рубашку с длинными рукавами, хлопчатобумажные

брюки и парусиновые туфли. Брюки оказались слишком короткими, а туфли болтались на ногах. «Сойдет», — подумал я и вернулся в ванную, чтобы умыться. Отражение в зеркале ужаснуло меня. Лицо было серым, как у утопленника.

— Слушай, а я вспомнил, где раньше видел твоего вчерашнего друга, — сказал я Тие.

— И где же?

— Он — тот самый человек, что предлагал мне книгу.

Тия посмотрела на меня, но промолчала.

Мой план был таков: вытащить Кэли из изолятора и привезти ее в этот дом. Потом, когда шумиха уляжется, Тия переправит ее на Аннекс. Мы вышли. Взгляд повсюду натыкался на последствия вчерашней бури: сломанные ветки, горы облетевших листьев и даже целые деревья, вырванные с корнем. Однако над головой синело небо, вовсю сияло солнце. Воздух успел стать жарким и липким. Подойдя к машине, я протянул руку за ключами.

— Ну уж нет, — покачала головой Тия. — Я поеду с тобой.

— Спасибо за заботу, но это плохая идея.

— Проктор, посмотри на себя. Ты же едва стоишь на ногах. Если собрался вызволять девчонку,

тебе не обойтись без помощи.

Тия была права, но я и так перегрузил свою совесть.

— Тия, подумай. Пока ты остаешься женщиной, ответившей вчера на мой телефонный звонок. Всего-навсего. Тебе позвонили. Ты ответила.

— Ты ведь сам говорил: она совсем молоденькая.

— Это не твоя проблема.

— Но ключи от машины у меня. — Она открыла водительскую дверцу, уселась и посмотрела на меня. — Ну так как?

Я забрался на пассажирское сиденье.

20

Не ехать же за Кэли с пустыми руками. Пришлось сделать крюк.

У своего дома я увидел двоих охранников. Один торчал у входной двери, другой скрывался где-то сзади. Мы остановились. Тия вырулила на обочину.

— Жди здесь, — сказал я ей.

Я выбрался наружу и, прячась за деревьями, стал пробираться к задней части дома.

Второй охранник (хвала ему) храпел в шезлонге.

Оставалось пережать ему сонную артерию локтем: мой единственный, но исправно работающий прием. Охранник храпел, развалившись на сиденье. Фуражка сползла ему на глаза. Я подкрался со спины. Он не сопротивлялся… ну, почти. Бессмысленные дерганья руками и ногами, что продолжались несколько секунд, не в счет. Он сдавленно закричал, но я успел заткнуть ему рот ладонью. Потом он затих.

Я забрал у него электрошокер и через раздвижную дверь вошел внутрь. Дом изменился, я больше не ощущал его своим. Это удивило меня,

пока я не понял: по сути, он всегда был домом Элизы, а я просто жил тут. Я осторожно пробрался к фасадным окнам и заглянул в щель между шторами. Куда подевался первый охранник?

Вскоре я получил ответ. Тот, кто дал его, был у меня за спиной.

Завязавшаяся схватка оказалась жестокой, хаотичной и явно неспортивной. Мы молотили друг друга кулаками, пытались применять захваты и даже царапались. Это больше напоминало потасовку на школьном дворе, чем поединок взрослых мужчин. Мы сшибали предметы, опрокидывали мебель. Я даже начал забрасывать противника книгами. (Честное слово, я не выдумываю.) Электрошокеры куда-то делись еще в самом начале поединка. Из коридора мы переместились в гостиную, оттуда в кухню и снова в гостиную. К этому времени оба тяжело дышали.

«Какая тебе разница, Проктор? — думал я. — Ты же все равно умираешь».

Я атаковал.

Опустив голову и выставив вперед правое плечо, я схватил охранника за талию и заключил в крепкие медвежьи объятия. Его ноги оторвались от земли, он упал, увлекая меня за собой. Мы покатились по полу гостиной и на полной

скорости влетели в стеклянную дверь, что вела в патио. Треснувшее стекло разлетелось на тысячи блестящих осколков. Я дважды перекувырнулся и вылетел на лужайку, упав лицом вверх.

Охранник тут же оказался на мне.

По его исцарапанному лицу текли струйки крови, глаза сверкали убийственным гневом. Возможно, им приказали ни в коем случае не убивать меня. Как-никак я был зятем Каллисты Лэйрд. Но в ходе нашей схватки все правила полетели к черту. Придавив мне талию, он одной рукой взял меня за горло, а другую сжал в кулак. Еще мгновение, и этот кулак, тяжелый, словно кувалда, опустится на мою физиономию.

Ни он, ни я не видели, как появилась Тия. Неожиданно тело охранника, придавливавшее меня, обмякло. Я взглянул через его плечо и увидел Тию с электрошокером в руке.

— Кажется, я просил ждать меня в машине, — буркнул я.

— Это вместо благодарности?

Я сбросил с себя бездыханного охранника. Тия помогла мне встать.

— Я услышала шум, — сказала она. — Наверное, в соседних домах тоже слышали. Нужно поскорее уезжать.

Я подобрал электрошокер, забрал из кабинета документы, за которыми приезжал, затем взглянул на первого охранника, по-прежнему валявшегося в шезлонге. Я снял с него форму и ремень, надев их на себя. К этому времени веки охранника задергались, и он открыл глаза.

— Извини, приятель, — вполне искренне сказал я и приставил электрошокер к его шее.

Храня молчание, мы въехали в город. Буря потрепала и его. Машин на улицах почти не было. Пешеходы тоже встречались редко. Последствия гнева стихии были видны на каждом шагу: разбитые окна, куски оторванной кровли, сплющенный автомобиль под упавшей пальмой. Всматриваясь в небо, я не увидел ни одного дрона.

Неподалеку от здания, где был мой кабинет, я попросил Тию свернуть в переулок и остановиться там. По пути я объяснил ей, где что находится, но решил на всякий случай повторить.

— Гараж — в западной части здания. Въедешь на второй ярус и остановишься у дальней стены, чтобы не мельтешить перед камерами. Мы тоже выберемся на второй ярус. Жди десять минут. Если я не появлюсь, считай, что меня схватили, и немедленно уезжай.

— А если ко мне кто-нибудь подойдет?

— Это вряд ли, но если подойдут, скажи, что ждешь подругу. Второй ярус предназначен для машин посетителей, поэтому там много посторонних.

— Я буду ждать дольше десяти минут.

— Очень прошу тебя ни в коем случае не делать этого. Не важно, удастся моя затея или нет, — это не займет много времени. — Я достал второй электрошокер. — Возьми на всякий случай.

Она взяла электрошокер и стала безучастно глядеть на блестящий цилиндрик. Затем посмотрела на меня:

— Проктор…

— Все нормально. Не надо ничего говорить.

Она взяла меня за руку, задержав ее в своей ладони. Такого замечательного прикосновения я давно не ощущал. Девять процентов. Сколько еще я протяну?

— Удачи, — сказала она.

Я вышел из машины и пересек площадь. В кожаном портфеле, зажатом под мышкой, лежало постановление об освобождении. Бланк я позаимствовал из дому. Там же у меня была и печать. Подпись Реганы Брандт — нового управляющего директора — я попросту подделал. Здания всех

министерств имели аварийные генераторы, поэтому я знал: служебный жетон, отобранный у охранника, будет просканирован на входе, и камеры зафиксируют каждый мой шаг. Я уверенно вошел в здание, стараясь идти не слишком быстро и не слишком медленно, опустив голову и выставив руку с жетоном. За столом у турникета дежурил всего один охранник. Еще двое маячили у лестницы. Любой из них мог меня узнать; как-никак я провел в этом здании почти двадцать лет.

Мне повезло: охранник за столом даже не поднял головы. Не задерживаясь, я повернул турникет, и вдруг…

— Уайетт, постой секунду.

Значит, фамилия того охранника — Уайетт?

— Да, — буркнул я, не смея оглянуться.

— Как ваши успехи с тем парнем?

«Тот парень». То есть я.

— Пока никак. Он не появлялся.

— А как выглядит берег после бури?

Сколько я смогу говорить вот так, стоя к нему спиной? Один из охранников у лестницы, кажется, заинтересовался нашей беседой.

— Это надо видеть своими глазами, — торопливо ответил я и поспешил дальше, всем видом

показывая, что я занят.

Атриум казался смертельной западней. Его нельзя было пересечь быстро. Десять шагов, пятнадцать, двадцать. Каждый был подарком судьбы. Наконец я добрался до лифтового холла. Дверцы одного из лифтов были распахнуты. Очень кстати. В подвал я поеду один. Я вошел в кабину и нажал нужную кнопку.

Лифт пошел вверх.

Черт! Черт, черт, черт!

Я лихорадочно нажимал на кнопку с символом подвала, но кто-то наверху опередил меня, вызвав кабину. Мы проехали второй этаж, третий, четвертый. Кабина стала двигаться медленнее.

Лифт вызвали с шестого этажа.

Когда кабина остановилась, я встал на одно колено, делая вид, что завязываю шнурок. Дверцы открылись, вошел один человек. Судя по красным туфлям на высоком каблуке — женщина. Она нажала кнопку. Кабина поехала вниз. Я принялся завязывать шнурок на втором ботинке. На сколько времени я сумею растянуть этот отвлекающий маневр? Кабина продолжала опускаться. Третий этаж, второй. На первом лифт не остановился.

Женщина, как и я, направлялась в подвал.

«А ведь эти каблуки мне знакомы», — поду-

мал я.

Тия ведет машину вверх по пандусу и заезжает на второй ярус. Автомобилей немного. Они стоят в разных местах яруса. Она подруливает к стене и глушит двигатель. Проктор уже наверняка проник внутрь. Возможно, его постигла неудача и Проктора в наручниках ведут навстречу судьбе.

Она следит за дверью в зеркало заднего вида. Как он и говорил, там есть камера, но она направлена вниз, на дверь.

«Ты ведь давно занимаешься этим. Помню, раньше ты не церемонилась». Квинн прав; она устала от этой игры. Устала от всех этих обедов, вечеринок и бессмысленных разговоров. Устала бояться, устала быть той, кем не является, — хотя сама не знает, кто же она на самом деле.

Но сюда ее привело совсем не это. Она едва ли может назвать причину; ею двигало что-то глубоко инстинктивное и личное. Отчасти — обеспокоенность Проктора судьбой Кэли, о которой он потому и заботится, что остальным нет дела до девчонки. Тия не понимает, почему это так цепляет ее, но тут же находит ответ. Когда-то и она была такой девчонкой. Одной в целом мире.

Минута идет за минутой.

Не сводя глаз с двери, Тия понимает: она не уедет отсюда.

Едва Регана вышла из кабины, как я выпрямился, вышел следом и тут же потянулся за электрошокером. В этот момент она обернулась через плечо и быстро все поняла.

— Проктор, что за маскарад?

— Привет, Регана.

Я замешкался, а у нее была хорошая реакция. Я поднял электрошокер, она тут же загородилась левой рукой, правой схватила меня за запястье и резко повернула его. Шокер выскользнул из моих пальцев и запрыгал по полу. Регана ребром ладони ударила меня в солнечное сплетение, выбив воздух из груди, и толкнула к стене.

— Вот вы и попались, Проктор, — сказала Регана и потянулась за своим шокером.

В этот момент завыли сирены тревоги.

Шум снаружи обрывает невеселые размышления Тии. Она смотрит в окно машины и видит троих охранников, которые поднялись по пандусу; они бегут в сторону двери.

Она мгновенно принимает решение.

Выскочив из машины, она бежит за ними. Один возится с замком. Запыхавшаяся Тия до-

гоняет их.

— Эй, дамочка, сюда нельзя, — бросает ей ближайший охранник.

— Там мой муж! — вскрикивает Тия, указывая на открытую дверь.

— Это для вашей же безопасности. Вход в здание запрещен, пока мы не разберемся, что к чему.

— Пожалуйста! — умоляющим голосом произносит Тия, хватая охранника за руку.

Охранники переглядываются. Они торопятся и не настроены спорить.

— Ладно, — соглашается первый. — Только мы тут ни при чем.

Тия следует за охранниками, а оказавшись в коридоре, замедляет шаг, отрываясь от них. Типичный для присутственных мест коридор, с кабинетами и рабочими комнатами по обеим сторонам. Сейчас, когда объявлена тревога, никто не высунет нос за дверь.

Неожиданно она спохватывается, что оставила электрошокер в машине. Это открытие сродни удару в живот.

Тия добирается до лестницы. Сверху слышится топот бегущих ног. Мимо нее пробегают несколько охранников, направляющихся в подвал.

Чем она надеется помочь Проктору? Разум

подсказывает: ничем. Но Тия не слушает доводов разума. В ее голове звучат сразу два голоса: один требует немедленно убираться отсюда, другой зовет вниз.

Она бежит вниз.

То ли меня засекли камеры, то ли охранники сообразили, что никакой я не Уайетт. Дрянная новость, но поднятая тревога отвлекла Регану, что мне и было нужно. Я лишился электрошокера, зато у меня осталась дубинка. Я сорвал ее с пояса и нажатием кнопки выдвинул на всю длину. Едва Регана попыталась ткнуть в меня электрошокером, как я изо всех сил ударил ее дубинкой в предплечье.

Что-то хрустнуло. Регана взвыла от боли.

Я повернулся и побежал. В голове все плыло. К горлу подступала тошнота. Удар о стену тоже не способствовал ясности мыслей. Дверь изолятора находилась в конце коридора. Приставив жетон к датчику, я открыл ее и ворвался внутрь. За столом дежурил единственный охранник.

И не просто охранник.

Тот самый, которого я чуть не задушил на причале и который якобы скончался от мозгового кровотечения.

— А ну, постой, — сказал он, явно вспомнив,

кто я такой. — Я ж тебя знаю. Ты та самая заноза у нас в заднице.

Субординация ушла в прошлое. Теперь я был для них просто опасным типом, которого нужно схватить.

Едва охранник вскочил на ноги, как я двинул ему по голове дубинкой. Покачиваясь, он осел на пол. За дверью слышался топот бегущих ног. Несколько человек одновременно выкрикивали приказы. Я разбил пульт управления дверью рукояткой дубинки и заперся изнутри. Сев за стулом, я сорвал с пояса наручники, сковал руки «воскресшего» охранника, заломив их ему за спину, после чего одной рукой обвил его шею, а другой схватил за волосы и запрокинул голову.

— Где она?

— Кто — она? Ты псих или как?

— В изоляторе содержится один человек. В какой камере? Отвечай!

— Почем я знаю? Я только заступил на дежурство. — (Я сильнее сдавил ему горло.) — В восьмой. В восьмой кто-то есть.

В дверь уже дубасили кулаками.

— Ключи где?

— В переднем ящике. Бери. Мне плевать.

Ключей на кольце оказалось немало, но все

были пронумерованы.

— Кэли, я иду! — заорал я, сознавая, что план катится ко всем чертям.

Еще немного, и дверь снесут. Сюда ворвется толпа охранников. Они уже рядом. Но, встряв в это дело, я буду сражаться до последнего. Я не сумею помочь Кэли, но хотя бы дам понять девчонке, что она мне небезразлична, что кто-то попытался ее вызволить.

— Кэли, держись! Сейчас выпущу тебя!

Я растратил остатки сил и, шатаясь как пьяный, побрел к восьмой камере. Я уже добрался до нее, когда внешнюю дверь изолятора сломали.

— Он где-то возле камер!

Ко мне бежали, но я даже не обернулся. Торопливо открыв дверь камеры, я сунулся туда.

Камера была пуста.

Тут охранники настигли меня. Последовал тяжелый удар в спину, и в следующее мгновение я летел ничком на пол, готовясь к жесткой посадке.

Тия оказывается во всем этом подвальном безумии.

В дальнем конце коридора столпились охранники. Оттуда доносятся их крики, а также удары в дверь, которую ломают. Наконец раздается

«хряп» — дверь выбита.

— Мы его сцапали! — кричит кто-то.

Его. Проктора.

Сирены умолкают. На полу, упираясь в стену, сидит женщина и щурится от боли. Тия опускается перед ней на корточки.

— С вами все в порядке? — спрашивает Тия. — (Женщина баюкает покалеченную руку.) — Давайте я вам помогу.

— Ой! Не трогайте!

— По-моему, у вас сломана рука.

— Без вас знаю, что сломана! — огрызается женщина.

Тия пытается увидеть, что делается в глубине коридора, но спины охранников загораживают обзор.

— Что там случилось?

— Какой-то лунатик ворвался. Пытался проникнуть в изолятор. Это он сломал мне руку.

Тия старательно изображает потрясение:

— Представляю, как это страшно.

— Похоже, допрыгался, мерзавец. Взяли-таки его.

— И куда теперь он попадет?

По лицу женщины Тия видит, что допустила ошибку. Она зашла слишком далеко.

— В каком Департаменте вы работаете? — настораживается женщина. — Что-то я вас не помню.

— В социальных контрактах, — отвечает Тия. Это первое, что приходит ей на ум.

Взгляд женщины становится жестким.

— Вы там не работаете.

— Мне пора, — говорит Тия и выпрямляется.

— Эй! — кричит женщина, обращаясь к охранникам. — Сюда! Помогите! Здесь еще одна подозрительная особа!

Тия бежит, не оглядываясь, перепрыгивая через две ступеньки, и влетает в коридор. Из приоткрытых дверей опасливо выглядывают работники. «Думаете, нам больше не грозит опасность? Кто-нибудь знает, что случилось?» Тия проносится мимо них, выскакивает в гараж, забирается в машину и торопливо съезжает по пандусу. Она мчится по улице, оставляя позади здание министерства, площадь и все, что называла своей жизнью. Только отъехав на приличное расстояние, она замечает, что по ее щекам катятся слезы.

21

— Проктор, ты меня слышишь?

Стеклянное море, двойные звезды. Голубая капля, подвешенная в небе. Я плыву к ней, делая широкие гребки. Как и у всех звезд, у голубой звезды есть имя; оно скрывалось в глубинах моего разума, но достать его оттуда я не мог. Я был один, но себя не чувствовал одиноким. Где-то поблизости находилась женщина. Ощущение ее присутствия окутывало меня глубоким покоем и влекло дальше.

— Проктор, ты здесь?

Впереди были свет и темный силуэт. Приблизившись к нему, я понял, что это парусный корабль. Паруса были опущены до гиков и свернуты. Корабль стоял на якоре, не двигаясь с места. В каюте горела единственная лампа.

— Вряд ли он нас слышит.

Я доплыл до корабля. Как и от голубой звезды, от него исходило ощущение чего-то постоянного. Оставалось только понять, чего именно. За иллюминатором мелькнула тень. В каюте кто-то был. Я находился совсем рядом с лестницей, спускающейся с кормы. Может, эта женщина ждет меня

там? Никого другого на корабле быть не могло. Она впустит меня, накормит, обнимет, согревая мои озябшие кости. Потом уложит рядом с собой, накрыв нас обоих чистым и мягким покрывалом. Будет шепотом рассказывать обо всем, что мне надо знать. Назовет имя звезды.

— Думаю, ждать больше нельзя.

Я поплыл вдоль корпуса корабля. Я уже видел лестницу. Она была все ближе и ближе, оставалось лишь протянуть руку и ухватиться…

— Давайте эпинефрин[7].

Все мое тело содрогнулось. Небо стало ослепительно-белым. Нет!

— Проктор, ты меня слышишь?

Корабль исчез. И не только корабль. Небо и море тоже.

— Открой глаза, не бойся.

Меня куда-то несло; я падал, распластывался, словно капля воды, кувыркался…

— Проктор, да открой же глаза!

Дневной свет. Кровать. Лица вокруг. Ощущение, что я окружен целой толпой.

— Ну наконец-то. Привет, дружище!

Я заморгал, щурясь от света. Никак Уоррен?

---

[7] Примечания: 7

Эпинефрин — альтернативное название адреналина.

— С возвращением, старина. — Он поднес мне кружку с соломинкой. — Пока помолчи, просто пей.

Вода была теплой и безвкусной. Попытка оглядеться не удалась; глаза не слушались меня. Все было словно в тумане и как бы лишенным глубины. Я различал чьи-то фигуры, но лишь в общих чертах. Детали ускользали. Булькающий звук из соломинки подсказал, что я выпил всю воду.

— Что… произошло? — спросил я.

Казалось, мой язык оброс шерстью.

— Ты находишься в медицинском корпусе Министерства благополучия, — сказал Уоррен, отставляя чашку.

Медицинский корпус. Неужели я заболел?

— У тебя был приступ. Помнишь что-нибудь?

Я попытался вспомнить. Замелькали какие-то мелочи, не связанные между собой. Цельных воспоминаний не было. Только сейчас я сообразил, что не могу двигаться, будучи пристегнут ремнями к кровати.

— Проктор, должен тебе кое-что сообщить. Выслушай меня внимательно.

— Почему меня связали? — Крепкие ремни сковывали ноги и туловище. На теле — ничего, кроме тонкого больничного халата. — Что вооб-

ще происходит?

— Когда в прошлую пятницу я тебя обследовал… — Уоренн замялся. — В общем, я кое-что обнаружил.

Я взглянул на туманные фигуры за его спиной.

— Как понимать это «кое-что обнаружил»? Кто эти люди?

— Постарайся сохранять спокойствие. Не хотелось бы вводить тебе снотворное.

Я дернулся, проверяя крепость ремней:

— Вы стреножили меня, как курицу. Что все это значит?

— Проктор, у тебя опухоль в мозгу. — (У меня перехватило дыхание.) — Дружище, мне очень жаль. На прошлой неделе я стал анализировать твои показатели. И обнаружил крупное новообразование в затылочной и теменной областях. Опухоль росла годами, возможно с первых лет итерации. Во всем, что происходило на прошлой неделе, нет твоей вины. Проктор, ты попросту был не в себе. Мы стабилизировали твое состояние, но я не знаю, насколько этого хватит. Надо побыстрее доставить тебя на Питомник.

Что, правда? Признаюсь, на несколько секунд я ему поверил. Но только на несколько секунд.

— Я тебе не верю. Ты выдумываешь.

— Поверь, мой старый друг, я бы сам хотел, чтобы это оказалось выдумкой.

— Нечего называть меня «старым другом». — Я взглянул на его лицемерную физиономию и все понял. — Это из-за того укола. Ты что-то сделал с показателями моего монитора.

Он печально покачал головой:

— Нет, Проктор. Нет. Насчет витаминов… да, здесь я тебе соврал. Я ввел тебе ангиогенетический ингибитор. Рассчитывал, что он замедлит рост опухоли. Но, как выяснилось, уже слишком поздно.

— Ты врешь.

— Проктор, ты не хочешь взглянуть фактам в лицо. Паранойя, членовредительство, эти вспышки насилия… Ты не похож на прежнего Проктора. Элиза сильно напугана. А она любит тебя больше, чем кого-либо. Она рассказала о случившемся в понедельник.

— Ничего особенного не случилось. Ну разозлился немного, только и всего.

— В изложении Элизы это звучит по-другому. Проктор, ты серьезно напугал ее. И это еще не самое страшное. В вашем доме нашли двух охранников. Оба пострадали, причем один — весьма серьезно. Как ты объяснишь свои действия?

— Они на меня напали!

— Как тот охранник на причале?

— Тот охранник жив! Я видел его в подвале!

Уоррен вздохнул:

— Никого ни в каком подвале нет. Плохи твои дела, Проктор.

— Это все из-за корабля моего отца? Вот из-за чего поднялась эта шумиха.

— Будет тебе, Проктор.

— Только не строй из себя оскорбленную невинность. Не делай вид, будто ничего не знаешь. — И вдруг мне открылась вся картина целиком, словно над ярко освещенной сценой поднялся занавес. Они все участвовали в этом спектакле: Уоррен, Каллиста, Эймос, Регана. Возможно, половина сотрудников моего бывшего Департамента и членов аттестационной комиссии. И у каждого была своя роль.

— Думаешь, ты меня перехитрил? — сказал я. — Я знаю, что у тебя на уме.

— Прошу тебя, вслушайся в собственные слова. Ты на себя не похож.

— Где Кэли?

— Кто?

— Девчонка, черт тебя побери! — Я снова напрягся всем телом, пытаясь разорвать ремни.

Напрасно. Ремни были крепкими. Часть меня сознавала: я несу бред, как настоящий параноик. Другой части было на это наплевать. — Я учил ее плавать! Ее должны были поместить в изолятор и отправить на реитерацию.

— Доктор Сингх, вы позволите?

Из тумана появился Набиль Уэст, облаченный в один из своих дурацких облегающих костюмов.

— Мистер Беннет, как вы себя чувствуете?

— Не знаю. Лучше скажите, как я выгляжу.

Он раскрыл папку:

— Я подготовил постановление о принудительном ретайрменте. Вашей подписи не требуется, но, возможно, вы захотите прочитать текст.

— Убирайтесь к черту вместе с колбасной оболочкой, в которую вы вырядились!

Набиль слегка кивнул и закрыл папку.

— Как желаете.

Мое зрение прояснилось, и я увидел лица других участников спектакля. Эймос, как всегда, нервно бренчал мелочью в карманах. Рядом стояла Регана Брандт с забинтованной рукой на перевязи. У двери торчали двое охранников с дубинками наготове. Похоже, им хотелось забить меня до смерти.

— Вы слышите? — крикнул я. — Убирайтесь

все!

Уоррен взял меня за подбородок и развернул лицом к себе.

— Проктор, посмотри на меня.

Я мотнул головой, вырываясь:

— Оставь меня в покое.

— Я понимаю, как ты удручен. Знаю, тебе совсем не нравится такая перспектива. Но это делается для твоего же блага. Тебя все равно отправят на Питомник. У нас нет времени для бессмысленных пикировок. Элиза хочет проститься.

— Элиза здесь? — спросил я, чувствуя, как мне сводит живот.

— Она ждет в коридоре. Но вы оба мне очень дороги, и я не хочу, чтобы она видела тебя в таком состоянии. Ты ведь тоже не хочешь запомниться ей желчным и издерганным?

От этой мысли я похолодел. Если остальные были прямо или косвенно причастны к случившемуся, то моя жена оставалась такой же зрительницей, как и я. Она ни в чем передо мной не провинилась. Мы прожили вместе почти десять лет и были по-своему счастливы. Она заслуживала достойного прощания со мной.

— Проктор, ты обещаешь держаться? Да или нет?

Я смущенно кивнул:

— Да. Зови ее.

— Я серьезно. Ради вас обоих не испорти прощание.

Открылась дверь, и вошла Элиза. В горле встал комок. Все сложности в наших отношениях мгновенно улетучились из моей памяти. Она наклонилась и горестно обняла меня. Я, прикованный к кровати, не мог ответить ей объятием.

— Малыш, мне так жаль, так жаль. — Она уткнулась в мою шею и заплакала. — Если бы я знала, то ни за что бы не оставила тебя одного.

— Мне тоже жаль.

Она отодвинулась и положила ладонь мне на щеку.

— Проктор, ты был хорошим мужем. Лучшим мужем, о каком может мечтать женщина.

Чувство вины ударило меня прямо в сердце. Естественно, я не был лучшим мужем — но я обещал Уоррену не расстраивать Элизу.

— Жаль, что мы так и не купили загородный домик, который ты хотела, — сказал я, поскольку ничего другого на ум не пришло.

Она улыбнулась сквозь слезы:

— Я ведь тебе не рассказывала. На этих выходных мы с Уорреном видели очаровательный

домик. Типично сельский, но окруженный живописным садом. А как восхитительно там пахло! Он очень понравился бы тебе.

— Звучит заманчиво, — сказал я. — Тебе стоит его купить.

До чего странно и грустно было вести подобный разговор: словно меня уже не стало и слова произносил призрак из могилы. Сколько огорчений я принес Элизе! Как беспечно обращался со своим счастьем, даже не задумываясь о том, как щедро обошлась со мной жизнь, подарив такую жену! Я подумал о том, как Элиза будет жить без меня: просыпаться в пустой постели, открывать гардероб и видеть мои костюмы. Стоя у плиты, она забудется и попросит меня открыть вино, но увидит пустой стол. Я отдал бы все на свете, чтобы перенестись на семь дней назад. Я был готов переписать всю книгу своей жизни, только бы остаться вместе с Элизой; я сделал бы все, что в моих силах, лишь бы наша остывшая любовь разгорелась снова.

Стоп. Как она сказала?

— «Мы с Уорреном»? Как это понимать?

Мой вопрос явно задел ее.

— Что значит: «Как это понимать»?

— Ты только что сказала: «На выходных мы с

Уорреном видели очаровательный домик».

— Я хотела сказать… — Она осеклась. — Сама не знаю, что я хотела сказать. — Она взяла меня за руку. — Сейчас важно то, что тебя ожидает. Совершенно новая жизнь. Вот о чем тебе надо думать.

— Значит, выходные он провел вместе с тобой. — (Она вдруг смешалась.) — Давай без обиняков. Уоррен был вместе с тобой. Там, куда ты ездила.

Уоррен шагнул к кровати:

— Проктор, дружище…

— Как замечательно. — Я уронил голову на подушку. — Это уже не лезет ни в какие ворота.

— Малыш, это не то, о чем ты подумал, — в отчаянии возразила Элиза. — Это не кто-нибудь, а Уоррен. Наш давний друг.

— Именно то, оно самое, — сказал я, сбрасывая ее руку. — Как же я мог быть таким тупицей? Что ж, желаю вам обоим большого счастья. Вы наверняка заслуживаете друг друга.

Плачущая Элиза повернулась к Уоррену и прильнула к его груди. Он обнял ее, словно хотел уберечь от меня и дать ей выплакаться.

— Проктор, ну зачем ты так? — досадливо спросил он. — Я ведь предупреждал.

Я отвернулся:

— Убирайтесь оба и оставьте меня в покое.

Уоррен увел Элизу. Когда дверь за ними закрылась, к кровати подошел Эймос. Чувствовалось, что ему не по себе.

— Итак… — произнес он и откашлялся. — Думаю, можно приступать. Директор Брандт, прошу вас.

— Ради всего святого, только не она! — простонал я.

— Принудительный ретайрмент означает присутствие паромщика самого высокого уровня. Проктор, вам ли не знать правила?

В самом деле, мне ли их не знать!

Меня переместили на каталку и снова пристегнули ремнями. Каталку повезли по коридорам в заднюю часть здания — прямиком к погрузочно-разгрузочной площадке. (Принудительный ретайрмент — отнюдь не увеселительное зрелище.) Там уже стоял фургон с открытыми задними дверцами. Каталку втолкнули туда, защелкнув стопоры на колесиках. Затем в фургон забралась Регана, которая уселась на скамейку.

— Как работается на новом месте? — спросил я. — Держу пари, вы в полном восторге.

— Не пытайтесь меня задеть.

Но я был неистощим в своей язвительности.

— Рука, наверное, до сих пор болит. Кстати, что они вам пообещали за участие в этом гнусном спектакле? Я имею в виду, кроме моей должности.

— Хватит ерничать, Проктор. Все равно ничто не изменится.

Оставшуюся часть пути мы проделали молча. Окон не было, а потому я не видел, где мы едем. Хоть это и слабое утешение, подумал я, но мне, по крайней мере, не будет больно при виде знакомых мест.

Фургон остановился. Водитель открыл задние дверцы; внутрь ворвались звуки и запахи порта. Охранники вытащили каталку на причал. Я слышал стук двигателей парома, работавших вхолостую, и больше ничего. Никаких выкриков и прочего белого шума, когда люди приходят проводить своих близких и друзей в новую жизнь. Это путешествие я совершу один. Каталку остановили у сходней.

— Прощайте, Проктор, — сказала Регана, равнодушно махнув мне. — Счастливого пути.

— Послушайте, я сожалею, что так вышло. Я не хотел ломать вам руку. Но не откажите в последней просьбе. На паром я хочу подняться сам. — (Регана нахмурилась, ничего не ответив.)

— Сделайте это из профессиональной солидарности.

Она покачала головой и отвернулась, затем вновь повернула голову ко мне и злорадно усмехнулась:

— Так и быть. И давайте без фокусов.

Охранник снял ремни. Я сел, опустил босые ноги на бетон и, придерживая рукой распахивавшийся халат, осторожно встал. Я ослаб, голова по-прежнему немного кружилась, но я чувствовал: худшее позади. Может, укол Уоррена перестал действовать? Еще одна причина поскорее спровадить меня на Питомник. Паром дал два резких гудка. Две минуты до отплытия.

— Поднимайтесь, — сказала Регана.

— Мистер Беннет! Подождите!

В нашу сторону бежали двое. Вскоре я увидел, что это Дория и ее сын Джордж.

— Мы хотели проститься, — объявила запыхавшаяся Дория.

Из всех, кто мог бы меня проводить, это почему-то сделала моя экономка — женщина, на которую я годами почти не обращал внимания.

— Спасибо, Дория. Для меня это много значит.

— Вы всегда были очень добры к нам. Особенно к Джорджу.

Я был к ним добр? Как вообще Дория проведала о моем отплытии, если другие ничего о нем не знали? Элиза рассказала? В это мне не верилось.

— Джордж хотел обнять вас на прощание.

— Конечно, — ошеломленно пробормотал я.

Придерживая халат, не имевший кушака, я опустился на корточки перед мальчишкой. Джордж обнял меня. Приятно, когда тебя обнимает ребенок, но зачем эта наспех сочиненная сказка, уверения, будто я что-то значил для него?

— Жаль, что мы с тобой так и не поплавали на парусной лодке, — сказал я. — Я всерьез собирался это сделать.

— Ничего страшного, — по-взрослому ответил Джордж, пожав плечами.

— Все это очень трогательно, но нельзя ли поторопиться? — вмешалась Регана.

— Прощайте, мистер Беннет, — сказала Дория, крепко сжав мою руку.

— Прощайте, Дория. Спасибо за все.

Я смотрел им вслед.

— Хватит проволочек, — запыхтела Регана. — Поднимайтесь.

— Хотите знать, кто вы такая? — спросил я, повернувшись к ней. — Жуткая особа.

Я поднялся по сходням. Палуба парома, есте-

ственно, была пуста. Его вызвали специально для меня. Прозвучал последний гудок: десять секунд до отплытия. Сходни убрали. Я прошел на корму. Фургон уже выезжал со стоянки. Паром с шумом отчалил. Я обвел глазами причал, надеясь увидеть хоть одно знакомое лицо. Никого.

Город постепенно уменьшался в размерах. Здания, парки, машины; просперианцы, знакомые и незнакомые; моя прежняя жизнь. Все это скрывалось из вида. Мне было зябко в больничном халате. Паром миновал акваторию гавани и вышел в открытое море. Ярко светило солнце, превращавшее барашки волн в драгоценные камни. Я долго следил за игрой света, и его покой передался мне. Обернувшись назад, я уже не увидел города. Я пропустил момент его исчезновения.

22

Они прибывают в фургонах, один за другим. Дверцы открываются, и они выпрыгивают наружу, одетые для боя: шлемы, нагрудники, защитные полосы на локтях и коленях. У них есть щиты и электрошокеры. У них есть дубинки, выдвинутые на всю длину, чтобы бить больнее.

Их появление не остается незамеченным.

Новость разносится быстро: «На дамбе что-то происходит». Люди выходят из домов и зданий, где работают; скамейки и перекрестки пустеют. Люди бросают работу и присоединяются к растущей толпе. Два десятка собравшихся очень быстро превращаются в сотню.

Присутствие охранников поначалу не кажется чем-то новым. Изменением в привычном положении вещей, не более того. Кажется, будто они просто стоят без всякой цели. Но через какое-то время люди соображают: эти охранники отличаются от прежних не только вооружением. Они ведут себя по-другому. Расхаживают взад-вперед, потягиваются, поводят плечами. Постукивают по ладоням дубинками, прикидывая их вес.

Вскоре становится понятно: охранники чего-то

ждут.

Издали доносится гул, делающийся все громче. Глаза всех устремлены на дамбу. По дамбе едет грузовик. Его кузов прикрыт брезентом, натянутым на арочные распорки. Грузовик направляется в сторону собравшихся.

Вскоре он останавливается. Сзади опускается пневматический пандус. Внутри кузова что-то клацает, и оттуда выкатывается пара безофаксов. Так повторяется еще четыре раза. Из туловищ факсов доносится стрекотание и многочисленные «клик-клак» рычагов и шестеренок. Затем механические чудовища выстраиваются в цепь за спиной у охранников, которые тоже встали в ряд.

Вперед выходит охранник с радиомегафоном. При его включении из динамика раздается отвратительный свист. Затем над толпой летит шокирующе громкий голос:

— Внимание! Всем жителям Аннекса! Коллегия по надзору распорядилась изолировать остров. Немедленно возвращайтесь по домам и ждите дальнейших указаний.

Собравшиеся перешептываются, но не расходятся. Неожиданное известие ошеломило всех. Как это — «изолировать»?

Динамик радиомегафона снова издает свист, сменяющийся голосом охранника:

— Вам приказано разойтись.

Джесс стоит в самом конце толпы, наблюдая за событиями. Она ничуть не жалеет о том, что расправилась с Хэнсоном, более того, до сих пор испытывает пьянящую радость. Однако в голове теснятся вопросы. Много ли сумели узнать «прыщи» из «три-эс»? Какие наводки она могла оставить? В переулок выходит столько окон… Видел ли кто-нибудь тот поединок? Раненая нога плотно забинтована и с трудом вошла в сапог. Пульсирующая боль напоминает удары сердца. Это если стоять неподвижно. А стоит надавить на поврежденное место, как боль становится острой. Кажется, будто гвоздь снова и снова пробивает ступню. Джесс продезинфицировала рану всеми доступными способами, однако легче не стало. Ее трясет; кажется, еще и температура поднялась. Не началось ли заражение?

Рядом появляется Антон, пританцовывающий от возбуждения.

— За каким чертом ты сюда притащился? — спрашивает его Джесс.

— Посмотреть хочу.

— Тебе здесь нечего делать.

— Тоже мне, командирша нашлась. Скоро тут будет весело.

— Повторяю! — орет в радиомегафон охранник. — Расходитесь по домам!

— Антон, я не шучу. Уходи отсюда.

— В задницу этих парней! — выкрикивает кто-то из толпы. — Слышите, вы? Убирайтесь в задницу! — (Охранники в замешательстве. Они не знают, как поступить.) — Слышите? Валите отсюда!

Энергия толпы изменилась. Страх и гнев никуда не делись, но появилось еще что-то, более чистое и даже благородное. Люди наэлектризовались. Сто тел, соединенных невидимым проводом, по которому течет ток бунтарства.

— Если вы не подчинитесь, вас разгонят силой.

Угрозу встречают насмешками и улюлюканьем.

— Это последнее предупреждение!

— Я не шучу, — повторяет Джесс. — Убегай отсюда, пока они не сорвались с цепи.

Из середины толпы вылетает первая бутылка. Она летит над головами, набирая высоту и двигаясь по ровной дуге. Солнце сверкает на ее поверхности. Достигнув высшей точки, бутылка стремительно падает под ноги охранникам и

разбивается.

Воздух сразу же наполняется летящими предметами. Бутылками. Камнями разной величины и тяжести. Охранники заслоняются щитами, и весь этот град не причиняет им никакого вреда. Толпа исходит на крик. Кто-то свистит, кто-то выкрикивает непристойности. И вдруг слышится новое слово:

— Забастовка!

Его тут же подхватывают:

— Забастовка! Забастовка! Забастовка!

После этого события разворачиваются быстро.

В толпу летят алюминиевые баллончики, за которыми тянется желтоватый дым. Охранники мигом надевают маски и плотной цепью надвигаются на толпу, прикрываясь щитами и держа наготове дубинки. У дыма тошнотворный запах. Желтоватый туман мешает смотреть. Кажется, что всю площадь накрыло кислотным облаком. Кое-кто застыл на месте, не в силах двигаться. Люди кашляют, их выворачивает прямо на тротуар. Остальные разбегаются, прикрывая лица. Слышны крики, топот сапог и свист дубинок. Джесс хватает Антона за руку и бросается бежать, но ядовитое облако настигает их, проникая в глаза, горло и легкие.

Мальчишка куда-то исчез.

Джесс ничего не видит. Крики ужаса бомбардируют ее со всех сторон.

— Антон! — кричит она. — Где ты?

И обрывается от жестокого кашля. Размахивая руками, она ощупью бредет сквозь туман, но кашель, пронзительная боль в ноге и жжение в глазах не дают уйти далеко. Десяток шагов, и она падает на четвереньки. Она не видит ни охранника, ни дубинки, с силой обрушивающейся ей на голову.

Часть четвертая
Питомник

23

Шумный плеск волн вывел меня из забытья. Паром приближался к рифам, за которыми виднелись внушительные очертания Питомника. До чего же коротким оказался путь! За несколько сот ярдов до острова паром изменил курс и поплыл на юг, огибая его. Там имелся узкий естественный проход между рифами — нечто вроде канала, оканчивавшегося лагуной, которую с трех сторон окружали отвесные скалы. Вода была черной, что говорило о большой глубине. В дальнем конце темнел арочный свод — вход в туннель.

Едва паром вошел туда, как температура резко упала. Эхо, отражавшееся от влажных каменных стен, превращало шум двигателей в невыносимый грохот. Через несколько минут впереди мелькнул неяркий свет. Стены туннеля расступились. Это была пещера. Причал находился в самом конце. На нем кто-то стоял. Паром причалил под негромкий стук реверсивных двигателей. Меня встречала женщина. Я ступил на сходни.

— Добро пожаловать на Питомник, мистер Беннет.

Я оторопел. Это была доктор Пэтти. Те же мерца-

ющие голубые глаза, те же каштановые волосы, скрепленные серебряной заколкой. Казалось, передо мной — сцена из моей юности. Как и много лет назад, на ней был белоснежный халат, а в руке — планшетка с зажимом, которую она прижимала к груди. Женщина не постарела ни на день. Возможно, тогда, будучи юнцом, я неправильно определил ее возраст и она показалась мне старше, чем была на самом деле.

— Вы меня помните? — удивился я.

— Ну конечно, мистер Беннет! — улыбнулась она. — Если не ошибаюсь, тогда вас беспокоили сновидения.

— Совершенно верно. — Я испытывал странную радость от встречи с ней. — Мы приезжали с мамой. Я был совсем молодым.

— До чего же приятно видеть вас снова.

Это было сказано участливым, но каким-то бесцветным тоном, хотя и не лишенным тепла. Ее голос почему-то подействовал на меня расслабляюще.

— Нам нужно о многом поговорить. А пока, мистер Беннет, прошу пройти со мной, — сказала доктор Пэтти, кивнув на арку в стене.

За аркой оказался коридор, устланный ковром: чистый, ярко освещенный, почти стерильный.

Точно в каком-нибудь министерстве. В конце был лифт. Мы вошли в кабину и поехали вниз.

— Давно вы здесь работаете? — спросил я доктора Пэтти.

— Уже несколько лет. Работа с ретайрами — очень благодарное занятие. Впрочем, вы знаете не хуже меня.

— С чего вы так решили?

Она искоса посмотрела на меня:

— Не надо скромничать, мистер Беннет. Не многие управляющие директора добились таких успехов, как вы. Осмелюсь утверждать, что вы можете гордиться своими достижениями.

Кабина двигалась без остановок. На панели была единственная кнопка, нажимая которую пассажиры лифта либо опускались, либо поднимались.

— Ну вот мы и приехали.

За дверями лифта был еще один коридор, совсем такой же, как первый. Мы неспешно двинулись по нему.

— Знаете, я, вообще-то, не собирался сюда так рано, — признался я.

— Такое чувство испытывают все новоприбывшие. Уверяю вас, это пройдет.

— Мой случай — особый. Произошла чудо-

вищная ошибка. Они искусственно понизили процент моей жизненности.

— Кто «они», мистер Беннет?

— В этом участвовали многие. Не знаю, сколько именно человек. Но началось все с Уоррена Сингха. Он сделал мне укол.

— А-а, доктор Сингх…

— Вы с ним знакомы?

— Лично — нет. Но уверена: делая укол, он искренне старался вам помочь.

— То-то и оно, что не помогло. И я попал сюда.

Мы остановились у двери. Доктор Пэтти нажала ручку. Мы вошли в небольшую комнату без окон, с видеоэкраном и несколькими рядами откидных кресел.

— Не беспокойтесь, — сказала доктор Пэтти. — Если хотите, я узнаю, в чем дело.

— Узнаете? — Я обрадовался и немного удивился тому, что эта женщина готова вникнуть в суть моего дела. — Буду очень признателен.

— Пока не за что, мистер Беннет. — Она потрепала меня по руке. — Я лишь хочу, чтобы вам было комфортно. Выбирайте кресло, устраивайтесь поудобнее. Когда ознакомительный фильм закончится, я зайду за вами.

Она вышла, закрыв дверь. Я выбрал кресло

перед экраном и сел. Обивка была удивительно мягкой, и это сразу оказало убаюкивающее действие. Я мельком оглядел плакаты на стенах. «Совершенно новая жизнь», — возвещал один из них: супруги, сидя плечом к плечу, любовались закатом. «Возвращение в молодость», — провозглашал другой, на котором был изображен юноша с теннисной ракеткой, отбивающий мяч.

Свет плавно погас. Экран ожил.

— Здравствуйте и добро пожаловать на Питомник. Я — доктор Пэтти, директор службы реитерации Министерства благополучия.

На экране она была в таком же халате и с такой же планшеткой.

— Сегодня у вас счастливый день. Начинается волнующее путешествие в новую итерацию. Я и мои коллеги постараемся удовлетворить любые ваши запросы и потребности.

Камера отъехала, показывая коридор, по которому мы недавно проходили. Доктор Пэтти пошла по нему, продолжая говорить:

— Не сомневаюсь, вас обуревают вопросы. И не только вопросы. Конечно же, вы испытываете опасения, и немалые! Для начала позвольте вас заверить, что ваш комфорт стоит у нас на первом месте. И еще: процесс восстановления, который

вам предстоит, абсолютно безболезнен. Но что же ожидает вас на другой стороне?

Она остановилась.

— Вы только представьте.

На экране замелькали короткие сцены. Класс, полный юных итерантов, лес рук желающих ответить, глаза, сияющие радостью познания… Девушка немногим старше этих школяров, одетая в элегантный черный костюм для верховой езды, приникла к шее лошади, а та словно на крыльях перелетает через высокий забор… Жених и невеста целуются в садовой беседке, увитой яркими тропическими цветами.

— Это лучшее, самое волнующее время жизни, — слышался за кадром голос доктора Пэтти. — Время роста. Учебы. Романтических отношений. Чудес и приключений.

На экране вновь появилось ее лицо.

— Процесс реитерации начнется через несколько дней. В эти дни мы приглашаем вас сполна насладиться роскошью, в которую мы вас поместили. Мы постарались предусмотреть все потребности, которые могут возникнуть у ретайра.

Снова сцены. Седовласые ретайры играют в карты на фоне камина, где весело трещит огонь…

Двое женщин плещутся в бассейне… Официант в смокинге приносит шипящую медную сковородку, на которой лежат аппетитные блинчики с начинкой.

— Как видите, возможности Питомника позволяют удовлетворить самые разнообразные и изысканные запросы, — продолжила доктор Пэтти. — Отменная еда. Расслабляющие спа-процедуры. Занятия, прогоняющие скуку, на любой вкус.

К ней подошли мужчина и женщина — обслуга — в форме персикового цвета. Оба механически улыбались в камеру.

— К каждому из вас будет прикреплен личный сопровождающий, который позаботится о том, чтобы ваши желания и потребности удовлетворялись полностью и своевременно. Как я уже говорила, обеспечение вашего комфорта — первостепенная забота всех, кто трудится на Питомнике.

В кадре не было ничего, кроме лица доктора Пэтти. Ее улыбка чуть смягчилась, лишившись излишней жизнерадостности, зато став искренней и проницательной. Улыбка, полная бесконечной заботы, понимания и даже… любви.

— Ваша долгая и плодотворная итерация по-

дошла к концу. Вас ждет удивительная новая жизнь. Надеюсь, этот фильм ответил на часть ваших вопросов и развеял опасения. Но если вы по-прежнему хотите о чем-нибудь спросить, если что-то еще тревожит вас, смело обращайтесь к сопровождающему или любому нашему работнику. В заключение позвольте снова сказать от лица всех моих коллег и от себя лично: добро пожаловать на Питомник.

Экран погас. Зажегся свет. Я не сразу собрался с мыслями: так бывает, когда днем задремлешь и проспишь дольше обычного. Гипнотический взгляд доктора Пэтти; реитерация, преподнесенная как отдых на фешенебельном курорте; лица счастливых молодых людей, у которых вся жизнь впереди. Я знал, что каждый кадр тщательно продуман и призван ввести зрителя в состояние почти животной покорности. И тем не менее, вопреки тревожным звонкам, гремевшим внутри, я попался на приманку. Совершенно новая жизнь. Черт возьми, почему бы и нет?

— Мистер Беннет!

Передо мной стояла доктор Пэтти. Я растерянно заморгал. Казалось, она сошла с экрана и материализовалась во плоти. Лень охватила не только мой разум, но и тело. Сделав над собой изрядное

усилие, я встал с кресла.

— Вам понравился наш фильм?

— Да, спасибо, — тупо ответил я. — Очень содержательный.

— Замечательно, — просияла она. — Тогда идемте.

Мы снова вышли в коридор, где нас ждал мужчина. Совсем недавно я видел его на экране. Он был в том же персиковом форменном костюме.

— Познакомьтесь с Бернардо, — представила его доктор Пэтти. — Он будет вашим сопровождающим, пока вы гостите у нас.

— Приветствую вас, мистер Беннет, — произнес Бернардо. Это был крепко сбитый, довольно мускулистый мужчина с приятным лицом, черными вьющимися волосами, волевым подбородком и ровными белыми зубами. — Исполню любые ваши желания. Абсолютно все, что вам нужно. Готов помочь, объяснить, подсказать.

— Хорошо, — промямлил я.

Бернардо величественно махнул в сторону коридора:

— Тогда, если позволите, я покажу ваш номер.

Он повел меня по коридору, который упирался в другой коридор, уходивший влево. По обеим сторонам тянулись двери с номерными табличками.

В динамиках, скрытых под потолком, негромко звучала какая-то бессмысленная музыка.

— А где все? — спросил я.

— В это время большинство ретайров с увлечением занимаются чем-нибудь приятным. Все особенно любят бассейн.

— Видел его в фильме, — сказал я и, не подумав, добавил: — Мне он показался очень удобным.

— Конечно, мистер Беннет. Вы же были отличным пловцом в университете, ставили рекорды. Если не ошибаюсь, у вас их целых три.

— Четыре.

— Представляю, как вам дороги эти воспоминания. Конечно… — Он замялся, потом сменил тон. — Зато сколько новых воспоминаний вас ждет! Целая жизнь, полная новых побед. Вот на чем стоит сосредоточиться.

У двери под номером шестнадцать Бернардо остановился, достал связку ключей, выбрал нужный и открыл дверь:

— Только после вас, мистер Беннет.

Помещение чем-то напоминало номер в отеле: гостиная, обставленная по-современному лаконично и соединявшаяся через арочный тамбур со спальной зоной. Там стояла широченная кровать. На стенах были экраны в виде окон, где

чередовались красивые виды: морские и горные пейзажи, поля, усыпанные яркими цветами, что подрагивали на ветру. Бернардо следовал за мной по пятам и знакомил с убранством моего нового жилища, напоминая гостиничного носильщика, который ожидает чаевых. На громадном пушистом одеяле — мне сразу захотелось зарыться в него лицом — лежала одежда, такой же костюм, как у Бернардо, только голубого цвета: куртка и штаны с завязками на поясе. (Как ни странно, я успел свыкнуться с коротким больничным халатиком и почти забыл, что он по-прежнему на мне.) Около кровати стояли парусиновые шлепанцы, а на стуле висел махровый халат.

— Скоро подадут сигнал на обед, — сообщил Бернардо. — Сейчас вы наверняка хотите привести себя в порядок и передохнуть. Прежде чем я уйду, разрешите узнать, есть ли у вас еще какие-нибудь пожелания?

Мне ничего не приходило в голову. По правде говоря, у меня было только одно желание — завалиться спать. Ничего удивительного, если учесть бурные события последних суток, хотя они уже начинали казаться далекими и какими-то абстрактными.

— Отлично, мистер Беннет, — сказал Бернардо с

легким, учтивым поклоном. — Тогда расслабляйтесь и отдыхайте. Потом я провожу вас на обед.

Он ушел. Я проверил дверь и обнаружил, что она заперта. Почему-то это ничуть не встревожило меня — даже наоборот, породило чувство защищенности, словно я оказался внутри кокона. Я прошел в ванную, открыл воду, чтобы наполнить ванну, присел на крышку унитаза и снял повязку с руки. Кожа в этом месте была густо заляпана йодом. Неумелые стежки, наложенные Тией, исчезли. Вместо них я увидел заплатку телесного цвета, плотно примыкавшую к краям раны и скрепленную лейкопластырем. Материал был мне незнаком. Если бы не пятна йода и не лейкопластырь, я бы сам не поверил, что меньше двенадцати часов назад выковыривал из руки монитор.

Я залез в ванну по самую шею. Вода была теплой, что несколько примирило меня с положением, в котором я оказался. Впрочем, я все равно ничего не мог сделать. Да, я пострадал от чудовищной несправедливости, но мысль о новой жизни выглядела притягательной. «Расслабляйтесь и отдыхайте», — посоветовал мне Бернардо. Не худший совет из тех, что мне давали. Когда я в последний раз расслаблялся и отдыхал? Уже и

не припомню.

Позволив событиям идти своим чередом, я погрузился в сон. Меня разбудил мелодичный звук, похожий на пение арфы. Сигнал на обед. Я вылез из ванны, вытерся, облачился в голубой костюм и шлепанцы. Я был зверски голоден — за прошедшие сутки почти ничего не ел, и воспоминания об аппетитной еде, показанной в фильме доктора Пэтти, вытеснили все мысли. Я снова толкнул дверь. Та послушно открылась. В коридоре стоял Бернардо, безмятежно сложивший руки на животе.

— Мистер Беннет, вы выглядите отдохнувшим.

— Благодарю, Бернардо. Да, я чувствую себя намного лучше.

Я не лукавил, поскольку очень давно не чувствовал себя настолько спокойным и в таком ладу с жизнью.

— Приятно слышать, — просиял мой сопровождающий. — А сейчас, если вы готовы отправиться на обед… — Он вновь сделал театральный жест. — Прошу сюда.

Он повел меня по коридору с пронумерованными дверями, который в нескольких местах пересекался с другими коридорами. Наконец мы подошли к вращающимся дверям.

— Только после вас, сэр.

Я обрадовался тому, что мне не придется есть в одиночестве. Обеденный зал был оформлен с минималистским шиком. Столиков было немного, от силы дюжина, и за каждым сидели обедающие в голубых костюмах и шлепанцах. Они оживленно переговаривались друг с другом.

— Препоручаю вас заботам Даниэллы, — сказал Бернардо. — Приятного аппетита.

Передо мной выросла женщина из фильма доктора Пэтти. Я не сразу узнал ее. Форменный костюм делал ее бесполой. Теперь на ней было облегающее черное платье с глубоким вырезом. Блестящая ткань по фактуре напоминала тюленью кожу. Волосы, которые в фильме выглядели растрепанными, были пострижены по последней моде и красиво обрамляли лицо. В глаза бросались высветленные пряди. От Даниэллы исходил приятный цветочный запах с пряным оттенком. Все это делало ее весьма сексапильной.

— Добрый вечер, мистер Беннет. Желаете обедать один или присоединитесь к нашим гостям?

Я понял, что разглядываю ее — нет, пялюсь во все глаза. Смущенно отведя взгляд, я начал осматривать зал, не ожидая увидеть ничего, что заслуживало бы внимания. И вдруг обнаружил

угрюмого вида мужчину, одиноко сидевшего за столиком. «Чтоб меня разорвало! Неужели он?»

— Можно составить компанию тому молодому человеку?

Даниэлла взглянула в ту сторону, затем вновь повернулась ко мне. Ее глаза, влажно поблескивавшие, были изумительно синими и такими глубокими, что нашлось бы много желающих нырнуть в эти глубины.

— Конечно, — сказала она, лучезарно улыбаясь. — Тоже новенький. Уверена, вам будет о чем поговорить. Идемте.

Я последовал за нею. Даниэлла плыла по залу. Как и доктор Пэтти, она действовала на меня — и, наверное, на остальных — магнетически. Покачивающиеся бедра и красивые ноги в туфлях на высоком каблуке только усиливали общий эффект. Когда мы оказались в нескольких шагах от столика, Джейсон наконец заметил нас. Он стал похож на олененка в открытом поле. Прежде чем он успел открыть рот, я протянул ему руку.

— Добрый вечер, молодой человек, — сказал я, буравя его взглядом, который говорил: «Молчи и подыгрывай мне. Мы не знакомы». — Разрешите представиться: Проктор Беннет.

Чуть помешкав, он пожал мою руку.

— Джейсон Ким, — произнес он, сглотнув.

— Не буду мешать вам знакомиться, — сказала Даниэлла. — Ваш официант сейчас появится. — Она понизила голос до заговорщического шепота и, обращаясь к нам обоим, добавила: — Омар «термидор» сегодня особенно хорош.

Я сел напротив Джейсона и дождался, когда Даниэлла отойдет.

— И как тебе в этом раю? — спросил я.

— Директор Беннет, а вы-то что здесь делаете?

— То же, что и ты. Отправлен на принудительную реитерацию. Говори потише. — После встречи с парнем мое отупение как рукой сняло. — Я даже знаю, из-за чего тебя сюда послали. Обнаружили опухоль в мозгу.

Джейсон вытаращил глаза. Он был явно шокирован.

— Так вот, Джейсон: нет у тебя никакой опухоли.

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— О том, что с тобой все в порядке. Ты совершенно здоров. Мы оба здоровы.

— Но доктор…

— Его, случайно, не Уорреном зовут?

У парня вытянулось лицо.

— Вы знаете доктора Сингха?

— Да. По крайней мере, мне казалось, что знаю. Он сделал тебе укол.

— Откуда вы знаете?

— Точно такой же он сделал и мне. Содержимое шприца существенно понизило процент нашей жизненности.

— Я совсем сбит с толку, — признался Джейсон.

Это было видно по его физиономии.

— Поверь мне на слово. Нет у тебя ни опухоли в мозгу, ни других болячек.

Появился новый персонаж: полноватый официант в смокинге, постарше Бернардо. Его брови торчали вверх, а подбородок украшала седая бородка клинышком.

— Добрый вечер, джентльмены, — произнес он, наливая нам воду из запотевшего металлического кувшина. — Меня зовут Ицхак, и сегодня вас обслуживаю я. — Он вручил каждому из нас меню. — Не желаете ли выпить коктейль перед обедом? А может, бокал вина?

— Мне достаточно воды, — сказал я.

— А для вас, сэр? — спросил он Джейсона.

Парень снова сглотнул. Я видел, как дрожит его кадык.

— Я тоже выпью воды.

— Как скажете. — Ицхак энергично поклонился. — Вскоре я вернусь и приму у вас заказы.

Когда он ушел, Джейсон перегнулся через стол и неуверенно спросил:

— Так, значит, я не умираю?

— Сегодня ты точно не умрешь.

— Тогда зачем доктор Сингх сказал неправду?

— Они решили от нас избавиться, поскольку мы оба были на причале.

Джейсону понадобилось несколько секунд, чтобы переварить услышанное.

— Получается, меня отправили на реитерацию лишь потому, что я услышал какие-то слова?

— В том-то и штука. — Видя сокрушенное лицо Джейсона, я вдруг ощутил тяжесть в груди. — Джейсон, я очень виноват перед тобой. Это все из-за меня. Я не должен был впутывать тебя в историю с моим отцом. — От соседнего столика донесся взрыв веселого смеха. Я наклонился к Джейсону и, понизив голос, спросил: — Как давно ты здесь?

— Со вчерашнего вечера. Меня отправили специальным рейсом. Доктор Сингх сказал, что с таким низким процентом жизненности нельзя дожидаться плановой отправки.

— И ты плыл один? — (Он кивнул.) — Знаешь

кого-либо из присутствующих?

Джейсон быстро обвел глазами зал и снова повернулся ко мне:

— Нет. А что, должен?

— Ты, скорее всего, нет, но я-то обязан знать. Я курировал каждый ретайрмент в округе.

— Разве их не могли привезти сюда из других округов?

— Могли, только почему их так много? Последний запланированный рейс парома был в понедельник, для пятнадцати ретайров, включая четверых из Шестого округа. А здесь… — я быстро подсчитал, — тридцать семь человек, не считая нас с тобой.

— Может, кто-нибудь сидит с прошлой среды? Все еще проходит адаптацию?

— Опять-таки я не вижу ни одного знакомого человека, включая моего отца. Согласись, он должен был бы находиться здесь. Нет, эти люди — не с рейса, который был в прошлую среду.

Джейсон внимательно оглядел зал:

— Вы правы. Кто же они?

Возвратился официант, и нам пришлось прерваться.

— Вижу, вы уже познакомились. — Ицхак достал из кармана фартука блокнотик и руч-

ку. — Чем желаете полакомиться, джентльмены? Хочу сообщить вам, что сегодняшний омар «термидор» — пальчики оближешь. Осталось всего несколько порций.

— Джейсон, что скажете?

Парень безучастно пожал плечами.

— Принесите по одной порции омара, — сказал я официанту.

— Отлично. Вам не придется долго ждать, — пообещал Ицхак и, забрав меню, ушел.

— Когда тебя сюда привезли, доктор Пэтти показывала ознакомительный фильм? — спросил я Джейсона. — (Он кивнул.) — Какие ощущения у тебя были после просмотра?

Джейсон задумался.

— Потянуло в сон.

— И еще стало на все наплевать?

— Вроде того.

— А сейчас?

Джейсон снова задумался.

— Сейчас ощущения другие. Особенно когда появились вы.

Я еще больше понизил голос:

— Огляди собравшихся еще раз, только исподволь. Какими тебе кажутся эти люди?

Джейсон сделал так, как я сказал.

— Они вполне счастливы.

— Джейсон, я почти двадцать лет занимался отправкой паромов и могу сказать по собственному опыту: большинство ретайров изрядно напуганы. Они стараются этого не показывать, но поведение выдает их. Думаешь, они сходят с парома, смотрят фильм и потом как по команде начинают беззаботно улыбаться? Очень сомневаюсь.

— А вот и… омары… пожаловали.

Ицхак вернулся слишком уж быстро и с театральной церемонностью поставил перед нами тарелки. Омара подавали в половинках раковины: кусочки белого мяса, политые густым белым соусом с добавлением расплавленного сыра и поджаренных хлебных крошек.

— Приятного аппетита, друзья, — сказал Ицхак и, сделав легкий кивок, удалился.

— Ого! — воскликнул Джейсон, голодными глазами пожирая содержимое своей тарелки. — Выглядит очень вкусно.

— Тем хуже для тебя, поскольку ты не будешь есть это.

— Не буду? — переспросил парень, недоуменно глядя на меня.

— Нет.

У него округлились глаза.

— Вы хотите сказать, что омар… отравлен?

— Нет. Очень в этом сомневаюсь.

— Тогда почему я не могу его съесть?

— А потому, что ты не любишь омаров и прочие морепродукты. На прошлой неделе ты мне так и сказал.

Джейсон положил вилку:

— Вы правы. Не люблю.

— И вдруг оказывается, что для тебя нет ничего вкуснее омаров. — Я наклонился к нему, поскольку понял еще кое-что. — Ты что-нибудь слышишь?

— Кроме разговоров за столиками?

— Да. Музыку, очень тихую.

Джейсон прислушался, прищурив глаза от усердия:

— Точно. Слышу.

— Я слышу ее с тех пор, как попал в здешние коридоры. Думаю, она воздействует на наши мозги.

Джейсон продолжал вслушиваться. Через несколько секунд он поднял голову и прошептал:

— Там не только музыка. Еще и голоса.

Парень был прав. Сладчайшие во всем мире голоса вещали на самом пределе слышимости.

Естественно, чуткие уши улавливали их, но главным объектом воздействия был мозг. Казалось, будто голоса ласкают его. Стоило мне прислушаться, как на меня накатила волна покоя и безмятежности. Дыхание стало глубже, сердце забилось медленнее.

«Думай о новой жизни, — убеждали голоса. — О новых воспоминаниях, которые у тебя появятся. Сосредоточься на этом».

— Ну и ну, — проронил Джейсон.

Я стряхнул с себя дурман и посмотрел на парня. Значит, Джейсон тоже почувствовал это.

— Получается, все… подстроено, — сказал он.

Наш разговор прервался из-за пронзительного женского крика:

— Нет!

Все повернули голову в ту сторону. Женщина вскочила из-за стола, опрокинув стул. Невысокая и щуплая, она не казалась хрупкой. Сидя в этой роскошной столовой, чем-то похожей на мавзолей, она ела омара (возможно, последнего в своей нынешней итерации). Но я легко мог представить, как эта женщина поднимается по горной тропе или азартно играет в гольф.

— Это ошибка, — заявила женщина. — Это какая-то бессмыслица.

Рядом с ней появился Ицхак:

— Сударыня, убедительно прошу вас успокоиться. Вы нервируете других гостей.

Женщина судорожно озиралась по сторонам, вертя головой, как пойманная птица.

— Кто эти люди? Что я здесь делаю?

Ицхак взял ее под локоть:

— Позвольте отвести вас в ваши апартаменты.

Женщина сбросила его руку и попятилась. Из дальнего конца столовой к ней уже направлялись Даниэлла и Бернардо.

— Не понимаю, чего вы все хотите! — крикнула женщина, повышая голос. — Ну почему вы сидите здесь и делаете вид, будто так и надо? Неужели вы не видите, что́ вас окружает?

Еще не обдумав все как следует, я уже пробирался между столиками, спеша к женщине. Мной двигало спонтанное желание втиснуться между ней и тремя «заботливыми благожелателями», которых я считал ее врагами.

Я был в нескольких шагах от нее, когда произошло нечто странное. Глаза женщины, блуждавшие по залу, наткнулись на меня, и все в ней изменилось: тело расслабилось, взгляд потеплел, от страха не осталось и следа. Казалось, внутри ее вспыхнул свет. Я видел это по лицу женщины.

— Директор Беннет? — удивленно сказала она. — Это действительно вы?

Поговорить нам не удалось. Бернардо подошел к ней со спины, схватил за талию и приподнял в воздух. Женщина кричала и лягалась, словно пойманный зверь. А передо мной вырос Ицхак и с деликатной назойливостью стал оттеснять меня от ужасной сцены:

— Мистер Беннет, вам не о чем тревожиться.

— Это неправильно! — кричала женщина, которую Бернардо тащил к выходу. — Вы меня слышите? Это совсем неправильно!

Закрывшаяся дверь заглушила ее последние крики. В зале установилась гнетущая тишина, но так продолжалось недолго. А дальше произошло еще одно странное событие, от которого мне стало жутковато. Присутствующие словно по команде продолжили есть. Воздух наполнился негромким стуком ножей и вилок, позвякиванием тарелок. Вскоре возобновились разговоры. Все вели себя так, будто и не было никакой женщины с ее пугающими вопросами.

— Сэр, почему бы вам не вернуться за ваш столик? — спросил Ицхак. — Вы же не хотите, чтобы омар остыл.

— Куда Бернардо потащил эту женщину?

— Госпожа перенервничала.

— Я понял. Как и все, наверное.

— Уверен, скоро ей станет легче. Вам не о чем беспокоиться.

— Мистер Беннет, чем я могу вам помочь? — спросил Бернардо, материализовавшись у меня за спиной.

«Надо же, какой прыткий», — подумал я. Откуда он появился?

— Лучшей помощью будет честный ответ.

— Госпожа просила передать вам наилучшие пожелания. Она высоко оценила вашу заботу и очень сожалеет о случившемся. Сейчас она вернулась в свои апартаменты и легла отдыхать.

Бернардо и Ицхак умолкли. В их молчании было что-то напряженное. При этом на их лицах были улыбки — но не те, заученные и подобострастные, что свойственны гостиничным служащим. Скорее, улыбка вышибалы из ночного клуба, делающего последнее предупреждение. «Лучше не зли нас».

— Сегодня у вас был очень нелегкий день, — сказал Бернардо. Его рука опустилась к талии, задев край куртки. Под курткой, на поясе, был электрошокер. — Наверное, вам лучше вернуться к себе и лечь.

— Вы правы. День действительно был нелегким. Я подустал.

— Вам надо беречь себя, мистер Беннет, — подхватил Ицхак. — Даже короткий отдых творит чудеса.

— Вы очень добры ко мне, — сказал я, поочередно взглянув на каждого. — У вас вообще очень заботливые люди.

— Мистер Беннет, вы так и не притронулись к обеду. Хотите, мы доставим его в ваши апартаменты?

— Конечно, — подыграл им я. — Будет здорово.

Одна рука Бернардо лежала на моем плече, другой он взял меня за локоть и повел к выходу. Мы прошли мимо столика, за которым сидела Даниэлла.

— Спокойной ночи, мистер Беннет, — сказала она. — Спите крепко.

У самой двери я остановился.

— Одну минуту, — обратился я к Бернардо. — (Он еще сильнее сжал мое плечо.) — Я забыл пожелать спокойной ночи молодому человеку, с которым познакомился за обедом. — Я вывернулся из его хватки. — Я быстро.

Но когда я повернулся к столику, оказалось, что за ним никто не сидит.

Ту женщину звали Орилия Восс.

Она прибыла с понедельничным паромом. Ее ретайрмент был запланирован давно. Я это знал, поскольку недели две или три назад просматривал ее личное дело. Сто тридцать один год, показатель жизненности — около двадцати процентов. Она проработала несколько десятков лет в городском симфоническом оркестре, будучи ведущим гобоистом. Ее четвертый муж, книгоиздатель, еще три года назад принял решение о добровольном ретайрменте и отправился на Питомник. Физическое состояние Орилии оставалось превосходным, а вот разум стал подводить. Появились рассеянность, забывчивость, признаки легкой депрессии. Она скучала по мужу. Это сказалось на исполнительском мастерстве; в какой-то момент она почувствовала, что больше не может играть на любимом инструменте. И тогда решила, что пришло время ретайрмента. Словом, образцовый ретайрмент — пусть и не на пике формы, но близко к тому. Обычно про таких говорили: «Везет же некоторым».

Меня удивляла одна особенность. Знакомясь с делом Орилии, я видел лишь ее фотографию. Мы с ней не встречались.

И тем не менее она обратилась ко мне по имени.

Вдруг мы все-таки виделись, а я напрочь забыл об этом? Возможно, но крайне маловероятно. Меня удивила интонация, с которой она произнесла: «Директор Беннет, это действительно вы?» Казалось бы, она увидела поверхностно знакомого ей человека, и все. Однако в ее словах ощущался более глубокий смысл. Орилия знала, кто я такой, но, кроме того, я кое-что значил для нее. Так встречают родственника или старого друга, которых не видели много лет.

Оставшись один, я проанализировал свое умственное состояние. К этому времени отупляющее воздействие фильма доктора Пэтти ослабло. Голоса по-прежнему звучали, однако мое настороженное внимание к ним лишало их убаюкивающей силы. Сколько я смог бы вот так продержаться? Заняться в апартаментах было нечем: ни книг, ни телевизора, ни прочих развлечений. Я понял, что видеоокна с меняющимися природными красотами были смонтированы все для того же — чтобы сделать меня податливым. «Посмотри на красивый закат. Посмотри, как ветер колышет головки ярко-красных маков. Взгляни на траву, покрытую утренней росой. Наслаждаясь этими видами, ты захочешь лечь и больше не вставать».

Ложиться я не собирался. Наоборот, ходил из гостиной в спальную зону и обратно. Несъеденный омар, принесенный Ицхаком, отправился в унитаз. Меня мучил голод; я почти ничего не ел целые сутки. Но даже эта уступка потребностям желудка воспринималась как поражение, как первый шаг на пути к психологической капитуляции.

Ради чего я боролся с собой? Странно, но я никогда не задумывался о том, что в действительности происходило с людьми на Питомнике. Ретайр прибывал туда в одном состоянии, а возвращался на Просперу в другом. Вот все, что я знал, не пытаясь копать глубже. Ретайры наверняка подвергались каким-то медицинским процедурам, однако, кроме доктора Пэтти, я не видел там врачей и медсестер. Не было никаких указаний на то, что Питомник — нечто большее, чем фешенебельный курорт, где люди наслаждаются гастрономическими изысками и отмокают в грязевых ваннах.

Я продолжал безостановочно ходить, стараясь напряженно думать. Это помогало заглушать голоса. Смогу ли я продержаться вот так всю ночь? Чтобы поддерживать ум в возбужденном состоянии, я стал вспоминать прошлое, выужи-

вая из памяти не счастливые минуты, а самые досадные, постыдные и даже шокирующие случаи — то, что порой будит человека среди ночи и вызывает у него не самые приятные чувства вроде жгучего раскаяния. Преподавательница из Академии раннего обучения, унизившая меня перед всем классом. Мой первый сексуальный опыт — я опозорился по полной. Имя университетского друга, с которым я расстался навсегда из-за мелочного соперничества. Естественно, я вспомнил о самоубийстве матери и отстраненности отца в последующие дни. Затем о его проводах на причале.

Причал.

Дория и ее сын Джордж едва успели прибыть туда, чтобы проститься со мной. Мальчишка вдруг захотел меня обнять, хотя мы виделись всего один раз и были чужими друг другу. Я снова задал себе вопрос: «Зачем понадобилось это объятие?» Никаких разумных объяснений не имелось. Более того, было видно, что ему не по себе. Значит… значит, он выполнял распоряжение матери. Но зачем Дория велела сыну обнять мужчину, которого он почти не знал?

А может, объятие — это так, для виду? Может, Джордж исполнял какое-то поручение?

Мой больничный халат по-прежнему валялся на полу ванной. Память не подвела меня: там действительно был карман. Я сунул руку и обнаружил сложенный листок бумаги, который Джордж передал мне.

Я развернул листок, оказавшийся уменьшенной копией чертежа. Некоторые линии были снабжены мелкими пояснительными надписями.

«Столовая»… «Бассейн»… «Апартаменты»… «Спа».

Джордж вручил мне план большой клетки, в которой я оказался.

24

Так прошла первая ночь.

Я почти не смыкал глаз, сопротивляясь дреме. Едва она подступала, как я волевым усилием просыпался и, чтобы прочистить голову, начинал отжиматься от пола, сопровождая это занятие самыми жуткими мыслями, какие только приходили на ум. (Удивительно, сколько их появлялось!) Часов в апартаментах не было, и поэтому я не знал, когда именно ко мне пожаловал Бернардо, свежий, как утренняя роса. В руках он держал поднос, накрытый блестящей металлической крышкой.

— Доброе утро, мистер Беннет, — весело произнес он. — Уверен, вы прекрасно выспались.

Естественно, нет. Думаю, мое паршивое самочувствие отражалось на физиономии. Бернардо поставил поднос на кофейный столик и поднял крышку. Под ней оказались блины, политые расплавленным маслом и сиропом, и два толстых ломтя бекона, положенные крест-накрест.

— Доктор Пэтти посчитала, что вам будет приятнее принимать пищу в апартаментах.

Его слова не обрадовали меня. Я собирался

осмотреть этот рай для ретайров.

— Благодарю, — ответил я. — Охотно позавтракаю здесь.

Бернардо продолжал стоять, глядя на меня. На его губах застыла пустая улыбка. Он недвусмысленно давал понять, что мне придется завтракать в его присутствии. Я с тяжелым сердцем взял вилку и нож, отрезал кусочек бекона и положил в рот. Стоило нежнейшему бекону оказаться во рту, как в мозгу включились датчики удовольствия, вызвав состояние гастрономического экстаза. Боже мой, до чего это было вкусно! Известно ли людям, каким потрясающим вкусом обладают блины? А бекон? Его корочка похрустывала на зубах, приглашая язык порадоваться пиршеству. Просто чудо!

— Приятно видеть, как вы наслаждаетесь завтраком, мистер Беннет.

Голос Бернардо что-то пробудил во мне. Вспыхнула искорка сопротивления. Что за непотребство я себе позволил? Набросился на блины — еду для детей. И тем не менее тарелка опустела, если не считать последнего блина, разрезанного пополам. Остальное тяжелым грузом лежало в желудке. Но мне отчаянно хотелось доесть и этот блин; я был готов по-собачьи вылизать тарелку.

Сделав над собой усилие, я положил вилку и посмотрел на Бернардо.

— М-да… — пробормотал я, вытирая салфеткой рот. — Я не привык плотно завтракать, но на новом месте…

Пусть думает что хочет.

— В таком случае, мистер Беннет, вам осталось доесть последний блин.

— При всем желании не могу. Честное слово, Бернардо. Больше в меня не вмещается. Благодарю за прекрасный завтрак. И передайте мою благодарность повару.

— Отлично, — подытожил Бернардо.

Он взял поднос, накрыл его крышкой и понес к двери.

— Бернардо, постойте. — (Он остановился.) — Я подумал, что неплохо бы было поплавать. Помню, как вы вчера нахваливали бассейн. Будет легче переварить блины.

Бернардо задумался.

— Конечно, сэр. Я спрошу у доктора Пэтти.

— Да. И вот еще что. Меня одолевает какое-то беспокойство. Мысли о предстоящей реитерации и все такое. Словом, нервозное состояние.

— Понимаю, сэр. Я сообщу ей об этом.

— Хотелось бы прямо сейчас отправиться в

бассейн. Конечно, если это возможно.

Вопрос повис в воздухе.

— Я спрошу, сэр, — пообещал он и вышел в коридор.

Потянулись минуты. Я уже хотел отказаться от этой затеи, когда дверь открылась снова. Бернардо принес мне плавки, завернутые в полотенце.

— Сэр, я подожду, пока вы переодеваетесь.

В так называемой спальне я надел плавки, затем халат. Мы вышли в коридор.

— Спасибо за помощь, — сказал я Бернардо. — Уверен, плавание повысит мое настроение.

— Помогать вам, мистер Беннет, — моя обязанность.

Как явствовало из схемы, переданной мне Джорджем, мы находились на восточной стороне комплекса, имевшего два этажа. Их соединяли лестницы, расположенные по краям. Второй этаж занимали апартаменты ретайров и столовая, а на первом разместились бассейн и спа. Помимо этого, на схеме была обозначена центральная шахта, что вела на поверхность.

— Знаете, Бернардо, я постоянно думаю о том, как будет проходить моя реитерация.

— Мистер Беннет, вам совершенно не о чем тревожиться. — (Мы неспешно брели к восточной

лестнице.) — На вашем месте я бы не стал забивать себе голову подобными мыслями. Просто отдыхал бы и наслаждался комфортом. Советую делать именно так.

Казалось, я слушаю самого себя; всей этой банальщиной я почти двадцать лет потчевал ретайров. Мысль, отнюдь не добавлявшая спокойствия.

— Говорят, это чем-то похоже на засыпание.

— Да, мистер Беннет, я тоже слышал это. Весьма распространенное сравнение.

— Я надеялся, что вы расскажете мне подробнее.

— И рад бы, но не могу. Это не моя сфера компетенции.

— Что же входит в вашу сферу компетенции?

Он криво улыбнулся:

— Следить за тем, чтобы вам было комфортно! Чтобы вы были довольны. Это моя главная забота, мистер Беннет.

Мы спустились по лестнице на первый этаж. Здесь было прохладнее. Во влажном воздухе стоял запах хлора. Ноги ощущали пульсации, исходившие от пола. Скорее всего, насос или вентиляционная установка.

— Вот мы и пришли.

Справа от себя я увидел внушительный по размерам бассейн, где вполне можно было проводить соревнования по плаванию. Бордюр вокруг него сверкал кафелем, а синее дно делало воду похожей на чернила. Я насчитал восемь человек — мужчин и женщин. Назвать пловцами я их не мог: они не столько плавали, сколько плескались в воде, чем-то напоминая надувные игрушки, с которыми любят купаться дети. В дальнем конце находилась спа-установка, где две женщины в купальных шапочках утопали в облаках пара.

— Спасибо, Бернардо. Дальше я сам.

— Мистер Беннет, я был бы рад понаблюдать за вами.

— Ценю вашу заботу, но в свое время я поставил четыре рекорда по плаванию. Неужели вы думаете, что я разучился плавать? Со мной все будет в порядке. — (Он молча смотрел на меня. Его лицо ничего не выражало.) — Хорошо, открою вам маленькую тайну. Неловко признаваться, но для меня очень важно напоследок оживить в памяти те дни. Одному, ведь это только мои воспоминания. Конечно, если это не противоречит вашим правилам.

Лицо Бернардо просияло.

— Я вас отлично понимаю, мистер Беннет. — Он

наклонился ко мне. — Я тоже ценю вашу откровенность в этих очень личных делах. Вы можете говорить со мной о чем угодно. Без ограничений. Я постараюсь вас понять и помочь вам.

— Конечно. Я так и сделаю.

Он сделал легкий официантский поклон:

— Желаю приятного плавания. Я буду ждать вас в коридоре.

Бернардо удалился. Я прошел в дальний конец бассейна. Там была скамейка, на которую я бросил снятый халат. Купающиеся не обратили на меня ни малейшего внимания. Похоже, каждый был поглощен собой. Разговоров я не слышал. Я присмотрелся к присутствующим. Кажется, одного или двоих я видел за день до того в столовой, но полной уверенности не было. Орилии среди них не оказалось.

Согласно схеме Джорджа, центральная шахта комплекса располагалась за дальней стеной. Стена выглядела цельной, что меня разочаровало. Но, подойдя ближе, я заметил панель, находившуюся на высоте четырех футов от пола. В ее углах были винты. Делая вид, будто разогреваю ноги, я дотронулся до стенки. Она пульсировала, словно большая кровеносная жила.

— Помогите!

Я быстро повернулся и увидел над поверхностью воды чью-то голову и руку. Голова тут же погрузилась вниз по самую макушку. Рука молотила воздух. Вода вокруг человека бурлила от лихорадочных движений. Сомнений не оставалось: несчастный тонул. На мгновение ему удалось снова высунуть лицо из воды и крикнуть:

— Помогите мне!

Спасать тонущих — рискованное занятие. Охваченные паникой, они способны намертво вцепиться в потенциального спасителя и утащить его на глубину. Говорю так не потому, что в тот момент я осторожничал, оценивая свои шансы. Именно так все и случилось. Я нырнул в бассейн. К тому моменту человек окончательно ушел под воду и быстро погружался на дно. Я опустился глубже. Вода давила на уши. Оказалось, что это женщина, невысокая и худенькая. На ней был такой же голубой костюм, как на остальных. Я потянулся, чтобы поймать ее за руку, как вдруг она обхватила меня сзади и повисла на моей шее. Такого поворота я не ожидал. Ее локоть ударил мне в глаз, затем последовал удар ногой в бок. Я попытался высвободиться, но безуспешно. Меня охватила паника. Легкие требовали воздуха. Я

извивался всем телом, но женщина еще крепче вцепилась в меня. «Неужели ты не понимаешь, что я пытаюсь тебя спасти? — думал я. — Да отпусти же мою шею, черт тебя побери!»

Я не заметил, когда она разжала руки.

Потребность дышать затмевала все ощущения. Я оттолкнулся от дна, всплыл на поверхность и вдохнул так шумно, что звук, наверное, был слышен во всем комплексе. Я ожидал увидеть толпу зрителей, возможно даже протянутые руки. Ничего подобного. С таким же успехом я мог находиться в бассейне вдвоем с несчастной. Люди плескались все так же беззаботно. Набрав в грудь побольше воздуха, я снова нырнул. Теперь женщина ничком лежала на дне, больше не сопротивляясь. Я очень надеялся, что смогу как можно скорее вытащить ее на поверхность и выдавить воду из легких женщины. Обхватив ее за талию, я поплыл к тому краю бассейна, где было мелко.

Я вытащил женщину из воды и, поднявшись с ней по ступенькам, уложил рядом с кромкой бассейна. Никто не предложил мне помощь; никто даже не взглянул в мою сторону. Я повернул женщину на бок и постучал ей между лопаток. Она не шевелилась. Тогда я положил ее на спину

и откинул волосы с лица.

Это была Кэли.

Я не замечал ничего вокруг. Единственной моей заботой было вернуть Кэли способность дышать, словно от этого зависела не только ее жизнь, но и моя. Придерживая затылок девушки, я зажал ей нос другой рукой и дунул в рот, потом еще и еще раз. Затем, усевшись на нее, стал давить ей на грудь. Тридцать надавливаний с секундным интервалом. К этому времени кое-кто из купающихся обратил внимание на то, что я делал, однако ни один не предложил помочь. Их присутствие я ощущал лишь косвенно: так актер на сцене, залитой светом прожекторов, сознает, что поблизости находятся зрители. Я громко выкрикивал ее имя. Я требовал от нее открыть легкие и дышать. Я снова и снова давил ей на грудь, пока не случилось чудо. Тело Кэли сжалось от сильной судороги, сменившейся рвотным кашлем. Я торопливо повернул ее на бок, и изо рта хлынул мутный поток воды, заливая блестящие плитки пола.

Я присел на корточки. В висках стучало. Казалось, мое сердце стало воздушным шаром, надутым так сильно, что он грозит лопнуть. Кэли продолжала кашлять и исторгать воду. Наконец

спазмы прекратились. Я склонился над нею:

— Кэли, ты меня слышишь? — (Ее взгляд рассеянно блуждал в пространстве.) — Ты знаешь, где ты сейчас?

Она заморгала, затем тихо сказала:

— Вроде как в бассейне.

— Правильно. Ты стала тонуть, и я тебя вытащил.

Она задумалась.

— Теперь ты в безопасности, — добавил я.

— В безопасности, — сонным голосом повторила она. — Вы меня спасли.

— Так и есть.

— Извините.

— Кэли, тебе незачем извиняться. Это был несчастный случай, только и всего.

Я подсунул руку ей под шею и помог сесть. Затем сообразил — после перерыва на спасение Кэли, — что рядом есть и другие люди. Теперь они стояли вокруг нас. Глядя на них, я почувствовал, что закипаю.

— Что же с вами делается? — резко спросил я; они молча переглядывались. — Почему никто из вас не помог нам? Вы же все видели! И при этом тупо стояли и смотрели!

— Мистер Беннет, а вот и я, — послышался за

моей спиной голос Бернардо, который шел к нам с моим халатом в руках. — Прошу извинить меня за вторжение, но я уже стал волноваться. — Бернардо остановился передо мной и раскрыл халат, держа его так, как слуга держит одежду своего господина. — Как поплавали, сэр? Надеюсь, это взбодрило вас.

Я вскочил на ноги.

— Что за чертовщина тут творится? — сердито спросил я, глядя ему в глаза.

Бернардо нахмурился и опустил халат.

— Мистер Беннет, у вас что-то не так?

— Эта девушка могла утонуть. Ей повезло, что я оказался рядом.

Поджав губы, Бернардо взглянул на Кэли, затем снова повернулся ко мне.

— Понятно, — сказал он. — Вы нашли подругу.

— Что она здесь делает?

— Точного ответа, мистер Беннет, я дать не могу. Но полагаю, она здесь, поскольку вы тоже здесь. Обычно это так и происходит.

Я почувствовал, что сыт по горло туманными ответами этого человека.

— Бернардо, хватит нести всякую чушь вместо ответов по существу.

— Скажите, сэр, чем я могу вам помочь?

— Мне нужно видеть доктора Пэтти. Причем немедленно.

— Конечно, мистер Беннет! Достаточно одного вашего слова.

Его внезапная сговорчивость застала меня врасплох.

— Вы проводите меня к ней?

— Увы, нет, — пошел на попятную Бернардо. — Доктор Пэтти — очень занятая женщина. Но я с радостью сделаю необходимые приготовления. Почему бы вам не подождать у себя в комнатах?

— Девушку я возьму с собой.

— Конечно! Вашей подруге будет приятнее ждать вместе с вами.

Покладистость Бернардо показалась мне подозрительной, но не устраивать же допрос, да еще при Кэли. Я надел халат и помог ей встать. В своей мокрой одежонке она была похожа на маленького беззащитного птенца.

— У вас найдется еще один халат? — спросил я Бернардо.

Его лицо приняло сокрушенное выражение.

— Боюсь, что нет.

Я снял халат и протянул Кэли, но упрямая девчонка замотала головой:

— Не надо.

— Возьми, иначе озябнешь.

— Я же сказала, не надо!

Ну что она так взвилась? Я же только предложил.

— Хорошо, хорошо. Иди так.

— Значит, вопрос решен? — радостно спросил Бернардо. — Вот и прекрасно. — Он махнул в сторону выхода. — Как всегда, только после вас, мистер Беннет.

Пока шли, Кэли жалась ко мне и молчала.

— Нужно раздобыть для нее сухую одежду, — сказал я у двери своих апартаментов, обращаясь к Бернардо.

— Вы совершенно правы, мистер Беннет. А пока вам и вашей подруге не помешает отдохнуть.

— У нее есть имя. Ее зовут Кэли.

— Да, конечно. Прекрасное имя. А позвольте узнать, какой размер одежды у Кэли?

Ну почему этому человеку так нравилось прикидываться тупым?

— Взгляните на ту одежду, что на ней, и определите размер.

Бернардо энергично кивнул:

— С вашего позволения, я ненадолго оставлю вас.

Пока мы ждали, я наполнил ванну, чтобы Кэли

согрелась. Бернардо принес голубую курточку и штаны с завязками. Он снова пообещал поговорить с доктором Пэтти, сказав, что та пока еще занята, но скоро освободится. Одежду я сложил на туалетном столике, рядом со стопкой полотенец и флакончиками с жидким мылом и шампунями.

— Грейся сколько захочешь, — сказал я Кэли. — Я подожду тебя в гостиной.

Она молча кивнула. Даже оказавшись наедине со мной, она не хотела ничего говорить. Я не сомневался, что она оказалась в этом месте по воле приемных родителей. Я мог ошибаться в чем угодно, но только не в этом. Отправка на Питомник нанесла ей сильную психологическую травму. Быть может, позже, успокоившись и собравшись с мыслями, она расскажет о случившемся с ней. Мне не хотелось на нее давить. В эти часы ей прежде всего требовался друг.

Я переоделся, но не пошел в гостиную — уселся на кровати и стал ждать. Кэли несколько раз крутила кран, делая воду погорячее. Других звуков из ванной не доносилось. Не имея часов, я не знал, как долго Кэли лежит там. Отсутствие окон и вовсе превращало время в абстракцию.

Сколько же я здесь пробыл? Доктор Пэтти в фильме говорила о «нескольких» днях, предше-

ствующих итерации — в данном случае моей. Я успел убедиться в том, что переданная Джорджем схема точна. Но зачем мальчишка сунул мне в карман халата этот клочок бумаги? Чтобы я бежал с Питомника? Допустим. А как быть с Кэли? Ее появление усложняло задачу. Я бы и один не добрался до Просперы вплавь. Тащить на себе девчонку было вообще немыслимо. И даже если бы Кэли не появилась, а я доплыл бы до Просперы, что дальше? Искать друзей Тии на Аннексе? Требовать объяснений от Уоррена и Элизы? Наверное, стоило бы отправиться прямиком в кабинет Каллисты. Интересная была бы сцена.

Кэли явно засиделась в ванне. Я встал и постучал в дверь ванной.

— Кэли? Ты как?

Дверь распахнулась. Кэли стояла, облаченная в новый костюм, с полотенцем, намотанным на голову. Казалось, она уже давно вылезла из ванны и ждала за дверью.

— Я уже начал волноваться.

— Я принимала ванну, — сказала она, пристально посмотрев на меня.

— Конечно. Я сам ее наполнял. Это ты помнишь?

В двери повернулся ключ.

— Это снова я, — объявил Бернардо. — Я принес хорошую новость! Доктор Пэтти очень хочет побеседовать с вами. Она попросила меня проводить вас в ее кабинет.

Я вовсе не горел желанием немедленно отправиться к доктору Пэтти. Вряд ли, подумал я, Бернардо оставит меня в покое. Значит, разговор с Кэли придется отложить.

— Я скоро вернусь, — пообещал я девчонке. — Поскучаешь тут без меня? — (Она едва заметно кивнула.) — Я вытащу тебя отсюда. Обещаю.

Бернардо повел меня по знакомому коридору с пронумерованными дверями. И вновь я удивился отсутствию людей. Складывалось ощущение, что все эти апартаменты пустуют.

— Знаете, я хотел бы заглянуть к своему другу, — сказал я.

— У вас, сэр, есть еще друзья?

— Вы должны его помнить. Вчера я обедал с ним.

— А-а, так вы о мистере Киме. Полагаю, у него сейчас спа-процедуры.

Джейсон в грязевой ванне? Что-то не верилось.

— Вы сказали «полагаю». Разве вы не знаете наверняка? Ведь вы — его сопровождающий?

— Мистер Беннет, я понимаю ваше недоумение

и спешу его развеять. Я помогал мистеру Киму, когда он только что прибыл, но сейчас его сопровождающей является Даниэлла.

Интересно, какая из двух Даниэлл опекала парня: затрапезного вида медсестра из фильма или обольстительница из столовой?

— А здесь есть другие сопровождающие или только вы двое? — спросил я.

— Конечно. Ицхак, которого вы видели вчера.

— Я думал, что он — официант.

— Совершенно верно. Каждый из нас выступает в нескольких амплуа. Это помогает нам ближе познакомиться с гостями.

— И сколько у вас гостей?

Он пожал плечами, искренне удивляясь моему вопросу:

— Их число постоянно меняется.

— Вчера в столовой я насчитал тридцать семь человек.

— Наверное, сейчас столько и есть.

Говорить с Бернардо было все равно что пытаться поймать муху, снующую перед носом.

— Полагаю, этот вопрос лучше задать доктору Пэтти.

— А в фильме говорилось, что к сопровождающему можно обращаться с любыми вопросами.

Вот я и спрашиваю вас.

— Жаль, что не могу быть вам полезен. Если хотите, я наведу справки.

— Когда?

— Что «когда», мистер Беннет?

— Когда вы наведете справки?

— Как только представится возможность.

Я понял, что Бернардо не юлил. Он просто ничего не знал. Мы прошли через темную и пустую столовую, миновали еще один коридор и остановились у двери с табличкой «КЛИНИКА».

— Сэр, я подожду в коридоре, — сказал Бернардо.

Едва переступив порог, я испытал дежавю. Смотровой стол, накрытый измятой бумажной простыней, стеклянный шкаф, полный поблескивающих медицинских инструментов, единственный стул в углу, бледный люминесцентный свет, льющийся с потолка. Точная копия того кабинета, где я впервые увидел доктора Пэтти, приехав с матерью, и где не так давно Уоррен, с позволения сказать, осматривал меня.

— Мистер Беннет, не стойте на пороге, входите, — сказала доктор Пэтти, закрывавшая дверцу стеклянного шкафа. Закончив с этим, она повернулась ко мне и улыбнулась во весь

рот. — Надеюсь, вам нравится у нас.

В женщине что-то изменилось. Ее облик стал иным, каким-то… вызывающим. Я сразу обратил внимание на румяные щеки. Доктор Пэтти подкрасила губы, отчего те казались немного припухшими. Волосы она убрала в элегантный шиньон. Верхняя пуговица медицинского халата была расстегнута, и оттуда проглядывали черные кружева.

— Насколько я понимаю, у вас появилась подруга. Кэли, если не ошибаюсь?

— Да. Поэтому я попросил о безотлагательной встрече с вами. Она еще подросток. Ей нечего делать здесь. Нельзя было доставлять ее сюда.

— Вы так думаете?

— Да, я так думаю. Эту ошибку надо как можно быстрее исправить.

— Мистер Беннет, я вижу, что вы напряжены.

— А как оставаться спокойным?! Нас обоих упекли сюда без всяких оснований.

Доктор Пэтти вытащила заколку из шиньона и кокетливо качнула головой. Потом шагнула ко мне.

— Доктор Пэтти, что вы делаете?

Она закусила нижнюю губу и приблизилась еще на шаг.

— Чем я могу вас успокоить? — (Боже милостивый! Это напоминало сцену из плохого порнофильма.) — Так скажите — чем? Я готова сделать для вас что угодно.

Не стану отрицать: когда ее руки заскользили по моей груди, а бедра прижались к моим, мое тело ответило. И не только тело. Голова наполнилась, причем в буквальном смысле, плотским туманом, изгнавшим все мысли. Дыхание доктора Пэтти проникло мне в рот, следом туда же проник ее язык, нежно ищущий ответа, божественно мягкий. Казалось, вся эротическая история моей жизни, весь опыт — реальный и воображаемый — ворвались в мозг, став неукротимым потоком сексуального желания.

— Вам нравится? — томным шепотом спросила доктор Пэтти. — Согласитесь, это самое приятное в мире чувство.

У меня пропала сила воли. Глаза закрылись сами собой. Со мной происходило что-то удивительное и чудесное, но как — я совершенно не понимал. Я вдруг очутился на смотровом столе, доктор Пэтти пристроилась сверху. Движения женщины были волнообразными и плавными, однако ее роль во всем этом была какой-то абстрактной, более того, почти незаметной. На ее

месте могла оказаться любая другая женщина, могло не оказаться никого.

А дальше случилось то, что я едва ли сумею как следует выразить словами. Попытаюсь подобрать наиболее близкую аналогию. Я чувствовал, будто меня разбирают на части, будто моя индивидуальность — то есть мое субъективное ощущение реальности — растворяется в великой всеобщности небытия. Я не лежал на смотровом столе; врач из времен моей юности не трахала меня методично и самозабвенно. Я не испытывал ни наслаждения, ни боли. Ушли все привычные ощущения, а то немногое, что осталось от существа по имени Проктор Беннет, понимало: это и есть умирание.

Однако я не умер. Произошло нечто забавное. Я обнаружил, что стою в какой-то комнате. Впрочем, слово «комната» не годится, поскольку искажает смысл. Я находился в ограниченном пространстве, хотя его границы оставались неизвестными. Ладно, пусть будет комната без стен. Свет исходил не из какого-то одного источника, а из скопления крошечных, постоянно разделяющихся точек.

Комната, окруженная звездами.

Я был не один. Рядом стояла женщина. Обна-

женная, как и я.

— Директор Беннет, это вы? — спросила она.

Похоже, да.

— А я… наверное, Орилия?

Я в этом не сомневался.

— Мы скоро прибудем?

— Прибудем, — повторил я. Было так странно произносить это слово. Но почему? — Прибудем… куда?

Она печально вздохнула. Впрочем, ее вздох можно было принять и за зевок.

— Это длится так долго, — сказала она.

Справа появился мужчина, тоже обнаженный.

— Привет, — поздоровался я искренним тоном и добавил: — Очень рад вас видеть.

Я действительно был рад их видеть.

Мужчина с нарочитой медлительностью повернул голову ко мне. Каким добрым и открытым было его лицо! Мне встречались такие люди. К ним невольно тянет. Им доверяешь с первой минуты.

— Директор Беннет, мы здесь? — спросил мужчина.

Окружающее пространство менялось. Бесформенность переходила в формы. Появились новые ощущения. Шелест ветра в волосах. Соленый

запах моря. Низкий, ритмичный гул двигателей парома и твердая стальная поверхность под ногами. Меня захлестнул поток юношеской жизненной силы.

— Уже происходит, — заявил мужчина.

— Думаю, да, — согласилась женщина.

Но что-то было не так. Как бы ни манили меня новые условия, как бы ни побуждали согласиться с ними, в глубине души я противился этому, помня о незавершенном деле, от которого, возможно, зависела моя жизнь. А в этом месте я не мог завершить его.

— Мне нужно идти, — сказал я своим спутникам. — Извините, но я должен вернуться.

Похоже, оба меня вообще не слышали. На их лицах ничего не отразилось. Глаза смотрели в пространство.

— Привет, — произнес мужчина, ни к кому не обращаясь. — Я — Джейсон, ваш приемный сын.

— Привет, — подхватила женщина. — Меня зовут Орилия. Очень рада познакомиться с вами.

Мне становилось все тревожнее. Вокруг появлялись новые детали. Так бывает, когда вода замерзает и превращается в лед. Океан с белыми барашками волн. Сверкающее солнце в безоблачном синем небе. Завихрения на воде от винтов

парома. Я понимал: стоит поддаться этой заново созданной реальности — и я уже не выберусь, пропаду навсегда.

— Вы меня слышите? Нам нельзя здесь оставаться.

— Меня зовут Орилия, — монотонно говорила женщина. — Как здорово наконец-то встретить вас.

— А я — Джейсон, — твердил мужчина. — Как поживаете?

— Неужели вы не видите, что делается вокруг? — спросил я, хватая его за плечи.

— Приятно с вами познакомиться.

— Нужно убираться отсюда!

— Должно быть, вы — мой отец.

Я влепил ему пощечину. Он ударился спиной о перила палубы, но устоял на ногах.

— Благодарю за теплый прием.

— Черт побери, у нас не остается времени! Нужно прыгать! Если мы останемся здесь, то погибнем!

— Предвкушаю, как мы будем проводить время все вместе.

Я бросился к нему, но опоздал. Я понял это, когда наши тела столкнулись. Точнее, не столкнулись. Джейсон исчез; мои руки хватались за воздух.

А потом я начал падать.
Я падал, падал, падал.
Ниже, ниже и ниже.

25

Доктор Пэтти нависла надо мной. Ее кожа блестела от пота, волосы раскачивались в такт ее движениям и учащенному дыханию.

— Прекратите! — (Она по-кошачьи выгнула шею и стала двигаться еще быстрее. Возникло ощущение чего-то тошнотворного и механического.) — Я сказал, прекратите!

Я столкнул ее с себя. Наше отделение друг от друга было похоже на разрыв электрической цепи. Я тут же вспомнил, что происходит, и содрогнулся от ужаса. Боже милосердный, чем же я занимался?

— Мистер Беннет! — завопила доктор Пэтти. — В чем дело?

Женщина стояла передо мной, растрепанная и разболтанная после бурного соития. Я схватил свои штаны с завязками и слез со стола.

Дверь открылась. Бернардо. Он запрокинул голову и неодобрительно посмотрел на меня.

— Прошу извинить за вторжение, — сказал он, поворачиваясь к доктору Пэтти. — Мне показалось, что я услышал шум.

Довольно с меня его фокусов. Я заломил Бернар-

до руку за спину, сорвал у него с пояса электрошокер и въехал услужливому сопровождающему под челюсть.

— А теперь, Бернардо, вы медленно наклонитесь и достанете из кармана связку ключей.

— В этом нет необходимости. Вам не следует слишком сильно волноваться.

Я вдавил электрошокер в его горло.

— Извольте, — вздохнул он и подал мне ключи.

— Где сейчас Джейсон Ким?

— Полагаю, Даниэлла проводила мистера Кима в его апартаменты.

— Номер?

— Двадцать шестой.

Надо же, парень был в нескольких шагах от меня. Я снял электрошокер с предохранителя.

— Мистер Беннет, послушайте меня. Вам не стоит пользоваться электрошокером.

— У меня другое мнение.

— Я всего лишь забочусь о вашей безопасности. Удар сильного электрического тока очень пагубно скажется на моем организме. Очень пагубно. Я не отвечаю за последствия.

Это остановило меня, но только на секунду.

Я нажал кнопку.

Я обнаружил, что сижу на полу, прислонившись спиной к двери. В ушах звенело. Все тело покалывало, словно и меня ударило током.

Бернардо и доктор Пэтти исчезли.

Связка ключей оставалась там, куда ее бросил Бернардо, но электрошокер тоже исчез. Я осмотрел помещение, подыскивая то, что могло стать оружием. На полу валялись медицинские инструменты. Я выбрал скальпель и с его помощью открыл дверь.

Коридор был пуст. Ключи на связке имели номера, что облегчало задачу. Сначала заберу Кэли, потом Джейсона. А дальше… что делать дальше, я не знал.

Кэли сидела там же, где я ее оставил, — на диване.

— Дорогая, нам нужно уходить отсюда.

Она подняла голову. Девчонка плакала. По ее щекам катились крупные слезы.

— Простите меня за бассейн, — сказала она.

Я присел на корточки, взял ее за руку.

— Я же знаю, дурашка. Это был всего-навсего несчастный случай. Но нам нужно убираться отсюда.

Кэли судорожно всхлипнула, подалась вперед и с каким-то неистовством меня обняла.

— Я не хотела этого делать! — крикнула она. — Беру свои слова назад! Дайте мне взять их назад!

— Вот вы где, мистер Беннет.

У меня за спиной появился Бернардо. Он снова выглядел как огурчик.

— Рад, что нашел вас. Доктор Пэтти извиняется за… недоразумение и очень хотела бы продолжить ваш осмотр.

Признаюсь: как ни смешно, я начал восхищаться им. Да, Бернардо по-прежнему бесил меня, однако его дружелюбие заглушало неприязнь к нему. Такие сердечные люди встречаются редко. Я не хотел и дальше осложнять ему жизнь.

И тем не менее я ударил его скальпелем.

Бернардо зашатался и попятился назад. Я схватил Кэли за руку и вытащил в коридор. Оказавшись возле двери Джейсона, я постучал в нее. Дверь тут же распахнулась. На пороге стояла Даниэлла — обольстительница из столовой.

— Мистер Беннет, боюсь, вы разминулись с ним. — Она кокетливо потрогала свои волосы и улыбнулась. — Но я рада вашему появлению.

— Мистер Беннет! Мистер Беннет!

Ко мне бежал Бернардо. Настораживало только одно: он не вышел из моих апартаментов, а появился в другом конце коридора.

Я резко обернулся. Из моей двери вышел первый Бернардо, у которого между ребер по-прежнему торчал скальпель. Со стороны столовой ко мне спешили еще один Бернардо, две Даниэллы, парочка Ицхаков и несколько докторов Пэтти.

Сумасшедший дом — вот куда попали мы с Кэли. Взбунтуйся против их правил, и тебе гарантировано безумие. Я потащил девчонку к лестнице. Над головой послышались гулкие шаги. Я вскинул голову.

По ступеням сбегала целая толпа Бернардо.

Мы спустились на первый этаж и помчались по коридору. Запах хлорки подсказывал, что до бассейна совсем недалеко. Бассейн был пуст. Это меня не удивило. Мы устремились к дальней стене. Я не представлял, как без инструментов, голыми руками, сумею отодрать панель, но это было единственной надеждой на спасение. Я ощупал края панели, пытаясь отыскать зазор, и нашел его, правда совсем узкий. Просунув в него ногти, я надавил на панель. Зазор расширился. Теперь туда проходили пальцы. Заведя их внутрь, я потянул панель на себя.

Шурупы поддались, и вскоре панель полетела на пол. Открылась темная дыра. Я помог забраться Кэли, затем подтянулся и влез сам. Круглая

(примерно двадцати футов в диаметре) шахта была плотно нашпигована работающими установками, от которых исходило ровное гудение. К стене крепилась металлическая лестница, уходившая во мрак.

— Лезь первой, — сказал я Кэли. — Вниз не смотри. Я полезу за тобой.

Мы стали подниматься. Снизу донесся лязг ступеней. Первый из оравы Бернардо полез за нами.

— Кэли, быстрее!

Мы оказались в полной темноте и не видели ни верха, ни низа шахты. Сколько еще лезть? Неужели шахта выведет нас на самую вершину острова? И что это нам даст? Мы окажемся в ловушке.

Вверху появились очертания мостика, который вел к двери в стене.

— Туда! — крикнул я Кэли, указывая на мостик. — Торопись!

Она выбралась на мостик. Я собрался последовать за ней, но меня схватили за лодыжку. Первый Бернардо нагнал нас. Я попытался стряхнуть его руку, но пальцы услужливого болвана цепко держали меня.

— Да отпусти же, черт тебя подери!

Я прижал плененную ногу к боку лестницы, а другой замахнулся, метя ему в голову. Бернардо

дважды уворачивался, но третий удар принес желаемый результат, и он рухнул в темноту.

Я выбрался на мостик. Где же Кэли? Дверь была распахнута. Значит, выбралась наружу. Я бросился к двери и оказался в помещении с низким потолком, к которому крепились очень тусклые лампочки в проволочных сетках. Со всех сторон гудели и пощелкивали какие-то механизмы.

— Кэли, где ты? — крикнул я.

— Мистер Беннет! Мистер Беннет!

Меня гнусаво окликала целая шайка Бернардо, пропихивавшихся сквозь дверь.

— Мистер Беннет, позвольте вам помочь!

— Мистер Беннет, соблаговолите пойти со мной!

Я побежал в полумраке, продолжая звать Кэли. Зал заканчивался другой дверью: внушительной, стальной, с колесом в центре, как у тех, что ставят на сейфы. К счастью, и она была открыта. Куда она ведет? Меж тем Бернардо приближались.

Я выбежал. Над головой мерцали звезды. Внизу волны шумно бились о скалы. Я достиг вершины острова.

— Кэли! — Мой голос унесся в темноту. Почему сейчас ночь? И какая: первая или вторая? Я тяжело дышал, глотая воздух ртом. Лицо взмокло

от пота. В нескольких шагах от меня начинался обрыв. — Кэли! Ответь мне!

Но девчонки нигде не было. Кэли исчезла.

— Приветствую, мистер Беннет.

Повернувшись, я увидел Бернардо, одного-единственного. Он бежал трусцой, весело помахивая мне. Остановившись в десяти футах от меня, он упер ладони в колени и начал глубоко дышать.

— Сэр, как же я рад, что догнал вас. Своими попытками убежать вы меня изрядно напугали.

— Где остальные вы?

— Остальные… я? Поясните, мистер Беннет.

— Остальные Бернардо!

Он завертел головой в разные стороны и оглянулся назад.

— Боюсь, я здесь один. Признаюсь, ну и жару вы мне задали!

— Бернардо, хватит молоть чепуху. Когда вы лезли в дверь, вас было не меньше двух десятков.

— Я не утверждаю, что они были, и не говорю, что их не было. Это уже вам решать. Мной, как всегда, двигала исключительно забота о вашей безопасности. Сейчас это моя единственная забота.

Обрыв и океан притягивали меня, словно

огромное гравитационное поле. Я ощущал их спиной.

— Если вы проявите благоразумие и отойдете от края…

— Хочу вам кое-что сказать…

— Что именно? — спросил Бернардо с осторожной радостью.

— Я должен перед вами извиниться.

— Извиниться? Вот уж не думал. За что же?

— Прежде всего за удар скальпелем. За то, что сбросил вас с лестницы. Ну и конечно, за электрошокер. Вы пытались предостеречь меня. Напрасно я не прислушался к вашим словам.

Он благодушно улыбнулся:

— Не берите в голову. Как видите, я превосходно себя чувствую.

Секунд двадцать мы стояли неподвижно и молчали. Каждый ждал, что другой начнет первым. Наконец я нарушил молчание:

— Мне нужно задать вам вопрос.

— Конечно, сэр.

— Здесь нет никакой Кэли? Говорите честно.

— Нет. Мне жаль, мистер Беннет. Возможно, когда-то в прошлом она была. Но не сейчас.

— Стоя здесь, я понимаю, что все это — сплошная бессмыслица. Мне надо было сразу догадаться.

— Мистер Беннет, не стоит огорчаться. Вы и сами знаете, какой стресс вызывает у человека будущая реитерация. Ваша подруга появилась здесь лишь потому, что вам потребовалось ее общество.

— Как по-вашему, она могла быть моей приемной дочерью?

Бернардо слегка пожал плечами:

— Приемной дочерью или очень хорошим другом. Тем, кто значил для вас очень много.

— Именно так. У меня никогда не было питомца, но теперь я понимаю, какие чувства испытывает приемный родитель.

— Совершенно верно, сэр.

— Дело в том, что девчонка бывала очень упрямой. С ней не всегда удавалось ладить.

— Говорят, молодые люди нередко ведут себя так.

— Но я совсем не возражал против упрямства. Мне это даже нравилось.

— Смею заметить, что тем больше оснований устремить свой взгляд в будущее. Сосредоточьтесь на будущем, мистер Беннет.

— А вот в этом я с вами не соглашусь.

Его физиономия вытянулась.

— Как вас понимать, сэр?

— Поиграли — и хватит. Я ухожу от вас.

Он напрягся всем телом:

— Мистер Беннет, что вы…

— Прощайте, Бернардо, — сказал я, поворачиваясь к нему спиной.

Скрестив руки на манер фараона в саркофаге, я переступил через край обрыва.

Находясь во власти тяготения, падающий человек перестает его ощущать. Возникает чувство парения: ничто не тянет тебя к земле, и ты понимаешь, что свободен, как никогда прежде.

Я умел прыгать в воду с высоты. Пальцы ног плотно сжаты, руки сложены на груди, спина прямая. Я рассек водную поверхность как стрела. Здешних глубин я, естественно, не знал, а потому допускал, что разобьюсь о каменное дно. Но мне повезло. Я вынырнул, и прилив мгновенно понес меня к берегу. Волны хлестали по мне, угрожая раздавить об окрестные скалы. К тому же было темно. Я набрал побольше воздуха, скрылся под волнами, поплыл и снова вынырнул на поверхность. Расстояние, которое я преодолел, было небольшим, но мой расчет оправдался: нужно прикинуть время так, чтобы каждый раз проплывать под гребнем очередной волны. Я проделывал это снова и снова, постепенно удаляясь

от прибрежных скал, однако проплыл не столько, сколько хотелось бы. Вдобавок я быстро терял силы. Каждый нырок давался со все большим трудом, волны накрывали меня с головой.

Вдали мелькнул свет.

И не просто мелькнул. Он мигал.

Сигнал? Но кому и от кого?

Я поплыл с удвоенной энергией. Свет приближался. Друг или враг? Этого я не знал, но отчетливо понимал: сигналы подает судно, и если я не доберусь до него, то непременно утону. Вскоре я увидел рыбачью лодку. С аутригеров свисали сети, напоминавшие крылья. Я попал в луч ее прожектора.

Она двигалась прямо на меня.

Это сулило верную гибель.

Я нырнул. Шум винтов становился все громче. Еще немного, и они изрубят меня на куски. В ту минуту мне было все равно. И вдруг что-то подхватило меня. Я попал в одну из сетей. Вынырнув, я запутался в ней, как муха в паутине.

— Ну вот, подцепили его! — послышался мужской голос. — А теперь сваливаем, да поскорее!

Рулевой молниеносно развернул лодку. Сеть отчаянно задергалась над водой. Я оказался совершенно беспомощным — не мог даже крикнуть.

Аутригер качнулся в другую сторону, и я выпал на палубу. Надо мной склонилось несколько темных фигур.

— Все в порядке, Проктор. Теперь ты в безопасности.

Тия?

Мне на голову нацепили мешок. Кто-то перевернул меня на живот и ловко связал по рукам и ногам. Потом меня вновь положили лицом вверх, подхватили за плечи и за ноги, подняли и понесли в трюм. Я слышал, как гремят металлические ступени под ногами незнакомцев.

— Вот так, просси. Лежи здесь. — (Меня опустили на пол трюма.) — И лежи тихо, если не хочешь, чтобы тебя кинули за борт.

Дверь трюма захлопнулась. Скрипнула накладка, затем лязгнул штырь, просунутый в скобу.

Часть пятая
Аннекс

26

Меня разбудил звук открывающейся двери. С лодыжек сняли веревки, потом меня поставили на ноги, вытолкнули на палубу и вывели на причал. Воздух был теплым. Скорее всего, меня подобрали глубокой ночью, а сейчас наступило утро.

— Шевели ногами, — велел мужской голос.

Сквозь мешок я видел лишь смутные очертания предметов. Костюм, все еще мокрый после вынужденного купания, неприятно лип к коже. Парусиновые шлепанцы давно исчезли.

— Куда вы меня ведете? Где Тия?

Ответом мне был пинок под левую почку, от которого я скрючился. Провожатый схватил меня за воротник, заставил выпрямиться и толкнул вперед:

— Иди, я сказал.

И я послушно пошел. Открылась дверь. Мы очутились в холодном, сыром помещении, насквозь провонявшем рыбой. К этому времени я напрочь потерял ориентацию в пространстве. Под ногами поскрипывали половицы, затем что-то лязгнуло. Кто-то — вероятно, все тот же провожатый

— освободил мои запястья от веревок.

— Вставай на колени и ползи задом, — приказал он. — Там будет лестница. Двенадцать ступенек, и попадешь на дно.

— На какое дно?

— На дно лестницы, просси, — усмехнулся провожатый.

Нащупав ногой верхнюю ступеньку, я стал спускаться — естественно, тоже ощупью. Звуки стали восприниматься иначе; похоже, мы находились в коридоре или туннеле. Провожатый развернул меня лицом вперед. Спуск продолжился. Так я преодолел еще шестнадцать ступенек.

— Стоять! — приказал он мне.

Рядом со мной отодвигали многочисленные дверные засовы. Наконец это закончилось, и раздался голос другого мужчины:

— Вовремя. Надеюсь, ваш улов стоил затраченных усилий.

Мешок на моей голове приглушал звуки, однако этот второй голос показался мне знакомым.

— А ты хорошо поработал с дронами, — сказал мой провожатый.

— Ага. Забавно, как они все разом скопытились. Кто-нибудь явно заподозрит, что дело нечисто.

— Она уже здесь?

Дверь открылась шире.

— Веди его в ночлежку.

Меня повели дальше по подземному миру коридоров и дверей. Наконец, судя по звукам, мы попали в комнату. Провожатый остановил меня, тронув за локоть, затем снял с головы мешок.

Свет был неярким, но я все равно сощурился. Меня привели в небольшую комнату без окон, где вдоль двух стен стояли двухэтажные койки. В одном углу — умывальник с зеркалом, в другом — туалет, отгороженный занавеской, в третьем — стол, за которым кто-то сидел.

— Здравствуй, Проктор.

Это казалось невероятным. Нет, это и в самом деле было чем-то невероятным. Время не проявило к ней милости, но я сразу узнал ее.

За столом сидела моя мать.

— Стефано, будь добр, оставь нас. — (Мой провожатый что-то пробурчал себе под нос и ушел, плотно закрыв дверь.) — Я так рада видеть тебя, Проктор. — (Я застыл на месте. Мне казалось, что мозг завертелся волчком в черепной коробке.) — Понимаю, ты потрясен.

— Что за хрень? — вырвалось у меня.

— И конечно же, в полном замешательстве.

— Ты же мертва. Ты умерла еще тогда.

— Я все объясню. Только наберись терпения. — Она указала на соседний стул. — Садись. Давай поговорим.

Что мне оставалось делать? Глупо спорить с призраком, особенно когда этот призрак — твоя мать. Я сел.

— Начну с того, что сейчас ты в безопасности. Ты среди друзей.

— Каких друзей? Где я? Что все это значит?

— Ты на Аннексе. Это подземное убежище — одно из нескольких, разбросанных по всему острову. Мы — тайная организация, связанная с движением, которое называется «Учение о Прибытии». Ты знаешь о нем.

Ее слова звучали для меня полнейшей чепухой. Я пытался выудить из них хоть крупицу смысла, но не мог.

— Тебе предстоит многое узнать и осмыслить, — сказала она.

— Безумие какое-то. Ты же была моей матерью.

— Была, — кивнула она. — И остаюсь твоей матерью, Проктор. Но должна тебе сразу сказать: я не просперианка и никогда ею не была. Я родилась и выросла здесь, на Аннексе. — (Я лишился дара речи.) — Мои родители были активными

приверженцами Учения о Прибытии. Движению требовались свои люди на Проспере. Я выглядела так, что могла сойти за просперианку. Когда мне исполнилось восемнадцать, я оказалась на Проспере в качестве студентки университета. В этом возрасте было легче провернуть все незаметно. Я получила новое имя, личное дело, фальшивый монитор и легенду, раскрыть которую было невозможно или, во всяком случае, очень трудно.

— Получается, тебя отправили на Просперу шпионить.

— Можно сказать и так. Учась в университете, я входила в разные общества и структуры. Целью было подобраться как можно ближе к Коллегии по надзору. И такая возможность представилась. Я устроилась в аппарат главного юрисконсульта.

Я начинал понимать, куда она клонит, и мне это не понравилось.

— А там работал мой отец, — сказал я.

— Да, Проктор. Там работал твой отец, и на очень ответственной должности.

Мне не сиделось. Я вскочил и начал ходить по комнате. Надобности в этом не было, однако тело требовало движений. Казалось, я смотрел в перевернутый телескоп на свою жизнь. И там все

было враньем!

— Проктор…

Я отвернулся и взмахнул рукой:

— Помолчи немного.

— Знаю. Тебе тяжело это слышать.

Я повернулся и впервые за время разговора присмотрелся к «воскресшей» матери. Возле глаз и в уголках рта пролегли глубокие морщины; волосы, некогда бывшие предметом восхищения и зависти, почти целиком поседели. Но глаза, глядевшие на меня, остались прежними: такие же проницательные, зеленые, с золотистыми крапинками вокруг радужной оболочки. И тот же мудрый взгляд женщины, причастной ко всем тайнам жизни. Я отчасти хотел обнять ее, отчасти — выбежать оттуда и притвориться, что наша встреча мне просто привиделась.

— Как же ты осталась жива?

— Мое самоубийство было постановкой. Я притворялась просперианкой, пока могла. Но потом начала слишком быстро стареть, и это стало бросаться в глаза. Якорный канат держался на скользящем узле, и якорь быстро пошел на дно. Под днищем лодки у меня был приготовлен кусок садового шланга. Через него я и дышала, пока дрон не улетел. Потом подошла лодка, подобрала

меня и доставила сюда.

— Тогда зачем ты вырезала из руки монитор?

— Те, кто на это смотрел, должны были убедиться, что я помешалась. А я знала, что дроны обязательно зависнут над лодкой.

— Что ж, ты преуспела. В твое самоубийство поверили.

— Знаю, я сделала тебе больно, — вздохнула она.

— Ты хоть понимаешь, чем это обернулось для меня? И как это ударило по нему?

— Проктор, я понимаю, что ты злишься, и у тебя есть на это полное право. Но что касается твоего отца… с ним было не так, как ты думаешь. Проктор, он знал, кто я такая. И знал, откуда я. — (Эти слова поставили меня в тупик.) — Нет, не с самого начала. Признаюсь, я обманывала его. Он был хорошим человеком и не заслуживал такого обращения. Но постепенно я устала от вранья и однажды рассказала ему все. — Она помолчала. — Из-за тебя. Это случилось в тот день, когда ты победил на первых крупных соревнованиях по плаванию. Помнишь?

Я не был готов к такому стремительному экскурсу в прошлое.

— При чем тут моя победа?

— Ты просил меня не ходить на соревнования. Однако я пошла. Тайком. Я была так… рада за тебя. И одновременно грустила, понимая, что роль твоей матери сыграна. Все так и задумывалось, но мне все равно было больно. Это покажется тебе странным. Особенно теперь, когда ты знаешь правду обо мне, но так оно и есть. Я сама удивлялась тому, насколько мне больно. — Она с грустью посмотрела на меня. — В ту ночь, когда твой отец узнал правду, я была морально готова к тому, что он вызовет агентов Службы общественной безопасности. Хочешь знать, что я услышала от него? — (Мне было все равно.) — Он сказал, что знал все с самого начала. Перед тем как мы подписали брачный контракт, он узнал мою подноготную. Люди, посылавшие меня на Просперу, действовали очень тщательно. Казалось, они предусмотрели все мелочи. Но твоего отца было трудно перехитрить. Он сверил дату моего удочерения с паромной декларацией. На борт парома поднялись шестнадцать питомцев, а из записи явствовало, что на причал сошли семнадцать. Было несложно догадаться, что мое личное дело — фальшивка.

— Тогда какого черта он женился на тебе?

— А зачем люди женятся и выходят замуж? Он

был одинок и устал от этого.

— Получается, у него не было другого шанса, как только жениться на тебе.

— Можно посмотреть на это так, а можно и иначе. — Она снова поглядела мне в глаза. — Наши отношения с твоим отцом были… сложными. Поначалу я играла роль жены, выполняла свою работу. Именно так. Но мы прожили вместе двадцать лет. За это время многое могло случиться. А когда я рассказала ему, кто я такая на самом деле, он согласился нам помогать.

Мой разум тут же отверг услышанное.

— Быть такого не может. Кто угодно, только не он.

— Я знала твоего отца лучше, чем ты. Он трудился годами, тихо и незаметно, чтобы изменить существующий порядок вещей. Знаешь ли ты, что он пытался убедить Комиссию по надзору в необходимости роспуска «три-эс»? Почти для всех твой отец был занозой в заднице. В особенности для «прыщей». Он ненавидел этих людей. По-настоящему ненавидел. И переход на нашу сторону был всего лишь очередным шагом на долгом пути. Поэтому-то он мне так понравился. Фактически с самого начала. Я не просила его присоединяться к нам. Он сам предложил.

Какие слова говорил мне отец перед отплытием? «Это все моя вина. У нее были… свои особенности. Ты, сынок, о них не знал».

— А как насчет меня? Я тоже был частью работы?

— Ты был моим сыном.

— Не надо говорить со мной как с дурачком. Ты убедила меня в том, что покончила жизнь самоубийством. За все эти двенадцать лет ты хотя бы на минуту задумалась, каково мне жить с таким грузом?

— Задумывалась, и не раз. Но другого способа обеспечить твою безопасность не было. Люди из «три-эс» обязательно бы начали разнюхивать, а ты мог ненароком проговориться. Ты был совсем молод. Вся жизнь впереди.

— Жизнь, построенная на вранье.

— Неужели? — подумав, спросила она. — Да, я оказалась не такой, какой ты меня представлял, но это случается со всеми родителями и детьми. Скажу еще кое-что. Отнесись к этому как пожелаешь. Для отца не было ничего важнее тебя. Малкольм Беннет, с которым я встретилась, целиком состоял из правил, положений и протоколов. Про таких говорят: «Застегнутый на все пуговицы». Но в тот день, когда ты сошел с парома, что-то

изменилось. Да, он никогда не умел проявлять свои чувства. Дело не во внешних проявлениях. Он был готов на все ради твоей безопасности.

Я начал кое-что понимать. Отчужденность, которая возникла у нас с отцом после ее смерти. Он делал это ради меня.

— Он потом знал хоть что-нибудь о твоей жизни?

Она покачала головой:

— Уйдя, я закрыла дверь и больше никогда не открывала ее. Мы заранее договорились об этом.

— Синтия — твое настоящее имя или тоже придуманное?

— Настоящее. Однако здесь меня называют Матерью.

— Ты шутишь.

— Скорее это название должности. У каждой ячейки сопротивления есть своя матерь. Этой ячейкой руковожу я.

Какая ирония судьбы: бросить приемного сына, чтобы сделаться «матерью» для других людей.

— А он назвал твоим именем парусную лодку.

— Да, — кивнула она.

— Знаешь, что он сказал мне, когда я привез его к парому?

— Нет, Проктор, не знаю, — ответила она, стои-

чески выдержав мой взгляд.

— «Я не хотел ее забыть». Наверное, это ты была настоящим счастьем его жизни. Не я.

Жестокие слова — но я хотел сделать ей больно. По ее лицу было видно, что мне это не удалось.

— Проктор, ты можешь злиться на меня сколько угодно. Я тебе уже сказала, что вполне заслуживаю такого отношения. Но я не хотела, чтобы ты попал в руки агентов «три-эс».

— А Тия — тоже часть этой охранной сети вокруг меня?

— Проктор, это делалось ради твоей защиты. Мы хотели, чтобы поблизости от тебя был наш человек.

— Поблизости от меня? — зло рассмеялся я. — Что ж, эта женщина прекрасно справилась со своей работой. Можешь повысить ее. Она тоже из обслуги, рядящейся под просперианцев? Я просто стараюсь понять, каким глупцом я был.

Мать покачала головой:

— Нет. Тия — настоящая просперианка. Она сама пришла к нам много лет назад.

— Ну, успокоила. А то я на мгновение подумал, что спал с обслугой.

Мать недовольно посмотрела на меня:

— Проктор, не пытайся быть хуже, чем ты есть

на самом деле.

— Я уже не знаю, какой я на самом деле.

Дверь открылась. Вошел долговязый бородатый человек.

— Так это ты, — удивленно протянул я.

— Как ты себя чувствуешь, друг? — улыбаясь, спросил он.

— Черта с два я тебе друг!

— Я просто хотел убедиться, что у вас все в порядке, — сказал он, обращаясь к моей матери.

— Все нормально. Спасибо, Квинн. Мы неплохо ладим.

Он молча ушел, закрыв за собой дверь.

— И он тоже? — спросил я.

— Проктор, мы стараемся ничего не оставлять на волю случая.

— А есть еще кто-нибудь, о ком мне следует знать? Было бы неплохо получить полный список.

— Полагаю, ты догадываешься насчет твоей экономки. А еще — твоя бывшая секретарша Уна.

С таким же успехом мать могла бы влепить мне пощечину. Я оторопел:

— Уна? Моя Уна?

— Один из самых ценных наших соратников.

Это она сумела достать карту. — Мать пристально посмотрела на меня. — Проктор, нас много. Об этом я тебе и твержу. В основном — да, обслуга. Но есть и несколько просперианцев. Люди вроде твоего отца, которые по горло сыты нынешними порядками, которые видят правду и трудятся ради перемен. Взять того же Квинна. Раньше он был аналитиком данных в Министерстве общественной безопасности. Это он внимательно просматривал записи со сценой моего мнимого самоубийства. Выяснилось, что я не настолько предусмотрительна, как мне казалось. Он выследил меня, явился на Аннекс и постучался в дверь. Когда Квинн занимался анализом данных, многое из того, что он видел, не нравилось ему. Он предложил нам свою помощь. С тех пор Квинн с нами.

Мой мозг не справлялся с таким обилием данных. Я чувствовал себя шахматной фигурой, которую двигают по доске, или объектом некоей колоссальной космической шутки, которую понимают все, кроме меня.

— А как ты узнала, что на самом деле я не умираю? — спросил я у нее.

— Я ничего не узнавала. До меня доходили лишь общие сведения. Но укол, сделанный тебе

Сингхом… это один из их приемов.

— «Они» означает «три-эс».

Мать кивнула.

— Знаю, сколько всего на тебя навалилось. Нужно все разложить по полочкам. На это уйдет время. Вот только время для нас сейчас — непозволительная роскошь. Ситуация на Аннексе стремительно ухудшается. Пять дней назад здесь зверски убили агента «три-эс».

— Ого! Кто-то из ваших не выдержал.

— Я не собираюсь лить слезы по убитому, но мы здесь ни при чем. Мы не применяем такие методы. К тому же обстановка и так накалена, устраивать бессмысленные провокации — верх безрассудства. Коллегия по надзору объявила карантин. Жители устроили бунт возле дамбы. Пятнадцать убитых и еще больше пропавших без вести, включая двоих наших. Мы надеемся, что они залегли на дно, но их могли бросить в тюрьму. Если так, жди гостей из «три-эс».

— И это должно меня волновать?

— Нравится тебе или нет, но теперь ты — один из нас.

— Ха-ха!

— На твоем месте я бы не относилась к этому так легковесно. Поскольку власти сообразили,

кто вытащил тебя с Питомника, они займутся твоими поисками.

Надо признать, что в словах матери был резон. Но в ту минуту я не был готов выслушивать ее доводы.

— Раз уж ты вербуешь меня, скажи, за что вы боретесь?

— Думаю, ты поймешь сразу. За перемены. За справедливость.

— А мне кажется, вы собираетесь воевать с Просперой.

— Нет, если войны можно избежать, ее не будет. Настоящие перемены происходят внутри общества благодаря таким людям, как твой отец. Но я не хочу врать тебе, Проктор. Здесь хватает тех, кто горит желанием сцепиться с властями.

Я понял, что с меня достаточно.

— Тогда всего наилучшего, — сказал я. — Желаю тебе и твоим соратникам больших успехов. Не возражаешь, если я пойду?

— Я бы не советовала.

— А это уже мое дело. И вообще, ты лишилась права давать мне советы. Особенно в серьезных делах. Согласна?

— Пораскинь умом, Проктор. Куда ты теперь пойдешь?

— Для начала я хочу поквитаться со старым другом.

— Проктор, ты нам нужен.

— Вот оно что! Понятно. Иначе меня не стоило бы спасать.

— Я спасла тебя, поскольку меня заботит твоя судьба.

— Сначала скажи, что тебе от меня нужно, тогда и поговорим.

Она привалилась к спинке стула.

— Ты прав. Мне действительно кое-что нужно. Информация.

— Я уже рассказал Тие все, что знаю. Может, поговоришь с ней?

— С тех пор появились новые сведения. Ты побывал на Питомнике. Ты видел, как там все устроено.

— Если твои помощники добыли карту, им ли не знать, как там все устроено?

— Увы, карта — единственное, что мы сумели заполучить. Мы пытались внедрить туда своих людей. Никто не вернулся.

Я пожал плечами:

— Ну что ж, попробую. С чего начать? Персонал очень предупредительный. Еда, пожалуй, жирновата. За нее поставлю только три звезды.

— Проктор, я не шучу.

— Я тоже. — Я хмуро посмотрел на мать. «Это все, что ты от меня получишь. Больше не спрашивай». — Ну что, темы для разговора исчерпаны?

Мать подумала, затем кивнула:

— Как хочешь. Естественно, ты волен уйти отсюда.

— А дальше последует «но».

— Ты угадал. Я хотела бы предложить тебе сделку.

— Благодарю, но не интересуюсь.

— Думаю, заинтересуешься, когда узнаешь, что к чему. — Она помолчала. — Помнишь, я возила тебя к врачу из-за твоих сновидений? Это было давно. Может, ты успел забыть.

— Представь себе, помню. При чем здесь та поездка?

— Так вот, тому врачу… как ее фамилия? Вспомнила: Пэтти. Доктор Пэтти. Я рассказала ей не все. Твое хождение во сне не сводилось к разовым случаям. Оно повторялось буквально каждую ночь. Я даже стала спать на диване в гостиной, чтобы следить за тобой. Я рассказала доктору Пэтти о всякой чепухе: выброшенный в окно сэндвич, сломанная лампа и прочее. Но умолчала о том, что ты, можно сказать, совершал один и

тот же ритуал.

Вот так новость!

— И что же я делал?

— Ты выходил из дому, останавливался и смотрел на небо. Причем всегда выбирал одно и то же место на лужайке, обратившись лицом к морю. Я не хотела тебя будить, поскольку думала, что это не лучшим образом отразится на тебе. Я просто была рядом. Иногда ты стоял две минуты, иногда десять. Порой и дольше. Однажды это продолжалось почти час. Ты смотрел на звезды, а затем поворачивался ко мне. Точно всегда знал, что я рядом. Бывало, слегка качал головой, словно вид звездного неба разочаровывал тебя. Кончалось все тем, что ты проходил мимо меня, возвращался в дом, поднимался на второй этаж, шел в свою комнату и ложился в постель.

— Я что-нибудь говорил?

— Ни слова, хотя я всегда думала, что ты мог бы заговорить.

Сам я ничего не помнил, и в то же время внутренние ощущения подсказывали, что мать меня не обманывает.

— Зачем ты рассказываешь об этом сейчас?

— Затем, что ты, Проктор, иной. Ты не похож на других людей, вполне довольных тем, как про-

ходит их жизнь. Я почувствовала это в тебе, как только ты сошел с парома. — Она снова умолкла. — Есть и вторая причина. Твои сновидения и хождение во сне не прекращались и во взрослом возрасте.

— Тебе об этом рассказала Тия?

— Да, но я не удивилась. Такие особенности не могли взять и исчезнуть. Они — часть твоей личности. Проктор, у тебя есть вопросы. У меня есть ответы. Не все. Но я знаю больше, чем ты.

— Например?

— В этом и заключается сделка. Твой рассказ о Питомнике в обмен на то, что знаю я. После этого ты волен решать, на чьей ты стороне.

Надо признать, эта женщина умела торговаться. И в то же время могла ли она позволить мне уйти? Она предложила сделку, чтобы обезопасить нас обоих и не дать мне попасть в руки агентов «три-эс».

— Прежде чем я соглашусь, хочу задать вопрос.

— Пожалуйста.

— Когда мы ездили к врачу, ты призналась, что тоже видишь сны. Это правда?

Она покачала головой:

— Нет. Хотела бы, но нет.

— Тогда зачем ты мне соврала?

— Знаешь, это было давно, и я уже забыла зачем. Наверное, мне хотелось тебя… подбодрить. Дескать, ты такой не один… Тия рассказала о том, как ты вырезал монитор.

Я показал матери руку с заплаткой телесного цвета.

— Можно сказать, что удаление мониторов с помощью кухонного ножа — наша семейная традиция.

— Проктор, это серьезный шаг. Мне ли не знать? Это требует мужества. Как ты себя чувствовал?

— Жалел, что выпил мало водки.

— Я имею в виду, потом. Зная, что монитора больше нет.

— А как себя чувствует пес, которого спустили с поводка?

В первый раз за время нашего разговора мать улыбнулась. Было очень странно видеть ее улыбающейся.

— Что ж, первый шаг сделан. Ну что, по рукам?

Мне пришлось ждать. Прошло несколько часов. Сколько именно, я не мог сказать — здесь тоже не было часов. Дверь осталась незапертой, однако мать просила никуда не уходить. После общения с моим провожатым я и сам не горел желанием сталкиваться с кем-нибудь из здешней публики.

Что касается побега, то от поверхности меня отделяли несколько дверей и пара лестниц. Вряд ли я ушел бы далеко. И потом, мать была права: куда мне было идти?

Я улегся на одну из нижних коек и задремал. Меня разбудил звук открывшейся двери. Это была Тия.

Она осторожно вошла в помещение ночлежки и положила на стол одежду, которую держала в руках.

— Вот, я тебе одежду принесла, — сказала она.

— Понял.

— Если я скажу, что виновата, это поможет?

Мне захотелось расхохотаться.

— Кому поможет? Тебе или мне?

— А если обоим?

— Избавь себя от ненужных усилий. Я пытаюсь свыкнуться с мыслью, что вся моя жизнь оказалась кучей дерьма.

— Проктор, я знаю, что ты рассержен. И имеешь на это право.

— Угу, мне об этом постоянно талдычат.

— Не возражаешь, если я присяду? — спросила Тия, указав на мою койку.

Я подвинулся к стене. Тия уселась на край кровати. Ее модные наряды и дорогая косметика

— внешние признаки принадлежности к высшему слою общества — все это осталось в прошлом. Нынешняя ее одежда была бесформенной: мешковатые брюки и невзрачная темная рубашка.

— Ответь мне на один вопрос, но только, пожалуйста, не ври.

— Спрашивай.

— Все, что произошло между нами… Это было спектаклем? Твоей работой? Я знаю ответ, но хочу услышать его от тебя.

Она протяжно вздохнула:

— Ты прав. Это началось с задания, которое я получила. Но когда мы говорили в машине, я тебе не врала. Ты действительно прекрасный человек. Прежде мне такие не встречались. Мы можем больше не возвращаться к этой теме?

— Ты разбила мне сердце. Не так чтобы сильно. Но разбила.

— И готова просить прощения. Можешь меня возненавидеть, если это поможет.

— Не собираюсь, однако спасибо за предложение.

Мы помолчали.

— А как насчет всего остального? — спросил я.

— Хочешь узнать, как я попала сюда? Простого ответа нет. Но в ресторане я сказала тебе правду.

О родителях, хождении по театрам и прочем. Других это увлекало, вдохновляло, а меня — нет. Все это казалось таким… унылым. Безжизненным, вроде игры той пианистки. Все было поверхностным. Никакой глубины. Я всячески старалась быть счастливой, стремилась приспособиться, подражала другим — без толку. Тогда я начала ходить на причал и провожать паром, увозивший ретайров. Казалось бы, мне ли мечтать о реитерации, если я сама не так давно сошла с парома? Но мне казалось, что если пойти на реитерацию и начать все заново, то, быть может, я стану нормальной. Ты даже не представляешь, сколько раз мне хотелось уплыть на Питомник.

— Но ты все же не уплыла.

— Нет. Иногда мне казалось, что это будет проявлением слабости. А может, просто не хватало смелости для такого решительного шага. Но все изменилось, когда я познакомилась с Паппи.

— С тем самым слепым художником.

— Да. Он был первым. Проктор, эти люди не похожи на нас. Дело не в том, как они живут. Они внутренне другие. Пойми, я не идеализирую их. Я видела всякое. Но это жизнь, настоящая жизнь. Знакомство с этими людьми уберегло меня от парома.

— Значит, ты принадлежишь к приверженцам Учения о Прибытии.

Она пожала плечами:

— Сама толком не знаю. Может, обетованная страна есть, а может, и нет. Но пока мне достаточно того, что я получаю от этих людей. Остальное постепенно раскроется. — Тия посмотрела на меня. — Твоя мать очень заботится о тебе.

— Вот-вот, — усмехнулся я.

— Проктор, перестань ухмыляться. Ее забота видна невооруженным глазом.

— Кстати, где она?

— Ушла. Эта женщина поистине загадочна. Никто не знает, где и когда она появится. Но она вернется.

— Должен сказать, что ее роль в моем спасении не так уж велика.

— В тебе говорит обида. Думаешь, было просто вытащить тебя с Питомника? Думаешь, она бы стала так рисковать из-за кого-нибудь другого? Ей пришлось напомнить кое-кому, что они в долгу перед ней.

— Значит, не все, кто меня спасал, действовали по зову сердца? Мой, с позволения сказать, провожатый вообще был готов меня убить.

— Ты о Стефано? Не принимай это на свой счет.

Он готов убить каждого.

— У меня камень с души спал, — усмехнулся я.

Тия встала:

— Тебе пора познакомиться с другими. Пойдешь со мной?

— Разве мне позволено расхаживать по вашим владениям?

— А почему нет? Конечно, если ты будешь держаться в рамках приличий и не делать глупостей — например, пытаться сбежать.

— Хорошо. Но прежде чем мы пойдем, хочу сказать тебе кое-что.

— Говори.

— Ты была права насчет Кэли. Она оказалась порождением моего мозга, отзвуком. Я выдумал все это.

Тия странно на меня посмотрела:

— Проктор, ты ничего не выдумывал.

— Спасибо, что стараешься меня успокоить, но я с этим уже справился. Пора взглянуть правде в лицо.

— Я как раз говорю тебе правду.

Опять загадки!

— Прости, но я что-то не врубаюсь.

— Так ты ничего не знаешь? — Тия с удивлением посмотрела на меня. — Кэли здесь. Ее, как и

тебя, вытащили из воды.

27

Звонок поступает в два часа пополудни. Спустя тридцать минут Отто Уинспир уже находится в подвале Министерства благополучия, где его приветствует главный министерский патологоанатом, суховатый пожилой человек в очках с маленькими стеклами и тонкой оправой. Патологоанатом предлагает гостю маску, но Уинспир отмахивается.

— Показывайте, — говорит он.

Миновав несколько дверей, они проходят в помещение, стены и пол которого отделаны кафелем. В полу есть несколько сливных отверстий. На каждом из пятнадцати металлических столов лежит труп, прикрытый простыней. В воздухе пахнет мочой, калом и немытыми телами. Уинспир знает: эти запахи прицепятся к нему на несколько часов. Надо распорядиться, чтобы в кабинет принесли чистый костюм.

— Прошу сюда, господин министр.

Патологоанатом подводит его к столу в центре комнаты и откидывает простыню. Взору Уинспира предстает тело женщины с плоскими, похожими на блюдца грудями. Ее кожа покрыта

пятнами засохшей крови.

— Причиной смерти стала мозговая травма. — Руки патологоанатома, обтянутые хирургическими перчатками, осторожно приподнимают голову женщины. — С вашего позволения…

— Меня не интересуют обстоятельства ее смерти.

Патологоанатом смотрит на Уинспира с недоумением. Он привык следовать протоколу, но с высокопоставленным посетителем не поспоришь.

— Доктор, что с ее ногой?

Патологоанатом кивает, переходит к другому концу стола и опять откидывает простыню.

— Судя по всему, это и есть травма, поисками которой вы занимаетесь, — говорит он.

Левая нога плотно забинтована. Похоже, перевязку женщина делала сама. От обилия засохшей крови бинт кажется покрытым ржавчиной.

— Снимите бинт, — требует Уинспир.

Патологоанатом разматывает бинт, достает из кармана металлический зонд и склоняется над ногой женщины.

— Колотая рана, небольшая, но довольно глубокая. — Он надавливает зондом на края. — Омертвение тканей. Я бы сказал, что эта женщина

вполне могла лишиться ноги.

— Когда примерно она поранила ногу?

Патологоанатом поджимает губы.

— При столь ярко выраженном воспалительном процессе… думаю, дней пять назад. Возможно, шесть.

— Такую рану можно получить, наступив на торчащий гвоздь?

— Вполне.

Уинспир смотрит на землистое, безжизненное лицо женщины, мысленно накладывая на него изображение с камеры дрона. Это она. Сомнений нет. Она.

— Благодарю вас, доктор.

На выходе Уинспира ждет Кэмпбелл.

— Что нам известно о ней? — спрашивает его Уинспир.

Кэмпбелл достает из кармана блокнотик и пролистывает первые страницы.

— Джессика Ордуэй, тридцати четырех лет. В ее разрешении на работу указано, что она была водителем в частной компании. Но ее не видели на работе с пятницы.

— Адрес?

— Мы проверяли. Пустующий дом.

— Есть записи с камер, где она фигурирует?

— Аналитический отдел сейчас занимается просмотром записей.

Уинспир садится в машину и возвращается к себе на работу. На улицах тихо и пусто, но в воздухе ощущается тревога. «Сначала буря, теперь еще и это», — думает Уинспир. Согласно официальному заявлению, причиной карантина на Аннексе стала вспышка заболевания, передающегося через воду. Вполне правдоподобная версия. Но вскоре люди начнут догадываться: от них что-то скрывают. Поднявшись к входным дверям своего министерства, Уинспир обводит взглядом площадь Просперити. Ее патрулируют шестнадцать охранников, возле зданий министерств — группы безофаксов, по три в каждой, небо бороздят дроны. Уинспир поднимается в лифте на верхний этаж, входит в свой кабинет и видит сидящую на диване Каллисту.

— Итак, это оказалась она? — спрашивает Каллиста.

— Полагаю, да, — отвечает Уинспир, усаживаясь за стол.

— Я смотрю, вас это не очень-то радует.

— С чего мне радоваться?

— Правосудие свершилось. Разве этого мало?

Униспир отрешенно машет рукой:

— Правосудие правосудию рознь. Возможно, эта женщина действовала одна, но таких, как она, полным-полно.

— Отто, мы должны положить этому конец. Ситуация выходит из-под контроля.

— Вся эта потасовка на дамбе — досадное недоразумение. Но то, что видел или будто бы видел Беннет, создает дополнительные трудности. Нам противостоят люди, имеющие больше возможностей, чем я предполагал.

— И вы уверены, что он находится у них.

Уинспир пожимает плечами: «У кого же еще?»

— Его ни в коем случае нельзя подпускать к Элизе.

— Наш друг позаботился об этом. Проктор и на милю не приблизится к ней.

Каллиста встает с дивана:

— Если понадобится, переверните все вверх дном. Нужно вернуть жизнь в нормальное русло.

— Я тоже люблю свою жизнь, госпожа председатель, — отвечает Уинспир, натянуто улыбаясь ей.

Она стремительно идет к двери, потом резко поворачивается и морщит нос:

— Отто, у вас в кабинете какое-то зловоние.

Откройте окно или придумайте еще что-нибудь.

Каллиста уходит, только что не хлопая дверью. Сомнения Уинспира по поводу госпожи председателя возрастают день ото дня. Эта женщина зарывается в детали и не видит общей картины. Приносят обещанный костюм. Отто переодевается и на лифте спускается в подвальный этаж, где располагается аналитический отдел. Он входит в затемненный зал со множеством экранов, на каждом из которых прокручивается запись с камеры того или иного дрона. Там его встречает Хьюго Эбшир — главный аналитик «три-эс»: молодой, даже слишком молодой для такой должности человек с живым лицом. Пробор в его светлых волосах безупречен.

— Есть совпадения по Ордуэй? — спрашивает Уинспир.

— К сожалению, пока не обнаружили.

— А что по той женщине на лодке?

— Здесь есть хорошие новости, — улыбается Эбшир.

Он садится за свой стол и выводит изображение на первый монитор. Проктор и та женщина сидят в кокпите «Синтии», задрав голову и глядя прямо в камеру дрона.

— Женщину зовут Тия Димополус. Владелица

художественной галереи. В личном деле никаких компрометирующих сведений, однако мы продолжаем искать.

Отто точно знает, кто она такая.

— В базе данных есть более ранние совпадения?

— Да, есть. За несколько последних дней мы обнаружили два совпадения.

Появляется новое изображение: два лица, снятые через ветровое стекло машины. Эбшир останавливает запись:

— Это снималось вечером, перед началом бури, когда Беннет отправился в отцовский дом. Прошу взглянуть сюда. — Эбшир увеличивает лицо второго человека. — Его зовут Квинн Доус. Примечательная деталь: когда-то он работал здесь.

Отто требуется несколько секунд, чтобы взять себя в руки.

— Что значит «здесь»?

— Этот парень работал в «три-эс». Он не был агентом наружного наблюдения. Занимался преимущественно анализом данных и разведкой, но в одаренности ему не откажешь.

Сначала Джейсон Ким, затем Тия, теперь этот Квинн Доус. Надо же, орудовал у него под носом. Как он проморгал этого мерзавца?

— Что с ним произошло? — спрашивает Отто.

— Уволился двенадцать лет назад. Для отдела это было большой потерей. Вы бы видели его отчеты.

Эбшир поворачивается ко второму экрану и начинает листать.

— Это личное дело Доуса. С тех пор как он ушел из отдела, ему не сидится на месте. Постоянно меняет работы и адреса. Нигде не задерживается больше двух месяцев.

— И что это значит? — хмуро спрашивает Уинспир.

— Одно из двух: либо у него шило в заднице, либо он раздувает свое личное дело, чтобы заморочить нам голову. Я склоняюсь ко второму варианту. Этому Доусу нужно только добраться до ЦИС-терминала, а там он может творить, что пожелает.

Конечно может.

— Вы сказали, что по этой женщине есть два совпадения. Где второе?

Эбшир возвращается к первому терминалу и нажимает несколько клавиш. Появляется новое изображение: автобусная остановка у выезда на дамбу. В правом верхнем углу — дата и время. Запись сделана неделю назад.

— Данные получены в прошлую среду, вскоре после того, как Беннет-старший устроил спектакль на причале. Идентификатор Тии Димополус зафиксирован перед выездом автобуса на Аннекс… Вот она выходит из автобуса. Кажется, с ней никого нет. Смотрите дальше.

Женщина удаляется от остановки. За ее спиной появляется мужчина в темно-синей куртке и громадных солнцезащитных очках: Хэнсон. С притворной беспечностью (он явно переигрывает) агент увязывается за ней.

Когда женщина проходит половину квартала, к ней подбегает лохматый мальчишка и, пританцовывая, начинает идти рядом, стараясь выдерживать быстрый темп ее ходьбы. Уинспира это не удивляет; на Аннексе полно малолетних попрошаек. Так и есть: они о чем-то переговариваются, затем женщина достает из сумочки купюру. Мальчишка выхватывает у нее деньги и молниеносно исчезает. Еще через несколько секунд начинают появляться другие мальчишки, буквально из всех щелей. Их не меньше дюжины. Они окружают Хэнсона, как рой мух. К тому времени, как агенту удается их прогнать, женщины и след простыл.

— Этот сорванец явно работает вместе с ней, —

говорит Эбшир.

— Кто он?

— Совпадений пока не обнаружено, но с этими мальчишками всегда беда. Их не отследишь. Да и многие рождения на Аннексе регистрируются вкривь и вкось.

«Мальчишка, — думает Уинспир. — Мальчишка — ключевая фигура. Если найти его, они найдут остальных».

— Можете сделать его лицо четче?

— Постараюсь. Нужно время.

Уинспир кивает.

— Добейтесь максимальной четкости, затем пошлите мне снимок через сеть. Этот мальчишка живет не на улице. Кто-нибудь наверняка знает, кто он и откуда.

Уинспир звонит и велит подать машину; когда он выходит из здания, та уже ждет его. Путь до дому занимает сорок минут. Начиная с середины, трасса весьма извилиста. Дорога пролегает по невысокому горному хребту, который огибает город с западной стороны. С каждым поворотом видно все дальше и дальше. На землю ложатся длинные тени. Начинает темнеть. В городе уже зажигаются огни, когда машина Уинспира сворачивает в проезд, ведущий к дому. На обочине

стоит черный седан. За рулем — агент, читающий газету. Когда Уинспир выходит, агент приветствует его легким кивком и возвращается к чтению.

Рамоны — молодой жены Уинспира — нет дома. Наверное, ходит по магазинам или заболталась с подругами. Уинспир не обеспокоен ее отсутствием. У них довольно свободные отношения, да и срок брачного контракта невелик — всего пять лет. Он никогда не был верным супругом и продолжает заглядываться на женщин. Отто не собирается менять свои привычки, Рамона же не питает иллюзий на его счет.

На кухне он смешивает себе коктейль и идет в гостиную. В самом начале девятого звонит телефон.

— Сэр, говорит Кэмпбелл, — слышится в трубке взволнованный голос агента. — Оказывается, это легче, чем мы думали.

28

— Привет.

Кэли, сидевшая за кухонным столом и лущившая фасоль, молча подняла голову. Наши глаза на мгновение встретились, и она снова склонилась над миской.

— Проктор, познакомься с Клэр, — сказала Тия.

Мы поздоровались. Клэр оказалась полноватой женщиной лет пятидесяти с лишним. Ее седеющие волосы были увязаны в тугой пучок. Лицо раскраснелось от жара плиты. Она двигалась по кухне, не останавливаясь ни на мгновение.

— Тия сказала, что вы останетесь на обед.

— Да, спасибо. Если, конечно, это вас не обременит.

— Тогда вот, займитесь. — Она пододвинула мне большую кастрюлю с картошкой в мундире и разделочную доску. — Поможете нам. Братья и сестры вот-вот появятся.

Я уселся рядом с Кэли и принялся очищать картофелины от шелухи, чтобы затем нарезать их кубиками. Девчонка поглядывала на меня и тут же отводила глаза.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил я, наде-

ясь вывести ее из ступора.

— Нормально.

— Я очень тревожился за тебя. Рад, что тебя тоже спасли и ты в безопасности.

К нам подошла Тия:

— Проктор, мне нужно ненадолго уйти. Надеюсь, вы оба продержитесь несколько минут.

— Кэли, мы с тобой продержимся?

Она пожала плечами. Мы с Тией переглянулись. «Кто знает, что́ сейчас у нее в голове?»

— Мы никуда не сбежим, — успокоил я Тию.

Мы с Кэли продолжили заниматься порученным нам делом. Клэр что-то помешивала в кастрюлях, снимала пробу, проверяла готовность блюда в духовке и задвигала противень обратно.

— Ты за что-то сердишься на меня? — спросил я Кэли.

Фасолины со стуком падали в миску: бум-с, бум-с.

— С чего мне сердиться?

— Не знаю. Вид у тебя такой, словно ты сердишься.

— Не сержусь я.

— Понимаю, тебе изрядно досталось. Тут каждого всколыхнуло бы. Мы можем поговорить о том, что случилось на Питомнике? — (Она снова

пожала плечами.) — Давай с самого начала. Ты помнишь, как оказалась там?

— Нет.

— Уверена? Совсем ничего не помнишь? — (Кэли не ответила. Она перестала лущить фасоль и сидела, вперившись глазами в стол.) — А как насчет бассейна? Что ты помнишь о нем?

— Там был бассейн?

— Да, был. И ты чуть не утонула.

— Ого! Прости. Облажалась.

— Кэли, мне очень нужно, чтобы ты попыталась вспомнить.

— Кто сказал, что я не пытаюсь? Может, я просто не помню того, о чем ты спрашиваешь. Кто был тот дядька? Здоровенный такой.

— Ты говоришь про Бернардо?

— Как он пыхтел! Вот кому надо всерьез очухаться.

— Значит, его ты помнишь?

— Тия — твоя подружка? В смысле, вы с ней…

От удивления я даже отпрянул:

— Что? Нет.

— А с виду очень даже похоже.

— Тия — мой друг. Подруга, если хочешь. Но не подружка. Она помогает нам. Ты из-за нее дуешься? — (Кэли потянулась за новым стручком.)

— Кэли, пожалуйста, посмотри на меня. — (Помедлив, она все-таки поднимает голову. На ее лице не гнев, а что-то другое. Девчонка едва сдерживает слезы.) — Что с тобой? Что случилось?

Кэли стиснула зубы.

— Ничего со мной не случилось. Я в полном порядке.

— По тебе не скажешь. — Меня вдруг пронзила жуткая мысль. — Кэли, тебе кто-то сделал больно? — понизив голос, спросил я.

— Никто не делал мне больно, господин паромщик. Кому это нужно?

— Тогда почему ты плачешь? — (Она отвернулась.) — Кэли, дорогая, давай поговорим.

— Мне нужно знать только одно, — сказала она, вновь поворачиваясь ко мне. — Ты теперь будешь мне… вроде приемного отца? Если нет, тоже нормально, но я хочу знать — да или нет.

У меня сжалось сердце. Естественно, ее волновало это, а не мои отношения с Тией. Девчонке было страшно остаться одной, и ее самостоятельность, как у всякого подростка, имела обратную сторону.

— А ты сама этого хочешь?

Кэли кивнула, шмыгая носом:

— Конечно, если это тебя не напрягает.

— Ничуть не напрягает. Ну просто совсем не напрягает. Можешь не сомневаться ни секунды.

— Обещаешь? Мне это… нужно, чтобы ты пообещал.

Я начертил пальцем крестик там, где у меня было сердце.

— Я тебя не брошу. Обещаю.

После этого мы работали молча. Когда настало время обеда, Клэр позвала нас в столовую — накрывать на стол. Я насчитал шестнадцать тарелок. Кто еще придет? Стол, как и сама Клэр, был некоей точкой притяжения: длинный, узкий, чтобы удобнее было переговариваться, с вмятинами на поверхности, отполированной десятками локтей. По одну его сторону стояла скамья, по другую — стулья, и с обоих концов — еще два стула. Мы с Кэли заканчивали раскладывать ложки, когда начали появляться обедающие. Я ожидал увидеть взрослых, но пришли дети. Самым младшим было лет восемь-девять, старшим — пятнадцать-шестнадцать. Мне почему-то подумалось, что следом войдут их родители, но этого не случилось. Клэр говорила о «братьях и сестрах». Если это были ее родственники, уместнее было бы назвать их племянниками. Или здесь все называли друг друга так? Увидев нас с

Кэли, ребята не слишком удивились — значит привыкли к появлению новых людей. Но я сразу уловил некоторую настороженность, в воздухе повис невысказанный вопрос: «Что эти просси здесь делают?»

Вошла Клэр и хлопнула в ладоши.

— Внимание всем! У нас гости. — Она указала на нас. — Это мистер Беннет и его дочь Кэли. Надеюсь, вы не опозоритесь перед ними. — Она быстро оглядела столовую. — Пусть кто-нибудь сходит за Паппи. Пока он вспомнит про обед, вся еда остынет.

«Его дочь Кэли». Значит, Клэр не посвятили во все детали, и она сделала такое умозаключение. Но в ту минуту было неуместно исправлять ошибку. И потом, я ведь обещал Кэли, что стану заботиться о ней. Пока все рассаживались, трое детей отправились вслед за Клэр на кухню и вернулись, неся блюда и кастрюли с едой, которые поставили в середине стола. Ребята оживленно переговаривались. Я не знал, как вести себя и даже в какую сторону смотреть. Вошла Тия, села рядом и настороженно посмотрела на меня.

— У вас двоих все нормально? — спросила она.

Прежде чем я успел ответить, в столовой появился еще один персонаж, которого вел под-

росток, поддерживая под локоть. Человек был одновременно похож на уличного бродягу и мудреца из детской книжки. Двигался он напряженно, вертя головой по сторонам. Незрячие глаза напоминали два серых камешка. Подойдя к столу, он резко остановился, приподнял голову и повернул лицо ко мне.

— Проктор, — произнес он, и на небритом лице вспыхнула улыбка. — Вот ты и у нас. Хорошо. — (Все разговоры стихли.) — Я — Паппи, здешний сумасшедший. Во всяком случае, они меня так называют. — Он указал на начало стола. — Садись рядом со мной.

Взгляды собравшихся переместились на меня — чужака, которого Паппи к тому же пригласил сесть рядом с ним.

— Пусть твоя юная подруга тоже сядет поближе ко мне, — скомандовал Паппи.

За столом снова зашептались. Кэли уселась рядом со мной.

— Добро пожаловать, — произнес Паппи.

— Привет, — смущенно пробормотала Кэли.

Паппи обратился к собравшимся:

— Попрошу всех.

Я быстро сообразил: нам нужно взяться за руки. Ритуал показался мне странным; ничего подобно-

го я не делал ни перед едой, ни в других случаях. Однако сейчас, когда собравшиеся за столом образовали живую цепь, я вдруг почувствовал силу обряда. Я протянул руку Кэли. Девчонка диковато посмотрела на меня, но в ответ протянула свою. Я, в свою очередь, взял грубую, мозолистую руку Паппи, перепачканную краской.

Паппи откашлялся и заговорил:

— Великая Душа всего творения, создавшая мир видимый и мир невидимый, благодарим тебя за твои щедроты и сегодняшнюю возможность собраться вместе. И еще благодарим тебя за наших гостей: Проктора и…

Паппи умолк, вопросительно глядя на Кэли. Глаза девчонки беспокойно забегали.

— Кэли, я — Кэли.

— И Кэли, — продолжил Паппи, — которых мы приветствуем за нашим столом и в нашем кругу. Пусть твои руки сохранят нас, дабы мы познавали полноту твоего Великого Замысла вплоть до дня Прибытия, как обещано в твоем святом писании.

— И да свершится Прибытие, — в унисон произнесли сидящие.

Едва разомкнулись руки, как за столом стало шумно. Голоса перемежались со стуком посуды. Все это слегка ошеломило меня; прежде всего

— теплота и глубина чувств. Не важно, были они в родстве или нет: эта странная, разношерстная компания выглядела как семья. И меня пригласили влиться в их семью; меня, совершенно чужого человека. Более того, их врага.

— Вы произнесли замечательные слова, — сказал я Паппи.

Он пожал плечами:

— Малость наивные и сентиментальные, но ребятам нравится.

— Вы говорили о «великом замысле». А что вы понимаете под этими словами?

— Ага, вот и до нас очередь дошла, — сказал он, потирая руки.

Я понял, что с ответом на вопрос придется подождать. Нам подали еду. Жареная картошка, тушеные овощи, толстые розовые ломти мяса, чуть подгоревшие по краям и щедро политые соусом. Я пододвинул к себе тарелку. Все притихли, занятые едой. Я тоже начал есть, одновременно наблюдая за Паппи. До этого я ни разу не встречал слепых. Любой просперианец, лишившийся зрения, поспешил бы на ближайший паром. Меня удивляло, что Паппи, ничего не видя, прекрасно ориентировался в пространстве. А как он ел! Его движения были медленными и точными, как

у ювелира. Отрезав невидимый кусок мяса или поддев вилкой невидимый ломтик морковки, он подносил его ко рту с глубокой торжественностью. Челюсть совершала круговые движения, как у коровы, жующей жвачку. Все это сопровождалось тихими носовыми звуками — признаком наслаждения.

— Надеюсь, тебе нравится наше угощение, — сказал он мне.

— Да, спасибо.

Я благодарил не из вежливости; еда действительно была вкусной.

— Кэли, а ты что скажешь?

Девчонка почти не притронулась к еде.

— В общем вкусно, — буркнула она.

— Хочешь узнать кое о чем? — спросил девчонку Паппи.

Ее глаза беспокойно забегали по сторонам.

— Ну… хочу.

— Кажется, мы с тобой уже встречались. Что ты думаешь на этот счет?

Вопрос удивил Кэли. Меня — тоже.

— Нет, не так, как ты подумала. Не лично. А здесь.

Паппи постучал себе по виску.

— Не понимаю, — призналась Кэли.

— Значит, нас уже двое. И тем не менее Тия утверждает, что на картинах я изображал твое лицо.

— Как вы могли рисовать мое лицо, если вы меня не знаете?

— Это самый замечательный вопрос. — Паппи указал на ее тарелку. — Тебе надо поесть, иначе это заденет чувства Клэр. Она — наша кормилица и относится к этому очень серьезно.

Дальше мы ели молча. Кэли проглотила почти все, что было у нее на тарелке. Когда обед закончился и все понесли опустевшие тарелки на кухню, Паппи тронул меня за руку:

— Идем со мной.

Я оставил Кэли на попечение Тии, взял художника под локоть, и мы с ним углубились в его подземное пристанище. На полу валялись матрасы и чьи-то вещи, разбросанные или собранные в кучи. Похоже, здесь спали не только на полу, но и на старых диванах и кушетках.

— Извини за беспорядок, — сказал Паппи. — Но не скажу, чтобы меня это так уж сильно донимало. Вот одно из преимуществ слепца: ты перестаешь дергаться из-за пустяков.

До меня начало доходить: Паппи и Клэр устроили в подземелье нечто вроде сиротского приюта.

— И много у вас обитателей?

— Откуда мне знать? Спроси лучше у Клэр. Она готова приютить каждого.

В ноздри вдруг ударил сильный запах растворителя для масляных красок. Паппи привел меня в просторное помещение с высоким потолком. Когда-то оно служило не то складом, не то мастерской. Я отпустил его локоть и прошел на середину. Холсты, развешенные по стенам, были невероятно яркими и выразительными: я словно попал внутрь калейдоскопа. Меня окружали запечатленные при помощи красок выплески чистых, искренних ощущений и переживаний, настолько сильные, что они казались пульсирующими. Вспомнился рассказ Тии о Пикассо; зрители, глядя на его картины, видели изображенное там сразу под несколькими углами. На картинах Паппи тоже хватало углов, равно как и ярких цветовых пятен. Я всматривался и постепенно начинал замечать знакомые предметы и сцены. Но все они были словно тени, призрачные отражения далеких, неземных сфер, лежавших за пределами скучной реальности нашего мира.

Мои размышления были прерваны чьими-то шагами. Я не заметил, что мастерская Паппи имела две двери; из второй появилась моя мать.

Она прошла к столу в дальнем конце помещения, достала из кармана куртки что-то округлое и положила на стол. Предмет оказался мешочком из мягкой ткани, скрепленным тесемкой.

— Что это? — спросил я.

— Моя часть обязательств по нашей сделке. Подойди и достань то, что внутри.

Я развязал тесемку, сунул руку внутрь и вытащил листок бумаги, пожелтевший от времени.

РУКОВОДСТВО ПО ПРИБЫТИЮ

Этот документ доводится до вашего сведения с целью помочь вам в предстоящие дни. Вскоре вы начнете замечать изменения в самих себе и окружающем мире. Они могут включать в себя:

• метеорологические аномалии, такие как внезапные бури;

• ощущение дезориентации и паники;

• нарушения сна;

• воспоминания, вызывающие сомнения в их реальности;

• состояния дежавю;

• странные совпадения;

• галлюцинации;

• ощущение сильного, но быстро прохо-

дящего озноба;

• изменения в ночном небе, такие как появление незнакомых небесных тел.

НЕ ПОДДАВАЙТЕСЬ ПАНИКЕ.

НЕ ОБРАЩАЙТЕСЬ ЗА ПОМОЩЬЮ К ВРАЧАМ.

ЖДИТЕ ДАЛЬНЕЙШИХ РАЗЪЯСНЕНИЙ, КОТОРЫЕ ВСКОРЕ ПОСТУПЯТ.

— Мы называем это Артефактом, — пояснила мать. — Говорят, таких листков были сотни или даже тысячи. Уцелел только этот. Мы переносим его из дома в дом, оберегая от «три-эс».

— Откуда он у вас взялся? — спросил я.

— Никто не знает. Известно лишь, что документ создан очень давно.

Передо мной был священный текст, так называемое святое писание, к которому Паппи обращался перед обедом. Мне этот листок отнюдь не казался священным. Обычная листовка, какие выпускают различные службы.

— И вы построили на этом целую религию.

— Проктор, людям требуется надежда. Им надо во что-то верить.

— Насколько я понимаю, сама ты в это не веришь, — сказал я матери. — Очень цинично с

твоей стороны.

— Проктор, позволь вставить словечко, — вмешался Паппи. — В этом мы с твоей матерью несколько расходимся. Но в остальном наши мнения совпадают. Ораниос реален. Прибытие тоже реально. И Артефакт это подтверждает.

— По-моему, ничего он не подтверждает. Вдруг кто-то в прошлом решил пошутить и изготовил такую бумажку.

— Проктор, расскажи мне о Кэли, — попросила мать.

— А какое отношение она имеет ко всему этому?

— Вот я и хочу узнать. У тебя. Кстати, ты обратил внимание, что у девочки на руке нет монитора?

— О чем ты говоришь? Разумеется, у нее есть монитор.

— То-то и оно, что нет, — качая головой, возразила мать.

Наш разговор прервали шум и крики за дверью. Потом дверь распахнулась. На пороге стояла Тия.

— Антон вернулся, — сказала она.

Мальчишка сидел за обеденным столом и уписывал за обе щеки то, что осталось от обеда. Остальная ребятня сгрудилась вокруг него. Мать отогнала их и села напротив Антона.

— Где ты был?

— Уже рассказывал Тие, — ответил он, не переставая жевать. Затем потянулся к стакану и выпил почти всю воду. — Под арестом я был, вот где.

— То есть тебя арестовали у дамбы.

Сорванец кивнул, отправляя в рот очередную порцию съестного.

— Антон, оторвись от еды хоть на минутку.

— Я проголодался! «Прыщи» нас почти не кормили!

— Еда от тебя не убежит. — (Шумно вздохнув, мальчишка положил вилку.) — Давай с самого начала, — попросила моя мать.

Лицо Антона было чумазым. Волосы давно не видели горячей воды и мыла. Одежда сидела на костлявом теле, как старое платье на вешалке.

— Я ж все сказал. Замели нас охранники. Поволокли в свой подвал.

— Скольких арестовали?

— Точно не знаю. Но многих.

— Они вас о чем-то спрашивали? Водили на допрос?

Антон кивнул:

— Некоторых водили. «Прыщи» являлись за ними. А меня не трогали. И еще нескольких.

— А что было потом?

— Приперся их главный «прыщ». Сказал, чтобы нас отпустили.

— Отпустили? — переспросила мать и нахмурилась? — Просто так?

— Ну да. Он сказал: «Нечего их тут держать. Выпускайте».

— Он объяснил почему?

Антон вдруг поднял голову и стал озираться по сторонам.

— А где Джесс? Она здесь?

— Мы думали, она с тобой.

Мальчишка замотал головой:

— Я ее не видел с самой дамбы. Там такой дымище был. Мы быстро потерялись.

Мать и Квинн переглянулись. Чувствовалось, что они понимают друг друга без слов. Потом мать снова повернулась к Антону:

— Главный «прыщ» — как он выглядел?

— Волосы седые. Бородка. Шебутной такой.

— Говоришь, седые волосы? А может, белые? Или серебристые?

— Скорее серебристые.

— Значит, отпустил он вас, а что дальше?

Антон снова пожал плечами:

— Ну сколько повторять? Сказал, чтобы убира-

лись по домам.

Лицо матери помрачнело.

— Надеюсь, ты не отправился прямо сюда?

— Я глупенький, по-твоему?

— Нет. По-моему, ты — самый смышленый из всех нас. Но за тобой могли устроить слежку?

— Я никого не видел. И дроны над головой не гундосили. Я выбрал самый дальний путь.

Мать встала:

— Тия, Квинн, мне надо поговорить с вами наедине. И с тобой, Проктор, тоже.

Мы перешли на кухню, где к нам присоединились Клэр и Паппи.

— Как думаешь, это мог быть Уинспир? — спросила меня мать.

— Вполне.

— Квинн, проверь обстановку на улице.

Квинн молча встал и вышел.

— Где же наша Джесс? — спросила Тия.

— Ее могли оставить в тюрьме, — ответила мать. — Возможно, их держали в разных камерах.

Вернулся Квинн:

— Никого.

— Это еще не значит, что их здесь нет, — сказала мать.

— Но если за Антоном следили, почему охранники до сих пор не вломились сюда? — удивилась Тия.

— Возможно, пытаются выяснить, кто здесь, а кого нет.

— Ты имеешь в виду себя? — спросила Тия.

— Нет. Я имею в виду Проктора.

Все посмотрели на меня.

— Они ждут, что я явлюсь с повинной, — неудачно пошутил я.

— Они не настолько наивны. Им достаточно того, что ты побывал здесь. Видел нас и знаешь, кто мы.

— Думаешь, я рассказал бы им что-нибудь?

— У них свои методы. И потом, мы пока не знаем, явятся ли охранники сюда. Нельзя исключать, что Антон сумел запутать следы. Такое бывало.

— Как быть с ребятней? — спросила Клэр.

Мать задумалась.

— Давайте не искушать судьбу. Пусть все ночуют под землей. Завтра станет понятнее, куда ветер дует.

Клэр созвала ребят. Вскоре все собрались у задней двери. Квинн вышел первым — на разведку. Вскоре донесся его свист: «Можно идти». Мы быстро двинулись по переулку. Последней шла

Тия, поддерживая под локоть Паппи. Добравшись до склада, мы по одному спустились в люк. Внизу нас ждал Стефано. Мать, спускавшаяся последней, тщательно задвинула засовы.

— Устраиваемся на ночлег.

В ночлежке на полу расстелили матрасы. Квинн удалился в свое логово — смотреть записи с камер дронов. Время двигалось к полуночи. Кэли улеглась на одну из нижних коек. Я присел на край. Ее левая рука лежала поверх одеяла. Я стал присматриваться.

— Что это ты смотришь на мою руку? — удивилась девчонка.

— Да просто так, — смущенно соврал я.

— Не ври, не просто так.

— Ну ладно, скажу. Кэли, у тебя… нет монитора.

— В смысле, на руке? — Она наморщила нос. — Жуть.

Возможно ли такое? Значит, впервые увидев Кэли, я предположил, что у нее есть монитор? Получается, я представлял ее такой, какой хотел видеть, или такой, которая была мне нужна? Но я был полностью уверен, что у нее есть монитор. А раз его нет, что она делала на Питомнике? Полная бессмыслица.

— Не бери в голову, — сказал я. — Сейчас это не важно. Постарайся уснуть.

— А почему все тут напуганы?

— Не напуганы. Слегка нервничают. Но с нами все будет хорошо.

— Мы здесь надолго?

— Ты про подвал?

— Нет. Я про этих… братьев и сестер.

— А ты хотела бы с ними остаться?

— Типа того. Если захочешь, Тия может стать твоей подружкой, — улыбаясь одними губами, добавила она.

— Ты даешь свое благословение?

— Ну, если тебе требуется еще чье-то мнение. — Кэли внимательно посмотрела на меня. — А Матерь — твоя настоящая мать?

— Ты уже и об этом слышала?

— Да или нет?

— Не все так просто.

— А по мне, так ничего сложного. И если она — твоя мать, ты мог бы разговаривать с ней повежливее.

— Да ты настоящий кладезь советов по налаживанию отношений.

— Просто стараюсь внести свой вклад в общее дело. И потом, тебе нужна помощь в личной

жизни.

— В этом ты права. — Я встал с койки. — А теперь, милое дитя, тебе пора спать.

— Можно попросить тебя кое о чем?

— Конечно. Что ты хочешь?

Кэли замялась. Казалось, будущая просьба смущала ее. Затем, преодолев робость, она сказала:

— Можешь мне помассировать спину? Так легче засыпать. — Она поморщилась. — Дурацкая просьба, правда?

— Ничуть, — ответил я и улыбнулся. — Поворачивайся ко мне спиной.

Она подтянула коленки к груди и повернулась лицом к стене. Я снова присел на край койки и стал водить ладонью по девчоночьей спине, описывая круги. Впервые в жизни. Было странно и немного грустно, словно я тосковал по этой нехитрой родительской обязанности, помогающей ребенку заснуть. Ночлежка угомонилась. Через несколько минут я убрал руку. Кэли не шевельнулась. Я встал и на цыпочках вышел в коридор, где увидел Тию.

— А вы великолепно ладите, — сказала она. — Теперь понимаю, почему ты так восторгался ею.

Интересно, сколько она услышала, пока мы с Кэли разговаривали?

— Ты всерьез считаешь, что здесь безопасно?

— Я бы сказала, эта ночь пройдет спокойно. Туннель существует давно, но «прыщи» его так и не обнаружили.

— Насколько давно?

— Говорят, с самого начала. Он идет под водой, а потом тянется под городом и соединяется с канализационными коллекторами. Оттуда можно попасть куда угодно. Так Квинн добирается до ЦИС-терминалов. — Она слегка вздрогнула. — Вообще-то, не очень приятное ощущение: идти и знать, что над тобой водная толща.

— Значит, ты уже ходила по туннелю.

— Конечно. Только так я могла попасть сюда, когда закрыли дамбу. — Она помолчала. — А знаешь, когда ты отплывал на пароме, я была на причале. Вряд ли ты меня видел.

— Жалею, что не видел.

— Ты не удивишься, если я скажу, что гордилась тобой?

— Разве там было чем гордиться?

— Просто… — Она подыскивала слова. — Тем, как ты держался. Голова поднята, плечи расправлены. Ты вел себя очень достойно.

— Я умело скрыл свои настоящие ощущения. А на самом деле был до жути напуган.

Тема была исчерпана.

— В кухне есть матрасы, — сказала Тия. — Тебе тоже не помешает поспать.

Я оглянулся на открытую дверь ночлежки. Кэли спала, свернувшись калачиком, похожая на шестилетнего ребенка. Я бы не удивился, если бы она сунула палец в рот.

— Я думал, что пойду и помогу Квинну следить за обстановкой.

— И избежишь общения с матерью?

— Ты очень догадлива.

— Тогда иди. — Она кивнула в сторону логова. — Ночь будет долгой. Квинн обожает это время. Он предпочитает сидеть один, но вряд ли станет возражать против твоего общества.

Сквозь приоткрытую дверь был виден Квинн, склонившийся над терминалом. Я постучал по косяку, давая понять, что здесь кто-то есть.

— Не возражаешь, если я составлю тебе компанию?

— Садись, друг, — ответил он, указывая на стул рядом с его вращающимся креслом.

Я сел. На экране его монитора было не меньше дюжины серо-белых квадратов, показывавших виды с камер дронов, что зависли в разных местах. Площадь Просперити. Пост охраны у дамбы.

Каменистая прибрежная полоса, освещенная луной.

— Что ты высматриваешь? — спросил я.

— Всякое. Ценно не только то, что видно, но и то, чего не видно. Поясню на примере. Вся северная оконечность Аннекса вроде бы пуста. Ничего примечательного.

— И что?

— Одно из двух: либо они не знают, что мы здесь, — и это хорошо, — либо знают, но не хотят нас спугнуть. А вот это мне уже не нравится.

— Мать рассказывала, что когда-то ты работал на «три-эс».

Квинн по-прежнему смотрел на экран, но я видел, как он поморщился.

— Да. Не лучшее время в моей жизни.

— Что заставило тебя уйти?

— Ответ очевиден: работа на «три-эс».

Несколько минут мы оба молча всматривались в изображения, мелькавшие на экране.

— Не возражаешь, если я задам вопрос? — (Квинн, поглощенный картинками с камер, рассеянно кивнул и что-то буркнул.) — Мать рассказывала, что ее… спектакль пришелся на твое дежурство.

— Да. Это была моя смена.

— Откуда ты узнал, что ее самоубийство подстроено?

— В тот момент я еще не знал.

— Значит, что-то навело тебя на такую мысль.

Квинн развернул кресло ко мне:

— Ты всерьез хочешь поговорить об этом?

— Да, если не возражаешь.

— Что именно она тебе рассказала?

— Только то, что ее самоубийство было инсценировкой.

— Да, инсценировкой. Но с некоторыми недочетами.

— С какими?

— Скажем так. Женщина, которую я увидел ранним утром на экране, всем своим видом показывала, будто намерена кого-то убить. Это стало ясно, когда она задрала голову и посмотрела на зависший дрон. Поверь, глаза не способны врать и выдают даже самых талантливых лицедеев. По ее глазам я понял: что-то не так.

— Что именно ты понял?

— Прежде всего то, что она не с Просперы. Скользящий узел, шланг для дыхания — это было очевидно с первых минут наблюдения. Затем я вывел дрон из общей системы наблюдения и проследил за лодкой, которая доставила ее на

Аннекс.

— Почему ты не сообщил о ней начальству?

— С какой стати?

— Но это же было твоей работой.

— Знаешь, мне никогда не удавалось играть по правилам. Случай с твоей матерью поставил точку в моей карьере. Для такого поступка, казалось мне, должны быть серьезные основания. Мне захотелось узнать о них.

— И теперь ты знаешь.

— Верно, — кивнул Квинн. — Теперь я знаю.

— Мать показывала мне Артефакт.

— Решилась-таки? — улыбнулся он. — И что ты думаешь?

— Не понимаю, как кто-то может считать это священным текстом.

— А почему нет?

— Ты сам его видел? Обыкновенная памятка. В любой конторе их полно.

Квинн откинулся на спинку кресла, скрестив руки на животе. Минуту-другую он безмятежно разглядывал меня, затем сказал:

— Знаешь, в чем твоя проблема?

— Надеюсь, ты просветишь меня на этот счет.

— В общем-то, это проблема большинства людей. Ты много чего знаешь. Но почти ни во что

не веришь.

— А ты веришь?

— Друг, во что верю я, не столь важно. Каждый делает свой выбор. Однако, если хочешь знать мое мнение, скажу тебе так: жизнь — это нечто большее, чем неприглядные подробности. Для меня такой взгляд вполне очевиден.

— В чем его очевидность?

Квинн улыбнулся:

— В том, что жизнь должна иметь некий смысл. Иначе зачем она?

— Я бы назвал твои рассуждения не совсем логичными.

— Возможно, но они помогают мне жить. А это, поверь, нелегко, когда ты годами работал на «три-эс».

— Тогда зачем ты на них работал?

— Очень просто: я хорошо умел это делать. До тех пор, пока не ушел от них. А ты почему стал паромщиком?

— По схожей причине.

— И теперь ты здесь, как и я.

— Я сюда не стремился.

— Я бы не говорил так уверенно. У тебя не прекращались сны. Бывали видения. Сдается мне, друг, что вселенная не прочь пообщаться

с тобой.

— А может, я просто лунатик. Тебя это не приходило в голову?

Квинн отмахнулся от моих слов:

— Ты совсем не кажешься мне лунатиком. Скорее человеком, который еще не открыл свой разум для других возможностей. Рано или поздно ты это сделаешь.

— В тот день, когда мы встретились в автобусе…

— Помню.

— Ты пытался вручить мне книгу. Я запомнил название: «Принципы Учения о Прибытии».

— Я считаю это название ошибочным. Принцип всего-навсего один.

— Да? И какой же?

Вместо ответа Квинн развернул кресло, выдвинул ящик у стола, на котором стоял монитор, и достал экземпляр книги.

— Лучше, если ты сам составишь мнение о ней, — сказал он, протягивая ее мне.

Я раскрыл книгу. Первая страница оказалась пустой. Я пролистал все страницы, до самого конца, и не обнаружил ни единого слова.

— Это шутка? — спросил я, поднимая глаза на Квинна.

— Ни в коей мере. Совсем наоборот.

— Но эта, с позволения сказать, книга состоит из чистых страниц.

— Вот и я о том же. Слова лишь мешают, как и мир. Нужно пробиться к тому, что скрыто под словами, что глубже слов. К Великому Замыслу. В этом и состоит принцип.

Говоря с Квинном, я продолжал машинально следить за экраном. Внезапно что-то привлекло мое внимание.

— Погоди-ка…

Он быстро развернул кресло к монитору:

— Что ты увидел?

— Верхний ряд, вторая картинка слева. Можешь ее увеличить?

Изображение стало более крупным. Домик, показанный сверху. Возле него стояли двое. На них падал свет из окон. Картинка была статичной: дрон просто висел над тем местом.

— А я и не заметил, как она появилась, — признался Квинн.

— Где находится это место?

Квинн прошелся по клавиатуре:

— В просперианской глуши.

— Где именно?

В правой верхней части экрана появилась кар-

та с пульсирующей красной точкой.

— Это в горах близ Виктории. — Квинн недоуменно посмотрел на меня. — Мало ли парочек попадает в поле зрения дронов? Или ты их знаешь?

Мужчина и женщина вели оживленный, даже страстный разговор. Затем женщина резко повернулась к мужчине спиной. Тот протянул руку, но едва его рука легла женщине на плечо, как та дернулась, сбросила его руку, потом отошла и обхватила себя за плечи, словно защищалась от него. Мужчина постоял еще несколько секунд, сокрушенно взмахнул руками и ушел в дом. Лиц видно не было, но опознать человека порой можно и без этого. Жесты, манера стоять и двигаться — все это сродни отпечаткам пальцев.

— Да, я их знаю.

Наш разговор прервался из-за сигнала тревоги.

— Проклятие! — заорал Квинн и ударил кулаком по столу. — Как, ну как я мог это прохлопать?

Он лихорадочно застучал по клавишам. На экране появилось новое изображение.

Склад. Охранники, движущиеся цепью, в шлемах и бронежилетах. За ними — сверкающие корпуса безофаксов.

В логово вошла моя мать, за ней — Тия.

— Что случилось?

— А то, что к нам нагрянула целая орава гостей. — Квинн вскочил с кресла, подбежал к одной из панелей и защелкал выключателями. — Будите ребятню. Я подготовлю систему.

— Сколько у нас времени?

— Две минуты.

— Квинн…

Он повернулся и раздраженно посмотрел на мою мать.

— Уходите и не мешайте мне.

Мы ушли. В ночлежке мать раздавала карманные фонарики.

— Там будет темно, поэтому обязательно держитесь вместе. На развилке свернете налево. Повторите, чтобы я слышала: свернуть налево.

— Свернуть налево.

— Клэр и Паппи, вы пойдете со всеми. Стефано, назначаю тебя старшим.

Раздался грохот, от которого содрогнулось все здание. С потолка полетела пыль. Дети помоложе испуганно закричали. Кэли схватила меня за руку и прижалась к моему боку.

— От меня — ни шагу, — сказал я ей.

— И так понятно, — буркнула она.

— Все уходим, — распорядилась моя мать. — Идем быстро, но без беготни.

Она повела нас по коридору, в конце которого был еще один люк. Подняв крышку, мать приказала всем спускаться. Первым полез Стефано, чтобы помочь спуститься Паппи, далее — Клэр, за ней — их сорванцы. Грохот повторился еще несколько раз. Охранники достигли внутренней двери.

— А где Квинн? — спохватилась Тия, когда в недрах люка исчез последний подросток. — Квинн! — крикнула она.

— Я сбегаю за ним, — вызвался Антон.

— И не думай, герой, — осадила его моя мать. — Мигом спускайся вниз.

— Но это же моя вина! Мне и исправлять!

— Антон, давай без пререканий, — вмешался я. — Тия, держи Кэли за руку.

Я помчался в логово. Квинн скрючился под панелью, водя фонариком.

— Ты почему прохлаждаешься? — удивился я. — Сам же говорил, что надо убираться отсюда.

— Да? А разве происходит что-то важное?

Снова раздался громкий лязг. Охранники шли на штурм. Квинн протянул ко мне руку, шевеля пальцами:

— Сделай одолжение, дай мне кусачки.

— Кусачки? Где они?

— Спокойнее, друг. Маленькие, с синими ручками. Наверняка лежат на столе, у меня над головой.

Я нашел кусачки, нагнулся и вложил их в его руку.

— И все-таки ты можешь поторопиться?

— Как раз это я и пытался тебе объяснить. Имей хоть крупицу веры. — Квинн стал просовывать руку сквозь паутину разноцветных проводов. — Хочешь узнать о моих взглядах на ситуации вроде этой?

— Что-то не горю желанием.

— Все очень просто. Вскоре кое-что произойдет, а потом произойдет еще что-то. Это кажется чепухой, пока не вдумаешься как следует.

С противоположного конца коридора донесся пронзительный визг. Создавалось ощущение, что охранники кромсают металлические листы.

— Высокооборотные пилы. Молодцы, — сказал Квинн.

— Это и есть твое «еще что-то»?

— Не угадал. — Квинн выпрямился, встал перед терминалом и нажал несколько клавиш. На экране появились часы. — Вот оно.

Это были не часы. Таймер.

Девяносто секунд. Восемьдесят девять, восемьдесят восемь…

— Что за чертовщину ты устроил? — спросил я.

— Тебе когда-нибудь хотелось побывать в космосе?

— Нет.

— Тогда бежим.

Мы помчались к люку. Там стояли Тия и Кэли.

— Она отказывалась спускаться без тебя, — пояснила Тия.

Кэли полезла первой, за ней последовали Тия, я и Квинн, захлопнувший люк изнутри. Внизу нас дожидались Антон и моя мать. Еще один коридор. Деревянные балки подпирали потолок и стены. В воздухе воняло гнилью и затхлостью. Я мысленно считал секунды: шестьдесят три, шестьдесят две, шестьдесят…

— Быстрее! — подстегнула нас мать.

Мы пустились по коридору быстрой трусцой. Под ногами хлюпала застоявшаяся вода — источник запаха.

— А почему нужно сворачивать налево? — спросил я Тию.

— Левое ответвление ведет вглубь Аннекса. Оттуда можно перебраться в укрытие.

— А правое?

— На Просперу, в место к северу от лодочной гавани.

Пятнадцать. Четырнадцать. Тринадцать…

— Квинн…

— Думаешь, ты один считаешь секунды?

Впереди появилась развилка.

Четыре. Три. Две.

Одна.

Ничего не произошло.

— Наверное, ты что-то напутал, — сказал я Квинну.

— Ты хоть знаешь, на кого накидываешься? — усмехнулся он.

В следующее мгновение что-то изменилось. Казалось, молекулы воздуха вдруг завибрировали на высокой частоте. Пол туннеля тоже задрожал от мощного энергетического удара, ощущавшегося даже через подошвы ботинок. Мне показалось, что я стою на ковре, который резко дернули. Мощная взрывная волна, прилетевшая сзади, едва не порвала мои барабанные перепонки и сбила меня с ног. Я рухнул лицом в затхлую воду.

И вдруг стало совсем темно. Я шарил в воде, пытаясь нащупать упавший фонарик. По глазам резанул луч света, ослепивший меня на несколь-

ко секунд. Надо мной склонилась Тия.

— Ты как? Не поранился? — спросила она.

Простой вопрос, но я лишь через пару секунд сообразил, как ответить.

— Думаю, нет.

Квинн водил фонариком по потолку. По нему и по стенам поползла паутина трещин, которые становились все шире. Сквозь них, словно песок сквозь пальцы, сыпались пыль и мелкий сор.

— Дело дрянь, — пробормотал он.

— Кэли! — крикнул я. — Где ты?

Девчонка сидела на полу, футах в десяти от меня. Вода перехлестывала через ее ноги. Я присел напротив, взял Кэли за плечи и развернул лицом к себе.

— Дай-ка на тебя взглянуть, дорогая. Ты поранилась? — спросил я, подражая Тие.

— Брр, — нахмурилась она. — Какая тут отвратная вода.

Позади нас раздалось еще несколько взрывов. Квинн направил луч фонарика в ту сторону. Я повернул голову. Опоры складывались и падали, словно костяшки домино.

— Дело совсем дрянь, — заключил Квинн.

Новый взрыв, затем мощный, басовый грохот, но уже с противоположной стороны. Квинн по-

светил туда.

Левое ответвление исчезло. На его месте была гора земли и каменных обломков.

А потом над нами начал рушиться потолок.

Мы побежали.

Туннель у нас за спиной неумолимо исчезал, участок за участком. Мы находились под гаванью. Из трещин в стенах хлестала холодная морская вода, забрызгивавшая лица и одежду. Соль разъедала глаза, ее привкус чувствовался во рту. Сколько мы успели пробежать? С милю? Больше? Можно ли спастись от наступающего океана?

Вода прибывала. Сначала она была мне по щиколотку, затем поднялась до лодыжек. Квинн что-то кричал, но шум воды заглушал его слова. И вдруг он вырвался вперед, разбрызгивая воду и знаками веля нам бежать быстрее. Яркий луч его фонарика плясал по потолку и стенам. Квинн указывал на что-то впереди нас.

То была лестница, вделанная в стену туннеля. Квинн полез по ней, выдавил решетку люка и выбрался наружу. Второй пошла Кэли. Квинн лег на живот, протянул руки и помог ей выбраться. Следующим был Антон, затем Тия. На дне остались только мы с матерью.

— Лезь, — сказал я ей.

Она полезла. Я задрал голову. Квинн молча смотрел на нас. Его бородатое лицо было напряженным. За Квинном темнело ночное небо.

И вдруг что-то с огромной силой ударило меня в спину.

Туннель перестал существовать. Я вцепился в ступеньку лестницы. Мои ноги болтались уже не в воздухе, а в водном потоке, угрожавшем оторвать меня от стены и унести. Голова скрылась под водой. Хватка пальцев, сжимавших ступеньку, слабела. И тут вмешалась другая сила: кто-то крепко ухватил меня за запястье. Мать буквально выдернула меня из-под воды и зацепила мою руку за другую ступеньку, выше этой. Частично высвободившись из-под власти потока, я сумел поднять и вторую руку. Так, поочередно перебирая руками, я поднимался, пока мои ноги не оказались на ступеньках.

Тяжело дыша и кашляя — так как успел наглотаться воды, — я выбрался из люка на тротуар. Мы попали в какой-то переулок. Все окна в соседних зданиях были темными. Рядом стояли громадные контейнеры, доверху забитые мусором.

— Ты как? — спросил я Кэли.

У нее дрожал подбородок. Она стояла, обхватив

руками плечи.

— Х-х-холодно.

— Потерпи немного. Мы раздобудем для тебя сухую одежду.

А с небом творилось что-то странное. Подбрюшье облаков вспыхивало то желтым, то оранжевым. Вскоре я понял: это не облака, а густые клубы дыма. На Аннексе — там, где еще недавно был склад, который мы спешно покинули, — разливалось огненное море. Казалось, огонь охватил весь прилегающий квартал.

— Как ты думаешь, наши сумели выбраться? — спросила Тия у Квинна.

— Они были далеко впереди. Думаю, с ними все в порядке.

Зрелище разрушительного пожара, полыхавшего по другую сторону залива, ошеломило и загипнотизировало всех нас.

— Что теперь? — обратился я к Квинну.

— Для начала надо найти машину. — Он вдруг повернулся и стал всматриваться в переулок, откуда мы вышли. — Постойте. А где Матерь?

Мы повернули назад, окликая ее. Но Синтии нигде не было. Она исчезла.

На руку нам: отсутствие дронов.

Не на руку нам: все остальное.

Прежде чем покинуть свое логово, Квинн запустил вирус в систему управления дронами. По его расчетам, это давало нам несколько часов, свободных от слежки. Возможно, весь остаток ночи. Однако уличные камеры продолжали работать, и любая машина, двигавшаяся по городу в это время, сразу привлекла бы внимание полицейских.

Любая, но не мусоровоз.

Мы вылезли на территории станции по сбору мусора. (Не знаю, может, Квинн так и задумал.) Проникнув в гараж, мы сбросили промокшую одежду и переоделись в куртки и брюки мусорщиков, висевшие в шкафчиках. В кабине было два места. Туда сели Тия и Кэли. Квинн, Антон и я расположились на задней площадке, держась за поручни.

Мы направились вглубь Просперы, держа путь на север. Ехали кружным путем, по окраинам города. Нам нужно было добраться до конспиративного дома, куда Тия и Квинн привозили меня в ту штормовую ночь. Первые минут десять-пятнадцать мы двигались беспрепятственно. Навстречу не попалось ни одной машины. Я уже начал думать, что мы благополучно доберемся до места, как вдруг впереди появились дорожные заграждения.

Квинн вполголоса выругался.

Охранник махнул рукой, требуя остановиться. Тия резко затормозила. Вдоль заграждений стояли еще четыре охранника, державшие руки на поясе. Первый подошел к кабине. В одной руке он держал фонарик, в другой — планшетку с листом.

— Дорога закрыта. Комендантский час.

— Какой еще комендантский час? — хмуро спросила Тия.

— Власти объявили чрезвычайное положение. Дороги закрыты до шести утра.

— Но это мой обычный маршрут. Мне ничего не говорили о комендантском часе.

Ситуация становилась опасной. Охранник осветил фонариком лицо Тии, которая мало напоминала сотрудницу службы сбора мусора, несмотря на мешковатую форменную одежду.

— Претензии будешь предъявлять своему начальству. Кстати, по пути сюда ты не видела чего-нибудь подозрительного?

— Вроде чего?

Охранник щелкнул зажимом, открепил листок с планшетки и протянул Тие.

— Вроде этого красавчика.

Тия сделала вид, что рассматривает фото, потом

вернула листок охраннику.

— Никто мне не попадался. А зачем вы его ищете?

— Спроси чего полегче. Давай поворачивай назад.

Охранник отошел. Тия развернула мусоровоз, и мы покатили в обратную сторону. Отъехав подальше, она остановила машину и вылезла из кабины.

— Не удивлюсь, если все выезды из города блокированы, — сказала она, подойдя к нам. — Надо где-то переждать до конца комендантского часа.

— Есть соображения на этот счет? — спросил Квинн.

Тия задумалась.

— Пожалуй, есть. Кажется, мы проезжали мимо телефонной будки?

Мы поехали дальше и вскоре увидели телефонную будку, стоявшую рядом с автобусной остановкой. Тия снова вылезла из кабины. Вскоре она вернулась со страницей, вырванной из телефонного справочника:

— Нам повезло. Здесь недалеко.

Квинн взглянул на адрес:

— Не самый удачный выбор. Там живут правительственные чиновники.

— У них тоже накапливается мусор.

Он вернул Тие страницу.

— Ты говорила, у нее есть муж. Что ты знаешь о нем?

— Только то, что он разбрасывает свои грязные носки по всей квартире. Но сначала надо добраться дотуда.

Мы вернулись в город. Встречных машин по-прежнему не было. Город казался не спящим, а вымершим. У первого же освещенного перекрестка Тия повернула на север. Мы поехали по дороге, круто забиравшей вверх, и оказались в богатом районе, где улочки были извилистыми, а дома стояли на приличном расстоянии от проезжей части. Ни одно окно не светилось. До рассвета оставалось часа три-четыре. Тия сбросила скорость, еще раз сверилась с адресом и остановилась напротив особняка в классическом стиле: парадное крыльцо со входной дверью располагалось посередине. Оставлять угнанный мусоровоз на улице было опасно. Поколесив, мы нашли подходящее место возле недостроенного дома внушительных размеров. Тия подъехала к заднему фасаду и остановилась. Теперь можно было не опасаться, что мусоровоз увидят с улицы.

Обратно мы шли пешком. На крыльцо подня-

лась одна Тия, остальные спрятались в кустах. Она нажала кнопку звонка. Ответа не было. Тия позвонила еще раз, удерживая кнопку несколько секунд. В окошке у двери вспыхнул свет. Тия подошла к окошку, чтобы ее было видно. С внутренней стороны отодвинулась занавеска.

— Сандра, это Тия. Тия Димополус.

Дверь открылась. На пороге стояла заспанная женщина в халате.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она и удивленно оглядела Тию с ног до головы. — И к чему этот маскарад?

Тия обвела взглядом переднюю:

— Твой муж дома?

— Спит.

— Нам надо пересидеть до утра, пока не кончится комендантский час.

— «Нам» — это кому? — спросила женщина, начав догадываться.

Тия подала нам знак. Мы вышли из кустов и поднялись на крыльцо.

— Тебе лучше не знать подробностей, — сказала она женщине.

— Санди, кого там принесло? — прогремел наверху мужской голос.

— Подруга зашла. Не спится ей. Иди ложись!

— Дня вам мало. Нашла время для визитов.

— Быстро проходите в дом, — шепнула Сандра. Она провела нас через кухню в просторную буфетную и плотно закрыла дверь. — Рассказывай, что стряслось, — обратилась она к Тие.

— Склада больше нет. Туннеля тоже. Мы едва успели выбраться до того, как он обрушился.

— Матерь в безопасности?

— Она была с нами, когда мы поднимались, а потом незаметно исчезла. Куда — неизвестно. Мы пытались выехать из города на мусоровозе, но дороги перекрыты.

— Что вам понадобится?

— Одежда. Машина.

Сандра с понимающим видом кивнула:

— Я сейчас.

Мы молча ждали ее возвращения.

— Мой муж довольно щуплый, — сказала мне Сандра. — Тие и девочке его одежда будет в самый раз.

Мы торопливо переоделись. Я едва сумел застегнуть пуговицы на рубашке, а возня с брюками оказалась сущей пыткой. Антону Сандра принесла спортивные штаны с завязками на поясе и пуловер, который был ему велик.

— Берите мой фургон, — сказала она Тие,

протягивая кожаную цепочку с ключом. — До окончания комендантского часа можете прятаться в гараже. За мужем приезжают в половине седьмого. Дождитесь, пока он не уедет.

— Тебе лучше поехать с нами, — заметила Тия, беря у нее ключи. — Оставаться здесь небезопасно.

— Ничего со мной не случится, — возразила Сандра. — Муж едва обращает на меня внимание.

— Не знаю, сумею ли я тебя отблагодарить. Мы знакомы столько лет. Я и подумать не могла…

— На это и был расчет. Глупенькая Сандра, покупающая слащавые картины. Никаких подозрений.

Тия убрала ключ.

— Кстати, хотела спросить: как у тебя с преподавателем йоги?

Сандра лукаво улыбнулась:

— О, там целая история. Обязательно расскажу, когда мы снова встретимся.

Она вывела нас через кухню в гараж, сиявший чистотой. У одной стены стоял седан, у другой — обещанный фургон с надписью на дверце: «САНДРА УЭСТ. ИНТЕРЬЕРЫ ПО ВАШЕМУ ВКУСУ».

— Не забывайте, о чем я сказала. Как только

муж уедет, не мешкайте. В полдень я заявлю о краже машины. Времени у вас более чем достаточно.

— Если заграждения не снимут, можно ли выбраться из города окольными путями?

Сандра ответила, что можно.

— Поезжайте по Оушен-драйв на север, затем сверните влево, на Хайленд. Справа будет грунтовая дорога. Проедете по ней несколько миль, потом снова повернете направо. И опять окажетесь на Оушен-драйв, но уже по другую сторону заграждений. — Сандра обняла Тию. — Пусть с вами все будет хорошо. И да свершится Прибытие.

Неожиданно дверь гаража с лязгом поднялась. У входа стоял мужчина в шелковом халате.

Как я раньше не догадался? Одежда на щуплую фигуру. Ранний отъезд на работу. Все куски головоломки мгновенно сложились у меня в голове, ибо перед нами стоял не кто иной, как Набиль Уэст, главный юрисконсульт Министерства социального обеспечения. В руке он держал пистолет.

— Не пытайся бежать, Беннет, — сказал он, отбросив былую учтивость. — Наряд охраны будет здесь с минуты на минуту. А ты… — Он махнул пистолетом в сторону Сандры. — Тупая дырка.

Как же я раньше не догадался?

— А иди-ка ты, Набиль, знаешь куда? — сказал я.

— На этот раз, Беннет, Питомник тебе не светит. Ты вляпался по полной.

Стоявшая рядом со мной Кэли по-детски захныкала.

— Это еще кто? — удивился Набиль.

— Помогите! — заскулила Кэли. — Он заставил меня пойти с ним. Сказал, что иначе убьет.

Набиль презрительно поморщился:

— Ты что же, Беннет, опустился до взятия малолетних заложников? Даже для тебя это слишком низко. — Он поманил Кэли левой рукой. — Подойди ко мне, девочка. Никто тебя и пальцем не тронет. — Кэли уткнулась головой ему в грудь. Набиль покровительственно обнял девчонку за спину и обратился ко мне, глядя поверх ее плеча: — И как тебе не совестно жить?

Я рассчитывал, что Кэли двинет ему коленом в пах. Но она опустила правую руку, сложила пальцы в кулак (на вид такой маленький и слабенький) и решительно нанесла удар. Выпучив глаза, он попятился назад, выронил пистолет и сложился, словно перочинный нож, держась за причинное место.

— Ах ты, сучка!

Я схватил с пола пистолет, и в эту секунду вдали послышался вой сирен. Тия уже сидела за рулем фургона, Квинн расположился рядом с ней, остальные, включая Сандру, попрыгали в кузов. Судя по звуку сирен, машины охранников двигались с юга; путь, предложенный Сандрой, был перекрыт. Тия надавила на газ — фургон буквально вылетел на улицу, — крутанула руль влево, и мы понеслись.

— Как выбраться отсюда? — спросила Тия, глядя на Сандру в зеркало заднего вида.

— Через квартал сворачивай вправо.

— Мы снова окажемся на магистрали.

— Все остальные дороги ведут в тупик. Но есть еще один путь.

Все мы, сидевшие в грузовом отсеке, ударились о стенку, когда Тия, почти не сбрасывая скорости, повернула руль.

— Куда теперь?

— Еще четыре квартала — и поворот направо, — сказала Сандра.

И вдруг в ветровом стекле замигали встречные огни. Мимо нас промчались две патрульные машины. Я взглянул в заднее окошко и увидел, что обе затормозили.

— По-моему, они нас зацепили, — сказал я.

Очередной поворот на высокой скорости, и мы стукнулись о другую стенку.

— Есть предложения?! — громко выкрикнула Тия.

— Квинн, давай поменяемся местами, — сказал я.

— Что, прямо сейчас?

— Да, прямо сейчас, — ответил я, помахав пистолетом.

Он перебрался через консоль в грузовой отсек. Мне доводилось стрелять из пистолета. В яхт-клубе был тир, и отец несколько раз возил меня туда. Но с тех пор прошло много лет. Пистолет стал для меня таким же чужеродным оружием, как средневековое копье. И тем не менее, оказавшись на пассажирском сиденье, я открыл окошко.

— Тия, постарайся ехать ровно, без виражей.

Я не испытывал желания кого-либо застрелить, а лишь хотел хорошенько напугать их. Высунувшись из окна, я прицелился в направлении первой патрульной машины и нажал на спусковой крючок. Я не ожидал, что звук выстрела будет таким громким, а отдача — такой болезненной. Пальцы и пистолет задергались. Я понятия не имел, куда попала пуля. Взяв пистолет поудобнее,

я снова выстрелил. На этот раз результат мне понравился: пуля чиркнула по решетке радиатора первой машины, породив сноп искр.

— Держитесь! — крикнула Тия.

Она резко повернула руль вправо, отчего я ударился о стенку. Ехавшие в грузовом отсеке повалились на пол. Хорошо еще, что я не выронил пистолет. Снова завизжали шины, Тия опять надавила на газ, и мы вернулись на Оушен-драйв. Я стал целиться, и в это время из пассажирского окошка первой патрульной машины высунулся охранник. В его руке тоже был пистолет. Последовали три громких хлопка; что-то просвистело у меня над головой. Я поспешил убраться назад.

— Что за чертовщина! — заорал Квинн. — С каких это пор у патрульных появились пистолеты?

— Всем лечь на пол! — распорядился я. — Тия, нужно оторваться от них!

Стекло заднего окна разлетелось вдребезги.

Патрульные почти безостановочно стреляли по фургону. Затем первая машина рванулась вперед и оказалась вровень с нами. Тия вдавила педаль газа до самого пола, крутанула руль влево, задела переднюю часть кузова патрульной машины и оторвалась от преследователей. В погоню за нами увязались еще две машины. Мы ехали по

открытому участку: слева стояли деревья с густой листвой, справа был крутой обрыв, спускавшийся к морю. Мы неслись на бешеной скорости. Сколько пуль осталось в магазине? Я снова высунулся, выставил руку с пистолетом и выстрелил.

Потом еще раз.

И еще.

И еще.

Последний выстрел оказался удачным. Нет, он оказался настоящим чудом. Пуля попала в правую переднюю шину с неотвратимостью стрелы, пронзающей глаз быка. Патрульная машина принялась мотаться из стороны в сторону, с каждым разом проходя все большее расстояние. Я видел испуганное лицо водителя; он отчаянно вертел руль, стремясь удержать взбесившуюся машину, однако исход был очевидным. Передний бампер ударился об ограждение, автомобиль развернулся на сто восемьдесят градусов, накренился и, подпрыгивая, проехал еще ярдов пятьдесят, а потом… Его вынесло с проезжей части, и он приземлился — под скрежет рвущегося металла, осыпаемый осколками, колесами вверх, перегородив дорогу. Водитель второй машины не успел затормозить. Та же участь постигла водителей третьей и четвертой машин.

Последовала ярчайшая вспышка. Потом — грохот, не уступавший по силе мощным раскатам грома. И мы во второй раз за ночь увидели рукотворный огненный шар.

— Охренеть! — послышался голос Антона. — Видели? Ну прямо охренеть!

Я вдруг обнаружил, что у меня мокрое лицо. С чего бы вдруг? Я потрогал щеку.

Кровь.

Сандра как-то странно привалилась к стенке фургона. Квинн дотронулся до ее щеки. Между его пальцев струилась кровь, которой были забрызганы все стенки.

— Останавливайся! — крикнул он Тие.

— Ты что, спятил? — огрызнулась она, потом взглянула в зеркало заднего вида. Глаза Тии округлились от ужаса. — Боже мой!

Сандра сдавленно кашлянула. Оказалось, что кровь течет и из ее рта. Кэли и Антон вжались в противоположную стенку, с немым ужасом глядя на раненую.

— Скоро будет поворот налево, — сказал Квинн.

— Где?

Машина по-прежнему неслась на скорости восемьдесят миль в час.

— Через двести ярдов. По той дороге тоже можно попасть к нашему дому.

Тия сбросила скорость и повернула. Теперь мы ехали, поднимая облако пыли. Мелкие камешки ударяли по колесным нишам. Тия остановилась на полянке, окруженной густыми деревьями. Я выскочил наружу и открыл заднюю дверцу. Вместе с Квинном мы уложили Сандру на траву, туда, куда падал свет из грузового отсека.

— Что нам теперь делать? — спросила Тия, опускаясь на корточки перед Сандрой. Ее душили слезы гнева. — Надо же что-то делать.

Квинн покачал головой:

— Вряд ли мы ей чем-нибудь поможем.

Пуля попала в заднюю часть шеи. Сандра еще дышала, но все слабее и слабее. Ее глаза были открыты, взгляд рассеянно блуждал. Потом она судорожно вздохнула и затихла.

Кэли с изумлением смотрела на тело, из которого ушла жизнь.

— Она что, мертвая? — спросила девчонка.

— Да, — ответил я. — Рана оказалась смертельной.

— Не понимаю. Она ж только что дышала.

Тия осторожно закрыла Сандре глаза. Ночь вдруг показалась мне бесконечной, полной без-

различия и неотвратимости.

— Нужно уезжать отсюда, — сказал я Тие.

Она вскинула голову:

— Уезжать? Куда мы теперь поедем, Проктор? Нам некуда ехать.

Слова сорвались с моих губ раньше, чем я успел подумать. Это было не только правильным, но и неизбежным, словно меня… словно всех нас толкало к этому решению с самого начала.

— Тия, нам вообще нужно убираться с Проспе-ры. По-настоящему. И немедленно, пока в небе нет дронов.

Она внимательно посмотрела на меня:

— Ты говоришь… Все верно? Ты говоришь об этом?

— Назови другие варианты, и мы их обсудим.

— Мы же не знаем, что́ ждет нас там.

— Ты права. Не знаем.

— Там может вообще ничего не быть. Сплош-ной… океан.

— Не спорю. Но те, кто охотится за нами, воору-жены. На Проспере от них не спрятаться.

Тия оглянулась на Квинна. Тот стоял на краю полянки, спиной к нам, запрокинув голову к небу. Казалось, он вел молчаливый спор с космосом.

— Квинн!

— Тия, я слышал слова Проктора, — тихо ответил он.

— И?..

Он помолчал, затем протяжно вздохнул и повернулся к нам.

— Где стоит твоя лодка? — спросил он.

К конспиративному дому мы ехали медленно. Теперь за рулем сидел Квинн. Часы на приборной панели подсказывали, что светать начнет часа через полтора. В фургоне нашлись коврики, которые подкладывают под мебель при перевозке. Мы прикрыли ими тело Сандры. Кэли уснула почти сразу, как только мы вернулись в фургон, — привалилась ко мне и расслабилась. Дышала она ровно и глубоко.

— А ты молодец, просси, — тихо сказал Антон, сидевший напротив. — Здорово ты их уконопатил.

— Спасибо.

— И ты не виноват, что эту тетку застрелили.

Кэли проснулась, как только мы подъехали к дому. Я отправил ее и Антона помогать Тие, собиравшей все необходимое для отплытия, а сам вместе с Квинном вытащил тело Сандры из фургона. Времени хоронить ее не было. Мы внесли убитую в дом, положили на кровать, где

я спал в ту памятную ночь, и прикрыли одеялом. Здесь ей предстояло лежать, пока кто-нибудь не наткнется на тело.

Мы забрали из дома все продукты, способные храниться долго, несколько бутылей с водой, самые ходовые инструменты, одеяла, одежду, пару фонариков и аптечку. Я был бы не прочь добавить к этому рыболовные снасти, но они не попались мне на глаза. Швейный набор, которым пользовалась Тия, зашивая мне рану, по-прежнему стоял на столике в ванной. (События того дня казались далеким прошлым.) Я взял оттуда несколько английских булавок и моток бечевки. Мы отвели на сборы двадцать минут, но управились меньше чем за пятнадцать, торопясь отплыть до рассвета, пока в небе не появились дроны.

Я почти ничего не помнил о той ночи, когда буря разрушила отцовский дом. Увидев, что натворила стихия, я содрогнулся. Свет фар упал на груду развалин, из которой торчали две трубы. Стены и крыша исчезли. Взгляд натыкался на обломки мебели и домашнюю утварь. Казалось, дом взорвался изнутри и все это вынесло взрывной волной. Я облегченно вздохнул, увидев, что ангар не пострадал и «Синтия» по-прежнему покачивается у причала, лишь слегка потрепанная. Пока

я готовил ее к отплытию, остальные перенесли вещи из фургона на причал и погрузили на борт. Я намеревался еще до рассвета отойти от Питомника как можно дальше. Никакой официальной линии разделения не было, она существовала лишь в моем представлении: невидимая граница между нашим миром и тем, что находилось за Завесой.

Мы отчалили. Ветер у самого берега был пугающе слабым, но на открытом водном пространстве стал крепчать и вскоре достиг десяти узлов, после чего его скорость уже не менялась. Однако из-за пятерых пассажиров и груза лодка двигалась медленнее, что усиливало качку, первой жертвой которой стал Квинн. Я услышал его стон и повернулся к нему.

— Если тебя мутит, найди на берегу какой-нибудь огонек и смотри на него. А если дойдет до рвоты, вставай по ветру, чтобы не забрызгать кокпит.

— Принято к сведению, — буркнул он.

Справа по борту появился Питомник. Ветер заметно усилился, и мы шли на вполне приличной скорости.

— Если дроны появятся снова… — начала Тия.

Я понял, что она имеет в виду дроны, запускае-

мые с Питомника.

— Знаю, — коротко ответил я.

Моя рука лежала на руле. Я продолжал следить за небом. Мы плыли в темноте. Сколько еще до рассвета? Мои спутники молчали. Говорить было не о чем. Наша судьба решалась в другом месте, а нам оставалось лишь встретиться с ней лицом к лицу.

Возле Питомника скорость снова упала. Теперь мы еле ползли. Дронов по-прежнему не было. Черный силуэт острова остался позади. Мы удалялись. Что это — чудо? Неужели после стольких мытарств нам удалось беспрепятственно ускользнуть?

— Ага. Вот и они, — сообщил Квинн.

Со стороны кормы к нам приближались шесть дронов. В том, как они двигались, было что-то странное. Крупнее обычных и не такие маневренные, словно каждый нес дополнительный груз.

— Сдается мне, это не разведывательные дроны, — сказал Квинн.

С первого дрона упала светящаяся точка. У самой воды она ослепительно вспыхнула и на бешеной скорости понеслась к нам. Я схватил Кэли за плечи и вдавил в пол кокпита. Шипя и оставляя за собой огненную струю газа, непо-

нятный снаряд пронесся у нас над головой и с оглушительным грохотом врезался в воду перед носом лодки. Нас обдало холодной водой.

— Это что за штуковина? — спросил я.

— Сам хотел бы знать, — ответил Квинн. Он тоже прижался к полу кокпита, прикрывая голову. — Похоже на боевые дроны, стреляющие ракетами.

— Как ты сказал?

Раздался второй взрыв. На этот раз ракета упала ближе. Образовавшаяся волна приподняла нос лодки градусов на сорок пять, а затем стремительно опустила вниз. Нас чудом не смыло за борт.

— Эй, вы, там! — крикнула Кэли. Она сжалась в комок, закрыв ладонями уши. — Прекратите по нам стрелять!

Третья ракета упала за кормой, и лодка встала почти вертикально. Казалось, еще немного — и в корпусе появится пробоина. Вода хлестала через борта, заливая кокпит и каюту.

— Квинн, есть соображения? Ну скажи, что ты начинаешь понимать! — в отчаянии крикнула Тия.

— Ни черта я не понимаю, — буркнул Квинн. — Зачем вообще эти качели вместо прямого попадания?

Я начал догадываться. После каждой встряски воды в кокпите становилось больше. Лодка уже погрузилась ниже ватерлинии. Ракеты ложились вокруг нас, поднимая волны. Дроны словно развлекались, предоставляя морю доделывать начатую ими работу. Я притянул Кэли к себе. Она стучала зубами от холода; ее всхлипывания отдавались в моем теле. «Кэли, я очень виноват перед тобой, — думал я. — Жаль, что я вообще оказался на твоем жизненном пути». С этой мыслью я ждал конца.

А конец не наступал.

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем мой разум отреагировал на тишину. Потом на исчезновение волн. Море сделалось неподвижным. Я осторожно разжал руки, обнимавшие Кэли, и встал. Куда пропало небо? Я не видел ни дронов, ни огней Питомника, не видел даже звезд. Море стало плоским, будто нарисованным. Воздух замер: ни ветерка. И какое-то непонятное ощущение во всем теле.

Может, это и есть прохождение через Завесу?

Квинн встал рядом со мной.

— Ты что-нибудь слышишь? — спросил он.

Я уловил шум текущей воды. Одновременно лодка пришла в движение, словно невидимая

сила потащила нас вперед.

— Что это? — раздался сзади голос Тии.

Я повернулся к носу лодки. Впереди, занимая собой весь горизонт, высилось нечто похожее на стену. По ней поднимались извивающиеся струйки воды, подсвеченные сзади мириадами ярких переливчатых точек.

Это был водопад.

Водопад, устремленный вверх.

Водопад, полный звезд.

Я вытащил из-под планшира аварийное весло и стал грести в обратную сторону. Безрезультатно. Течение было сильным, а лодка, набравшая воды, стала тяжелой, как танк. Шум нарастал и вскоре превратился в грохот, доносившийся со всех сторон. Я сделал последнюю отчаянную попытку застопорить лодку. Течение вырвало весло у меня из рук. Водопад становился все ближе — безумное зрелище, поглотившее собой небо. Его вершина, если она существовала, находилась вне поля зрения. Кончится тем, подумал я, что нас засосет на небеса. Я снова прижал к себе Кэли.

— Держись за меня. Что бы ни случилось, держись за меня.

Она уткнулась лицом в мою грудь и прошептала:

— Мне страшно.

Расстояние между лодкой и водопадом неумолимо сокращалось. Пятьдесят ярдов… двадцать… десять…

— Всем держаться за что только можно! — крикнул я и закрыл глаза.

Часть шестая
Передняя

29

Я вынырнул на поверхность, отфыркиваясь, молотя руками и глотая воздух. Сердце колотилось, чуть не выскакивая наружу. Я крутился в воде, словно угорь.

— Кэли!

Мой голос улетел в пустоту.

— Кэли! Тия! Квинн! Антон!

Никто не откликался. Не было ни водопада, ни «Синтии». Я был один в безбрежном, абсолютно спокойном море. Тогда я запрокинул голову в поисках знака или сигнала с небес.

Голубая звезда.

Держа голову над водой, я поплыл к ней. Плыть было удивительно легко; я держался на воде, почти не прилагая усилий. Я двигался, пока не увидел свет.

Большой корабль, стоящий на якоре. «Ораниос».

Все казалось правильным, словно исполнился некий грандиозный замысел. Делая плавные, почти беззвучные взмахи руками, я приближался к кораблю, с каждым гребком замечая все новые подробности. Внушительная длина.

Статные мачты и элегантный нос. Продуманная до мелочей оснастка и округлые, женственные линии корпуса. Сколько любви и чувства меры вложили в этот корабль! Каким изящным он был, каким величественным! Я остановился, завороженный зрелищем. Это творение человеческого разума и человеческих рук было убедительным доказательством нашей неукротимости, нашего непобедимого духа. Плавать по самым бурным морям, устремляться в звездные дали, прокладывая путь сквозь бесконечную тьму, — вот наше предназначение, единственная наша судьба.

Я поплыл вдоль борта. С корабля не доносилось никаких звуков. Возможно, там никого и не было. Завернув к корме, я увидел на транце название корабля и порт приписки.

ОРАНИОС

АНКОРИДЖ, АЛЯСКА

К корме крепилась лесенка. Я поднялся по ней и толкнул транцевую дверцу, за которой оказался просторный кокпит с большим хромированным штурвалом и навигационными приборами. На палубе царил порядок: паруса, закрепленные вдоль гиков, канаты, сложенные восьмеркой. Деревянные и латунные поверхности сверкали.

На скамейке кто-то оставил для меня аккуратно сложенные полотенце и халат. Я сбросил промокшую одежду, надел халат и спустился в кубрик.

Как и в кокпите, здесь все сияло и сверкало. Для такого судна, как «Ораниос», кубрик был достаточно вместительным. Чтобы рациональнее использовать пространство, его разделили на несколько зон: рабочую с навигационным столом, где лежали соответствующие инструменты, кухонную — Г-образную, с подвесной плитой — и жилую с откидными койками, спрятанными за занавесками. Середину занимала уютная обеденная зона, расположенная под прямым углом к переборке. Там стояли стол и несколько банкеток.

За столом сидела женщина и читала газету.

— Доктор Пэтти? — удивился я.

Она подняла голову.

— Наконец-то, директор Беннет, — тепло улыбаясь, сказала она. — Рада, что вы наконец это сделали.

Не верилось, что во время нашей прошлой встречи она пыталась меня соблазнить. Безупречно белый медицинский халат, волосы, увязанные в конский хвост: облик, который я помнил с юности. Но кое-что в ней все-таки изменилось. От

нее веяло заботой и какой-то глубокой искренностью, как от друга, которому доверяешь. Мне показалось, что я вижу ее такой, какова она на самом деле.

— Устраивайтесь поудобнее, — сказала она, откладывая газету. — Нам нужно о многом поговорить. — (Я сел напротив нее.) — Как вы себя чувствуете? Вам тепло? Вижу, вы нашли халат.

— Я не понимаю, что случилось.

Она кивнула:

— Следовало ожидать. Я здесь, чтобы помочь вам разобраться во всем. — Она подалась вперед и уперла локти в стол. — Скажите, директор Беннет, где, по-вашему, вы находитесь?

Я оглядел кубрик. При внимательном осмотре обнаружились признаки того, что корабль обитаем. Открытый атлас и пластмассовый стаканчик с карандашами на навигационном столе; туфли на мягкой подошве, оставленные у лестницы; сетка с фруктами над камбузным столом — в ней лежали яблоки, бананы и один апельсин. На посудной стойке я заметил несколько тарелок, составленных в ряд.

— «Ораниос», — сказал я, переводя взгляд на доктора Пэтти. — Это «Ораниос».

— Да и нет, — сдержанно улыбнулась она.

— Но на корме есть название.

Доктор Пэтти убрала локти со стола и выпрямилась.

— Помните, мы говорили о ваших снах? Правда, это было очень давно.

— Вы хотите сказать, я был еще зеленым юнцом.

— Я тогда посоветовала вам думать о своих снах не как о снах, а как об отзвуках. Источника уже нет, но звуки остались, и они, словно эхо, отражаются в вашем уме, пока не затихнут.

— Помню.

— Тогда вы без труда поймете мое объяснение. Допустим, это сам предмет, — сказала она, положив руки на край стола. А это, — она передвинула их на другой край, — отзвук предмета, его тень. Вам знакома притча о пещере? Сейчас она будет весьма полезной.

Да, я помнил. Что-то из университетских времен.

— Платон, — сказал я. — Кажется, это один из его диалогов.

— Совершенно верно, директор Беннет. Напомню, о чем идет речь. Нескольких узников поместили в пещеру, посадив лицом к стене. У них за спиной находятся кукловоды, управля-

ющие марионетками, и горит костер. На шею узников надеты колодки, не дающие им обернуться, поэтому их глаза видят лишь тени на стене. Узники смотрят на тени и видят собачку, дом, женщину, выгуливающую собачку перед домом. Им невдомек, что тени на стене — вовсе не предметы, а только отражения предметов… Это объяснение вам помогло?

Я задумался над ее словами.

— Получается, все, что меня окружает… нереально.

— Я бы так не сказала. Скорее это иная реальность. Если угодно, теневая.

Я вновь стал разглядывать кубрик. В поле зрения попало то, чего я не заметил в прошлый раз. Три ярко-желтых непромокаемых плаща на стенных крючках, зацепленные за капюшоны. Пачка с сухим завтраком и открытый картонный пакет с молоком на камбузном столике. И запах. Не смолы или моря, а мягкий, живой, человеческий. Правильнее всего было бы назвать его «домашним». Так пахнет одежда на людях, так пахнут их тела, постоянно перемещающиеся в замкнутом пространстве. Запах жизни, но в каком-то более важном смысле. Что-то до боли близкое.

— По-моему, это место мне знакомо.

— Такие ощущения вполне могут возникать. И не просто так.

— Похоже, я здесь уже бывал. — Я посмотрел на участливое лицо доктора Пэтти. — Вот только не знаю когда.

— Уверяю вас, вы обязательно вспомните.

— А у него есть имя?

— У чего?

Я обвел рукой кубрик:

— Все это. Место, где мы с вами находимся.

— Конечно, директор Беннет. Вы называли это «передней».

— Я?

Она кивнула:

— Да, вы. Вам знакомо это слово?

— Так называют помещение, предшествующее другому. Что-то вроде комнаты ожидания.

— Точно. В данном случае правильнее назвать это место гардеробной. Представьте, что вы одеваетесь к приему гостей или готовитесь пойти по делам.

— Вы хотите сказать, что я здесь не задержусь? Я на пути в другое место?

— Правильно, — кивнула доктор Пэтти.

— Иными словами, я куда-то прибываю?

— Да, директор Беннет.

— И куда же?

Она улыбнулась:

— В этом вся суть. Да, забыла спросить: халат вам по размеру? Вы в нем не мерзнете? Я хочу, чтобы вам было тепло и уютно.

Меня несколько смутила такая перемена темы разговора. Но доктор Пэтти была права: я вдруг почувствовал озноб.

— Должен признаться, я немного озяб.

— Вот-вот. — Она заботливо наморщила нос. — Самое время согреться чаем. — Она встала с банкетки. — Поскучайте немного, пока я ставлю воду и завариваю чай. Это быстро.

Она перешла на камбуз и занялась чаем.

— Скажите, а Пэтти — это ваше имя или фамилия?

Она зажгла газ и поставила чайник.

— На самом деле ни то ни другое. — Женщина достала из шкафчика две чашки, сдула с них пыль и поставила на стол. — Вы назвали меня так. Решили, что другим будет легче запомнить это имя.

И снова я не мог вспомнить, когда это было и с чего я дал ей такое имя.

— Легче? По сравнению с чем? — все-таки спросил я.

Доктор Пэтти встала на цыпочки и сняла с верхней полки небольшую металлическую коробку.

— По сравнению с другим, труднопроизносимым. — Она показала мне коробочку. — Надеюсь, ирландский чай для завтрака вас устроит. Тут была мята, но я забыла, где она лежит. А вы пока посмотрите газету. Вода скоро закипит.

Я понял, что речь идет о газете, которую доктор Пэтти читала до моего появления. Оказалось, что она лежит на соседней банкетке. Я потянулся за ней. Мне вдруг стало еще холоднее; как-никак я надел халат на голое тело, и он оказался не настолько теплым, как я думал. Захотелось поскорее глотнуть горячего чая. Я развернул газету, ожидая увидеть экземпляр «Проспера таймс». Однако то была «Ю-Эс-Эй тудей». Крупный заголовок гласил:

КРИЗИС ВСТУПАЕТ В НОВУЮ ФАЗУ

- Разрушительные бури и лесные пожары множатся, угрожая всем континентам.
- Нехватка продовольствия становится повсеместной, миллионы людей снимаются с насиженных мест.
- Наблюдается рост беспорядков во

всех крупных городах страны.

● Климатические изменения ускоряются. Власти предупреждают о «точке невозврата».

— Есть что-нибудь интересное? — донесся до меня чей-то голос.

Но почему «чей-то»? Естественно, это была доктор Пэтти. Я даже не ответил ей, потрясенный тем, что прочитал. Меня бил озноб. Пальцы одеревенели. Я одновременно хотел и не хотел читать дальше. Заголовки, кричавшие о катаклизмах, и притягивали, и отталкивали, однако меня поражало не это. Глаза скользили по строчкам, но каждая фраза тут же исчезала из памяти, едва я брался за следующую. Мозг удерживал лишь отдельные разрозненные слова и некоторые предложения. «Одичание»… «Массовый голод»… «Экологический коллапс»… И самое ужасающее: «Катастрофа, грозящая вымиранием».

— Я не могу это читать, — сказал я вначале себе, затем доктору Пэтти, подняв голову от страницы. — Почему я не могу это читать?

Однако доктора Пэтти рядом не было.

Свисток возвестил о том, что закипает чайник. Я встал, прошел на камбуз и погасил газ. Стало ти-

хо, отчего внезапное исчезновение доктора Пэтти показалось еще более странным и пугающим. Куда она могла уйти? А если ей понадобилось уйти, почему она оставила чайник на плите?

— Доктор Пэтти! — крикнул я. — Куда вы ушли?

Над головой послышались шаги. Значит, она поднялась на палубу. Я выдохнул и только теперь сообразил, что все это время задерживал дыхание. Мне совсем не хотелось остаться на корабле одному. Испытывая одновременно облегчение и раздражение, я поднялся на корму. Доктор Пэтти сидела, свесив ноги за борт. Значит, она поставила чайник и решила, что успеет поплавать, но плохо рассчитала время. На ней был такой же белый халат, как на мне. Она отжимала воду с волос.

— Доктор Пэтти, что вы…

Слова застряли у меня в горле.

На корме сидела вовсе не доктор Пэтти.

Элиза.

— Упс! — сказала она и смущенно засмеялась. — Ты меня застукал.

Я смотрел на нее. Мой разум совершенно оцепенел.

— Элиза, что ты здесь делаешь?

— Глупыш, я же тебе сказала. Решила немного поплавать.

Мне было никак не собраться с мыслями.

— Но ты никогда не плавала. Ты же ненавидишь воду.

— Не всегда. Иногда она мне нравится. — Элиза запрокинула голову к небу. — Это было так здорово. Словно… плывешь в море, полном звезд. — Она снова повернулась ко мне. — Ну пожалуйста, не злись. Ты же не злишься на меня?

— Нет. Не злюсь, — выдавил я.

— Вот и хорошо. — Она с улыбкой закивала. — Я рада, что ты не злишься. Посиди со мной, — попросила она, похлопав ладонью по доскам палубы.

Я сел. Наши ноги свешивались над совершенно черной водой. Элиза положила голову мне на плечо, взяла меня за руку и сплела свои пальцы с моими.

— Ты помнишь… — начала было она и тут же замолчала.

— Помню… что?

— Просто… — Она набрала воздуха в грудь и, позевывая, стала выдыхать его. — Как счастливы мы были.

Тепло, исходящее от нее, наши соприкасающи-

еся тела. Это ощущение пронеслось сквозь меня как ураган. Появилось новое чувство, стиравшее все остальные. Чувство грусти. Сладостное и печальное осознание того, что неумолимое время уносит в прошлое все происходящее с нами.

— Мы ведь были счастливы. Правда? — тихо сказал я.

— Да, были, — подтвердила Элиза, стискивая мне руку. — Очень, очень счастливы. — А потом: — Прости за то, что я бросила тебя.

— Бросила меня? Ты никогда меня не бросала.

— Увы, бросала.

— И куда же ты ушла?

Теперь ее голос, казалось, звучал издалека.

— Все это время я была здесь, но я оставила тебя одного.

Не знаю, как долго мы просидели на палубе. Над головой светили вечные звезды. Воздух, море, снасти крупного судна, «Ораниоса», — все было объято молчанием и неподвижностью. Звучала одна только тишина.

— Проктор, ты видишь ее?

Голубую звезду. Она главенствовала над всем в ночи, как ярчайший драгоценный камень в небесной короне.

— Я помню, когда ты впервые показал мне ее. —

Элиза придвинулась поближе. — И проговорил: «Вот она. Та самая».

— Когда? — спросил я.

— Что значит «когда»?

Я напрягал мозг и память, стараясь вспомнить.

— Когда я показывал тебе звезду?

Элиза снова зевнула и устроилась у меня под подбородком.

— Ой, это было очень давно.

Ответ показался мне верным. Очень давно, как все остальное. Очень, очень давно. Я стал разглядывать звезды. Не просто светящиеся точечки среди бесконечной тьмы, а удивительное вибрирующее полотно, похожее на картины пуантилистов. Мне вспомнилось слово «твердь». Древнее, забытое слово, происходящее от латинского «firmamentum» — «то, что удерживает». Небо, созданное Богом, дабы отделить воды наверху от вод внизу и небеса от земли.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Элиза. — Должно быть, ты совсем замерз.

Так оно и было. Холод, на время ставший чем-то неважным, вернулся. Элиза встала и протянула мне руку.

— Идем в постель, — сказала она.

Я дал увести себя с палубы. Мы прошли через

кубрик и оказались в узком коридоре с дверями по обеим сторонам; все они были закрыты. Пространство утопало в мягком свете, лившемся неведомо откуда. Коридор заканчивался дверью капитанской каюты: вместительной, с двуспальной кроватью. Каюта не была прямоугольной; ее дальняя стенка выходила на корабельный нос, отчего тот конец кровати был узким. Элиза распустила завязки халата, надетого на голое тело, и сбросила его. Я смотрел на округлость ее беременного живота.

— Уфф! — Элиза резко выдохнула. — Она опять дубасит меня. — Жена села на край кровати. — Проктор, подойди и убедись сам.

Она взяла мою руку и положила на плотный, теплый изгиб живота. Ладонь ощутила пульсации, шедшие изнутри, а потом — нечто вроде удара пяткой. Глаза Элизы радостно засияли.

— Ну как? — спросила она. — Ты почувствовал…

— Да, — ответил я, изумленный этими ощущениями. — Я ее чувствую.

Новый удар, словно вопрос: «Привет! Как вы там?» Потом живот Элизы колыхнулся; похоже, малышка решила перекувырнуться.

— Боже мой, — вздохнула Элиза, округлив

глаза. — Сегодня меня снова ждет беспокойная ночка. От таких ударов не заснешь. — Она посмотрела на меня и улыбнулась. — Ложись со мной, муженек, и я тебя согрею.

Я тоже сбросил халат. Элиза нырнула под одеяло, потом приподняла его, как палатку, чтобы я тоже смог забраться. Простыни были чистыми и прохладными. Легкое, но теплое одеяло обволокло нас троих, точно мягкий кокон. Наши тела переплелись. Секс имеет свою механику, но в этом слиянии не было ничего механического. Исчезли все физические границы, словно мы распылились на атомы, проникнув друг в друга. Это напоминало плавание в море, полном звезд.

— Знаешь, что мы сделали? — спросила Элиза, которая была сверху. Темнота не помешала мне увидеть ее улыбку. Другая комната, другая жизнь. Давно, очень давно. — Мы спасли ее, Проктор. Мы спасли всех.

А теперь утро. Из окон струится яркий солнечный свет. Который час? Во рту кислый привкус, язык распух, стук сердца отдается в голове. Ну и ночка у нас была! Ночь празднования, когда шампанское лилось рекой, когда мы чокались, поздравляя друг друга с победой, и произносили тосты. За Элизу! За Проктора! За Малкольма! За

Тию! За Уну! За Квинна! За всех нас, трудившихся не покладая рук, и прежде всего — за него. За «Ораниос»! Пришли все, даже люди из корпорации. Естественно, притащилась Каллиста («от имени инвесторов»), почуявшая запах денег и взявшая с собой Джулиана. Явились жуткая Регана Брандт и не менее жуткий Набиль из юридической службы. Кстати, не он ли врубил музыку на всю мощь? Мы не успели и глазом моргнуть, как все уже танцевали. Празднество незаметно переместилось из гостиной в патио, а оттуда — к бассейну. Не помню, кто первым разделся и нырнул в бассейн. Пример оказался заразительным, и вскоре все стали сбрасывать с себя одежду и шумно плюхаться в воду.

«Радость моя, не волнуйся, взрослые решили порезвиться в воде. Знаю, что тебе хочется посмотреть. А сколько часики показывают? Ты давным-давно должна спать. Давай я тебя уложу. Пить хочешь?» У подножия лестницы стоит ребенок, он зевает, прикрывая рот ладошкой. В другой руке болтается потрепанная плюшевая выдра по имени Мистер Оттер. «Да, конечно. Обними еще раз дядю Малкольма и пожелай ему спокойной ночи. И мамочку обними… Хочешь посмотреть в волшебный телескоп дяди Малкольма? Только

один раз. Малышка, я тебя тоже люблю, но сейчас мы пойдем в твою комнату, и я уложу тебя в кроватку…»

— Элиза, ты проснулась?

— Который час? — спрашивает она, не поднимая головы от подушки.

Я делаю героическое усилие, приподнимаюсь на локтях и смотрю.

— Вроде начало десятого.

— А если точно?

Я снова падаю на подушку, чувствуя, как мозг ударяется о стенки черепной коробки.

— Подожди немного. Мои глаза еще не включились.

— Боже мой! — стонет Элиза. — Эта голова меня доконает. Позвони администратору. Пусть кто-нибудь придет и задернет шторы.

— Элиза, мы у себя дома. Это наша спальня. И наши шторы.

— Конечно. Я же помню. Я просто тебя проверяла. — Она зевает. — Скажи, мне приснилось или Малкольм вчера на самом деле любезничал на диване с какой-то женщиной?

— Не с какой-то женщиной. Со своей бывшей женой.

Элиза переваривает услышанное.

— Я правильно понимаю, что у твоего брата была жена?

— Совершенно правильно.

Она приподнимается на локтях.

— И ты никогда об этом не рассказывал?

— Ты забываешь, что Малкольм намного старше меня. Мне было лет двенадцать, когда они развелись. По правде говоря, я вообще забыл об этом. Я считал, что и он тоже.

Элиза смотрит на меня:

— В голове не укладывается. Твой брат Малкольм действительно был женат на настоящей, живой женщине?

— Ну да, это не похоже на него.

— Мне никак не представить его женатым. Не хочу его обидеть, но он чем-то смахивает на Железного Дровосека.

— Ее зовут Синтия. Сюжет развивается. Она — гражданский инженер, входит в шестьдесят третью группу.

— Так эта женщина из числа колонистов?

— Малкольм увидел ее фамилию в списках и предложил встретиться. Сдается, он не переставал ее любить.

— Мне тоже так показалось. Посмотреть на них со стороны — прямо сцена из мыльной опе-

ры. — Элиза снова ложится и устраивается у меня на плече. — Малкольм с подружкой, кто бы мог подумать! Что ж, рада за него. За них обоих.

Несколько минут мы молчим.

— Вчера видел, как ты беседовала с Тией, — говорю я. — Рад, что вы нашли общий язык.

— Проктор, мы с ней постоянно общаемся. Было бы глупо подчеркнуто игнорировать ее. — Элиза вздыхает. — Да, застукал ты меня. Если честно, мне она начинает все больше нравиться. Оказывается, у нас нашлись и другие общие интересы помимо… тебя.

Не могу понять, сердится она или шутит. А выяснять не хочется.

— Приятно слышать, — отвечаю я. — Рад, что вы поладили. Я пригласил ее в проект по одной-единственной причине…

— Потому что она крутой профессионал. Ты говорил об этом.

— Я говорил сущую правду. Без нее мы бы не продвинулись так далеко.

— Между прочим, она до сих пор безнадежно влюблена в тебя.

— Давай не будем об этом, — говорю я и хмурюсь.

— Проктор, не прикидывайся дурачком. Ты пы-

таешься убедить меня в том, что совсем ничего не замечаешь?

— Элиза, сколько лет прошло с тех пор? Мы же были подростками.

— Это лишь показывает, как мало ты знаешь о женщинах. И о людях вообще. — Элиза выдыхает мне в грудь. — А по твоей физиономии видно, что тебе это нравится. Две женщины сражаются за тебя. Наверное, от одной мысли об этом у твоего эго возникает мощнейшая эрекция.

— Должен признаться, я заинтригован.

— Ха-ха.

— А как насчет Уоррена? — (Элиза притворно стонет.) — Я знаю, что он с тобой флиртует.

— Проктор, он флиртует со всеми. Это все равно что стать жертвой стрельбы из проезжающего автомобиля. И потом, он — твой друг. Твой давний друг. Разве на встречах вы не говорите об этом? У вас наверняка есть свои мужские словечки для подобных вещей.

— Видно, что ты мало знаешь о мужчинах. Мы любим, когда нам бросают вызов. Это половина влечения.

— Понимаю. В таком случае пожелаю ему удачи.

Я притягиваю Элизу ближе:

— Сообщаю для большей ясности: если бы ты была чьей-нибудь женой, я бы все равно приударил за тобой.

— Очень мило с твоей стороны. Бесстыже, но мило. Может, я даже поддамся искушению. — Она ненадолго умолкает. — Если уж мы заговорили об Уоррене, меня цепляет его машина.

— У тебя… влечение к его машине.

— Ну что я могу с собой поделать? Его маленькая красная машина довольно сексапильна. — Элиза тычет мне пальцем в грудь. — Малыш, купи мне такую же, и я буду любить тебя вечно.

Мы снова умолкаем. Это особое молчание: удовлетворенное, полное смысла. Так молчат люди, которые давно женаты. После такой вот ночки лежать с женой в постели, даже если это не избавляет от всех тягот похмелья, — есть ли что-нибудь лучше этого? Если и есть, то я не слышал.

— А она, наверное, давным-давно встала, — говорит Элиза.

— Наверное.

— Никудышные мы родители.

— Она может приготовить завтрак из хлопьев с молоком. И занять себя игрой или телевизором.

— Но не все утро подряд. Чья сегодня очередь?

— Твоя?

— Номер не пройдет. Твоя. — Элиза переворачивается на другой бок и демонстративно накрывается подушкой. — Разбудишь меня, когда она поступит в колледж. Или когда сделаешь кофе. Но не раньше.

Моя жена умеет решать подобные вопросы в свою пользу — кто бы сомневался! Я встаю, натягиваю спортивные штаны и футболку, спускаюсь в большую гостиную. Все последствия вчерашней вечеринки налицо. Куда ни глянь — пустые и полупустые бокалы, тарелки с недоеденным угощением; мебель сдвинута с мест, в ведре с растаявшим льдом торчат пустые бутылки из-под шампанского, похожие на перевернутые кегли. На глаза попадается пепельница с раздавленным окурком сигары Отто. Эти его чертовы «Монтекристо № 4». (Да где же он ухитряется доставать кубинские сигары при нынешнем хаосе, воцарившемся в мире? У него, конечно, есть способ; для таких, как Отто Уинспир, всегда найдется способ получить желаемое. Не удивлюсь, если он намеревается взять с собой целый сигарный склад.) Сойдя с последней ступеньки, я останавливаюсь и обвожу взглядом все это разорение. «Ну и ночка, — снова думаю я. — Ну и ночка». Если на то пошло, то и утро не хуже. После неде-

ли непрерывных дождей облака рассеялись. Из высоких окон льется великолепный солнечный свет. Синеет небо. Штатив с телескопом Малкольма по-прежнему стоит возле бассейна. Вчера, когда торжество только началось, всем хотелось прильнуть к окуляру. «Вот она! Я вижу!» Гости выстроились в очередь, чтобы заглянуть в телескоп. «Смотрите, какая она голубая, красивая, неописуемо великолепная!» В мире, лишившемся очень многого, возможность заглянуть сквозь пространство и даже время — лучшее развлечение, доступное на вечеринке.

А где же Кэли? Табурет-стремянка подвинут к кухонному столу, где стоят пакет молока и пачка переслащенного сухого завтрака. Из малой гостиной доносится веселый гвалт — по телевизору показывают один из старых добрых мультиков. Думаю, наша малышка уже который час сидит, приклеившись к экрану. Но так ли это плохо? Почему бы девочке не заняться тем, что ей нравится, в это солнечное субботнее утро, когда родители спят? Я ставлю воду для кофе… для того, что нынче называется кофе (как же я скучаю по настоящему!), достаю из-под раковины большой мусорный мешок и начинаю ликвидировать последствия вечеринки, начав со смертельно

вонючей сигары Отто.

Я чувствую себя намного лучше.

Я чувствую себя почти счастливым.

Я совсем не смотрю на небо.

Последняя вымытая тарелка уже готова встать в сушилку, когда снаружи слышится шум. Я поворачиваюсь к окну. Порывом ветра опрокинуло штатив, и телескоп Малкольма валяется на земле.

В этот момент раздается вой сирены.

Есть звуки, от которых сжимается сердце. Один из них — звук сирены. Тарелка выскальзывает из моих рук и разбивается вдребезги на полу, который не подметали уже несколько дней. Я бросаюсь в малую гостиную, где на телеэкране Хитрый Койот[8] прикрепляет к спине ракету. На полу Кэли соорудила из груды подушек нечто вроде гнезда. Внутри, завернутый в несколько одеял, лежит Мистер Оттер. Рядом стоит керамическая миска. Недоеденные хлопья плавают в лужице молока. На полу — ни капли. Какая аккуратная девочка.

Но самой Кэли в малой гостиной нет.

Экран гаснет, из динамиков телевизора слы-

---

[8] Примечания: 8

Хитрый Койот — персонаж американских мультфильмов конца 1940-х гг.

шится шум и механический голос произносит: «Если вы слышите эти звуки, немедленно спускайтесь в укрытие. Если вы слышите эти звуки, немедленно спускайтесь в укрытие».

— Проктор!

Вниз сбегает Элиза.

— Где Кэли? — спрашиваю я жену.

— Не знаю!

— Ты заглядывала в ее комнату?

— Ее там нет!

Мы носимся по дому и кричим: «Малыш, где ты? Кэли, отзовись!» Мое сердце ушло в пятки. Ветер снова и снова ударяет в стены дома. От солнечной утренней идиллии не осталось и следа; за окнами совсем темно. Я слышу, как что-то трещит, ломается и рвется. Я возвращаюсь в большую гостиную. Через другую дверь туда вбегает Элиза.

— Куда она подевалась? — кричит Элиза. — Она должна быть здесь!

И тогда я вижу. Я вижу, и мне кажется, что время остановилось. В каком-то смысле так оно и есть. Отныне моя жизнь будет делиться на две совершенно разные эпохи — «до» и «после». Разделительной чертой стал момент, когда я заметил, что защелка двери, ведущей в патио,

открыта. Я отчетливо помню: сам я защелку не открывал. Я вступаю в чистилище, бесконечное и одновременно существующее лишь в этот миг; часть меня останется в нем навсегда.

Я распахиваю дверь и выбегаю навстречу разбушевавшейся стихии. Телескоп — вот виновник случившегося. Волшебный телескоп дяди Малкольма, очаровавший вчера гостей. Кэли надоели мультики. Родители спят. Защелка двери снабжена фиксатором, но во вчерашней суматохе никому и в голову не пришло поставить его в рабочее положение. Кэли потрогала дверь, обнаружила, что та не заперта, и решила выйти наружу. Конечно, когда светит солнце, звезды прячутся, но в удивительную трубу дяди Малкольма они наверняка видны. Если заглянуть туда, она снова увидит, как вчера, голубую капельку росы, потрясающе красивую.

— Кэли! — заорал я, перекрывая вой ветра. Потом снова: — Кэли!

В воздухе носятся прутики, листья, камешки, ударяя меня по лицу, рукам и ногам, словно мелкая дробь. Облака густеют и темнеют, сбиваясь в бурлящую черную массу. Эти бури — настоящий бич планеты, уничтожающий все на своем пути. Они валят леса, поворачивают реки, рушат дома,

ровняют с землей целые города. Они способны сорвать крышу со всего мира. Они — злобное отродье климатического хаоса, возникшего по вине людей. И сейчас я лезу в самую пасть бури, выкрикивая имя дочери.

Темная фигура на дне бассейна.

Я подбегаю, набираю побольше воздуха и ныряю. Меня окружает тишина. Буря осталась на поверхности, а здесь тихо и спокойно. И холодно. Холод бьет по мне, как электрический ток. Он вот-вот скует мне сердце. Кажется, будто я нырнул в арктическое море, где плавают льдины. Кэли лежит в самой глубокой части бассейна, переместившись сюда под действием силы тяготения и напора слива. Розовая ткань ночной рубашонки колышется вокруг нее, словно колокол медузы. Мысль о том, что я появился слишком поздно, не имеет права на существование, равно как и то обстоятельство, что я полчаса мыл посуду, а в это время моя четырехлетняя дочь тонула. Я подхватываю Кэли на руки, отталкиваюсь от дна и всплываю. Элиза ждет меня у края мелкой части бассейна. Над нами с шипением сверкает молния, завывает ветер, воздух раскалывается от раскатов грома. В воздухе пролетают странные предметы: ветка дерева, пластиковый стул. Я вы-

бираюсь из воды, поднимая дочь на вытянутых руках. Мне вспоминается ночь, когда она родилась. Элиза, утомленная родами, заснула. Я снял рубашку, улегся на койку (медсестра приставила ее к кровати Элизы, чтобы первую в жизни Кэли ночь мы провели вместе) и прижал новорожденную к себе. Кожа к коже. Я читал об этом в какой-то книге. Мне хотелось, чтобы мои звуки и запахи, а также ощущения от меня стали первым, что будет запечатлено в чистом мозгу малышки. Пусть с первых минут жизни она узнает, что я — ее отец. («Это твой отец, — снова и снова повторял я. — Твой папочка».)

Я несу Кэли в дом. Я настолько промерз, что почти утратил чувствительность. Мысли превратились в густой суп. Элиза что-то мне кричит, но я не разбираю слов. Я укладываю дочь на пол. У Кэли кровь на щеке. Откуда взялась кровь? Вскоре я нахожу ответ: малышка порезалась. Рана большая, от правого виска до уголка рта. Как она сумела порезаться? Вскоре становится понятно. Борта бассейна отделаны натуральным камнем, шершавым и в некоторых местах даже острым. Должно быть, она порезалась, когда падала.

— Проктор, она не дышит! — Лицо Элизы перекошено от ужаса. Она находится в невменяемом

состоянии и вряд ли понимает, что делает. Стоя перед Кэли на коленях, она сжимает ладонями лицо дочери и начинает трясти ее. — Кэли, малышка, давай просыпайся!

Когда-то меня учили делать искусственное дыхание и массаж сердца. В средней школе был курс по оказанию первой помощи. Летом мы выезжали на практику, где болтали с девчонками и всматривались в озерную гладь — не нужны ли мы где-нибудь? Нам так и не довелось никого спасти, однако навыки не забылись. Я опускаюсь на колени, зажимаю Кэли носик, наклоняю ей голову и прижимаюсь своим большим неуклюжим ртом к ее маленькому ротику. Губы Кэли холодны, тело неподвижно, без признаков жизни. Одна часть меня знает это, другая — нет. Дважды повторенное дыхание рот в рот, двадцать нажатий на грудную клетку. Я повторяю это снова и снова. Элиза воет, умоляя вернуть Кэли к жизни. Буря продолжает бушевать. Ветер обстреливает стены дома всем, что сумел поднять с земли. Где-то звенит разбитое стекло. Я вошел в зону абсолютного безумия. Мне кажется, что я стою на сцене, устланной темными крыльями. Зрительный зал пуст. Свет единственного прожектора слепит мне глаза. Я надавливаю Кэли на грудь

и вдуваю воздух ей в рот, снова надавливаю и вдуваю. Малышка не подает признаков жизни и не дышит. Никакой надежды, однако я не могу сдаться. Кэли, вернись ко мне!

— Директор Беннет!

Кэли, не уходи!

— Директор Беннет, вы здесь?

У меня что-то с горлом; кажется, оно опухло. Во рту — горький химический привкус. Я пытаюсь сглотнуть, но кажется, будто в горле застрял кулак. Я начинаю задыхаться. Животный ужас сжимает мне сердце. Элиза! Помоги мне!

— Вам нужно всего лишь открыть рот и дышать.

Я давлюсь, хриплю, молочу руками и ногами. Судорога сводит тело, словно оно собирается чихнуть. Изо рта и носа выплескивается вязкая жидкость. Я кашляю, снова давлюсь, потом меня выворачивает.

— Так лучше, директор Беннет. Вам надо дышать, и только.

Кто это обращается ко мне по имени? Может, это Бог? И свет! Нестерпимо яркий, терзающий глаза. Все равно что смотреть на ярчайшее из солнц.

— Алле-оп!

Меня поднимают, потом снова укладывают. Подо мной клацают колесики. Меня куда-то везут на каталке. Желудок сводит от позывов к рвоте, голова кружится, как у пьяного. Холод сменился новым ощущением — легкими прикосновениями ко всем частям тела, словно там разгуливает целая армия муравьев. Боясь нового удара света по глазам, я приоткрываю их, совсем чуть-чуть. Надо мной проплывает потолок, но что это за потолок?

— Ну вот и приехали.

Меня опять поднимают и перемещают на другую поверхность. Ощущения, которые я сейчас испытываю, мне не с чем сравнить. То, на чем я лежу, принимает форму моего туловища, рук и ног. Давление равномерно распределяется по всему телу. От поверхности исходит приятное тепло, согревающее меня до самых костей. Я чувствую укол. Похоже, в мое предплечье ввели иглу.

— Отдыхайте, директор Беннет. — Голос звучит тише. Наверное, тот, кто говорит со мной, отошел. — Худшее позади. Вскоре вы почувствуете себя лучше.

«Постойте! — кричит мой разум. — Верните меня обратно! Я должен ее спасти. Я должен спасти Кэли!» Однако я не могу произнести ни слова.

Дверь закрывается, и я остаюсь один.

Кэли!

Тишина. Темнота. Я плачу.

30

Сначала вода, потом огонь.

Она находит лестницу и вылезает на причал, попав в полосу сильного жара и дыма. Повсюду гудит и трещит пламя пожара. Раскаленные угли взмывают вверх, и жаркий ветер подхватывает их. Он и сам наполнен пламенем. А сверху падают груды пепла, похожие на крупные серые снежинки. Она бредет вдоль причала, стараясь не обжечь босые ноги. Туфли она потеряла еще у того люка, где Проктор и другие выбирались наверх. Она помогла Проктору, а сама снова нырнула в воду. Чтобы не задохнуться от дыма, она прикрывает нос и рот мокрой рубашкой.

Вот и проход, выводящий на улицу. Люди оцепенело стоят вдоль тротуаров и смотрят на пульсирующее оранжевое зарево, занимающее почти все небо. Есть и те, кто торопится убежать от огня; многие тащат на себе малолетних детей и узлы с пожитками. Почему-то молчат сирены. И пожарные до сих пор не появились. Наверху принято решение: пусть все сгорит. Не важно, кто его принял, Каллиста или вся Коллегия. Ждать помощи бесполезно.

К восходу солнца она добирается до места встречи — старого заколоченного склада, второй этаж которого переделан под квартиры. Сейчас они пустуют. Она огибает здание и входит в комнату на первом этаже. Мебели нет. Обои на стенах содраны до штукатурки. Она опускается на корточки и разглядывает следы на пыльном полу.

Сзади на пол падает тень. Мгновение страха. Она вскакивает, потом облегченно вздыхает. Это Стефано.

— Все наши выбрались? — спрашивает она.

— Мы потеряли Паппи, — отвечает Стефано.

— Что значит «потеряли»?

— Было темно. Он был с нами, а потом раз — и его нет. Это все, что я знаю. — Он кивает в сторону лестницы. — Остальные там.

Они поднимаются на второй этаж и толкают дверь квартиры, выходящей на фасад. Ребятня улеглась прямо на полу. Почти все спят. Клэр сидит, привалившись к стене. Судя по лицу, она выплакала все слезы. Синтия рассказывает Клэр, что Тия и другие благополучно выбрались на поверхность.

Разговор прерывается из-за шума снаружи. Синтия подходит к окну, возле которого уже стоит Стефано. По улице движутся безофаксы. За ними

— охранники в шлемах и с дубинками наготове.

— Они повсюду, — говорит Синтии Клэр. — Ходят по домам. Выдергивают людей наугад.

Воздух прорезан женским криком. Охранники выволакивают женщину из дома на противоположной стороне улицы. Следом выскакивает мужчина — вероятно, муж. Он пытается вмешаться и сразу же получает сильный удар дубинкой по лицу. Двое охранников ногами избивают женщину. Та свернулась в плотный клубок. Синтия наблюдает за этой расправой, и у нее сжимаются кулаки. В глазах темнеет. В ушах стучит пульс. Избитую женщину вместе с мужем втаскивают в фургон, стоящий наготове.

— Не вздумай, — говорит Стефано.

Остальное понятно без слов: «Я знаю, о чем ты думаешь. Ты не успеешь сделать и десяти шагов».

Синтия набирает воздуха и медленно выдыхает.

— Мы должны отыскать Паппи.

— Матерь, послушай меня. Я понимаю твои чувства. Но надо, чтобы все подостыло.

Синтия оглядывает комнату. Здесь небезопасно, но куда еще им идти? Она чувствует себя истерзанной.

— Поспи, — настоятельно советует ей Стефано. — Я успел вздремнуть и теперь подежурю.

Его слова действуют на нее как заклинание; она вдруг чувствует себя уставшей, настолько, что едва держится на ногах. «Я совсем состарилась, — думает она, — и тело напоминает мне об этом. Оно меня предало». Когда она успела состариться? Она просит Стефано сразу же разбудить ее, если вдруг что, потом садится рядом с Клэр, приваливается спиной к стене и закрывает глаза. Ноздри по-прежнему ощущают запах пожара, в ушах стоят крики; она видит лицо Проктора, спасенного ею от бушующей стихии. Так поступил бы каждый, но в тот момент рядом с ним никого не оказалось. Только она.

И вновь Синтия думает о той ночи, когда ушла из дома, оставив мужа и сына. Малкольм за столом, спрятавший лицо в ладонях; потом они легли, и она держала его в объятиях, пока он не заснул. Вспоминаются серый рассвет, путь к берегу и тепло в руках, разогретых греблей. Дом становится все меньше, затем исчезает из вида. А дальше — боль, кровь и тяжелый якорь в руках, с которым она прыгнула за борт. Когда вода сомкнулась над головой, у нее на мгновение мелькнула мысль: не уйти ли на дно вместе с

якорем? Просто, быстро и наверняка. Погрузиться в непроглядную темноту, где нет ни тревог, ни забот.

Но она этого не сделала, и теперь, спустя столько лет, сидит на грязном полу в обшарпанной комнате. На что она надеялась, чего хотела от жизни? Усталость берет свое, и, невзирая на яркий утренний свет, она засыпает.

Проходит время. Постепенно в ее сон врываются крики, шум и грохот, которые становятся все громче. Ее разум начинает просыпаться — медленно, потом быстрее. Она открывает глаза. В комнате темно. Получается, она проспала весь день. Ребята облепили окна. Там же стоят Стефано и Клэр. Синтия встает и тоже подходит к окну. Улица пуста. Ни огонька. Шум доносится со стороны дамбы. Ей не послышалось?

— Прибытие свершилось! Прибытие свершилось! Прибытие свершилось!

Синтия смотрит на Стефано и по его глазам понимает, что он думает о том же.

Началось.

31

В другом месте Тия медленно приходит в себя и моргает, ощущая болезненную сухость в глазах. Вокруг слишком светло. Она еще какое-то время лежит, пытаясь сообразить, где находится.

«Это корабль? — думает она. — Разве я не была на корабле?»

Но воспоминания не выстраиваются в единую цепь. Тия обнаруживает, что лежит голая, прикрытая тонкой простыней. Она поворачивается и опускает ноги на пол. Суставы одеревенели, руки и ноги будто сделались дряблыми и медлительными. И еще у нее что-то со зрением: окружающие предметы видятся близкими и в то же время далекими. Она осторожно касается пола босыми ступнями. Пол холодный, как камень, хотя выложен не каменными плитами, а металлическими пластинами. Тия решает, что попала в больницу. В таком случае понятно, почему ее окружает сплошная белизна: стены, пол и все остальное — белого цвета. Она поворачивает голову. У изголовья кровати стоит металлическая тележка, на которой разложены медицинские инструменты: молоточек невропатолога, ман-

жета от тонометра, стетоскоп. Рядом находится стойка для капельницы. Тия вспоминает, как что-то больно кольнуло ее в руку. Она смотрит на место укола. Там, где был персональный монитор, белеет небольшая повязка, закрепленная лейкопластырем.

Держась за край кровати, она встает, ощущая легкость и тяжесть одновременно, словно вместо головы у нее — большой полый камень. В поле зрения попадает другая часть комнаты. У противоположной стены находится умывальник, а над ним — зеркало. Рядом, на крючке, висит одежда — что-то вроде рабочего комбинезона, — тоже белая. На полу — белые сапоги. Таких раковин она еще не видела: ни кранов, ни раструба смесителя. Может, это вообще не раковина? И крепление какое-то странное; точнее, его вообще нет. Раковина просто выпирает из стены. Весьма странный предмет. Тия удивляется тому, что определила его назначение. Должно быть, подсказка пришла из какого-то отдела мозга, еще не до конца включившегося в работу.

Зеркало манит ее к себе. Когда Тия встает возле него, по краям вспыхивает приятный мягкий свет. Отражение тоже отличается от привычного, больше напоминая трехмерное изображение

комнаты, в которой она находится. Такое ощущение, будто она смотрит в окно на похожую, но иную реальность. Вспоминаются заколдованные зеркала из детских книжек.

Она наклоняется к зеркалу. Да, оттуда смотрит ее лицо, но в нем есть что-то… странное. Какие-то иные черты. Седые пряди в волосах, паутина морщинок в уголках глаз. Тия протягивает к зеркалу палец; другая Тия делает то же самое. Вторая Тия кажется настолько реальной, что первая даже испытывает легкое ошеломление, когда ее палец ощущает не тепло от пальца по ту сторону зеркала, а прохладную поверхность стекла.

Она опускает руки в раковину, и из верхней кромки начинает литься вода. Тия пьет, стараясь прогнать изо рта неприятный привкус, затем умывается. Вода, чистая и прохладная, ничем не пахнет. На закругленном столике рядом с раковиной кто-то оставил полотенце, зубную щетку и белый тюбик без этикетки. Догадка Тии подтверждается: в тюбике — зубная паста. Она долго чистит зубы, затем начинает рассматривать одежду.

Эту одежду наверняка оставили для нее. Тия расстегивает молнию комбинезона и влезает в него. Ткань, мягкая и эластичная, имеет рельеф-

ную текстуру и прекрасно облегает тело. Тия присаживается на кровать и надевает сапоги из той же губчатой ткани, что и комбинезон. Кажется, это даже не сапоги, а носки, но, надетые на ноги, они сразу твердеют и сидят как настоящая обувь.

Тия подходит к двери. Ручки нет, но рядом, на стене, она замечает маленькую панель без каких-либо обозначений. Когда Тия подносит к панели руку, дверь с легким шипением убирается в стену, открывая проход.

Она высовывает голову и видит коридор, который тянется в обе стороны. Постояв у порога, она выходит в коридор. Дверь комнаты закрывается. В этот момент уши Тии улавливают слабый пульсирующий звук, напоминающий удары сердца. Она вертит головой, пытаясь определить, откуда он исходит. Звук словно идет отовсюду. Вскоре она замечает еще одну странность: пол коридора — не плоский, как обычно, он слегка загибается вверх с обеих сторон. Получается нечто вроде чаши, на дне которой стоит Тия.

Она выбирает направление и идет. Коридор под ногами поднимается, но ощущения подъема почему-то нет. Кажется, будто она застыла на месте, а коридор движется мимо нее. Вокруг тихо,

если не считать ее мягких шагов и этого вездесущего звука.

Впереди появляется чья-то фигура. Тия останавливается, затем осторожно приближается. Фигура явно мужская. На мужчине такой же белый комбинезон, как и у нее. Он стоит к Тие спиной. Она слегка кашляет. Мужчина не реагирует. Тогда она кричит:

— Привет!

Мужчина не поворачивается. Чувствуется, что он поглощен своими мыслями. Тия подходит ближе и останавливается футах в двадцати от него.

— Квинн, это ты?

Он оборачивается. Мужчина, стоящий перед ней, — действительно Квинн, ее старый друг. Однако в глубине души ей кажется, будто она смотрит на совершенно незнакомого человека. Он тоже выглядит старше: в бороде заметна проседь. И в то же время он выглядит более здоровым и мускулистым, чем прежний Квинн. Глаза ясные, без признаков усталости.

Квинн щурится на нее.

— Ты выглядишь по-иному, — говорит он, запрокидывая голову.

— И ты тоже.

Некоторое время они молча смотрят друг на

друга.

— Где мы? — спрашивает Тия.

— Это ты привела меня сюда.

— Но у тебя такое чувство, что ты знаешь, где мы. Ответ вертится у тебя на кончике языка.

— Да. — Квинн снова умолкает, затем спрашивает: — Ты помнишь корабль? Я не про «Синтию», а про другое судно, гораздо более крупное.

Квинн прав: корабль действительно был. Тия вспоминает, как плыла по безбрежному сине-черному морю и вдруг на фоне неба возник силуэт корабля. Помнит она и то, как удивительно легко было плыть: движения почти не требовали усилий. В кормовой части была лестница, она быстро поднялась на корму, успев прочитать название судна…

— «Ораниос», — удивляясь сама себе, говорит Тия и смотрит на Квинна. — Корабль назывался «Ораниос»?

— Да.

Вспоминается еще кое-что.

— На борту была женщина. Врач. Она приготовила мне чай.

— Доктор Пэтти.

— Она показывала тебе газету? Помню крупный заголовок о…

— О кризисе. «Кризис вступает в новую фазу».

Они снова умолкают, будучи не в силах объяснить эти факты.

— А ты была еще где-нибудь? — спрашивает Квинн. — В смысле, кроме корабля.

— Ты о чем? — Квинн не отвечает. Он умалчивает о чем-то. Тия видит это по его лицу. — Квинн, поясни.

Проходит еще несколько секунд.

— Это может показаться бредом, но думаю, что я встретился со своей матерью.

— С приемной матерью?

— Нет, Тия. С моей настоящей матерью. — Упоминание о матери выводит Квинна из равновесия, и ему требуется время, чтобы взять себя в руки. — Мы были в больнице. Я сидел на кровати и держал мать за руку. Я знал, что она умирает. Она почти облысела, кожа стала как бумага. Я думал, она не проснется, но потом она открыла глаза и улыбнулась мне. Эту улыбку я никогда не забуду. «Ты — мой хороший мальчик, — сказала она. — Мой очень хороший мальчик. Я так тобой горжусь». Я потянулся, чтобы обнять ее, но ее уже не было. Она просто… ушла из мира живых.

Квинн не в состоянии продолжать. Тия не знает, что́ сказать ему и надо ли что-нибудь говорить.

Она никогда не видела Квинна таким. Она протягивает к нему руку, но он пятится и поднимает свои, чуть ли не в панике.

— Я в полном порядке, — говорит он и тут же повторяет: — Я в полном порядке.

Тия ждет.

— Это место, — наконец говорит Квинн.

— Знаю, — кивает она.

— Это…

— Да.

Квинн смотрит в один конец коридора, затем в другой, что-то прикидывает, потом говорит:

— Идем.

— А-а, директор Беннет. Вы проснулись.

Я лежал на кровати. Я не знал, где и каким образом вернулся в сознание. Возможно, я провалялся в этом месте несколько часов. В голове было пусто; ни одной мысли. Болело все тело.

— Скажите, директор Беннет, как вы себя чувствуете?

В поле зрения появилась чья-то фигура. Я заморгал, прогоняя сон, и увидел лицо. Да не просто лицо. Челюсть боксера, широкий мужской лоб, сверкающие глаза, заискивающая улыбка лакея, всегда готового услужить.

— Бернардо? — удивился я.

Это был он и не он. Лицо его было жестким и неестественным, как у манекена, а тело оставалось человеческим только до пояса. Дальше начинался шарнирный механизм, как у сервофаксов.

— Рад, что вы меня помните, директор Беннет. Прекрасный знак.

Мой распухший язык едва ворочался внутри пересохшего рта.

— Я на Питомнике?

В недрах механического тела Бернардо что-то слегка заверещало.

— Я ничего не знаю о Питомнике. А вы сейчас находитесь в зоне выздоровления.

Выздоровления после чего? Я попытался напрячь память, однако вспомнил лишь какой-то корабль или лодку.

— У вас дезориентация, — продолжил Бернардо. — Не волнуйтесь, это скоро пройдет.

— Помоги мне встать, — прохрипел я.

— Директор Беннет, вам следует лежать. С вашего позволения…

— Ты же мой сопровождающий. Забыл?

Из нутра Бернардо донеслось новое верещание. Голова задергалась, как у птицы.

— Сэр, что это значит — ваш сопровождаю-

щий?

Беседовать с ним было бессмысленно.

— Не важно. Я сам.

Мне действительно следовало лежать. Едва я приподнялся на локтях, как мозг заколыхался внутри черепной коробки, а комната тошнотворно накренилась вбок.

— Директор Беннет, принести вам тазик?

Я сглотнул. В горле царапало, рот был полон отвратительной горечи.

— Спасибо. Обойдусь, — буркнул я.

Волевым усилием я перевел туловище в вертикальное положение, одновременно попытавшись спустить ноги на пол. Шансов сделать это и не потерять сознание было пятьдесят на пятьдесят, но едва мои босые ступни коснулись пола, как в голове наступило прояснение. Я вдруг обнаружил, что совершенно гол. Сделав несколько успокоительных вдохов-выдохов, я осмотрелся. Помещение было очень похоже на больничную палату. Почему-то вспомнился кабинет доктора Пэтти. Ничего более осмысленного об этом месте я сказать не мог. Судя по ощущениям, совсем недавно я пережил сильную эмоциональную травму, однако с чем она была связана, я не помнил. Только сам факт травмы.

Не лучшим образом действовала на меня и странная… необычность всего, что меня окружало: пола, стен, кровати, воздуха и собственного голого тела. Я не знал, что именно меня цепляет; я даже не мог подыскать определение этому ощущению. Легкое экзистенциальное беспокойство. Пожалуй, так. Казалось, будто все слегка изменилось чуть ли не на молекулярном уровне.

— Директор Беннет! — (Я посмотрел на неподвижную физиономию Бернардо.) — Хотели бы вы возобновить исполнение своих обязанностей? Я был бы очень рад вам помочь.

— Обязанностей, — повторил я. — Бернардо, подскажи — каких именно?

— Я говорю об обязанностях директора.

— Так… По твоим словам, я остаюсь директором и здесь.

— Совершенно верно. Вы — единственный директор. Другого нет.

Прежде чем я успел расспросить Бернардо как следует, за его спиной открылась дверь и ушла в стену. Появился второй сервофакс. Ему постарались придать черты лица Ицхака, бородатого официанта.

— Директор Беннет, вы замечательно выглядите. Рад сообщить, что у меня была возможность

провести предварительную диагностику. Показатели всех систем в норме. Могу также сообщить, что доктора Димополус и Доус отдыхают в комфортных условиях.

Доктора?

— Так Тия и Квинн тоже здесь?

— Да, директор Беннет. Даниэлла отправилась проведать их. Полагаю, вскоре они уже будут на ногах.

— А как насчет доктора Пэтти? Она тоже где-то рядом?

Этот вопрос озадачил обоих. Мне ответил Бернардо:

— Понял. Вы имеете в виду Персональный Электронный Тестирующий Интерфейс.

Персональный электронный тестирующий интерфейс. ПЭТИ[9]. И второе «т» для благозвучности.

— Отведите меня к моим друзьям, — потребовал я.

— К каким друзьям, сэр?

— Как ты их назвал? Доктора Дипомолус и Доус?

— Конечно. Но вначале вам, скорее всего, захо-

---

[9] Примечания: 9

В оригинале — PATI: Personal Arrival and Transition Interface (интерфейс персонального прибытия и перехода).

чется посетить купол и проверить наш статус.

Предложение понравилось мне. В нем ощущалось что-то определенное.

— Да, — сказал я. — Хорошая мысль. Отведите меня в купол.

Ицхак развернулся на тележке, заменявшей сервофаксам ноги, и отправился выполнять другие неотложные дела. Бернардо подал мне костюм, напоминавший то ли рабочий комбинезон, то ли детскую пижамку. Едва я облачился и застегнул молнию, как ткань сжалась, приняв форму моего тела. То же произошло и с сапогами.

— Веди! — приказал я Бернардо.

Пол в коридоре поднимается все выше. Бредя по нему, Тия и Квинн оказываются перед дверью. Рядом, на стене, тоже есть панель, а чуть выше — табличка с надписью: «БАГАЖНЫЙ ОТСЕК 1». Квинн взмахивает рукой перед панелью, и дверь открывается.

Как только они входят, зажигается свет. Помещение, куда они попали, поражает своими размерами и высокими потолками. Вероятно, это склад. Справа и слева тянутся ряды полок, уставленных ящиками, теряясь вдали. Пол на складе тоже слегка загибается вверх. Все ящики одинаковы по размеру и сделаны из одного и того

же белого материала. Каждый снабжен длинным номером. Тия замечает, что номера идут по возрастающей, и, достигнув верхнего ящика в ряду, переходит к первому нижнему ящику следующего ряда. Выбрав наугад один из ящиков, она подходит ближе. Высота ящика вдвое больше ее роста, и он вполовину шире, чем Тия. Его номер — 2881.15. Тия быстро догадывается, что цифры после точки служат адресом ящика: багажный отсек 1, ряд 5.

— Что у них внутри? — спрашивает Тия.

Квинн стоит, задрав голову, и тоже разглядывает «стену» из ящиков. Через несколько секунд он отводит взгляд и говорит:

— Идем дальше.

Они продолжают двигаться по главному проходу. Сзади и спереди их сопровождает темнота; освещается только тот участок, по которому идут они. Через какое-то время они попадают в машинный парк с тракторами, погрузчиками и тяжелыми грузовиками. Есть машины поменьше, с крепкими корпусами и крупными шипованными шинами. Их бамперы крепятся цепями к специальным тумбам в полу.

— М-да… — роняет Квинн.

Их поход по складу продолжается. Тие хочется

пить, а еще ей нужно помочиться. В ней нарастает раздражение.

— У этого склада будет конец?

Квинн, идущий рядом, не отвечает. Слышал ли он ее вопрос? Тия сомневается. Она уже готова заявить о пересохшем горле и переполненном мочевом пузыре, когда склад неожиданно заканчивается.

Они подходят к массивной двери, похожей на гаражные ворота. Наверное, за ней лежит внешний мир. Тию вдруг охватывает страх.

— Готова? — спрашивает Квинн.

— Прошу сюда, директор Беннет.

Я пошел по коридору вслед за Бернардо.

— Слушай, а мы что, идем по склону холма? — сделав несколько шагов, спросил я.

— Какого холма, сэр?

— Не знаю, но пол все время поднимается вверх.

— Прошу меня извинить, директор Беннет, но, боюсь, я не понимаю вашего вопроса. Коридор не поднимается и не опускается.

Может, у меня что-то с глазами? После всего, что мне пришлось пережить, такое вполне возможно.

— Ты говорил о куполе. Расскажи о нем по-

дробнее.

— Купол, директор Беннет, — это место, где вы работаете.

— Понятно. И чем же я занимаюсь?

— Вы являетесь директором, сэр. — Бернардо сделал паузу и продолжил: — Вижу, вы по-прежнему испытываете некоторые трудности. Возможно, когда вы окажетесь в куполе, вам многое станет понятно. Я знаю, что там вас ожидает послание. Наверняка вы сочтете его информативным.

— Послание? От кого?

— От вас, директор Беннет.

Квинн машет рукой перед панелью управления. Дверь начинает медленно подниматься к потолку, с лязгом и грохотом.

По другую сторону лежит безграничное пространство. В нем царит непроницаемая темнота. Тия и Квинн вступают в него, но еще раньше там оказываются их тени, тянущиеся по полу. Меняется воздух; он становится разреженным и холодным, словно в подземном склепе. Когда глаза Тии привыкают к темноте, она различает светящиеся точки. Те мерцают, как светлячки.

— Сюда, — говорит Квинн.

Он набрел на полукруглый стол. Там же стоит

вращающееся кресло. Он выкатывает кресло и садится. Что это? Подобие ЦИС-терминала? Но на столе ни экрана, ни клавиатуры. Поверхность стола гладкая, с закругленными углами.

— Квинн, что это за штука?

Он внимательно рассматривает поверхность стола, словно разгадывает головоломку. И вот она почти разгадана, осталось лишь поставить на место последние фрагменты. Квинн замирает, затем опускает ладонь на стол.

Все оживает. На поверхности стола появляется надстройка с перемигивающимися огоньками, а рядом с ладонью Квинна — клавиатура. Над клавиатурой повисает большой, ярко освещенный прямоугольник экрана с крупной надписью:

ОРАНИОСЦИС

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ДОКТОР ДОУС

— Вот мы и пришли.

Перед нами — дверь. В стену на уровне глаз вделан стеклянный прямоугольник.

— Это и есть купол?

— Нет, сэр. Это следующий отрезок пути к куполу. Соблаговолите подойти к идентификационному устройству в стене и посмотреть прямо в него.

Я сделал так, как сказал Бернардо. В верхней части стеклянного прямоугольника вспыхнула тонкая красная линия. Она спустилась вниз, затем снова поднялась. Появились слова:

БЕННЕТ П., ДИРЕКТОР
ДОСТУП РАЗРЕШЕН

Дверь ушла в стену. В проеме я увидел кабину лифта.

— Директор Беннет, желаете, чтобы я сопровождал вас до купола?

Я вдруг почувствовал сильное желание избавиться от него.

— Благодарю, Бернардо. Дальше я сам.

— Отлично. Ицхак уже активировал поле. У вас не должно быть никаких затруднений.

— Понятно, — ответил я, хотя ничего не понял. — Поблагодари его от моего имени за… активацию поля.

— Непременно передам ему вашу благодарность, директор Беннет. Возможно, вы помните, что для открытия купола достаточно произнести слова: «Система, открой купол».

— «Открой купол». Понял, — сказал я и вошел в кабину. — И последний вопрос. Ты говорил, что я оставил себе послание. Когда я это сделал?

— У меня нет точного ответа, директор Беннет.

— Более или менее.

— Я не склонен строить предположения.

— А ты попробуй.

— Судя по содержанию, осмелюсь предположить, что вы сделали это перед вашей интеграцией.

Будет ли конец этим сплошным загадкам?

— Моей интеграции во что?

Бернардо не успел ответить. Дверь уже закрылась.

— Я вспоминаю, — бормочет Квинн. Он поднимает голову и округлившимися глазами смотрит на Тию. Он потрясен. — Тия, Тия, я вспоминаю!

Его пальцы летают над клавиатурой, как у пианиста, захваченного потоком льющихся звуков. Но вместо звуков на экране мелькают данные. Они проносятся так быстро, что Тия не успевает ничего разобрать.

Потом Квинн останавливается.

— Ну вот и все, — говорит он.

Один за другим вспыхивают огни — сначала перед ними, затем и в других местах. Совсем не то, что снаружи, думает Тия. Это внутреннее пространство. Тия видит людей — тысячи, десятки тысяч. Стены — подобие сот, с человеком в

каждой ячейке. Хотя «стены» — понятие относительное. Там, где они находятся, стены являются потолком, а потолок — стенами или полом. Весь мир пребывает в круговороте.

Тия не понимает того, на что смотрит.

А потом ее мозг разрывает яркая вспышка, и все становится понятным.

Поездка в лифте длилась менее полуминуты. Пока я ехал, все мои мысли были об отце.

Почему так, не знаю. Возможно, я интуитивно чувствовал: путешествие, начавшееся в тот день, когда я доставил его на паром, подошло к концу. Я вспоминал последние минуты, проведенные с ним: ужас, печаль, внезапный всплеск любви к нему. Я думал о гудке парома, о том, как прыгал с палубы на причал, и о пронзительном одиночестве, постигшем меня на причале, когда паром исчез из виду. Тогда мне казалось, что я плачу по отцу. Но сейчас, когда лифт поднимался к таинственному куполу, я понял, что лил слезы и по себе самому. Скользившему по поверхности жизни, не погружаясь в ее глубины. Жившему без любви; а когда любовь наконец протянула мне руку, было уже слишком поздно, чтобы протянуть свою.

Лифт остановился. За открывшейся дверью ме-

ня ждал очередной коридор, похожий на трубу. Пол был из блестящего материала, похожего на внутреннюю стенку устричной раковины. Едва мои ноги коснулись его, как я ощутил покалывание, несмотря на обувь. Идти стало немного труднее; ноги словно прилипали к полу. Может, так действовало «поле», о котором говорил Бернардо? Коридор заканчивался дверью. Панели на стене не было. Как же я войду? Но затем, словно почувствовав мое появление, дверь ушла в стену.

За проемом было темно. Глаза улавливали лишь неясные очертания предметов. Но стоило мне переступить порог, как пространство ярко осветилось. Я попал в круглый зал диаметром около сотни ярдов. Сводчатый потолок был сделан из того же материала, что и пол в коридоре. В середине зала находилась большая П-образная консоль белого цвета, с вращающимся креслом в центре. Ее окружали шесть консолей поменьше, наклоненных вперед.

— Добро пожаловать, директор Беннет.

Я изумленно обернулся по сторонам. Все консоли вспыхнули разноцветными огнями, став похожими на цветочные клумбы. В воздухе над центральной консолью повис экран с короткой

надписью:

РВП[10]: –137.82

Я ощутил тревогу, сильную и непонятную. Все, что происходило со мной после пробуждения, вдруг раздвоилось в мозгу, словно это случилось с двумя разными Прокторами: один ничего не понимал и не помнил, а другому все эти события были хорошо знакомы и, более того, являлись главными в его жизни. Несколько секунд оба Проктора сосуществовали в голове на равных, как близнецы в материнской утробе, потом я почувствовал, что они входят друг в друга. Два Проктора стали одним, и я наконец-то сделался цельным.

Это место.

Я его знал.

А знал я его потому, что был директором.

— Система, открой купол.

Они быстро идут по коридору. Первым сервофаксом, на который они натыкаются, оказывается Даниэлла.

— Где директор Беннет? — спрашивает Тия.

---

[10] Примечания: 10

РВП — расчетное время прибытия.

— Доктор Димополус, как я рада снова вас видеть! — Устройство поворачивает голову к Квинну. — И вас, профессор Доус. Вы замечательно выглядите.

Зачем эти сервофаксы сделали такими навязчиво вежливыми? Чья это идея? Квинна? Или Уоррена? Наверное, в то время такая механическая учтивость казалась привлекательной.

— Давай без комплиментов, — говорит Тия механической кукле. — Где он?

— Полагаю, вы найдете директора Беннета в куполе.

— Привет! — доносится до них чей-то голос. — Эй! Привет!

Из противоположного конца коридора им энергично машет человек, который трусцой устремляется к ним. Футах в десяти от них он останавливается.

— Простите, я не собирался вас пугать, — говорит он, глотая воздух ртом. — Я уже который час брожу по этим коридорам. Вы — первые люди, которые мне встретились.

Тия прикидывает, сколько ему лет: слегка за тридцать. Высокий, хорошо сложенный, с худощавым привлекательным лицом и вьющимися волосами.

— Вы знаете, кто мы? — спрашивает его Тия.

Он хмурится, морщит лоб и вдруг улыбается:

— Знаю. Вы ведь Тия Димополус? — Он поворачивается к Квинну. — А вы — Квинн Доус. Надо же! Даже не верится. Руководящий состав. Да. Меня так и подмывает попросить у вас автографы.

Тия и Квинн переглядываются.

— У всех это происходит по-разному, — говорит Квинн и пожимает плечами.

— Значит, вы больше ничего не помните? — спрашивает Тия у мужчины.

Он задумывается.

— Только идиотский фильм, где я тонул. И разные события, с этим связанные. — Он всматривается в пространство коридора. — А где все? Должно быть, таких, как мы, много.

— Есть определенные… сложности, — отвечает Тия. — Мы сейчас направляемся в купол. Будем выяснять, что к чему. Не пойдете с нами?

— У меня нет допуска в купол.

— Тогда считайте, что вы его получили, — говорит Тия.

Они втроем идут по коридору. Оказавшись у лифта, Квинн встает перед сканером.

ДОУС, К., ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЕР

Они входят в кабину. Лифт начинает подниматься.

— Простите, я забыл представиться, — говорит спутник Тии и Квинна.

— В этом нет необходимости, — отвечает Тия и добавляет: — Мы — давние друзья.

— Давние друзья? — изумленно повторяет мужчина.

— Да, — говорит ему Тия. — Вас зовут Антон Джонс.

Вот так я — паромщик Проктор Беннет — увидел небеса.

Стены купола сделались прозрачными. Свет потускнел, как в зрительном зале перед подъемом занавеса. Моему взору открылась безграничная тьма, но когда глаза приспособились, я увидел их. Звезды. Миллионы, миллиарды и даже больше. Бесчисленные звезды, украшающие небо своим удивительным светом, что шел из неведомых глубин. Я по привычке стал искать знакомые созвездия и не нашел ни одного. Но причина была не в звездах, как мне говорили когда-то. Причина крылась в моем неправильном взгляде на них.

— Система, поверни купол, — распорядился я.

— Уточните, — попросил механический голос.

— Горизонтальный поворот на сто восемьдесят градусов с одновременным поворотом по вертикали на девяносто градусов.

— Принято к исполнению, директор Беннет.

Наш поворот в двух плоскостях начался. Движение было невероятно изящным — не хуже балетных па. Мы буквально слышали музыку, и не какую-нибудь, а истинную музыку небесных сфер. Над куполом виднелся голубой простор. Кэлус. Обширный водный мир, который я назвал твоим именем, хотя ты никогда не увидишь его. Моя Кэли! Мое сердце, моя единственная! Ради тебя я преодолел глубины пространства и времени, надеясь отыскать новый дом для человечества, но тебя спасти не сумел.

За спиной открылась дверь.

— Проктор…

Это был голос Тии. Мои друзья, Тия и Квинн, нашли меня. Они пришли первыми; вскоре сюда придут другие и тоже будут смотреть, зачарованно и восторженно. Купол продолжал вращаться и, словно Божье око, взирал на чужие моря, простиравшиеся внизу. Вода, жизнетворное сокровище вселенной! Какие фантастические существа обитают в глубинах морей, какие чудеса таятся под

бурными волнами! Но это было не единственное чудо, открывшееся моим глазам. Второй подъем, купол поднялся над корпусом, и в поле зрения появилась протяженная цилиндрическая конструкция.

— Проктор, ну скажи хоть слово.

Зрелище слепило мне глаза. Сердце распускалось, как звуки симфонии.

— Проктор, это Квинн. — (Его рука коснулась моей.) — Ты помнишь, где ты?

Я помнил. Конечно же помнил. Этот громадный, безупречно гладкий корпус. Лучи чужого солнца отражались от его металлической поверхности, протянувшейся на многие мили. Этот неспешный поворот, словно то была колыбель со множеством спящих душ. Огромные прозрачные паруса, развернутые во всю ширь, дабы улавливать небесный ветер: ветер света.

«Конечно же я знаю, где я, — снова подумал я. — Разве я мог его не узнать?»

Это был мой корабль.

Мой «Ораниос».

Часть седьмая
Человек, расколовший небо

32

КОРПОРАЦИЯ «ПРОСПЕРА»
ПРОЕКТ «ОРАНИОС»
РУКОВОДСТВО
ПРОКТОР БЕННЕТ, *ДИРЕКТОР*
МАЛКОЛЬМ БЕННЕТ, *ШТУРМАН И ГЛАВНЫЙ ПЛАНЕТОЛОГ*
КВИНН ДОУС, *ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЕР*
ТИЯ ДИМОПОЛУС, *ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА ПО СИСТЕМЕ ИНТЕГРАЦИИ СОЗНАНИЯ*
УОРРЕН СИНГХ, *ГЛАВНЫЙ ВРАЧ*
ДЖЕЙСОН КИМ, *ПИЛОТ*
УНА
ПРАЙОР, *НАЧАЛЬНИК СЕКРЕТАРИАТА*
КАЛЛИСТА
ЛЭЙРД, *ГЛАВНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР*
И ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОРПОРАЦИИ «ПРОСПЕРА»

ОТТО
УИНСПИР, *ГЛАВНЫЙ ОПЕРАЦИОННЫЙ ДИРЕКТОР*

ПРОЕКТА «ОРАНИОС»

— Проктор приветствует Проктора.

Над консолью повис прямоугольник экрана. Оттуда смотрит мое лицо. Я сижу за такой же консолью, на таком же вертящемся кресле.

— Если ты смотришь эту запись, значит «Ораниос» прибыл на Кэлус, а ты пробудился после долгого сна. В ближайшие дни тебе придется принимать множество решений, однако я не смогу дать ни одного совета. Странно произносить эти слова. Как-никак ты и я — один и тот же человек. Но у тебя за спиной — много лет и много жизней. Вполне вероятно, что по прошествии столь долгого времени у тебя возникнут трудности. Тебе будет нелегко соотнести себя с твоим нынешним местонахождением и всем, что случилось с тобой. Возможно, для тебя все это произошло в мгновение ока. Возможно, ты ощущаешь груз времени. Я просто не в состоянии предсказать твою реакцию. То, что мы намерены сделать, беспрецедентно. Я оставляю тебе эту запись, чтобы самым безболезненным способом помочь тебе

вспомнить все необходимое и освоиться в этих обстоятельствах.

Новый эпизод. Я сижу в кресле перед пылающим камином, в темном костюме, но без галстука. Воротник рубашки расстегнут. Напротив в таком же кресле сидит симпатичная женщина лет пятидесяти с небольшим. Журналистка. Это сразу чувствуется по отточенной манере поведения. В левом верхнем углу застыла дата интервью: 7 апреля 2132 года.

— Добрый вечер. Меня зовут Салли Блайт, — представилась женщина, глядя в камеру. — Я нахожусь в анкориджском кампусе корпорации «Проспера». Мой собеседник — Проктор Беннет, директор проекта «Ораниос». Прошу вас, директор Беннет, — произнесла она, обращаясь ко мне.

— Благодарю, Салли. Буду рад ответить на ваши вопросы.

— Прежде всего позвольте выразить вам мои искренние соболезнования по поводу недавней утраты. Представляю, как тяжело вы переживали.

Проктор на экране (я в прошлом) сглотнул.

— Да, это были тяжелые дни для всех, особенно потому, что трагедия случилась, можно сказать,

накануне нашего отлета. Мы все здесь, по сути, как семья.

— Итак, вы отправляетесь на Кэлус. На планету, которую вы, если не ошибаюсь, назвали в честь вашей покойной дочери.

Проктор на экране кивнул:

— Это идея моего старшего брата Малкольма. Сделать Кэли подарок на четвертую годовщину ее рождения. Они с Малкольмом были очень близки.

— Вы говорите о докторе Малкольме Беннете, главном планетологе «Ораниоса».

— Да, о нем. Именно Мэл, как я привык называть брата, обнаружил Кэлус. Это первая планета за пределами Солнечной системы, о которой можно с уверенностью сказать, что она пригодна для обитания людей. Там много воды в жидком состоянии, а воздух почти не отличается от земного. Имя Кэли происходит от латинского «caelus», что в переводе означает «пришедшая с небес». Всем показалось, что название подходящее.

— Прекрасная, хотя и немного грустная история.

— Увы, да.

Журналистка заглянула в свой блокнот:

— В своем недавнем интервью вы сказали о

вашей дочери так: «Я делаю это ради нее». Что вы имели в виду?

— Я хотел, чтобы у нее было будущее. И чтобы у людей как вида было будущее.

— Значит, вы поддерживаете теорию «точки невозврата».

— Да. И данные, подкрепляющие эту теорию, неоспоримы.

— С этим согласятся не все.

— Не все соглашаются с тем, что Земля круглая, но это не отменяет фактов. Наша планета представляет собой саморегулирующуюся систему. Мы постоянно нарушали планетарное равновесие. И в какой-то момент у нее лопнуло терпение. Сейчас Земля восстанавливает равновесие, все быстрее и безжалостнее. Все «если» остались позади. Теперь речь идет о том, как скоро. Можно и дальше успокаивать себя, надеясь, что все разрешится само собой. Мы почти двести лет лелеем эти тщетные надежды. Порой люди спохватывались и осознавали, что они — лишь гости на планете. Эта мысль даже овладевала умами политиков. Но все это, увы, длилось недолго, и человечество вновь начинало загаживать собственное гнездо. Добавьте к этому сосредоточение денег и власти в руках горстки избранных, будь

то отдельные личности или транснациональные корпорации. Кого-то купили, кого-то запугали, у кого-то попросту опустились руки. Результат — бездействие. Это приведет нас к гибели.

— Весьма мрачное предсказание.

— Поверьте, Салли, я сам не в восторге от него. Лучше бы события развивались иначе, но, принимая желаемое за действительное, мы пришли туда, где сейчас находимся. Если мы не колонизируем другие планеты, человечество вскоре исчезнет, оставив по себе неприятную память. Я не хотел такой участи ни для своей дочери, ни для других детей.

— Вы не усматриваете иронии и даже противоречия в том, что проект «Ораниос» — частная инициатива, финансируемая богатыми инвесторами?

Проктор на экране взмахнул рукой и стал возражать:

— Со стороны это может выглядеть так, но без ресурсов любой проект остается на бумаге. После упразднения НАСА почти все программы исследования и освоения космоса осуществляются частными лицами. «Проспера» — самый крупный игрок. Руководство корпорации, в особенности Каллиста Лэйрд, оказало нам всяческую поддерж-

ку. У меня с ней всегда были прочные деловые отношения.

— А как насчет слухов о том, что «Ораниос» возьмет на борт платных пассажиров из числа так называемых инвесторов? И что колонисты, по сути, станут для них обслуживающим персоналом?

— Салли, позвольте пояснить. Никто ни для кого не является «обслуживающим персоналом».

Она снова уткнулась в свои записи:

— Миллиардеры-технократы. Титаны Уолл-стрит. Иностранные олигархи. Высокопоставленные правительственные чиновники. Даже голливудские актеры. — Она подняла голову и широко улыбнулась. — По моим данным, эти люди составляют почти пятнадцать процентов экипажа. У меня здесь полный список, можете ознакомиться с ним.

Проктор на экране тоже улыбнулся. Сдержанно и учтиво.

— В этом нет необходимости. Я хорошо знаком с корабельным манифестом.

— Могу себе представить. И наверняка вы видите…

— Я вижу… Салли, простите, что перебиваю вас… То, что я вижу, — лишь малая часть общей

картины, сбивающая с толку. В составе экипажа действительно есть люди, обладающие большими финансовыми возможностями. Нам всем приходится оплачивать счета. Как я уже говорил, без привлечения нужных ресурсов проект «Ораниос» так и остался бы на бумаге. Но огромное большинство — это добровольцы, которые прошли тщательную проверку и доказали свою способность к практической работе в условиях другой планеты. Разумеется, среди них есть инженеры и агрономы, однако для освоения незнакомого мира каждому агроному понадобится не менее сотни фермеров, а каждому инженеру — столько же рабочих. Никто не рассчитывает на легкую жизнь. У нас есть семьи с детьми, но все же добровольцы — это в основном либо холостые люди, либо бездетные супруги в возрасте от двадцати пяти до сорока лет. Повторю еще раз: никто ни для кого не является «обслуживающим персоналом». Кэлус дает нам шанс начать жизнь с чистого листа и построить более совершенную цивилизацию, нежели земная.

Возникла пауза. Журналистка снова принялась листать свой блокнот.

— Расскажите о самом корабле. Я слышала, что «Ораниос» уподобляют гигантскому парусному

судну.

— Да. Я с детских лет ходил под парусом, и такое сравнение мне кажется уместным. «Ораниос» — самый крупный космический корабль в истории. По своим размерам он более чем в двадцать раз превышает Международную космическую станцию в ее седьмом варианте. Движение будет осуществляться за счет двух массивных коллекторов частиц, чем-то похожих на паруса, только площадь каждого составляет почти десять квадратных километров. Чтобы достичь скорости, необходимой для полета, мы вначале совершим бросок к Солнцу и облетим его, чтобы коллекторы наполнились солнечной энергией. К моменту прохождения через пояс Койпера[11] скорость «Ораниоса» достигнет одной двадцатой скорости света. Далее полет будет проходить по заданной траектории, пока корабль не приблизится к Кэлусу. Там «Ораниос» развернется на сто восемьдесят градусов и использует оставшееся топливо для создания обратной тяги. В общей сложности путешествие продлится двести тридцать лет. А точнее — двести тридцать лет, сто девятнадцать дней и четырнадцать часов.

---

[11] Примечания: 11

Пояс Койпера — область Солнечной системы за орбитой Нептуна.

— Просто дух захватывает.

— Согласен. Но большинство этих технологий уже существуют и используются. Мы лишь существенно расширили масштаб их применения. А вот жизнеобеспечение — это отдельная тема. Как сделать так, чтобы люди оставались в живых на протяжении более двух веков? Здесь нам пришлось разработать совершенно новые методы.

— Вы говорите об интеграции сознания.

— Совершенно верно.

— Чем оно отличается от других форм стазиса?

— Как вы знаете, стазис — продолжительный сон — применяется уже давно. Он вполне подходит для сравнительно коротких полетов, например к поселениям на Марсе или к поясу астероидов, где ведется добыча полезных ископаемых. Но если путешествие длится от пяти до десяти лет, возникают проблемы. Продолжительные космические миссии часто оказываются неудачными.

— Вы имеете в виду катастрофу «Нептунианского зонда».

Проктор на экране кивнул.

— Были и другие, но этот случай — самый показательный. Со временем умственное состояние членов экипажа начинает ухудшаться. Летевшие

на «НЗ-один» вышли из стазиса вполне здоровыми физически, но с серьезными нарушениями психики: паранойя, спутанность мышления, галлюцинации, кататония. Диагностика, проведенная на борту, не выявила физических изменений в мозгу и нервной системе участников экспедиции. Однако у всех, хоть и в разной степени, наблюдались симптомы шизофрении в острой форме. Человек, взорвавший корабельный реактор, был охвачен параноидальным страхом. Ему казалось, что корабль кишит ядовитыми змеями. Никто не мог понять причину и найти решение — вплоть до недавнего времени.

— Судя по вашим словам, ваша команда нашла его.

— Да. Причина оказалась на удивление простой. У участников той экспедиции кончились сны.

— Я не понимаю, — морща лоб, призналась журналистка.

— Постараюсь объяснить. Каждую ночь, ложась спать, вы видите сны. Одни — яркие и запоминающиеся, другие легко забываются. Бывают сны приятные, а бывают тревожные. Но во всех случаях налицо три обстоятельства. Первое: мозг нуждается в снах. Они абсолютно необходимы

для умственного здоровья. Сны — нечто вроде мастерской для ума; они помогают сортировать и накапливать воспоминания, устанавливать важные взаимосвязи и осмыслять эмоции. Второе: пока вам снятся сны, какими бы неестественными они ни казались, ум принимает их за реальность. Например, если во сне вас преследует разъяренный тигр, вы переживаете волнение и страх, как если бы это случилось наяву. Наконец, третье и самое важное. Зададимся вопросом: из чего состоят сны? Ответ таков: сны состоят из вас самих. Ваши воспоминания, переживания, навязчивые мысли перемешиваются и затем воссоздаются в упорядоченном символическом пространстве, созданном подсознанием. В этом смысле они — в чистом виде плод воображения, и здесь нет ничего плохого. Сны не являются ни вторичной, ни подчиненной реальностью. Наоборот, это более высокая ступень, поскольку симфония, картина или роман — тоже плоды воображения. Сны можно уподобить произведениям искусства. Иными словами, ваши сны — это подсознательная пересортировка событий реальной жизни, которые служат исходным материалом. А если исходный материал отсутствует? Или, как в случае стазиса, у спящего

заканчивается исходный материал? За семь лет члены экипажа «НЗ-один» исчерпали ресурсы, поставленные реальностью. Сны никуда не делись, но через какое-то время стали повторяться и превратились в кошмары. Люди оказались в умственном аду, из которого не смогли выбраться даже после выхода из стазиса. Оказалось, что человека, взорвавшего корабельный реактор, в детстве укусила гремучая змея и он едва не умер. Эту глубокую психологическую травму его подсознание превратило в сон, повторявшийся на протяжении всего стазиса. Представьте, что самые тяжелые и неприятные события вашей жизни приняли вид снов и вам приходится годами переживать их, вновь и вновь.

— Это просто ужас какой-то.

— Конечно. А теперь представьте, как эта проблема обостряется в межзвездном путешествии. В нашем случае оно продлится более двух столетий. Очевидно, что обычный стазис тут не годится. Он превратится в разновидность умственной пытки. Нам требовалось найти способ, который обеспечивал бы экипаж свежим материалом в течение восьмисот лет.

— Но почему восьмисот? — удивилась журналистка. — Вы же говорили, что полет…

— Продлится двести тридцать лет. Так и есть, но во сне время течет быстрее, чем в реальной жизни, пропорция составляет три целых и пятьдесят две сотых к одному. Многие, как и мы когда-то, считают, что сны и действительность существуют в одних и тех же временны'х промежутках, только сны, возможно, протекают несколько медленнее. Но результаты исследований показали обратное.

— Теперь понятно. Пожалуйста, продолжайте.

— Ключом стало постоянное обновление исходного материала, то есть формирование стимулов. Очевидным решением явилось создание компьютерной симуляции — виртуального пространства, в котором спящие смогли бы жить, пока длится сон. Это сработало, но лишь на время. Просыпаясь, все наши испытуемые заявляли о сбое в ощущениях.

— В чем это выражалось?

— В том, что они осознавали фальшь происходившего с ними. Они не могли объяснить, откуда им это известно, но говорили, что ощущения не те. Симуляция была предельно убедительной, мы учли все мелочи, но она не ощущалась живой. Так говорили почти все. А поскольку они знали, что находятся в искусственной среде, это

глубоко огорчало их. Многие впали в серьезную депрессию. Жизнь казалась им бессмысленной. Так говорил не один участник эксперимента.

— Не привело ли это к асоциальному поведению? Ведь если жизнь лишена смысла…

— Да, у некоторых оно наблюдалось. По выходе из стазиса испытуемые были ошеломлены собственными поступками, но факт остается фактом.

— И в чем же крылась причина ваших неудач?

Проктор на экране соединил кончики пальцев и откинулся на спинку кресла.

— Мы сами не знали. Мы проверяли и перепроверяли симуляцию, усложняли ее, однако результаты оставались прежними. Рано или поздно все испытуемые начинали осознавать ее ненастоящесть и впадали в депрессию. И тогда мы решили пригласить Тию.

Журналистка снова полистала блокнот.

— Вы говорите о Тие Димополус?

— Да. Я знаю эту женщину много лет. Мы вместе учились в Массачусетском технологическом институте… Это было задолго до трагического наводнения, обрушившегося на Восточное побережье. Тия — потрясающий компьютерный специалист. Она уделяет огромное внимание

философским вопросам, связанным с искусственным интеллектом. И одновременно Тия — очень талантливая художница, чьи картины выставляются в разных странах.

— Я знакома с ее творчеством. Ее выставку устроила новая Национальная галерея в Коламбусе.

— Правда, великолепные картины? Она создает крупные, удивительно экспрессивные полотна. Абстрактные и в то же время нет, как ни странно.

— Мне они показались… какими-то будоражащими.

— Удачное слово. Поэтому я и пригласил Тию. Мне требовался человек, имеющий инженерное образование и в то же время способный разглядеть то, что ускользало от компьютерщиков. Она сразу же согласилась приехать и помочь. Я договорился о встрече с несколькими испытуемыми, однако Тия заявила, что хочет проверить все на себе. Она провела в стазисе две недели, а для нее прошло более семи. И когда я вывел ее из стазиса, знаете, что она сказала? «Вы создали прекрасный мир, но в нем нет души».

Журналистка снова нахмурилась. Так случалось всякий раз, когда она не понимала слов

Проктора на экране.

— Что значит «в нем нет души»?

— Симуляция воспринималась как искусственная, потому что была искусственной. Убедительной, необычайно приятной, но неживой, словно дверной гвоздь. По словам Тии, это был декор, а не искусство. Что-то вроде картин на стенах гостиничных номеров. На них приятно смотреть, они заполняют пространство, но не более того.

— И как же вам удалось одушевить симуляцию?

— Скажите, Салли, кто ваш любимый писатель или писательница?

— Зачем это?

— Пожалуйста, удовлетворите мое любопытство.

— Джейн Остин, — с улыбкой ответила журналистка.

— Представьте: вы сидите в кресле и читаете «Гордость и предубеждение». Чудесное повествование целиком захватывает вас. Вы полностью погружены в придуманный мир с людьми и событиями. Роскошные интерьеры. Сложный этикет. Медленно развивающиеся романтические отношения между…

Проктор на экране жестом попросил напом-

нить имена.

— Между Элизабет Беннет и мистером Дарси.

— Благодарю. Имена подзабылись. Прекрасная, хотя и упрямая Элизабет Беннет… всего лишь моя однофамилица… и стремительный, но высокомерный мистер Дарси. Эта книга так хорошо написана и так притягательна, что во время чтения вы забываете о том, где находитесь. Ваше тело сидит в гостиной, у вас длинный список важных дел, нужно позвонить сантехнику, а собака давно скулит и просится на прогулку. Но все это ничуть не волнует вас, ибо разум пребывает в другом месте. Ваш разум — то есть воспринимаемая вами реальность — пребывает в английском поместье первой трети девятнадцатого века. Не будет преувеличением сказать, что это очень яркое сновидение наяву. Вы согласны?

— Пока что да, — осторожно кивает журналистка.

— Повествование разворачивается. Оно построено очень умело: герои, сюжет, обстановка, подавленная страсть. В конце романа Элизабет и мистер Дарси обязательно соединят свои судьбы! И вы полностью уверены, что так оно и будет. Иначе роман сочли бы бессмысленным и жестоким. Интерес, с которым вы читаете роман Остин,

вызван не столько волнением за судьбу героев, ведь отчасти вы уже уверены в благополучном конце, сколько тонким наслаждением от поворотов сюжета. Вы согласны с такой трактовкой?

— Думаю, да.

— Тогда позвольте спросить: где источник очарования? Что делает эту историю такой захватывающей? Отчего так называемый реальный мир перестает для вас существовать?

Журналистка пожала плечами:

— Наверное, талант Джейн Остин. Она была гениальной писательницей.

Проктор на экране, в свою очередь, улыбается:

— Согласен. Она была гениальной писательницей. И эта гениальность ощущается в каждой прочитанной вами фразе.

— Вы правы.

К этому времени я вспомнил кое-что об этой Салли (сын оканчивает юридический колледж, дочь учится в другом колледже, муж — кистевой хирург; у нее две собаки корги, и мы беседовали за чашкой кофе).

— Продолжу аналогию. Правильно ли утверждать, что это свойство гения является его отличительной чертой? Что разум одного человека управляет всем миром произведения?

— Вы имеете в виду разум Джейн Остин.

— Разумеется. Ее мастерство позволяет вам погрузиться в произведение, которое, по сути, является коллективным сном. Автор романа — Остин, но его действие разворачивается в вашем уме, временно заслоняя собой физическую реальность, комнату, в которой продолжает находиться ваше тело.

— Кажется, я понимаю, к чему вы клоните.

— Отлично. Тогда расскажите.

Женщина помедлила, собираясь с мыслями.

— Вы утверждаете, и я считаю это правильным, что Джейн Остин является душой «Гордости и предубеждения».

Проктор на экране снова улыбается:

— Правильно. Таков принцип, лежащий в основе интеграции сознания. Мир, за которым не стоит живой разум — иными словами, душа, — вообще не мир. Это всего лишь место. Вот почему испытуемые ощущали пустоту и отчаяние. Роман Остин воспринимается как живой, поскольку он действительно живой, как и тот мир, в котором мы с вами сейчас находимся. Он создан разумом, а не машиной. Именно так создается ощущение глубинного порядка и целесообразности. Вы можете этого не замечать, однако чувствуете

присутствие разума, что делает жизнь сносной, даже больше: достойной того, чтобы жить.

Журналистка молчала. На ее лице мелькнуло волнение.

— Но то, о чем вы говорите, подразумевает…

— Да, и в немалой степени.

— Вы говорите о Боге.

— Это одно слово. Есть и другие.

— Получается, вы доказали, что Он существует.

— Он, она, оно. — Проктор на экране пожал плечами. — Салли, я не теолог. И я ни в коем случае не утверждаю, что доказал нечто подобное. Есть вещи, существующие за пределами доказательств, за пределами науки. Могу лишь сказать: у нашей симуляции не было души, поэтому испытуемые и чувствовали фальшь. Однако душа — это не хитроумная программа. Она должна исходить из живого источника.

— Из живого? Вы имеете в виду человека?

— Правильно. Одного человека, чье сознание будет управлять всей симуляцией. Если угодно, нечто вроде… местного бога. Мы называем этого человека Дизайнером. Разум каждого из шестидесяти восьми тысяч спящих на борту «Ораниоса» будет участвовать в коллективном сне, а Дизайнер — единственный сновидец — станет

организующим разумом. Члены экипажа станут проживать целые жизни, не подозревая, что этот мир снов — ненастоящий. Перед интеграцией каждый получит нужные дозы препаратов, подавляющих память, что устранит все воспоминания о яви. В таком состоянии спящие будут рождаться, проживать свои жизни и рождаться заново… до тех пор, пока полет не закончится.

Журналистке понадобилось время, чтобы переварить услышанное.

— Получается, что спящие — как бы читатели сна, а Дизайнер — писатель.

— Очень верно подмечено. Разница лишь в том, что интеграция сознания похожа на целую библиотеку. Прочитав одну книгу, вы просто идете к стеллажам и берете другую. Вы заново входите в пространство сна и начинаете новую жизнь.

— И вы довели свою… усовершенствованную симуляцию до рабочего состояния.

— Так и есть, — кивает Проктор на экране.

— Скажите, а у спящих будут возможности, которыми мы сейчас обладаем со сне? Скажем, люди смогут летать?

— Увы, нет. Согласен, это было бы здорово, но цель интеграции сознания состоит в том, чтобы мир снов был максимально реалистичным.

Спящие не должны ничего заподозрить. Сон, как я уже сказал, создается Дизайнером, но распространяется посредством Системы интеграции сознания. Это искусственный интеллект с возможностью управления пространством снов: настройки, основные социальные структуры, материальные аспекты и общая картина мира. Этот мир во всем похож на реальный, кроме одного: его существование ограничивается сознанием спящих. Там никто не летает, не попадает на экзамен по предмету, который никогда не изучал, не разгуливает голым по торговому центру. Люди даже сохраняют свои настоящие имена, а фамилии, в силу необходимости, передаются из поколения в поколение.

— В этом мире снов люди узнают друг друга?

— Важный вопрос! Мы потратили немало времени на его решение. Выяснилось, что сновидцы, в той или иной степени, испытывают дежавю. Например, они склонны создавать семьи и дружить с определенными людьми. Почему — неизвестно: просто к одним людям их тянет больше, чем к другим. Когда мы прибудем на Кэлус, Система интеграции сознания проведет необходимую корректировку — создаст своеобразный психологический пандус для мягкого выхода из состояния

сна. Люди вновь обретут свои фамилии. Никто даже не заметит этого.

— А что вы скажете о детях на борту? Их не смутит, что во сне они окажутся взрослыми?

— По этой причине мы вначале вообще не хотели брать детей. Но, как оказалось, детям младшего возраста ощущения взрослых малопонятны и почти неинтересны. Их сны сохраняются лишь частично. На протяжении полета они будут жить во сне наравне со всеми, но когда пробудятся, их разум вновь станет детским. События, происходившие во время стазиса, или забудутся, или покажутся чем-то вроде глупого маскарада, о котором нечего и вспоминать.

— А если кто-нибудь из пассажиров корабля проснется раньше времени?

— Такого не случится.

— И все-таки если они…

— Тогда система вернет их в сон.

— Иными словами, им придется умереть.

— Во сне — да. Умереть и заново родиться.

Журналистка снова умолкла.

— Вы говорили, что в Систему интеграции сознания введены определенные… параметры. Я не ошиблась?

— Да. Основные параметры пространства снов

заданы заранее.

— Кем?

— Мной.

— Значит, вы — второй бог.

Проктор на экране огорченно улыбнулся:

— Я не рассуждаю в таких терминах. Но вы правы: я играю определенную роль.

— А какие именно параметры?

— Этого я рассказать не могу. Во-первых, они весьма разнообразны, что определяется спецификой мира снов. Очень многое оставлено на усмотрение Дизайнера, чьи намерения будет интерпретировать и осуществлять Система интеграции сознания. А во-вторых, мы не хотим, чтобы члены экипажа знали обо всем заранее. Тем, кто знает это, труднее освоиться в мире снов. Им делается не по себе.

— Не по себе? Как именно?

— Испытуемые рассказывали, что ощущали тоску, беспокойство, неудовлетворенность жизнью. Ничего ужасного, но ни к чему подвергать людей стрессам. Длительный сон не должен оборачиваться психологической травмой.

— Восемьсот лет хороших снов, — сказала Салли и телегенично улыбнулась. — Звучит не так уж плохо.

— Согласен.

— Может, и мне примкнуть к вашему проекту?

— Вы занимались сельским хозяйством?

— Если честно, у меня даже комнатные цветы вянут. Хотя когда-то на уроке труда я сделала недурную птичью клетку.

— Ну вот, у вас есть шансы. Пришлите свое резюме, и мы его рассмотрим.

Оба снова замолчали.

— И последний вопрос. — (Проктор на экране кивнул.) — Дизайнер, о котором вы говорили… Тот, кому предстоит стать живым разумом мира снов.

— Да, это местный бог.

— Но вы не сказали, кто это.

На меня нахлынуло воспоминание. Яркое, полное ощущений… Горящие свечи. Вкус вина на языке. Рука, протянувшаяся через стол, чтобы лечь поверх моей и утешить. И тихий голос: «Проктор, важно понять, чего ты хочешь на самом деле. Вот я, например, всегда хотела быть дизайнером».

— Могу сказать. Это женщина, которая изобрела интеграцию сознания. Моя жена, доктор Элиза Беннет.

33

Каллиста Лэйрд одета в плащ свободного покроя. Голова повязана шелковым шарфом. В руке — зонтик. Она выходит из здания Коллегии по надзору. Ступени крыльца залиты дождем. Каллиста спускается вниз и пересекает пустую площадь Просперити. Четвертый час дня, — правда, густая облачность комкает все представления о времени. Из-за противных кучевых облаков над городом повисли унылые сумерки. Каллиста выходит в район гавани. Там тоже мокро, пусто и уныло. Она идет по пешеходной дорожке. Наконец в поле ее зрения появляется причал. У его перил одиноко стоит мужчина, который смотрит на серую непроницаемую воду. Чуть поодаль замер паром.

Мужчина не замечает появления Каллисты — или делает вид, что не замечает. Только когда она останавливается рядом, Отто поводит плечами, однако не поворачивается, продолжая смотреть в сторону горизонта. Впрочем, при такой погоде линия горизонта является чисто гипотетической. У тротуара стоит черный седан. Вероятно, Отто приехал на нем.

— Приветствую, Каллиста, — говорит он, слегка наклонив голову, держа раскрытый зонт. — Благодарю за то, что пришли.

— Отто, зачем вы позвали меня сюда?

— Я подумал, что будет неплохо отвлечься от дел. Подышать воздухом. — Он машет рукой в сторону горизонта. — Время от времени полезно отвлекаться и обращать внимание на красоту природы. Согласны?

— У меня есть дела. И я терпеть не могу стоять под дождем.

Отто рассеянно хмурится. Кажется, его мысли витают где-то далеко.

— Ну что ж… — говорит он. — А позвал я вас потому, что положение, в котором мы оказались… никуда не годится. Аннекс все больше выходит из-под контроля. Обслуга на грани полномасштабного бунта. Проктор и другие выбрались наружу, но, держу пари, они обязательно вернутся. Он не допустит, чтобы все это рухнуло.

— Отто, позвольте мне поискать выход из сложившегося положения.

— О том и речь. Вы уже занимались поисками выхода. И куда это нас привело?

— Она успокоится. Уоррен позаботится об этом.

— Насчет Уоррена я не беспокоюсь. Меня беспокоите вы. Вам не хватает духу для решительных действий. И никогда не хватало.

На что ей не хватает духу, так это на выслушивание речей министра Уинспира.

— Отто, я дала вам слишком много свободы и теперь наблюдаю последствия. Я отдаю распоряжение о выводе сил безопасности с Аннекса.

— И что потом? — спрашивает Отто, изумленно вскинув брови.

— А потом стану выяснять, чего они хотят.

— Каллиста, они хотят того же, что и всегда. Наших голов, насаженных на копья. Проктор был чертовски уверен в этом.

— Я увольняю вас, Отто.

— Ну-ну. — Отто бросает взгляд поверх плеча Каллисты. — Директор Брандт, прошу вас.

Каллиста оборачивается и тут же чувствует острую боль в шее, которая сменяется ощущением чего-то густого и холодного. Регана вдавливает поршень шприца. Все происходит так быстро, что Каллиста не успевает отреагировать. Она роняет зонт и пятится к ограждению.

— Что за…

Закончить фразу не получается. Голова кружится, язык еле шевелится. В ногах появляется

слабость. Она пытается схватиться за перила, но промахивается и оказывается на четвереньках.

— Каллиста, вы неважно выглядите, — говорит Отто. — Пожалуй, нужно проверить ваш показатель жизненности.

У нее нет сил, чтобы сопротивляться. Регана заходит сзади, здоровой рукой хватает Каллисту за воротник и сажает ее спиной к ограждению. Отто распахивает левую полу плаща Каллисты и засучивает рукав, а Регана вставляет кабель в ее монитор. Вскоре ридер подает сигнал. Регана отсоединяет его от монитора и подает Отто.

— Ого! Семь процентов, — говорит он и морщится. — Совсем плохо. — Он возвращает монитор Регане. — Благодарю вас, директор Брандт. Можете взять машину. Я пройдусь.

Регана садится в седан и уезжает. Отто достает из пиджачного кармана неизбежный в таких случаях документ. Каллиста едва обращает внимание на происходящее.

— Это постановление о принудительном ретайрменте. Желаете взглянуть?

Собрав все оставшиеся силы, Каллиста открывает рот:

— А идите вы… Отто… сами знаете куда.

— Не юлите, Каллиста. Вы же знали, что когда-

нибудь это произойдет.

— Он был… прав насчет нас. Насчет… вас.

— Прав? Конечно этот человек был прав. Я что, делаю это просто так?

— Она — моя… дочь.

Отто заливается визгливым смехом на одной ноте:

— Боже милостивый, неужели вы сейчас думаете об этом? Никакая она вам не дочь. Вы проиграли, Каллиста. — Отто опускается перед ней на корточки и приподнимает ей подбородок, заставляя смотреть на него. — Открою вам маленький секрет, госпожа председатель. Вы не вернетесь. Я вас отсек.

Отсек. От этого слова ее горло наполняется желчью.

— Неужели вы всерьез думали, что я не оставлю открытой дверцу к Системе интеграции сознания? Кто-то должен был это сделать.

— Прошу вас, — шепчет Каллиста. — Не делайте этого.

Отто вскидывает два пальца, словно подзывает официанта. Откуда-то появляются двое охранников, подхватывают Каллисту и уносят. Отто следит, как они достигают сходней, поднимаются на палубу парома, усаживают бывшую госпожу

председателя на скамью и торопливо спускаются обратно. Двигатели парома оживают, сходни втягиваются в корпус. Издав долгий басовитый гудок, он отчаливает.

Отто возвращается в свой кабинет. У него много дел, но вначале надо позвонить. Регана не заставляет себя ждать.

— Регана, не хотите ли стать новым министром общественной безопасности? — (Ее лицо озаряется радостью.) — Подчиняться будете только мне.

— У меня нет слов. Для меня это такая честь.

— Директор Брандт, полагаю, что я могу рассчитывать на ваше молчание относительно недавнего… происшествия на причале. Или я уже должен обращаться к вам «министр Брандт»?

Регана вытягивается по стойке смирно:

— Можете в полной мере рассчитывать, сэр. На причале не было никаких происшествий.

— Мне нужно, чтобы вы провели ряд арестов. Я подготовил список.

Отто подает ей папку, которую Регана пристраивает на свою гипсовую повязку, открывает и читает.

— Так это же вся Коллегия по надзору.

— Как ни печально, все факты говорят о том, что они находились в сговоре с подрывными

элементами Аннекса.

— Есть доказательства?

— Неопровержимые.

Несколько секунд они молча смотрят друг на друга.

— Не завидую я им, — говорит Регана.

— Я тоже. Наказанием станет немедленная реитерация.

Регана закрывает папку и сует под мышку.

— Принято к исполнению, сэр.

— Я перемещаюсь в кабинет председателя Коллегии по надзору. Когда закончите, подниметесь туда.

Новоиспеченный министр общественной безопасности уходит. Отто прислоняется к спинке кресла и старается разобраться в испытываемых им чувствах. Все шло к этому давно. Он понимает, что это было предопределено с самого начала, с того дня, когда на подиуме зала заседаний штаб-квартиры корпорации «Проспера» в Анкоридже появился всклокоченный ученый по имени Проктор Беннет и объявил присутствующим о грядущей гибели человечества.

— Леди и джентльмены, у меня плохие новости. Конец неумолимо приближается. Мне, вам и всему роду человеческому грозит неминуемая

гибель. Однако, вложив девять триллионов долларов, вы сможете спастись, и я расскажу, каким образом.

Свет в зале потускнел. На экране за спиной Беннета появилась изумительная, захватывающая дух картина.

— Это спасательная шлюпка для человечества, — сказал он. — Это «Ораниос».

Зрелище и в самом деле было впечатляющим. Но девять триллионов долларов! (Впоследствии оказалось, что стоимость проекта превышает двенадцать триллионов.) Такой суммы хватило бы для безбедного существования жителям целой страны, причем большой. Однако Проктор сумел получить деньги. Отто наблюдал за ним повсюду: в конференц-залах и богатых особняках, на задних сиденьях лимузинов и в уютных салонах частных самолетов. Пожалуй, Проктору нужно было бы заниматься не наукой, а страхованием на все случаи жизни. Ведь именно это он и делал — продавал богатым людям страховку с красивым названием «Ораниос». Может, планета действительно двигалась к гибели, а может, и нет. (Нет, надо быть честным: Земле угрожала гибель.) Мнения могли разниться, но для горстки избранных, чьи несметные богатства

хранились на бесчисленных номерных счетах банков всего мира — от Каймановых островов до Гонконга, — слова Проктора звучали вполне осмысленно. Почему бы не отдать часть денег на реализацию запасного плана Б, хотя бы ради собственного спокойствия? И какой может быть цена, если речь идет о спасении твоей жизни? (Но цена была. Один миллиард долларов.) А вдруг, пока длится полет, эти счастливчики смогут вести привычный для себя образ жизни, причем целых восемьсот лет? Чем вам не билет первого класса, когда в соседних вагонах — грязь, вонь и людишки калибром помельче, напиханные туда как селедки в бочку?

Молоток аукциониста звонко ударяет о стол. Продано.

Но в конечном счете кто оказался пассажирами и кто — грузом? У Отто с самого начала имелись подозрения на этот счет, но только когда Сингх вывел его из стазиса, он понял, что́ на самом деле задумал Проктор. Этот человек дал инвесторам то, о чем те просили: веревку достаточной длины, на которой все они смогут повеситься.

«Итак, настало время для очередного сна», — думает Отто. Нынешний утратил заметную часть своей привлекательности.

Небо за окнами его нового кабинета помрачнело. Прекратившийся было дождь пошел снова, став еще сильнее. Отто снимает телефонную трубку.

— Кэмпбелл слушает.

— Как обстановка на Аннексе?

— Все наши силы приведены в полную боевую готовность… Разрешите узнать, каким будет план.

— План для всех: выполнять поступающие приказы. Продолжать аресты и допросы.

— Вы имеете в виду, арестовывать… каждого?

— Кто-то что-то знает. Мне нужно, чтобы этих людей нашли. И подгоните машину к подъезду.

— Куда мы отправляемся?

— Ненадолго прокатимся за город.

Окончив разговор, Отто присоединяется к Системе интеграции сознания. Он входит туда через заднюю дверцу и вызывает корабельный манифест. Коллегия по надзору была лишь началом; настало время как следует почистить дом.

Он склоняется над клавиатурой.

Цепочка набираемых имен становится все длиннее.

«Главное преимущество слепоты — отсутствие страха перед темнотой», — думает Паппи.

Во время их беспорядочного бегства что-то произошло; небольшая ошибка, неверный поворот, потом еще и еще, и он оказался один. Его окликали. Он слышал голоса, пытался идти в том направлении, но снова забрел не туда. Голоса звучали все тише, а потом и вовсе пропали. Зловоние усиливалось. Паппи оказался в канализационном коллекторе. Он услышал и вскоре стал осязать крыс, щекотавших ему ноги. На свету он еще как-то различал очертания, но в кромешной темноте становился полностью слепым. Так он бродил несколько часов подряд, одной рукой держась за стену, а другой ощупывая воздух.

И вдруг происходит чудо: его пальцы нащупывают лестницу в стене. Он поднимается, медленно и осторожно, достигает верха. Держась левой рукой за ступеньку, он вытягивает правую и нащупывает решетку. Сквозь нее хлещет дождь, заливающий ему лицо и волосы. Паппи со всей силой давит на решетку, но та не поддается.

— Эй! — кричит он, стуча по решетке. — Сюда! Мне не выбраться!

Он снова и снова повторяет свою мольбу. Он уже готов оставить надежду на вызволение, когда снаружи раздается голос:

— Что ты тут делаешь?

Голос мальчишечий.

— Долго рассказывать, — говорит мальчишке Паппи. — Ты можешь поднять решетку?

Мальчишка пыхтит, пытаясь сдвинуть ее с места.

— Ее заклинило.

— Найди крепкую палку, а еще лучше — какую-нибудь железку. Она послужит рычагом.

— А что вообще случилось? — спрашивает мальчишка. — Нас тут вроде как быть не должно.

— Не оставляй меня. Мне самому не выбраться, — говорит Паппи, не отвечая на его вопрос. — Пожалуйста.

Юный помощник исчезает. Может, совсем убежал? Паппи слишком долго держится за ступеньки лестницы, и у него устали руки. Вряд ли он сумеет благополучно спуститься обратно. Но потом он слышит лязг. Вернувшийся мальчишка подсовывает что-то (вероятно, железяку) под кромку решетки. Медленно, со скрипом решетка поддается. Мальчишка отодвигает ее, протягивает руку и помогает Паппи вылезти.

— У тебя рука кровоточит, — говорит он.

Наверное, ободрал в туннеле или на лестнице.

— Мистер, нам нужно выбираться отсюда.

— Откуда именно?

Но Паппи снова один. Его спаситель исчез, растворился, как облачко дыма. Дождь не унимается. Паппи выбирает направление. Через пять шагов его руки натыкаются на кирпичную стену. Куда теперь? Он останавливается, прислушивается. На него накатывается лавина звуков: крики и топот множества ног. Неподалеку происходит что-то значительное. Паппи ощупью идет вдоль стены, пока та не заканчивается. Перед ним снова широкое пространство. Кто-то проносится мимо него, едва не сбив с ног.

— Прошу вас, подскажите…

— Идем, не отставай! — кричит женщина, но не ему.

— Я и так стараюсь! — хнычет ребенок.

— Нам нельзя здесь застревать!

Мимо пробегают люди. Паппи напрочь потерял ориентацию. Ему кажется, что толпа движется в одном направлении, потом в противоположном, а затем в двух сразу. Паппи умоляет помочь ему, однако никто не откликается. Кто-то толкает его в спину, и он падает.

— Смотрите, куда идете! — досадливо кричит Паппи.

Но человек продолжает идти, не обращая на

него внимания. Быть старым означает быть обреченным на забвение. Никому нет дела до Паппи. Мир проносится мимо: бурлящая человеческая река, от которой он отделен. Это клуб, членом которого он перестал быть. Потом он чувствует: вокруг что-то изменилось. Людской поток поменял направление. Люди кричат, орут, вопят. Не разобрать ни слова. Кто-то хватает его за руку и помогает встать.

— Что с тобой, старик? Тебе нужно поскорее выбираться отсюда!

Человек подталкивает его. Паппи слышит другие шаги. Сюда движется другая группа людей. Эти идут в ногу. Он идет дальше, дважды падает, но поднимается и продолжает идти. Множество голосов повторяют нараспев:

— Прибытие свершилось! Прибытие свершилось! Прибытие свершилось!

Толпа вокруг Паппи густеет. Его толкают вперед, снова и снова.

— Паппи! — вдруг слышит он.

Кто его позвал?

— Паппи, оставайся там, где стоишь! Я сейчас протолкнусь к тебе!

Это Матерь. Паппи пытается удержаться на месте, но не может. Толпа неумолимо напирает

на него.

— Прибытие настало! — скандируют собравшиеся. — Прибытие свершилось! Прибытие свершилось!

— Возьми мою руку!

— Где ты?

— Справа от тебя. Держись за меня!

Но он не может. Ему не поднять руки.

— Паппи!

Голос Матери тонет в скандировании толпы. На нее со всех сторон надвигаются цепи охранников. Паппи едва способен дышать. Он в плотном людском кольце. Толпа вдруг устремляется вперед, и Паппи чувствует, как его ноги отрываются от тротуара. Несколько секунд он парит в воздухе, затем падает в гущу тел.

— Прибытие свершилось!

Кулаки молотят воздух.

— Прибытие свершилось!

— Прибытие свершилось!

34

— Начну с хороших новостей, — объявил Квинн.

Мы вчетвером сидели в конференц-зале для руководства. С момента нашей дезинтеграции прошло шесть часов.

— Прежде всего отмечу, что потери незначительны. Из всех инвесторов и колонистов в криокапсулах умерло менее трех процентов, что вполне согласуется с нашими прогнозами и является замечательным показателем в условиях, о которых я еще буду говорить. Все системы корабля работают нормально, нарушения несущественны и легкоустранимы. Шаттлы для перевозки колонистов на планету приведены в рабочее состояние.

— Отлично. Что еще? — спросил я.

— Боюсь, отдел хороших новостей больше ничем не располагает, — неуклюже отшутился Квинн.

— То есть это все хорошие новости? — удивилась Тия.

— Перейду к новостям так себе, — продолжил Квинн, не ответив на ее вопрос. — Они довольно

пестрые. Достигнув орбиты, мы успешно провели зондирование. Два зонда потеряно, но остальные восемь справились с поставленными задачами. У планеты великолепная атмосфера. Содержание кислорода несколько повышено, но находится в пределах допустимого. Период обращения планеты вокруг своей оси — двадцать семь часов. Колонистам понадобится какое-то время для адаптации, но постепенно все приспособятся к новым суткам. Ускорение силы тяжести равно нулю целых и восьмидесяти шести сотым «же», что чуть ниже расчетных показателей. Этим и объясняется потеря двух зондов.

— Почему же «так себе»? — спросил я. — Вполне оптимистично.

— Но оказалось, что на поверхности планеты холодно. По-настоящему холодно. Средняя планетарная температура равна сорока четырем градусам Фаренгейта[12]. Примерно такая же была на Земле в последнюю ледниковую эпоху. Ледники расходятся от обоих полюсов во все стороны и тянутся до двадцатой параллели на севере и юге.

— Но внешне они похожи на голубую водную поверхность, — сказала Тия. — В чем же дело?

---

[12] Примечания: 12
Соответствует примерно 7,6 °C.

— Лед сильно сжат. Такое наблюдается на поверхности глетчерных ледников. Внутри льда мало пузырьков воздуха, преломляющих свет, поэтому лучи проходят сквозь всю поверхность, а она поглощает значительную часть света из красной части спектра. Лед кажется водной поверхностью, но это не так.

— Есть ли на планете хоть какое-нибудь место, куда мы можем высадиться? — спросил я.

— Перехожу к этому вопросу. Система, выведи на экран снимки с зондов, со сто шестьдесят третьего по сто семьдесят девятый.

Над столом появился экран с семнадцатью снимками. Квинн быстро прошелся по каждому, взмахом руки увеличивая необходимые фрагменты.

— Восемьдесят восемь и семь десятых процента поверхности Кэлуса занимает океан, что вполне соответствует ожиданиям. На планете есть три основных континента: на южном полюсе, в Южном и Северном полушариях. Первые два целиком покрыты льдом, однако третий, — Квинн развел пальцы, увеличивая изображение, — тянется почти до самого экватора. Точнее, до седьмого градуса северной широты. Южная треть этого континента более или менее свободна ото льда

и в основном покрыта лесами альпийского типа, согласно характеру климата. Есть области с более скудной растительностью, состоящей из мхов и лишайников. Местность сильно пересеченная. Северная часть изобилует ледяными моренами, однако никто не замерзнет насмерть.

— Насколько там холодно?

— Я бы захватил свитер, — ответил Квинн. — Чем-то похоже на север Финляндии.

— А какая там растительность? — спросил Антон. В симуляции он был уличным мальчишкой с Аннекса, а на деле — тридцатитрехлетним биологом-почвоведом. — Мы сможем что-нибудь выращивать?

— Я пошлю тебе образцы данных. Если отвечать коротко, то да. Сведений о животном мире меньше. Обнаружены мелкие наземные млекопитающие. Во всяком случае, они напоминают млекопитающих. Нечто среднее между крысой и бурундуком. Есть и рогатые особи, похожие на оленей и лосей. Эти перемещаются крупными стадами. Наверняка есть и другие животные, но мы их не видели.

— Значит, разумной жизни не обнаружено, — сказала Тия.

— Однозначно утверждать нельзя.

— То есть как?

— Система, покажи видеозапись с дрона. Номер записи — один-восемь-семь-ноль, с третьей по двадцать четвертую минуту. — (Снимки на экране сменились видеороликом: каменистая береговая линия, высокие пенистые волны, бьющие о берег, белая стена известковых утесов.) — Съемка сделана дроном, запущенным с седьмого зонда вскоре после того, как тот приземлился на юго-восточном побережье континента. Просто смотрите.

Дрон, до тех пор скользивший вдоль утеса, остановился и стал снижаться вертикально, зависнув всего в нескольких футах над волнами.

— Почему он остановился? — спросил Антон.

— Потому что он запрограммирован на поиск определенных объектов.

— Каких?

— Прямых линий.

— А зачем их искать?

— Затем, что в дикой природе прямые линии отсутствуют.

Дрон обнаружил под водой длинный прямоугольный объект, один конец которого был искривлен.

— Послушайте, это же… — Я вытянул шею. —

Это похоже на…

— Да, это похоже на корпус судна, — сказал Квинн. — Я сам подумал так, когда увидел. Подождите, сейчас начнется самое интересное.

Дрон еще немного повисел над затонувшим кораблем, затем поднялся и полетел дальше. Среди камней виднелось что-то странное. Эти объекты явно имели искусственное происхождение и чем-то напоминали искореженные сцепленные руки. Мы не отводили глаз от экрана. Прибрежная полоса становилась все более захламленной; груды непонятного мусора упирались в подножие горной цепи. Сама цепь стала поворачивать на север, делаясь все ниже. В одном месте скалы резко оборвались и показалась бухта.

Нет, не бухта.

Гавань.

Дрон медленно летел над поверхностью воды, усеянной заржавленными корпусами судов. Все они были неестественно наклонены. Катастрофа оказалась настолько чудовищной, что уничтожила границу между водой и сушей. Гигантские нагромождения, уродовавшие побережье, были остатками большого города. Дрон поднялся выше, показывая жуткую панораму: обвалившиеся башни, руины странных куполообразных постро-

ек, груды развалин, тянущиеся на многие мили вглубь континента.

— Все дроны обнаружили нечто похожее, — сообщил Квинн. — Найдено тридцать шесть городов, все примерно в одинаковом состоянии. Половина — на побережье, остальные — в других частях континента. Они соединялись дорогами, а также сетью каналов.

Тия оторвала взгляд от экрана и повернулась к Квинну:

— Кем они были?

— Кэлусианцами. Конечно, у них эта планета называлась по-другому. Подробностей мы не узнаем, пока сами не ступим на Кэлус. Но думаю, и тогда не стоит рассчитывать на ошеломляющие находки. Мы можем найти останки тел, а можем и не найти.

Видеозапись повергла меня в печаль. Перед нами были неопровержимые доказательства существования разумной жизни на других планетах, но мы прилетели сюда слишком поздно.

— Если хотите, могу поделиться своей теорией, — сказал Квинн. — Хотите? — упавшим голосом спросил он.

Наше молчание он принял за согласие.

— Отмечу кое-что, — сказал он, кивая в сторону

экрана. — Первое. Присмотритесь к эпицентру катастрофы. Что вы видите?

Я последовал его совету и заметил блюдцеобразное понижение.

— Ударный кратер?

— Или воронка от взрыва. Одиночный можно было бы списать на удар крупного метеорита. Но такие кратеры обнаружены во всех тридцати шести местах. Некоторые значительно крупнее этого. И второе: радиоактивный фон. Ничего особо опасного нет, однако уровень превышает расчетный. В среднем он равен полутора миллиремам в час. В горячих точках вроде этой достигает трех.

— Получается, на Кэлусе случилась ядерная война.

— На Земле тоже была ядерная эпоха. Я до сих пор удивляюсь, как мы тогда не уничтожили разумную жизнь на планете. Возможно, кэлусианцы оказались не столь удачливы.

— Значит, эти ледники…

— Последствия ядерной зимы. После взрывов в воздух поднимаются горы мусора и пыли. Они преграждают доступ солнечному свету. Возникает климатическая обратная связь. Поверхность планеты становится все холоднее и холоднее,

пока все живое не вымирает от голода. По состоянию морен могу сказать, что лед только начинает отступать.

— Ты говоришь, что кэлусианцы сами уничтожили свою планету. Совсем как мы.

Квинн кивнул:

— Иными средствами, но уничтожили. И у них это получилось быстрее, чем у нас.

Какое-то время мы сидели молча.

— Дроны выбрали место для устройства поселения? — спросил я.

— Пока нет.

— Тогда надо снова отправить их на разведку.

— У них иссякла энергия.

— Почему это? Разве они не возвращались на станции для зарядки?

— Все станции тоже перестали функционировать.

Услышанное показалось мне бессмыслицей.

— Все станции? Как такое может быть?

— Оказывается, может. — В голосе Квинна появилась несвойственная ему осторожность. — Я прихожу к такому выводу. Похоже, мы достигли орбиты Кэлуса не сегодня и не вчера. Мы находимся здесь уже какое-то время.

У меня все сжалось внутри.

— О каком отрезке времени идет речь?

Квинн глубоко вздохнул:

— Сто тридцать семь лет и двести девяносто девять дней.

Это сделал не кто иной, как Уоррен.

Уоррен Сингх, главный врач, в обязанность которого входило пробудиться первым, чтобы удостовериться в здоровье и безопасности руководителей экспедиции, а затем следить за нашей дезинтеграцией. Все это он сделал.

А потом, через семьдесят девять часов, оставил нас в том состоянии, в каком мы находились, и вернулся в сон.

Я думаю о том, как провел Уоррен те три с половиной дня. Представляю, до чего одиноко ему было, каким растерянным и неуверенным ощущал он себя, когда его вытолкнуло из райского сна в унылую белую реальность громадного корабля, повисшего на орбите заледенелой планеты. Я знал Уоррена много лет и считал его своим близким другом. В реальном мире он был почти таким же, как и во вселенной снов: уверенным, обаятельным, легким в общении, большим жизнелюбом. Может, он бродил по коридорам «Ораниоса», кляня судьбу? Смотрел на ледяной шар и проклинал само имя планеты — Кэлус?

Если и так, был ли я вправе его осуждать? Ведь доктору Уоррену Сингху идеально подходил мир Просперы: умеренно жаркие дни и прохладные тропические ночи, беззаботное общество и нескончаемые развлечения. Где еще он мог заводить романы и наслаждаться любовными приключениями, не опасаясь последствий? На Кэлусе его ждала жизнь в тундре. Мог ли такой человек не продумывать другие варианты?

Но кажется, я излишне добр к нему. По сути, этот человек оказался трусом.

Подробностей я не знаю и с уверенностью могу сказать лишь одно: через двадцать восемь часов после дезинтеграции мой старый друг Уоррен Сингх принял решение, состоявшее в том, чтобы не принимать никаких решений. Вернее, переложил эту ношу на плечи тех, кто занимал более высокое положение: Каллисты Лэйрд и Отто Уинспира, пробудившихся вслед за ним. Оба наверняка были потрясены и обескуражены не меньше Уоррена. И не только из-за суровых условий. Можно упрекать Каллисту и Отто во многом, но только не в глупости. Через два дня все трое реинтегрировались в сон, предварительно внедрив в систему генератор случайных паролей. Это препятствовало пробуждению любого из нас,

будь то колонист или инвестор. Мы оказались накрепко заперты в мире снов.

— А как насчет пробуждения людей изнутри? Если протиснуться через заднюю дверцу? — спросила Тия.

Квинн покачал головой:

— Помнишь, как мне не удавалось пробраться через тот брандмауэр? Тут схожая проблема. Я напрасно потерял время.

— Тогда почему мы четверо все-таки пробудились?

Квинн задумался.

— Что касается Проктора, он уже делал попытки проснуться. Отсюда и все его отзвуки. Неудивительно, что Уоррен и другие торопились поскорее загнать его на Питомник.

— Значит, Уоррен, Каллиста и Отто перед реинтеграцией сознательно не стали принимать препараты, подавляющие память. Они помнили все свои поступки.

— Все не так просто, — сказал Квинн. — Без подавителей памяти они бы оказались статичными объектами в мире снов.

— Тогда что?

— Они не стареют. Выглядят такими же, как и сто тридцать семь лет назад, когда вышли из цар-

ства снов в реальный мир. Им не надо проходить реитерацию.

— Однако это не объясняет, как и почему нам удалось выбраться.

— Не объясняет, но дает подсказку, — ответил Квинн. — Мир сна не бесконечен. Он существует до тех пор, пока его поддерживает разум создателя.

— Ты имеешь в виду Элизу, — сказала Тия.

Квинн кивнул.

— Конечно, это лишь теория, которую мы ни разу не проверяли. Думается, мы пересекли внешний предел конструкции. Нечто вроде границы между пространством снов и реальностью. Это послужило сигналом для Системы интеграции сознания, и она переместила нас в переднюю.

— Значит, все-таки можно пробудиться изнутри.

— Теоретически — да. Ты хочешь убедить восемьдесят тысяч человек взяться за руки и поплыть к краю мира? Не представляю, как ты объяснишь им это.

— Но должен же быть какой-то способ, — не сдавалась Тия.

— Поверь, я готов выслушать любые предложения. — Квинн повернулся к Антону. — Скажи, что

ты помнишь из своего сна?

Признаюсь, я все еще не мог поверить, что смышленый, плутоватый сорванец, встретившийся мне на Аннексе, и взрослый мужчина, сидевший напротив меня, — один и тот же человек.

— Не много, — ответил Антон. — Все как-то перепуталось.

— Но постепенно картина проясняется.

— В общем да, — кивнул он.

— Нам нужно поговорить втроем. Устроить… совещание руководства, — сказал я Антону.

— Мне надо уйти?

— Почему бы тебе не проверить состояние почвенной лаборатории? — предложил ему Квинн. — Я пришлю данные по почвенным образцам. Глянешь на них профессиональным глазом.

Антон посмотрел на меня, на Тию, затем снова на Квинна.

— Конечно, — сказал он и встал. — Если понадоблюсь, я буду в лаборатории.

— Спасибо, Антон.

Он ушел.

— Проктор, что за чертовщина? — спросил меня Квинн, когда за Антоном закрылась дверь. — Я предвидел, что так оно и будет. — Выкладывай,

что у тебя на уме.

— Хорошо. Скажу. Знаешь, что произойдет в ближайшие часы? Этот милый биолог-почвовед, который и мухи не обидит, начнет думать: «Я убью этих мерзавцев». Проктор, все испытуемые вспоминали сон. Все без исключения. Кто раньше, кто позже, но результат был одинаковым. Как по-твоему, что случится, если мы действительно сумеем пробудить колонистов? Да они порвут инвесторов в клочья.

— Давай думать о переходе моста, когда мы окажемся возле него.

— Мы уже возле него. И мост надо переходить. Это ведь ты устанавливал параметры. Восемьсот лет хороших снов. Помнишь?

— Об этом просила Коллегия.

— Скажи, как прекрасные сны обернулись полицейским государством, где колонисты жили в грязи и нищете, а мы играли в теннис и угощались канапе, поданными на серебряных подносах?

— Этого я объяснить не могу.

— А я думаю, можешь. Просто не хочешь говорить об этом вслух.

— Честное слово, я не понимаю, о чем ты.

Квинн и Тия, сидевшие напротив, осторожно

переглянулись.

— Эй, вы оба! Давайте напрямую, без намеков, — не выдержал я.

Тия подалась вперед, глядя мне в глаза:

— Знаю, Проктор, тебе не хочется касаться этого, но мы должны учитывать роль Элизы. Мы все помним, в каком состоянии она находилась.

— Она была подавлена. Мы оба были подавлены. Мы же потеряли нашу дочь.

— Я знаю, об этом больно говорить.

— Не столько больно, сколько неуместно. Уоррен — вот о ком мы должны говорить.

— Питомник. Мониторы. Факсы и дроны. Как ты объяснишь их появление?

— Система интеграции сознания интерпретировала параметры по-своему, — сказал я, прекрасно сознавая, что оправдываюсь. — Слегка вольно, согласен.

— Речь не о вольностях, — возразила Тия. — Система получает подсказки от Дизайнера.

Я посмотрел на них:

— Вы хотите сказать, что Элиза несет ответственность за все это?

— Подумай сам, Проктор. Жизнь без боли, печали и даже без смерти. Мир, где люди могут забыть о своих тревогах. Мир без… детей.

— Я больше не могу этого слышать, — заявил я и встал.

— Проктор!

— Пусть идет, — сказал Квинн.

И я ушел.

Я вернулся к себе. Сразу пойти в помещение с криокапсулами я не мог, поскольку знал, что́ меня там ждет. Я решил немного вздремнуть, но мозг не мог пересечь границу между миром снов и явью. Наверное, причина крылась в том, что я и так провел во сне триста шестьдесят шесть лет. Интересно, сумею ли я снова чередовать сон и бодрствование?

Кончилось тем, что я оставил попытки уснуть и спустился на лифте в главную часть корабля. Я бродил по коридорам, думал о Проспере, о том, что там делается. Был ли наш побег замечен? Если да, какими будут последствия для тех, кого мы оставили в мире снов?

Затем, как и следовало ожидать, я начал думать об Элизе; не о той, что осталась на Проспере вместе с Уорреном, а о настоящей Элизе. О женщине, ворвавшейся в мою жизнь и изменившей все.

В мире снов мы познакомились на вечеринке. В реальной жизни — тоже, только местом встречи был не помпезный зал, где проходил

официальный прием, а дом нашего общего друга, пригласившего меня и Элизу на обед. Нас усадили рядом. Я тогда только начал сотрудничать с корпорацией «Проспера» и работал в Беркли, где располагался их исследовательский центр. Элиза вернулась домой после стажировки в Стэнфорде, где специализировалась в области нейрофизиологии. Предметом нашего разговора стали сны, но не в их обычном, обывательском толковании. Мы говорили о психологических механизмах, которые переводят мысли людей в символы, создавая пространство снов. (Меня мучили кошмарные сны, предвестники катастроф, о которых знал только я: все мои попытки сообщить об этом людям вызывали недоверие и насмешки. Элизе часто снилось, что она осталась одна в открытом море, хотя это не страшило ее.) Когда обед закончился, мы перешли в гостиную, уселись на диван и продолжили разговор, затянувшийся далеко за полночь. Мы были так поглощены беседой, что даже не заметили, как остальные гости разъехались, а хозяин отправился спать. Эту историю мы и наши друзья потом рассказывали несколько лет. Признаюсь, я был пленен умом Элизы, ее рассудительностью, чувством юмора и добротой. В ней горел неукротимый огонь; такой жизненной

силы я не встречал ни в одном человеке. Словом, она меня околдовала, и я в тот же вечер начал мысленно строить наше совместное будущее, желая, чтобы оно никогда не кончалось.

Думал я и о той Элизе, какой она стала после смерти Кэли. Об Элизе тех ужасных месяцев, сложившихся в ужасный год; Элизе скорбящей, молчаливой и безутешной, погрузившейся в себя так глубоко, что все мои попытки пробиться к ней потерпели неудачу. О той Элизе, которая ушла и не вернулась, оставив меня одного.

После бури мы немедленно выехали из своего дома. Жить там, где погибла наша дочь, каждый день видеть ее призрак — сама мысль об этом была невыносимой. Вначале мы поселились в отеле, а когда выяснилось, что гостиничный номер слишком тесен для двух сокрушенных душ, Каллиста и Джулиан предложили свой гостевой дом, чудом уцелевший во время бури. (Мир уже стоял на грани катастрофы, но такие, как Каллиста и Джулиан, были настолько богаты и влиятельны, что могли отгородиться от всех потрясений. Точнее, отсрочить катастрофу.) Гостевой дом оказался достаточно просторным, и мы порой целыми днями не попадались на глаза друг другу. Окна выходили в роскошный сад, доведенный до

совершенства. (Слава богу, там не было бассейна.) Элиза часами бродила по безупречным дорожкам, среди живых изгородей, умопомрачительно красивых кустов с розами и цветущих деревьев, ветви которых клонились вниз, источая аромат. Из окна ее фигура казалась почти неосязаемой, словно тело из-за огромного горя превратилось в облачко атомов. Она не могла смотреть в мою сторону и, казалось, вовсе не замечала меня. Она ни разу не заговорила о Кэли и даже не произнесла ее имени. Я часами наблюдал за ней из окон и думал: «Где ты? Куда ты ушла? Только скажи, где ты сейчас, и я отправлюсь туда же».

Горе раздавило и меня, но я повел себя иначе: с головой погрузился в работу, завершая последние приготовления к отлету. Теперь, когда стало ясно, что дочь не отправится вместе с нами, моя одержимость усилилась, а вместе с ней — и предчувствие беды. Как оказалось, не случайно: вскоре несчастья стали обрушиваться на мир одно за другим, без перерыва. Человечество бесцеремонно поставили перед фактом, вручив последнее уведомление о выселении, так что величайшим умам эпохи не хватило времени на размышления о гибели цивилизации. Информационная супер-

структура, связывавшая Пеорию[13] с Палау[14] и Бойсе[15] с Бангкоком, в одночасье прекратила свое существование. Мировая экономика, снабжение продовольствием, энергетика, транспорт, финансовая система и все, что условно можно назвать правительством, быстро исчезали. Вместо вооруженных сил начали появляться мощные военизированные группировки; человечество уподобилось собакам, грызущимся из-за жалких остатков жесткого мяса. Образно говоря, мир за считаные дни погрузился во тьму.

«Ораниос» к тому времени уже был построен и находился на околоземной орбите. Ему ничто не угрожало. Он вращался над планетой, оставаясь молчаливым свидетелем ужасных недель. Бури, голод, пожары и наводнения, беспорядки и гибель людей. В последние дни перед отлетом хаос нарастал со страшной скоростью. Мы торопились запустить шаттлы для доставки участников полета на корабль. И рассчитывали, что у нас будет гораздо больше времени. Наши планы не преду-

---

[13] Примечания: 13
Пеория — город в штате Иллинойс.

[14] Примечания: 14
Палау — островное государство в Тихом океане.

[15] Примечания: 15
Бойсе — столица штата Айдахо.

сматривали никакой спешки. Хотелось, чтобы члены экипажа завершили свои дела на планете и спокойно подготовились. Большинство инвесторов даже не успели собраться в анкориджском кампусе «Просперы». Их пришлось спешно вывозить, чуть ли не по одному. На решение этой сложной и опасной задачи тратилось драгоценное время, учитывая состояние атмосферы. Этот тонкий, дающий жизнь покров яростно взбунтовался против человечества.

А затем появились толпы отчаявшихся.

Проект «Ораниос» не держался в секрете и в течение ряда лет оставался предметом всеобщего интереса. Нам пришлось отказать тысячам добровольцев, тем, кто, подобно нам, предвидел надвигавшуюся катастрофу. Но в целом средства массовой информации были настроены скептически. Наш проект выставляли невероятно дорогостоящей затеей кучки взбалмошных миллиардеров, которые поверили россказням чокнутых паникеров от науки. Журналисты не уставали повторять, что эти колоссальные деньги будут потрачены впустую.

Теперь все это было в прошлом. Стартовая площадка, откуда шаттлы доставляли людей на борт «Ораниоса», находилась в местечке Талкитна, в

ста милях к северу от анкориджского кампуса «Просперы». Добраться туда можно было лишь по реке и единственной дороге. Кампус и стартовая площадка были обнесены высокими заборами и имели вооруженную охрану. Но заборы — не крепостные стены; они не могли сдержать натиск отчаявшихся людей, которые устремились к стартовой площадке. Люди напоминали скот, собранный в загоне. Они бились о сетки заборов, кричали, требуя или умоляя спасти их жизнь, поднимали над головой маленьких детей; женщины говорили, что позволят делать с собой что угодно, если их возьмут на борт. Нам предлагали пачки денег, потерявших всякую ценность. В воздухе носился пепел. Весь континент к западу от Миссисипи превратился в один сплошной пожар. Огненная стена двигалась в сторону атлантического побережья, расширяясь и пожирая все на своем пути.

Последних участников экспедиции перебрасывали к стартовой площадке по воздуху: ограждение вокруг кампуса было прорвано, и с обеих сторон начали стрелять. Вместе со мной в военном вертолете летели Элиза, Уоррен, Тия и Уна — начальник моего секретариата. Мы сделали круг над кампусом — на малой высоте, — повер-

нули на север и полетели над шоссе. В воздухе сильно пахло дымом. Мы сидели молча. Вертолет сотрясался от порывов ветра. Глядя вниз, я видел не ленту шоссе, а человеческую массу. Люди двигались в том же направлении, что и мы.

Все уже который месяц обсуждали эмоциональное состояние Элизы. Она так и не выбралась из пучины горя, куда погрузилась после смерти нашей дочери. Естественно, это сказывалось и на состоянии ее рассудка. Мы склонялись к мнению, что она вряд ли сможет выполнять обязанности Дизайнера, начали искать ей замену (Элиза ничего об этом не знала) и остановились на моей кандидатуре. Однако Система интеграции сознания была настроена на Элизу, и нам пришлось бы переписывать целые мили программных кодов. На это ушло бы не меньше полугода, если не целый год. Было понятно, что этого времени у нас нет.

Возможно, следовало рассказать Элизе о нашем плане. Сам не знаю, почему я этого не сделал. Освобождение от ноши могло бы улучшить ее состояние. Скрыть от Элизы наши действия было легко. Она говорила со мной редко, всегда недолго и о чем-нибудь конкретном. Мы продолжали жить в гостевом доме, не имея средств, чтобы

найти другое жилье. Очень часто я ночевал на диване в своем кабинете, убеждая себя, что так удобнее — ведь я работал почти круглые сутки. Но реальность была куда прозаичнее: я попросту не хотел создавать себе новых проблем, неизбежных в случае общения с женой. Мне было одиноко и грустно; в голову лезли самые черные мысли. Однако всякий раз, когда я обращался к Элизе — единственному человеку, способному понять мои чувства, поскольку она вместе со мной переживала гибель нашей дочери, — я встречал пустой взгляд и молчание.

Я рассказываю это не из желания оправдаться, а лишь для лучшего понимания. То, что произошло между мной и Тией, вызывало у меня сильнейшее чувство вины, и поэтому второго раза не было. Но чувство вины и желание, чтобы этого не было вообще, — не одно и то же.

Это случилось июньской ночью, за считаные дни до обвала земной цивилизации. Мы с Тией остались в кабинете вдвоем. Квинн уехал домой. Такое бывало и раньше, но ощущения изменились. В отсутствие Элизы я стал все чаще обращаться к Тие за эмоциональной поддержкой, какую обычно мужчина получает от своей жены. К тому же мы с Тией были не просто давними

друзьями и коллегами по работе. Нас связывало далекое прошлое — страстная любовь, первая для нас обоих. Это произошло на выпускном курсе. Мы были молодыми, бедными и полными сил. Наши отношения, продлившиеся три года, окрашивались юношеским задором и богемной восторженностью. Мы снимали квартиру в обшарпанном трехэтажном доме неподалеку от кампуса Массачусетского технологического института. Эта квартира служила нам компьютерной лабораторией, художественной галереей (даже спустя много лет запах масляной краски всегда возвращал меня в те волшебные дни) и, конечно же, спальней. Просто не верится, каким счастливым я был тогда, каким везунчиком.

Такое романтическое существование продолжалось три года. Подобные отношения редко бывают длительными, обычно они заранее обречены. Мы не ссорились, не изменяли друг другу. Просто у нас были разные устремления. Каждый с головой ушел в работу. Добавьте к этому разницу в характерах и лишь наполовину сформировавшееся самосознание, как у меня, так и у нее. Все это сыграло свою роль. Появились трещинки, потом они стали множиться, и наконец мы оба оказались на тротуаре, у открытого багажника ее

машины, залитые слезами.

Мы разъехались, но не расстались совсем. Из-за схожести наших занятий мы часто встречались в деловой обстановке, не теряя друг друга из виду. По прошествии времени те силы, что развели нас, начали казаться чем-то незначительным по сравнению с теплыми воспоминаниями о совместно прожитых годах. Тия так и не вышла замуж. (Она несколько раз оказывалась на грани вступления в брак, но так и не «нажала на спусковой крючок».) Это ничуть не удивляло меня. Для Тии на первом месте всегда стояли ее ремесло компьютерного теоретика и живопись — область, в которой она начинала приобретать известность. Иными словами, мы стали друзьями, но особого рода, храня память о любовной связи, о близости на переломном этапе жизни.

Около двух часов ночи, когда глаза уже разбегались от усталости, мы поднялись на крышу — глотнуть свежего воздуха. На юге Аляски июньское солнце никогда не заходит, лишь кокетливо движется по горизонту, излучая рассеянный свет. Но в ту ночь этот свет усиливало зарево сильнейших пожаров, которые уже начали пожирать американский Запад. Минут пять-десять мы с Тией стояли у парапета, глядя на залив Кука

и очертания гор на западе. Одной из них была Суситна, называемая также Спящей Дамой — ни дать ни взять женщина, прилегшая отдохнуть. Я не мог оторвать глаз от Суситны, и чем дольше я смотрел, тем сильнее проникался грустью при виде каменного тела, застывшего навсегда. Эти чувства настолько захватили меня, что я всхлипнул, а потом разрыдался. Мое тело сотрясалось, измученное горем.

Я много раз плакал по Кэли. Я плакал и по своей жене — такой недосягаемой, что она стала чужой для меня. Но в этот раз все было по-другому. Слезы шли из такой глубины — можно сказать, из пропасти, — что мне было ясно: я оплакиваю не Кэли и не Элизу. Я оплакивал все живое. Нашу печальную, роковую участь и мир, который больше не мог любить нас, поскольку мы давно перестали любить его.

Я почувствовал, что Тия обнимает меня. Она тоже плакала. Мы не произнесли ни слова. Нас объединили общие ощущения и воспоминания о том, какими мы были когда-то: живыми, полными надежд. Мы оплакивали совместную жизнь, от которой отказались. Она поцеловала меня, а может, я поцеловал ее. Какая разница? Мы не целовались; мы двигались назад во времени.

Все остальное произошло само собой.

Это было двумя неделями раньше, а теперь мы летели в вертолете на север. Слева поблескивала река, внизу, под нами, шагали отчаявшиеся: последний полк армии, обреченной на гибель. Пепел становился все плотнее и стучался в окна вертолета: мириады черных снежинок. Шум двигателей не давал говорить, да и был ли в этом смысл? Элиза прислонилась ко мне. Она сильно похудела. Тия, сидевшая по другую сторону прохода, настороженно посмотрела на меня. Я понял, что мы думаем об одном и том же: каково это — прожить несколько веков в снах женщины, раздавленной горем?

Мы приближались к стартовой площадке, когда два пулевидных стальных шаттла взлетели и, сверкая, устремились к «Ораниосу». Из сопел вырывались конусы оранжевого пламени. Стартовую площадку окружило людское море, простиравшееся на сотни ярдов. Нас встретил Квинн, сказавший, что ограждение вот-вот будет прорвано. Нужно как можно скорее подняться на борт последнего шаттла и стартовать.

То, что задумывалось как торжественное отправление, превратилось в сумасшедшую гонку. У нас не оставалось времени на размышления о

важности этого момента. Мы были не первыми людьми, отправившимися покорять звездные дали, а обычными беглецами, спасавшими собственные шкуры. Мы залезли в грузовик и понеслись туда, где стоял последний шаттл. Вслед нам захлопали выстрелы. Похоже, толпа смяла и разоружила охрану. Или охрана перешла на сторону толпы. Мы остановились у основания стартовой башни. Толпа быстро приближалась. Гулкие шаги, голоса, крики, снова выстрелы. Пули свистели над головой, отскакивая от фюзеляжа. Неужто эти люди собирались убить всех нас? Шаттл, заполненный горючим, был летающей бомбой. Я заслонял собой Элизу. Нам оставалось лишь добежать до кабины лифта, и вдруг Элиза оттолкнула меня.

— Нет! — крикнула она.

— Элиза, в чем дело?

Лицо жены было перекошено ужасом.

— Я ее не оставлю! — Элиза метнулась в сторону; я быстро догнал ее, схватил за талию и прижал к земле. — Будь ты проклят! — Она билась и царапалась, словно дикий зверь. — Отпусти меня! — (Уоррен снял с плеч рюкзак, расстегнул и, порывшись в нем, вытащил шприц и ампулу.) — Я не могу ее оставить! — стенала Элиза. — Не

принуждай меня!

Я удерживал жену. Подбежавший Уоррен спустил пояс Элизиных брюк и вонзил шприц ей в бедро. Еще до того, как цилиндр опустел, я почувствовал, что ее тело обмякло. Толпа приблизилась настолько, что стали видны лица: перекошенные от злобы, испуганные, обезумевшие. Вот крупный мужчина с окладистой бородой, похожий на могучего лесного зверя. На плече у него — винтовка, на руках — орущий малыш. Рядом с ним — женщина с собакой (гончей?) на поводке. Из-под оранжевой шерстяной шапочки на ее голове выбивались седые волосы. За ними — подростки, парень и девчонка. Они держались за руки и кричали нам, прося подождать и взять их на борт.

Я подхватил Элизу на руки и помчался к кабине лифта. Квинн захлопнул дверцы изнутри. К этому моменту возле кабины уже появились первые люди. Они хватались за нижние кабели, пытались просунуть пальцы во все щели. Снова раздались выстрелы. Пули отскакивали от опор пусковой башни. Кто-то — скорее всего, я — нажал кнопку. Кабина поползла вверх. Десять футов, двадцать, тридцать. Один из подростков — парень — продолжал цепляться за кабель. Наши глаза на мгновение встретились.

— Пожалуйста, — прошептал он и вдруг, разжав руки, полетел вниз.

Лифт поднимался, но не так быстро, как хотелось бы. Наши преследователи не сдавались. Теперь они бежали вверх по лестнице, словно армия бешеных муравьев. Мы достигли верха первыми, хотя опередили их лишь ненамного. Некоторые из стоявших внизу перенесли свою ярость на шаттл и принялись стрелять по блестящим стенкам челнока, словно это могло их спасти. Мы достигли люка шаттла, протиснулись внутрь и загерметизировали челнок изнутри. Через пару секунд возле люка уже собрались отчаявшиеся. Мы расселись. Я усадил Элизу в кресло и закрепил ремни. Ее глаза были приоткрыты, веки подрагивали, как крылышки.

— Я не могу ее оставить, — бормотала Элиза. Лицо жены было мокрым от слез, волосы покрывал пепел. — Пожалуйста, не вынуждайте меня оставлять ее…

Я поднялся по лесенке в кокпит. За пультом управления сидел Джейсон. Пассажирский отсек у нас за спиной повернулся, заняв стартовое положение.

— Взлетай, — сказал я пилоту. — Не жди.

Джейсон в ужасе посмотрел на меня:

— А как же те люди на башне? Они же сгорят в пламени.

— Их никто сюда не гнал. Теперь уже поздно. Запускай двигатели, или я сам их запущу.

«Для них все кончится быстро», — твердил я себе. Оглушительный треск, волна огня, и… все. Почти милосердный поступок, учитывая дальнейшую судьбу планеты.

Двигатели шаттла ожили. Меня вдавило в кресло. Незабываемый момент отлета с Земли. Мы покидали планету, подводя черту под прежней жизнью и всем, что было в ней. Шаттл взмыл над башней. Мы улетали от большой голубой колыбели человечества. «Прощай, Кэли, — подумал я и закрыл глаза. — Прощай, моя доченька, сердце мое, чье тело лежит в земле». Шли секунды и минуты. Время потеряло всякий смысл, растворившись в грохоте шаттла. Энергия разгоняющихся двигателей текла сквозь меня, словно струя расплавленного свинца. Мы набирали высоту. Кабина вздрагивала. Все эти звуки били по моим чувствам. Я открыл глаза, лишь когда двигатели смолкли и ставшее невесомым тело пожелало вырваться из плена ремней. За окнами шаттла простиралось темное пространство с мерцающими звездами.

Набравшись мужества, я отправился в помещение, где находились криокапсулы для руководства. Их разместили отдельно от капсул, предназначенных для колонистов, в небольшой комнате вблизи купола. Капсулы располагались в ряд, как гробы в склепе. Первые три пустовали; крышки были открыты, а внутреннее пространство осушено. До недавнего времени в них спали Тия, Квинн и я. Рядом находилась капсула моего брата Малкольма. (Несколько секунд перед глазами стояла сцена из сна, где он был моим отцом. Разница в возрасте между нами составляла двенадцать лет, и в реальном мире наши отношения во многом были такими же, как у отца с сыном.) Далее шла капсула Джейсона, бывшего морского летчика, ставшего авиакосмическим инженером, порывистого, искреннего и открытого. Потом капсула Уны — моей верной, безотказной помощницы, которой можно было поручить любое дело. И наконец, капсула Уоррена, предавшего всех нас. Я останавливался возле каждой, хотя и не видел лиц, поскольку смотровые окошки покрылись инеем.

Я подошел к капсуле Элизы и пальцами стер иней. Криогенная жидкость была полупрозрачной, желеобразной, цвета сепии, как на

старинных фотографиях. Сквозь эту желтовато-коричневую массу на меня смотрело лицо жены; ее настоящее лицо, которого я не видел почти четыреста лет. Каким неподвижным оно было, каким безжизненным! Но только внешне. Внутри ее разума таинственным образом существовал целый мир с городом и предместьями, сушей и морем, работой и отдыхом, печалями и радостями. Мир, где другие участники полета ели и спали, боролись и предавались телесным утехам. В этом мире существовали розы, чайные чашки, велосипеды и детские туфли. Там были время, материя и свет. И она властвовала над всем этим, как богиня, пребывая в том же сне.

Последняя капсула пустовала. Она предназначалась для Кэли. Странно, что, стоя возле нее, я думал не о Кэли, а о парне, цеплявшемся за кабину лифта в день нашего бегства с Земли. Разве трудно было приоткрыть дверцы, протянуть руку и втащить его в кабину? Спасти хотя бы одну обреченную душу? Однако все произошло слишком быстро; тот парень давно мертв. Он мертв почти четыреста лет. Почти целую вечность — и чем дальше, тем отчетливее будет это ощущение.

Мои размышления прервались: я понял, что не один в помещении. Повернувшись, я увидел

Тию. Она сидела на полу, упираясь спиной в одну из капсул.

— Извини, — сказала она и поморщилась. — Нужно было подать голос, как только ты вошел.

— Тоже не спится, да?

— Знаешь, я вдоволь наспалась за эти годы.

Я сел на пол рядом с ней.

— Как она выглядит? — помолчав, спросила Тия.

— Такая же, как была.

— Странно сознавать, что все мы жили в ее голове.

— Я понимаю, о чем ты.

Тия вздохнула:

— А знаешь, что злит меня по-настоящему? — Она подняла большой и указательный пальцы. — Я ведь чуть не переспала с этим придурком.

— С кем? С Уорреном?

— С кем же еще? Он вел себя как настоящий мартовский кот. Поверь, ничего серьезного я к нему не испытывала. Мы тогда оба изрядно набрались.

— Не знаю, что тебе ответить, — сказал я, поскольку слышал об этом впервые.

— Мог бы начать со слов «Мои соболезнования». А вообще, это ты во всем виноват.

— Ты переспала с Уорреном, а я виноват?

— Я же сказала: «Чуть не переспала». Это не одно и то же. А ты виноват, поскольку вечеринку устроили в твоем доме. На таких сборищах каждый обязательно оказывается в постели с кем-нибудь. Таков закон природы. — Тия вдруг замолчала. На ее лице отразился ужас. — Боже мой, о чем я говорю! Проктор, прости меня.

— Все нормально, — успокоил я ее. — Забудь.

— Какая же я дура! Не надо было об этом заикаться.

— Я же тебе сказал: забудь. Ты слышала? — Я слегка пихнул ее локтем в бок. — А ты права. Вечеринка была что надо.

Тия негромко засмеялась:

— Помнишь, как Джейсон столкнул Уоррена в бассейн?

Я улыбнулся, вспомнив тот случай:

— Уоррену не слишком понравилось.

— Какая у него была физиономия! А помнишь, во что вырядился Набиль?

— По-моему, во что-то вроде комбинезона.

— Как он мог дышать в этом скафандре? А сигары Отто?

— Редкостная дрянь.

— И эта сука Регана. — Тия даже застонала. —

Никогда не переносила эту особу. Но танцевать она умеет. Надо отдать ей должное.

— Постой, мы говорим об одной и той же Регане? — спросил я, поскольку не помнил, чтобы та танцевала.

— Ты шутишь? Да она настоящая Джинджер Роджерс[16]. В извращенном варианте… если бы Джинджер вздумала отправиться в школу стриптиза. Впечатляющий был танец.

— Значит, я его пропустил.

— Только ты и пропустил. Остальные видели.

Мы умолкли. Тишина была приятной и успокаивающей. Впервые после дезинтеграции мое настроение чуточку улучшилось. Реальность, в которой мы оказались, была на редкость паршивой, и все же я с удовольствием сидел на полу с Тией, вспоминая счастливые времена.

— Хочешь услышать кое-что странное? — спросил я.

— Хочу, если расскажешь.

— Я думал о Кэли. Не о настоящей, а о Кэли из мира снов. Она оказалась совсем не такой, какой я ожидал ее увидеть. С учетом того, что она была подростком.

---

[16] Примечания: 16

Джинджер Роджерс (1911–1995) — голливудская актриса.

— Да? А в чем различия?

— Кэли из мира снов была куда… своевольнее. Наверное, это самое подходящее слово. Пойми меня правильно; настоящая Кэли бывала очень упрямой. Ее всегда отличала тяга к независимости. Но в ней была и нежность, которая меня очень трогала. Мы с Элизой всегда ругались из-за этого. Она говорила, что я избалую ребенка. Предостерегала меня: «Малыш, ты и оглянуться не успеешь, как эта девчонка сядет тебе на шею».

— Возможно, Элиза ревновала тебя.

— К кому? — удивился я. — К нашей дочери?

— Она завидовала тебе, потому что ты хорошо ладил с Кэли.

— Не так уж и хорошо. Быть родителем — занятие не из простых.

— Речь о другом. Проктор, я же видела, как ты общался с Кэли. До этого я не представляла, что один человек может любить другого так, как ты любил ее. Всей душой. Когда тебя любят вот так — это удивительное, редкое счастье. Оно достается не каждому. А Кэли досталось. И она, невзирая на возраст, тоже понимала это.

— Надеюсь, так оно и было.

— А я знаю, что так оно и было. И меня это ни-

чуть не удивляло. Эту способность я разглядела в тебе с самого начала. Ты был прирожденным отцом.

— И поэтому мы с тобой разбежались?

— Нет, Проктор. Мы разбежались, поскольку были молоды.

— И наверное, глупы?

— Я бы этого не сказала. У нас с тобой были разные цели. Каждого манили свои дела и свои места. Я не говорю, что это плохо. Лишь констатирую факт.

— Пожалуй, да, — согласился я.

— Пойми меня правильно. Я часто думала о том, какой была бы наша жизнь, останься мы вместе. Просто не могла не думать об этом.

— И к какому выводу ты пришла?

— Вариантов было только два. Или мы по-настоящему любили бы друг друга всю жизнь, или порвали бы друг друга в клочья. Но потом в твоей жизни появилась Элиза, и мои раздумья прекратились. Дело было закрыто.

Возникла пауза.

— Мы с тобой так и не поговорили о том, что случилось в ночь, когда мы поднимались на крышу, — сказал я.

— Да, не говорили. А нужно?

— Если не хочешь, то и не нужно.

— Вот что я думаю. Во вселенной, состоящей из плюсов и минусов, это было несомненным плюсом. Тебе может показаться, что я старалась тебя взбодрить. Но это не так.

— А как?

— Я вспоминала. Тебя. То, каким был мир, когда мы впервые встретились. Думаю, даже тогда мы с тобой понимали, куда все движется. Если бы не понимали, то не оказались бы здесь. Но в молодости это значило намного меньше. И в ту ночь на крыше — тоже. Ко мне на несколько часов вернулись прежние ощущения.

Я почти признался ей. Может, стоило признаться… Я стоял у парапета, думал о вечности и был готов спрыгнуть; оборвать свою жизнь раньше, чем она оборвется сама.

Вместо этого я сказал Тие:

— И ко мне.

Тия переплела свои пальцы с моими и положила голову мне на плечо. Ее жест говорил не о телесном желании, а о близости другого рода: мы с самого начала подавали друг другу пример для подражания. Мы были любовниками, друзьями, снова любовниками — в реальной жизни и в мире снов. Сейчас наши отношения перешли

на иной уровень. У него не было названия, да оно и не требовалось.

— Теперь моя очередь спрашивать, — сказал я. — Раз ты так хорошо разбираешься в отношениях родителей и детей, почему ты не стала матерью?

— Прошло столько времени — и ты только сейчас спрашиваешь меня об этом? — удивилась Тия и вздохнула. — Я не могу ответить в двух словах. Отчасти из-за работы. Из-за состояния мира. Я не могла очертя голову броситься в материнство.

— Жалеешь об этом?

— Было время, когда жалела. Я не раз видела себя одинокой старухой. А потом подумала, что в мире, катящемся к гибели, мне не суждено дожить до старости, и все видения прекратились. — Тия повернулась ко мне. — Не надо об этом, а?

— Хорошо.

— Давай тихо посидим, и все, — сказала она и снова положила голову мне на плечо.

Потекли минуты. Меня вновь захватила благоговейная тишина этого места, где обитала целая армия душ. Не гробница, а дом духов, застрявших между мирами.

И вдруг…

— Слушай, а Кэли действительно не была такой, какой я представлял ее себе.

— Проктор, что тебя настораживает? — встревожилась Тия, поворачиваясь ко мне.

Колесики моего мозга бешено завертелись.

— Каким образом Кэли проникла в сон? Что ты об этом думаешь?

— Я согласна с Квинном. Это случилось из-за тебя. Сработал один из твоих отзвуков. Ты вспомнил, как пытался вернуть ее к жизни.

— Но в мире снов я был не единственным, кто ее видел. Ты тоже видела.

Тия выпрямилась:

— Верно. Мы все ее видели.

Мы оба посмотрели на капсулу Элизы.

— Нужно отыскать Квинна, — сказал я.

35

Элиза отчетливо понимает, что теряет рассудок.

Вот, например, сейчас она сидит за столом, освещенным свечами в канделябре, и ждет, когда Уоррен подаст обед, с которым он возится уже который час. Ей не до еды. Она едва дышит. Буквально задыхается. «Это все из-за дождя», — твердит она себе. Из дому носа не высунешь, и так день за днем. Вынужденное затворничество сведет с ума кого угодно. Однако Элиза знает: причина совсем не в дожде. Дождь не имеет к этому ни малейшего отношения. Уоррен открывает духовку, выдвигает противень, смотрит на шкалу термометра для мяса и задвигает противень обратно. После этого он снимает крышку сотейника и помешивает содержимое. Пахнет соблазнительно, но Элизу от этого запаха тошнит. Далее наступает черед кастрюли, из-под крышки которой вырывается облачко пара. Уоррен что-то помешивает и там. Элиза настолько раздражена, что готова закричать.

— Ну вот и все. Кушать подано.

Кулинарные изыски Уоррена перекочевывают

на стол. Говяжья вырезка, пассерованные овощи, полента в сырном соусе, украшенная пучком чабреца. При виде этих яств у Элизы бурлит в животе. Уоррен наливает ей вина. Тошнота усиливается.

Уоррен откидывается на спинку стула и поднимает рюмку. После стояния у горячей плиты его лоб покрыт капельками пота.

— За что будем пить? — спрашивает он и со смехом добавляет: — Разумеется, не за погоду.

Здесь он прав. Элиза не припомнит таких затяжных дождей.

— Элиза! — Уоррен внимательно смотрит на жену, настороженный ее длительным молчанием. — С тобой все в порядке?

Нет, с ней не все в порядке. Она поднимает вилку и тут же кладет ее.

— Извини, — говорит она. — Просто мне не хочется есть.

Уоррен заботится о ней, и Элиза это знает. Надо быть с ним помягче. Сколько всего она пережила — а Уоррен неизменно проявляет заботу и внимание. Он ведет себя безупречно, как настоящий джентльмен. Каждый вечер безропотно отправляется спать на диван. Элизу за все это время он и пальцем не тронул.

— Ты ведь знаешь, что можешь смело рассказывать мне обо всем, — осторожно зондирует почву Уоррен. Его глаза полны искреннего сочувствия. — Я охотно выслушаю тебя. — (Элиза не представляет, о чем с ним говорить.) — Тебе потребуется время, только и всего. Время. Ты пережила ужасное потрясение. Я понимаю, в каком ты состоянии.

— Да, я знаю. Это просто…

Она резко умолкает.

— Что? Расскажи.

Наконец это вырывается из нее:

— Уоррен, я… видела сны.

Он бесстрастно кивает, повторяя за ней:

— Сны. — (На глаза изнутри что-то давит; сейчас она заплачет.) — Элиза, ты можешь рассказать мне о них.

Может ли она рассказать? Может ли она говорить об этом с ним или с кем-нибудь еще? Он поймет, что она помешалась. Если так и есть на самом деле, какое будущее ее ожидает?

— Расскажи о том, что тебе снилось.

— Не помню, — качает головой она. — Совсем не помню.

— Ну хоть что-нибудь, — настаивает он.

Элиза закрывает глаза. Совершенно непро-

извольно. Она закрывает глаза и видит море. Огромное море. Черное. Она плывет одна, брошенная на произвол судьбы. Нет ничего, кроме нее и моря со всех сторон. И вдруг состояние воды меняется. Элизе не удается держаться на поверхности. Она молотит по воде руками ногами, но ее затягивает в черную пучину.

— Элиза!

— Я сказала, что не помню!

Она вскакивает из-за стола, бежит в спальню и защелкивает замок. Там она садится на пол. Ее трясет.

Тихий стук в дверь.

— Элиза!

— Уходи.

Уоррен дергает ручку. Дверь заперта изнутри.

— Элиза, ты должна открыть дверь!

Все идет не так, совсем не так. Что вообще она делает здесь, в этом загородном доме?

— Элиза, прошу тебя! — Уоррен снова дергает ручку. — Я дам тебе успокоительное.

— Оставь меня в покое.

— Это из-за Проктора? — не унимается Уоррен. — Проблема в нем? — (Да, из-за Проктора. Элиза скучает по нему. Как можно было уйти и бросить его, когда он нуждался в ней?) — Элиза,

я знаю, тебе тяжело это принять. Но ты увидишь: все делалось для твоего же блага. — (Она закрывает лицо ладонями. Лицо становится мокрым от слез.) — Элиза, ты здесь? — (Ответа нет.) — Ну что ж… — Уоррен откашливается. — Пожалуй, я… пойду. Мало ли, вдруг тебе все-таки захочется поесть.

Она слышит, как затихают его шаги. Из кухни доносится грохот посуды. Кажется, он моет кастрюли, в которых готовил угощение. Потом грохот смолкает. Снова шаги. Уоррен идет в гостиную, собираясь спать на диване. Элизе становится легче. Она переодевается в ночную сорочку, ныряет под одеяло и гасит свет. В спальне холодно. Ну почему в этой комнате всегда как в холодильнике? Элиза плотнее закутывается в одеяло и закрывает глаза. Проходит время. Ее дыхание становится не таким тяжелым. Мысли растворяются и исчезают. К ней приходят звуки, ощущения и даже запахи. Мягкий ковер под босыми ногами. Молочный запах, теплый, как дыхание. Ее окружает тишина, более глубокая, чем безмолвие. Все это смешивается в ее голове со стуком дождя, раскатами грома и дребезжанием стекол в оконных рамах. Потом она слышит голос:

Мама!

Откуда, откуда этот голос?

Мама! Помоги!

Ужас сдавливает горло Элизы. «Маленькая моя! Мама уже идет!» Но она не в силах подняться. Даже крикнуть не может. Ей не шевельнуться, не сдвинуться с места. Она ощущает себя трупом в склепе. Бьет молния, снова грохочет гром, дождь стучит по окнам и крыше.

Мама, не могу тебя найти! Где ты?

«Вставай. Вставай!» — командует себе Элиза.

Мама, здесь темно и холодно. Я не могу тебя найти!

«Да поднимайся же! Твоя малышка тонет! Поднимайся, поднимайся, поднимайся…»

Слышится треск, потом хруст. Она открывает глаза и видит Уоррена. Он в одних трусах.

— Элиза, что случилось? Ты кричала.

— Она там!

Вспышка молнии на секунду выхватывает из темноты лицо Уоррена: жуткое, похожее на череп. Кожа и мышцы с лица исчезли. Остались лишь выпирающие кости скул. Окна трясутся от грома.

— Элиза, кроме нас, в доме никого нет.

— Убирайся прочь!

Элиза вскакивает с кровати, отталкивает Уор-

рена, бежит в гостиную, а оттуда — в темноту и бурю.

Мама!

Элиза озирается по сторонам, пытаясь найти место, откуда доносится голос. Она дрожит: сорочка мгновенно промокла. Ее окружает разбушевавшаяся стихия.

— Где ты? — кричит она в темноту. — Я не могу тебя найти!

Мама, помоги!

На крыльце появляется Уоррен, успевший натянуть брюки.

— Элиза, ради всего святого, возвращайся в дом. Гулять в грозу опасно.

— Я должна ее найти!

Элиза выбирает направление и устремляется туда. В небе что-то происходит. Облака сомкнулись, образовав черное колесо, которое крутится над лесом и полями. Элиза бежит прямо туда — во вращающуюся пасть колеса.

— Где ты? — спрашивает она, но ветер относит ее голос в сторону. — Умоляю, ответь мне!

Мама, тут темно и холодно, и я тебя не вижу…

Элиза спотыкается и падает лицом в раскисшую глину.

Мама! Мама! Мама…

Она пытается встать, но не может. Ноги не держат ее. Она плачет, уткнувшись лицом в мокрую глину. Ее дочь! Ее малышка! (Какая дочь? Какая малышка? Никак не вспомнить.) Она переворачивается на спину. Над головой, в клубящихся облаках, появляется просвет, и там мерцает голубоватая звездочка. Элиза вдруг понимает, что голос шел оттуда.

Становится понятно, что она не одна. Это Уоррен. Он опускается на корточки рядом с ней.

— Элиза, прости меня, — говорит он. В его голосе звучит обреченность человека, прекратившего бороться за жизнь. — Это моя, только моя вина. Нельзя было доводить до этого.

Уоррен подхватывает Элизу на руки. Он дотрагивается до нее не так, как раньше: с нежностью, словно она — ребенок. Совсем маленький ребенок. Его руки похожи на колыбель. Элиза ощущает себя бестелесной — словно плавает в воздухе. Она смотрит на Уоррена и понимает, что лицо его намокло не только от дождя. Он плачет. Но почему он плачет?

— Мне т-т-так х-х-холодно, — выстукивает она зубами.

Уоррен ступает по раскисшей глине.

— Знаю. Сейчас я тебя согрею.

У них за спиной вдруг вспыхивают огни. Уоррен останавливается.

— Вас тут не хватало, — бормочет он.

Вокруг становится шумно. Люди, свет фар, шум работающих двигателей.

— Уоррен! Никогда бы не подумал. Никак вы отправились на романтическую прогулку под дождем?

— Оставьте ее в покое! — огрызается Уоррен.

— Оставить ее в покое? Что я слышу, доктор Сингх?

— Отто, она много всего пережила. Это нужно прекращать.

— С этим не поспоришь.

Шаги. Приехавшие направляются к ним.

— Не смейте ее трогать! — рычит Уоррен.

— Неужели надо прибегать к крайним мерам? — раздраженно-скучающим голосом спрашивает первый человек.

— Присмотритесь к ней. Она же распадается на части. И все это, так сказать, построение тоже распадается.

— Тем больше оснований для вмешательства, — говорит человек. — Доктор Сингх, боюсь, настало время заменить ключевую фигуру.

— На кого? Неужели на вас?

— Я готов взвалить эту ношу на свои плечи.

— Не желаю участвовать в таких играх.

— Очень благородно с вашей стороны. Но если не ошибаясь, это была ваша идея, и ничья больше. — (Уоррен молчит. Дождь становится еще сильнее.) — Позвольте сообщить вам свежие данные. Беннет выбрался.

Уоррен цепенеет:

— Что значит «выбрался»?

— А то, что он заплыл за край. Не сомневаюсь, пока мы тут разговариваем, он уже на пути обратно. Пылает праведным гневом. И вы, друг мой, наверняка значитесь первым в его списке. — (Уоррен молчит.) — Итак, что вы решили? Продолжаем работать в прежнем составе?

Уоррен отвечает не сразу.

— Позвольте мне отправиться с ней на Питомник. По крайней мере, я смогу позаботиться о ее спокойствии. Вы ведь этого хотите, Отто? Обеспечивать ей спокойствие?

— И вы всерьез готовы это сделать? Пройти реитерацию после всего, что было? Вы меня изумляете, доктор Сингх. Я думал, вам нравится ваша нынешняя жизнь.

— Ошибаетесь. Я хочу все забыть.

— Что ж, таков ваш выбор. Кто знает, может, я сделаю вас своим приемным сыном.

— Благодарю. Обойдусь без этих… родственных уз.

— Только не говорите, что я не предлагал. Ладно. Все слышали, что сказал доктор Сингх? Пропустите его внутрь.

Открывается задняя дверца фургона. Уоррен осторожно вносит Элизу в тесный металлический отсек и укладывает на скамейку.

— Одеяло найдется? — спрашивает он кого-то.

Ему протягивают одеяло. Уоррен закрывает Элизу, подсовывая под нее концы одеяла. Теперь она словно в коконе.

— Эй, это еще зачем? — спрашивает Уоррен.

Элиза чувствует, как что-то сдавливает ей правое запястье. Наручник? Она заставляет себя взглянуть на Уоррена. Того тоже приковали к поручню.

— Некоторая гарантия того, что вы доберетесь до выбранного вами места, — отвечает ему другой человек.

Уоррен дергает цепочку наручника. Бессмысленно.

— Будьте вы прокляты, Отто!

Дверь шумно захлопывается. Фургон отъез-

жает.

36

— Да, я мог лишь воображать, что вижу Кэли. Но в таком случае я был бы единственным, кто ее видел. Я никак не смог бы внедрить ее в пространство снов. Такое под силу только Элизе.

Мы вернулись в конференц-зал. Квинн уселся напротив нас и, как всегда, сцепил пальцы. Мы с Тией ждали его ответа.

— Что ж, гипотеза интересная, — наконец сказал он, — но как именно это нам поможет?

— Я видел Кэли на берегу дважды и оба раза был один. Потом я встретил ее в комплексе Питомника и наконец на Аннексе. Элиза внедряет Кэли в сон, но не туда, где сама может ее увидеть. Думаю, Элиза хочет вспомнить, но не может заставить себя сделать это. Плюс выкрутасы с погодой. Стоило Кэли показаться, как на нас начали обрушиваться бури, каждая ужаснее предыдущей. Это не Система интеграции сознания. Это сама Элиза.

— Ты считаешь, что она, подобно тебе, пытается пробудиться.

— Но только она боится этого. Хочет — и ужасается. Этот ужас небезоснователен. В тот день,

когда меня уволили, я рассказал Элизе о Кэли. Она полностью ушла в себя. Захлопнулась. Погрузилась в некий транс, а когда вышла… Знаете, что она сказала? «Здесь всегда такой собачий холод».

— Так и сказала? — спросил Квинн, посмотрев на меня с неподдельным интересом.

— Говорю тебе: она уже пробуждается. По крайней мере, пытается это сделать.

— Что было дальше?

— Она собрала чемодан и уехала. К Уоррену.

— Помнишь, на Аннексе мы просматривали записи с камер дронов? Те двое, которых ты увидел, — это были они?

Я кивнул.

— Уоррен с самого начала следил за нами. Каллиста и Отто — тоже.

— По-твоему, если Элиза действительно увидит Кэли, она пробудится и пространство снов исчезнет?

— Думаю, иначе и быть не может.

— Но если она пытается пробудиться, почему Каллиста с Отто не отправили ее на Питомник для реитерации? Стереть эту жизнь и подарить ей новую.

— Я тоже об этом думал. Наверное, они этого не могут.

— Или пока не могут, — сказал Квинн. — Возможно, она не в том состоянии, чтобы проходить реитерацию. Уоррен это понимал, поэтому, скорее всего, и повез ее в глушь.

— В таком случае времени у нас немного. Едва Элиза пройдет реитерацию, как снова все забудет, и мы упустим наш шанс. Мне придется вернуться в пространство снов, причем без всяких средств подавления памяти. Вернуться и каким-то образом заставить Элизу увидеть нашу дочь.

— А такое возможно? — спросила Тия. — Мы можем отправить кого-нибудь назад?

— Сложностей с отправкой не будет. Как только Проктор войдет в стазис, система автоматически реинтегрирует его. Но если он не сможет разбудить Элизу или это не сработает, он застрянет в пространстве снов. Я не сумею вытащить его оттуда.

— Быть запертым там или здесь — не вижу разницы, — признался я.

— Верно подмечено, — усмехнулся Квинн.

— Предположим, Элиза по-прежнему находится в загородном доме вместе с Уорреном. Насколько близко ты сможешь меня забросить?

— Это самое легкое. Как насчет гостиной?

Дверь распахнулась. На пороге стоял Антон, но

в нем что-то изменилось. Вежливого, улыбчивого биолога-почвоведа больше не было. В глазах Антона бурлила ярость. Мельком взглянув на Квинна и Тию, он вперился в меня. Прежде чем мы успели что-либо предпринять, он рванулся к столу, схватил меня за воротник, сдернул со стула и швырнул к стене.

— Мерзавец! Думал, я ничего не вспомню? Это ты сделал нас их рабами!

Он снова подскочил ко мне и потянулся к моему горлу. Я вскинул руки, чтобы помешать расправе, но сознавал: надолго меня не хватит. Тия схватила Антона за талию и попыталась оттащить, а когда это не помогло, принялась колотить кулаками по его спине. Глаза биолога сверлили меня — горящие, обезумевшие, полные ненависти. Он имел на это полное право — все случилось по моей вине. Меня спас Квинн: появившись с электрошокером, он приставил его к затылку Антона. Тот ничего не заметил — настолько силен был его гнев. Но затем я почувствовал, что тело Антона обмякло, и наконец он со стоном распластался на полу.

— Мой девиз — «Будь готов к любым неожиданностям», — сказал Квинн. — Свою благодарность оставь на потом.

Мы перенесли Антона в мою комнату и заперли там.

— Он всего лишь первый. Будут и другие, сам знаешь, — сказал Квинн.

— Да уж конечно знаю.

Я разделся догола и улегся в свою капсулу. Тия надела на меня шапочку с датчиками и переглянулась с Квинном, сидевшим за пультом управления. Я ощутил легкое давление, потом закружилась голова: установилась связь с Системой интеграции сознания.

— Без препаратов тебе понадобится несколько минут, чтобы сориентироваться и понять, что к чему, — сказал Квинн. — А дальше все должно быть в полном порядке.

Я посмотрел на Тию:

— Если я не сумею пробудить Элизу, вы втроем примете подавляющие препараты и вернетесь в сон. Заходите через Питомник. По крайней мере, у вас будет хоть какая-то жизнь.

— Пока не помрем и не заплесневеем в капсулах. Нет уж, спасибо.

— Все готово, — сообщил Квинн. — Командуй.

Тия печально улыбнулась:

— Знаешь, мне в голову пришла странная мысль: а что, если все происходящее сейчас и

есть сон? Может, я лежу у себя в квартире на диване и это мне снится. А может, мы вообще не покидали Землю.

Я не понимал, шутит она или нет.

— Занятная идея.

— Готов? — спросила она, стискивая мою руку.

У меня не сохранилось воспоминаний о первом вхождении в стазис. Они и не должны были сохраниться. Говорили, что все произошло быстро. Как оказалось, недостаточно быстро.

— Да, готов, — ответил я.

Тия отошла. Дверца захлопнулась. Сквозь маленькое окошко я видел Тию, склонившуюся надо мной. Потом внутри капсулы забулькала стазисная жидкость, вязкая и холодная. Она обволакивала тело, как быстро поднимающаяся приливная волна. Мышцы окаменели, и я утратил способность двигаться. Когда жидкость дошла до подбородка, мной овладела неподдельная паника. Захотелось крикнуть, но я не смог. «Не дыши!» — напомнил я себе, и это было последней мыслью. Жидкость накрыла мое лицо и попала в легкие, после чего сердце остановилось.

Я нырнул в пространство снов.

37

Темнота.

Ветер.

Ночное небо покрыто облаками. Звезд не видно. Звуки и ощущения подсказывают: идет сильный дождь.

Я лежал на земле, глядя в темное небо. Влажная земля пахла глиной. Ветер яростно трепал ветви деревьев, отчего те шелестели. Как я оказался в ночном лесу, да еще ночью и в дождь?

Я осторожно поднялся на ноги и осмотрел себя. На мне был темный костюм. Осталось воспоминание о жутком холоде и отвратительном привкусе во рту. Я совершенно не представлял, где нахожусь, однако под внешним замешательством скрывалось понимание того, что я здесь не случайно. Я пришел сюда с какой-то целью; надо вспомнить, с какой именно.

Я поглядел вокруг себя. Деревья таких пород росли в горной местности. Значит, я нахожусь не вблизи побережья, а где-то в горах. Стали всплывать подробности из моей жизни. Меня звали Проктор Беннет. Я жил на острове Проспера. Вплоть до недавнего времени я занимал достаточно

высокое положение. Итак, я помнил основные факты своей биографии. Это меня обрадовало. Я стоял, не обращая внимания на дождь, и мысленно прокручивал в голове свою жизнь. Моего отца звали Малкольм, а мать — Синтия. Мое раннее детство прошло в большом доме, окруженном садом. Дом стоял на побережье: отсюда моя любовь к морским просторам. В университете я изучал динамику переходного периода в жизни человека и потом стал служителем закона. Но я не мог вспомнить одного очень важного обстоятельства: был ли я женат. Была ли в моей жизни женщина, чье существование уравновешивало мое собственное и придавало ему смысл? Я знал наверняка, что такая женщина существовала, но никак не мог вспомнить ее имени. Получалось некое «присутствие отсутствия». Я продолжал напрягать мозг.

Элиза.

Мою жену звали Элиза.

Нашу дочь звали Кэли.

Мое тело сейчас спало на борту космического корабля «Ораниос».

Мир, в который я попал, совершенно нереален.

Я выбрал направление и пошел. Квинн, конечно же, не смог перенести меня прямо в гостиную,

как обещал, но дом, скорее всего, находился недалеко. Я брел по темному лесу, полному движущихся теней. Дождь стал еще сильнее; его струи обжигали мне лицо и глаза. «Элиза, это ты? — думал я. — Все эти капли дождя — слезы, которые ты не можешь пролить, а буря и ветер — горе, загнанное тобой вглубь?» Я не сумел увидеть мир таким, каким он был: отражением материнского горя.

Я выбрался на сравнительно открытое пространство. Кажется, это был фруктовый сад. По обе стороны тянулись ряды цветущих плодовых деревьев, похожих на солдат, застывших по стойке смирно. За садом, в сотне ярдов, виднелся дом. Вспышка молнии осветила стоявший у дома спортивный автомобиль Уоррена.

Из-за сильного ветра дроны не выслали, но за домом наверняка велось наблюдение. Перебегая от дерева к дереву, я пересек лужайку, затем крадучись обогнул дом и заглянул в ближайшее окно, однако ничего не различил: слишком темно. Из-за бури в доме не было электричества. Интересно, кто-нибудь заметил мое появление? Я постоял, выжидая. Похоже что нет. Тогда я поднял оконную раму и залез внутрь.

Я оказался на кухне. Здесь все было старым:

большая дровяная плита на чугунных ножках в форме птичьих лап, раковина с ручным насосом, подвесные шкафчики из сучковатых сосновых досок. В углу стоял небольшой обеденный стол. Один из стульев валялся на полу спинкой вниз, словно упал в обморок. Я замер и стал прислушиваться. С другого конца дома доносились слабые звуки, будто кто-то перелистывал страницы. Я оглядел кухню, ища то, что могло бы послужить оружием. На разделочном столе у плиты была стойка с кухонными ножами. Взяв самый большой, я на цыпочках вышел в коридор. По обеим его сторонам тянулись закрытые двери. Справа была узкая лестница, которая вела на второй этаж. Из гостиной лился неяркий мерцающий свет. Я ощутил слабый запах горячего лампового масла. Добравшись до конца коридора, я вжался в стену, вытянул шею и заглянул за угол. У камина, скрестив ноги, сидел человек, читавший книгу при свете масляной лампы.

Отто Уинспир.

Он поднял глаза от страницы, поймал мой взгляд и улыбнулся:

— Проктор! Как хорошо, что вы заглянули. — Он неторопливо закрыл и отложил книгу. — Как прошло ваше путешествие?

— Где она? — спросил я, входя в гостиную.

— Вы имеете в виду Элизу? — Он пожал плечами. — Увы, ее здесь нет. Уехала. — Отто указал на нож в моей руке. — Будьте осторожнее с этой игрушкой. Так и порезаться недолго.

— Отто, я хочу знать, где она.

— А иначе что? Зарежете меня? Вы же знаете, что здесь подобные фокусы не проходят.

— Пусть так. Зато будет чем занять время.

Он насмешливо отмахнулся:

— Да полно вам. Вы забываете, что я хорошо вас знаю. Вас настоящего. Пырнуть меня ножом — совсем не в вашем духе.

— Спросите Бернардо. Он другого мнения на этот счет.

— А-а, наш славный малый Бернардо. Непременно пошлю ему открытку с пожеланием скорейшего выздоровления.

Ничего удивительного: за триста шестьдесят шесть лет этот человек ничуть не изменился. Запредельное высокомерие и такая же самонадеянность.

— Лучше скажите мне вот что, и, пожалуйста, будьте откровенны, — продолжил Отто. — Вы ведь не собирались отпускать инвесторов с корабля?

— Если уж на то пошло, они вообще были балластом.

— Проктор, вы говорите «они»? — удивленно вскинул брови Отто. — Сдается мне, ваши руки не совсем чисты. Вы сполна наслаждались всем, что могло дать наше богатство.

— Во всяком случае, я пытался найти их деньгам достойное применение.

— И нашли! — засмеялся Отто. — Выудить у богатейших людей мира несколько триллионов — это надо уметь. Вам бы стоило написать книгу.

— Как-нибудь потом. Сейчас хватает других дел.

— Проктор, за все это заплатили не нищие колонисты, а инвесторы. Напоминаю на всякий случай, а то мало ли, вдруг эта мелочь ускользнула от вашего внимания.

— Кто-то должен был заплатить. Почему бы не те, кто в погоне за прибылью погубил планету?

— Значит, они приговариваются к смерти через кошмары? Это кажется мне несколько жестоким.

— Судить буду я.

— Ну да. Их деяния и их самих. Вы когда-нибудь устанете играть в бога? Нет, конечно же, не устанете. — Отто прислонился к спинке кресла,

разглаживая брюки на коленях. — Значит, ваш план — это полный разрыв с прошлым? Жизнь с чистого листа? Мир честных, работящих мужчин и женщин, отправившихся на другую планету, чтобы дать человечеству второй шанс?

— Что-то вроде этого.

— Ах, Проктор, Проктор, Проктор. Не будьте таким наивным. Вам это не к лицу. Допустим, вы начнете строить новую жизнь со всей этой оравой фермеров и канавокопателей. И вы думаете, такое положение вещей сохранится навсегда? Друг мой, человеческая природа неизменна. В любом мире будут имущие и неимущие, и этот заложенный в человечество код вам не переписать. Возможно, пройдет сто лет или даже тысяча, но вы обязательно вернетесь к тому, с чего начинали.

— Отто, у меня нет времени выслушивать ваши лекции. Где она?

— Прямо сейчас, вы хотите сказать? — Он взглянул на часы. — Сейчас она на пути к новой жизни, полной чудес и приключений. Не волнуйтесь, она не одна. С ней поехал наш друг Уоррен. — Он притворно поморщился. — Каллиста — да будет благословенно ее сердце — противилась такому повороту. Не смогла побороть свою привязан-

ность. Но Каллиста больше не входит в число тех, кто принимает решения.

Я поднял руку с ножом:

— Разговор окончен. Мне нужны ключи от машины Уоррена.

— Вы видели эту планету. Сплошной ледяной шар. Скажите мне спасибо.

— Хорошо. Спасибо. А теперь отдавайте эти чертовы ключи.

Отто тяжело вздохнул:

— Ну что ж… Вижу, вы настроены решительно. — Он полез в карман пиджака, достал ключи и бросил мне. — Сообщаю на всякий случай: попытки разбудить Элизу ничего не дадут.

— Этого вы не знаете.

— К сожалению, знаю. Защитные механизмы в психике Элизы — настоящая крепость. Возможно, вы не помните, но по этой дорожке мы ходили уже не раз.

— Как понимать ваши слова?

Отто невозмутимо пожал плечами:

— В прямом смысле. Сценарий всегда один и тот же. Вы с Элизой находите друг друга. Через какое-то время появляется Кэли. Начинает твориться всякая чертовщина с погодой. Мы запихиваем вас в холодильник, и все возвращается

в нормальное русло. — Он умолк и наморщил лоб, словно старался что-то припомнить. — Сколько раз это повторялось? Пять? Нет, шесть. Уверен, что шесть.

Было ли это правдой? А почему бы и нет? Конечно они могли. Сценарий воспроизводился с тех пор, как достигли орбиты Кэлуса. Возможно, все началось еще раньше. Было бы странно, если бы мы этого не делали.

— Пока вы еще здесь, объясните мне кое-что. Почему руководство состоит из одних просперианцев? С вами все понятно: вы хотели быть поближе к Элизе. А остальные?

— Я этого не делал.

Отто задумался и вдруг понимающе улыбнулся:

— Да, конечно. Выкрутасы Элизы. Жаль, я в свое время просмотрел. Ну да что теперь вздыхать? — Он хлопнул себя по коленям. — Приятно было повидаться с вами, Проктор. Хотите верьте, хотите нет, но я по вам скучал. — Он выпрямился в кресле. — Джентльмены, пожалуйте сюда!

Наверное, охранники думали, что они как следует затаились. Но я почувствовал, что они где-то рядом, едва вошел в гостиную. Как только они стали спускаться, я сделал три шага вперед.

На долю секунды в глазах Отто мелькнул страх. Но Отто меня не заботил; все мои мысли были о лампе. Я схватил ее, размахнулся и швырнул к основанию лестницы.

Треск лопнувшего стекла.

Огонь.

Стена огня.

Гостиную заволокло густым дымом. Я выбежал наружу, спрыгнул с крыльца и залез в машину Уоррена. Где-то за садом вспыхнули фары и заработали мигалки патрульных машин. Я развернул автомобиль на сто восемьдесят градусов и вдавил в пол педаль газа. Машина рванулась с места. Мои руки впились в рулевое колесо (только теперь я обратил внимание на то, что оно меньше стандартного). Машина понеслась через лужайку. Вспышка молнии выхватила из темноты подъездную дорогу с глубокими колеями и дальше, за ней, — просвет между деревьями.

Я свернул туда. Патрульные двинулись за мной.

— Как-то это… странно.

Услышав голос Квинна, Тия, сидящая на полу, поднимает голову.

— Что не так?

— Подожди. Сейчас расскажу, — отвечает

Квинн, не отрываясь от терминала. Он снова стучит по клавишам. Потом останавливается и щурится, глядя на повисший над ним экран. — Видишь это? — Квинн указывает на строчку кода. — Первый дублер. Его поменяли, причем всего несколько часов назад.

Они не раз обсуждали это еще до отлета с Земли: как быть, если Элиза вдруг умрет в криокапсуле от естественных причин? Умереть мог каждый, гарантий не было. Было решено, что в таком случае Система интеграции сознания переключится на дублера и тот станет Дизайнером пространства снов. Переход окажется непростым; Системе придется самой переключиться на дублера, причем код Элизы будет взят в качестве базового. Но идею сочли правильной. Поскольку код Проктора уже существовал в достаточном объеме, дублером становился он. Вторым дублером выбрали Тию. Третьим стал Квинн.

— Кто этот новый дублер? — спрашивает Тия.

— Отто.

Боже милостивый!

— Он что, способен манипулировать Системой интеграции сознания изнутри?

— Уверенности в том, что это именно он, нет. Дублером вполне мог быть Уоррен или Каллиста.

Но кто-то оставил заднюю дверцу открытой. Держу пари, что Отто.

— Значит, у него по-прежнему есть доступ к системе.

Квинн кивает.

— Не вижу в этом смысла, — признается Тия. — Что он задумал?

Квинн снова принимается стучать по клавишам. Так проходит минута.

— Он отсек Элизу от системы. И не только ее. Весь руководящий состав. Даже Уоррена и Каллисту. И Коллегию по надзору тоже. Мы будем умирать в пространстве снов или отправляться на Питомник, но реитерация нам не светит. Нас запрут.

Быть отсеченными означало попасть в настоящий ад. Целая вечность, полная кошмаров, ведь ты заперт в тюрьме собственного разума.

— Но для перезагрузки Системы ему придется провести Элизу через Питомник. А когда это случится, власть перейдет к Отто.

— Нужно вытаскивать Проктора оттуда.

— Это невозможно. Он должен разбудить Элизу, иначе ему не выбраться. — Квинн умолкает, потом говорит: — Кстати, это не единственная пакость, которую учинил Отто.

— Что еще он натворил?

— Он отсек колонистов, вот что. Всех до единого.

Два быстрых поворота, и я вернулся на асфальт извилистой горной дороги, шедшей под уклон. На каждом повороте я сбрасывал скорость. Правая рука лежала на рычаге переключения передач, двигая его вверх и вниз. Машина отзывалась визгом шин и ревом мотора.

Элиза была права насчет автомобиля Уоррена. Я понимал ее тягу к этой игрушке с откидным верхом.

Внизу блеснули огни какого-то городишки. Я закончил спуск и проскочил его, даже не взглянув по сторонам. Ветер усилился, и мне пришлось мертвой хваткой вцепиться в руль. Который час? Когда же настанет этот чертов рассвет? Я взглянул в зеркало заднего вида, ожидая, что в нем будут фары патрульных машин, но увидел лишь удалявшиеся огни городка. Я несся по равнине мимо виноградников, ферм, домов и амбаров, располагавшихся на некотором расстоянии от дороги. Сумел ли я окончательно оторваться от погони? Фары высветили дорожный указатель: ПРИБРЕЖНОЕ ШОССЕ — 12 МИЛЬ.

Я вдавил педаль газа до упора.

Толпа у дамбы остановилась. Сзади ее теснила цепь охранников в полном боевом облачении. Спереди путь преграждала вторая цепь. За спиной у охранников виднелись безофаксы. На дамбе змеилась длинная вереница фургонов и грузовиков. Свет их фар почти не пробивал стену дождя.

— Прибытие свершилось! — скандируют люди в толпе и вскидывают кулаки в такт словам. — Прибытие свершилось! Прибытие свершилось!

Синтия встает на цыпочки, высматривая Паппи, но ей мешают плечи и головы. Стефано где-то поблизости, часть ребят тоже, но Синтия потеряла из виду и их. Странно, что охранники не выдвигают никаких требований. Не прозвучало ни одного приказа разойтись. И вообще непонятно, кто здесь главный. Только две цепи: одна спереди, другая сзади. Обе безликие: лица охранников спрятаны за шлемами.

Ей нужно разобраться в происходящем. Она нагибается и пытается протиснуться между людьми, а когда это не удается, начинает работать локтями. Многие в толпе вооружены, и не только бутылками и кирпичами. Видны обрезки труб, палки, обмотанные проволокой, ножи, молотки и тяжелые разводные ключи.

Синтия почти уже протиснулась к первым

рядам, когда охранники расступаются, пропуская женщину в плаще. Ее правая рука висит на перевязи, в левой — радиомегафон, который она подносит ко рту.

— К вам обращается министр общественной безопасности. Вы все арестованы. Требую сложить оружие.

Ее слова тонут в скандировании толпы. Голоса мятежников становятся все более громкими и вызывающими. Женщина оглядывается назад, словно желает убедиться, что охранники не разбежались.

— Повторяю приказ: сложите оружие!

Толпе явно плевать на приказ. И вдруг до Синтии доходит: угроза ареста — бессмысленная уловка. Их согнали сюда, как скот на убой.

— Делаю последнее предупреждение, — заявляет женщина. — По вам будет открыт огонь.

Темноту разрывает ослепительная вспышка. Свет льется из-за спин передней цепочки охранников. Люди в толпе закрывают глаза ладонями и пятятся назад.

Между отступающей толпой и охранниками остается всего один человек.

Он стоит на четвереньках, не понимая, что сделался живой мишенью. Это Паппи. Он вертит

головой по сторонам, словно пытается сориентироваться, затем, едва не падая, встает. Его лицо и одежда залиты кровью. Рубашка и брюки порваны. Синтия отмечает все это про себя, сознавая свою полную беспомощность. На нее напирают со всех сторон. Ей не пробиться к Паппи и не предотвратить того, что вот-вот случится. Паппи ковыляет вперед, к ближайшим машинам с их прожекторами и женщине с радиомегафоном.

— Назад, старик! — кричит она.

— Помогите мне, — просит Паппи, воздевая руки.

Женщина бросает радиомегафон, достает из поясной кобуры пистолет и направляет его на грудь Паппи, который, естественно, не видит этого.

— Я сказала, назад!

— Я не сделал ничего плохого. — Паппи делает еще шаг. — Пожалуйста, помогите. Я слеп и не знаю, где нахожусь.

Похоже, раздавшийся выстрел удивляет женщину не меньше, чем остальных. «Неужели я это сделала?» — написано на ее лице. Паппи вздрагивает, но не падает. Как и женщина, он ошеломлен быстротой происходящего. Он осторожно протягивает руку, дотрагивается до раны в груди, затем отводит пальцы. Несколько секунд

он стоит, шевеля перепачканными в крови пальцами. Затем его ноги подкашиваются, и он боком падает на тротуар.

Наступает молчание, каждый невольно задается вопросом: «Что дальше?»

Это было последней каплей. А дальше началось то, что началось.

Отто стоит под дождем и смотрит на догорающий дом. Казалось бы, струи воды должны потушить пожар, но нет. Жар осушает даже дождевые капли на лице Отто. Стены и крыша охвачены огнем. В небо уходит столб густого черного дыма. Вскоре от дома останется лишь кирпичная труба.

«А он находчив», — думает Отто. Кто бы мог подумать, что масляная лампа все испортит?

К Отто подходит Кэмпбелл, который до этого сидел в машине:

— Сэр…

— Они схватили его? — перебивает помощника Отто.

— Потеряли на горной дороге. Он гнал как сумасшедший. Такую юркую машину, как у него, не больно-то поймаешь.

Отто ничуть не обеспокоен.

— Ничего страшного. Мы знаем, куда он направ-

ляется. Выставьте заграждения на Прибрежном шоссе и отправьте отряд к паромному причалу. Десять человек… нет, лучше двадцать.

— Я как раз и хотел доложить об этом. У нас нет ни одного… доступного отряда.

— Что значит — нет? Где они?

— Все отряды стянуты к дамбе, — отвечает Кэмпбелл. — Похоже, там собралась половина населения Аннекса. Они намерены двигаться на Просперу.

— Элиза, просыпайся!

Кто-то трясет ее за плечо. Чей-то голос окликает ее по имени.

— Элиза, прошу тебя. Ты должна выбраться из сна.

Нет, она не спит. Но и сказать, что она бодрствует, тоже нельзя. Она толком не понимает, где находится. То в фургоне, то в море, которое одновременно есть время, вечно простирающееся во всех направлениях.

— Ты меня слышишь? Надо, чтобы ты слушала мой голос. Элиза, следуй за моим голосом.

Как все ужасно, как печально. Будь рядом Проктор, он бы объяснил, что с ней творится. Взял бы ее на руки и вернул к себе самой. Тогда мир снова обрел бы смысл. Потом она вспоминает, что

сама ушла от Проктора. Почему? Это было глупо и жестоко. Она бросила его и гуляла по дорожкам сада (сада Каллисты) (сада Джулиана) (они перебрались сюда после какого-то ужасного события). Гуляла, зная, что он следит за ней. Чувствовала на себе его взгляд. Но пойти к нему не могла, даже не могла поднять головы, чтобы встретиться с ним взглядом, потому что тогда она вспомнила бы.

А ей не хочется вспоминать.

— Мне нужно, чтобы ты немедленно пробудилась.

Она послушно открывает глаза. Море и сад исчезают. Ее окружают стенки трясущегося металлического ящика; она видит очертания мужского лица. Слабый свет, проникающий сквозь окошко в стенке, делает лицо более узнаваемым. Кажется, это Уоррен? Так и есть.

— Элиза, ты проснулась? Слава богу.

Только сейчас она замечает на правом запястье Уоррена наручник, цепь которого прикреплена к поручню, вделанному в стенку. Неужели он совершил преступление?

— Ты сможешь сесть?

Сесть?

— Давай я тебе помогу.

Уоррен протягивает свободную левую руку

и осторожно приподнимает Элизу, помогая ей сесть. Оказывается, и она прикована к поручню. Значит, их обоих за что-то арестовали.

— Куда мы едем? — спрашивает она.

— А ты не помнишь?

Она качает головой. Боже, до чего здесь холодно! Неужели этот жуткий холод не прекратится?

— Нас везут на Питомник, — говорит Уоррен.

— Какой еще питомник?

— Это такое место, вроде детской, — поясняет он.

Значит, детская все-таки есть? После слов Уоррена Элиза вспоминает: конечно есть. По коридору, вторая дверь справа. Проктор хорошенько смазал петли, чтобы они не скрипели. Там бледно-розовые стены с оттенком серого, под ногами белый ковер, а из окон виден бассейн (какой еще бассейн?). А вокруг тихо, невероятно тихо. У Элизы в руках нежный маленький комочек. Она стоит у окна, качает этот комочек и шепчет: «Тише, тише. Хватит хныкать. Успокойся, моя малышка…»

— Элиза, ты здесь? — Уоррен щелкает пальцами перед ее лицом. — Элиза!

Мысли стремительно возвращаются обратно. Уоррен. Фургон.

— Мы должны это прекратить.

Она все лучше осознает происходящее. По лицу Уоррена видно: он чем-то напуган.

— Заранее прошу прощения за то, что я сейчас сделаю, — говорит он, беря ее руку и крепко стискивая ей пальцы. — Смотри на меня.

Элиза послушно смотрит.

— Я кое-что расскажу тебе. Я буду говорить, а ты слушай очень внимательно.

Элиза кивает.

— Она ушла.

Кто ушел?

— Кэли. — Уоррен пристально смотрит Элизе в глаза. — Она умерла. Твоя малышка. Твоя малышка ушла.

— Я не оставлю его одного там.

Тия раздевается догола, сбрасывает туфли, приглаживает волосы и надевает шапочку с сенсорными датчиками.

— Тия…

— Это не обсуждается. Где он сейчас?

Квинн с явной неохотой всматривается в экран.

— Прибрежное шоссе, — сообщает он. — Похоже, Проктор куда-то перемещается, причем очень быстро. Должно быть, едет на машине.

— Можешь перебросить меня внутрь?

— В машину?

— Нет, в ближайшую киношку, на ночной сеанс. — (Квинн недоуменно смотрит на нее.) — Да, Квинн, прямо в машину.

Квинн шумно выдыхает:

— Это не так-то просто. По правде говоря, я облажался с Проктором. Промахнулся на полмили.

— На целых полмили?

— Ага. Наверное, слишком понадеялся на свои способности. А с тобой будет еще сложнее.

Тия открывает капсулу. На пол вытекает жидкость, оставшаяся от ее прежнего погружения.

— Сделай все, что в твоих силах.

— Тия, ты ведь знаешь: я не сумею вытащить тебя назад. Если с тобой что-то случится, а Проктор не успеет добраться до Элизы раньше, чем Отто…

— Поняла. Вечность в аду собственных мыслей. Давай не думать об этом.

Тия ложится в капсулу, подключает шапочку и откидывается на изголовье.

Дверца закрывается. Жидкость заполняет капсулу. Тия закрывает глаза.

Громкий лязг. Это последнее, что она слышит.

38

Машина неслась, словно ракета. Я достиг окраин города. Дороги были почти пустыми. Несколько машин, ехавших в том же направлении, я обогнал, не снижая скорости. Я не успел даже разглядеть их; все вокруг превратилось в размытое пятно.

«Элиза, я спешу к тебе».

В зеркале заднего вида вспыхнули фары. Охранники все-таки нашли меня. Я снова надавил на газ. Стрелка спидометра показала сначала девяносто миль в час, потом девяносто пять и наконец добралась до сотни. Преследователи не отставали. На перекрестке я сбросил скорость и резко затормозил, повернув руль вправо. Заднюю часть машины качнуло в сторону обочины, потом она вся угрожающе накренилась. Казалось, машина вот-вот перевернется, но она снова встала на четыре колеса и понесла меня дальше. Я взглянул в зеркало: охранники тоже повернули, однако я сумел оторваться от них. Еще через три поворота огни в зеркале исчезли.

Зато замелькали другие огни — впереди меня.

Дорога была перегорожена. Я остановился и

дал задний ход. Патрульные машины явно намеревались заблокировать меня с двух сторон. Оставалось лишь свернуть в переулок… если успею. Я ударил по тормозам и повернул. Переулок был невероятно узким, всего несколько футов в ширину. Но он, по крайней мере, вел в сторону берега. Я выбрался на Прибрежное шоссе, стремительно развернулся и поехал дальше. Охранники не отставали.

И тут появилась Тия.

Элиза кричит.

Кричит во всю мощь своих легких. Таких звуков она никогда еще не издавала, да и вряд ли подобные звуки когда-либо вырывались из человеческого горла. Ее крик боли настолько мощен, что может сдвинуть планету с оси, расколоть небеса и размотать ткань реальности. Сама она настолько погружена в свой крик, что не слышит его, как океан не слышит собственного рокота. Она — это крик, а крик — это она: нескончаемое пространство боли.

Фургон катится дальше, потом начинает мотаться из стороны в сторону, обо что-то ударяется и взрывается. На мгновение Элиза оказывается в воздухе. Полет тут же заканчивается; ее швыряет на потолок опрокинувшегося фургона и ударяет о

задние дверцы. Все это происходит под действием центробежной силы, заставляющей фургон кружиться на месте. Так продолжается еще какое-то время, пока он не замирает.

Проходит минута, а может, час или целый год. Ничто не меняется. Элиза лежит на потолке, ставшем полом, слушает завывание ветра, стук дождя и прочие звуки, доносящиеся из покореженного фургона: хлопки, потрескивания, шипение пара, что выходит из взорвавшегося радиатора. Она не покалечилась, если не считать запястья: перелом или растяжение. Наручник на месте, а цепи больше нет. Элиза поворачивает голову вбок. С поручня свисает Уоррен. Цепь его наручника не порвалась. Его ноги подогнуты, голова упала на грудь, волосы и губы в крови. С подбородка тоже капает кровь. Никак он мертв? Нет, дышит.

Охранникам повезло гораздо меньше. Одного наполовину вытолкнуло из разбитого лобового стекла. Второй проткнут рулевой колонкой.

Дверцы фургона заклинило. Элиза подползает к ним и ударяет ногами. Оказывается, она сильнее, чем думала. Дверцы распахиваются, и внутрь врываются дождь и ветер. Придерживая поврежденное запястье, Элиза выбирается наружу.

Где «скорая помощь», полиция, прохожие,

готовые помочь? Кажется, к этому времени кто-нибудь уже должен прибыть на место происшествия? Но улицы пусты; крушение фургона произошло без свидетелей. Элиза доползает до тротуара, встает на колени и начинает плакать.

Мама!

Элиза поднимает голову.

Мама, я здесь!

Элиза всматривается в темноту и стену дождя. Кажется, там? В темноте она едва различает детскую фигурку.

— Эй, ты меня слышишь?

Мама, найди меня!

— Кто здесь?

Фигурка скрывается в темноте.

— Подожди!

Элиза вскакивает на ноги и бежит.

Появление Тии сопровождалось стоном и ругательством.

Я повернул голову. Тия сидела рядом и смотрела сквозь ветровое стекло на дорогу.

— Все верно, — сказала она. — Тия Димополус. Проспера. Поняла. — Она повернулась ко мне. — Знаешь, они были правы. Дело дрянь.

— Что ты здесь делаешь?

Послышался скрежет металла. Автомобиль

накренился: одна из патрульных машин задела мой задний бампер. Я нажал на газ. Охранник сделал то же самое.

Тия оглянулась и вдруг спросила:

— Где этот чертов рычаг?

Сзади опять донесся скрежет. Похоже, охранник задался целью нас опрокинуть.

— Какой еще рычаг?

— Уоррен однажды возил меня покататься. Любил он перышки распустить… Ага. Нашла. — Она протянула руку под приборную панель. — Постарайся не вихлять.

— Что ты…

Парусиновая крыша отделилась от верхней части ветрового стекла, с шумом надулась и взлетела у нас над головой, словно громадный воздушный змей, сорвавшийся с веревки. Я видел в зеркале, как парусина плотно облепила ветровое стекло патрульной машины. «Ослепший» охранник резко затормозил, отчего машину занесло на скользкий от дождя тротуар.

Столкновение нескольких патрульных машин было впечатляющим зрелищем.

— Ага! — торжествующе воскликнула Тия, оборачиваясь назад. — Что, придурки? Вам такое и в голову не могло прийти! — Она снова поверну-

лась ко мне и крикнула: — Проктор, немедленно тормози!

Фургон. Он появился прямо из-за стены дождя. Опрокинутый. Лежащий посреди дороги. Я что есть силы надавил на тормоз.

Этого оказалось недостаточно.

39

— Проктор!

Я был в шаттле. Мы достигли высокой орбиты, и Джейсон остановил двигатели. Тело ощущало невесомость. Если бы не ремни, оно парило бы сейчас внутри шаттла. Однако что-то меня настораживало. Ремни почему-то очень сильно сдавливали грудь. Похоже, в кокпите шел дождь. С каких это пор в кокпите стали идти дожди?

— Проктор!

Я мигом пришел в сознание. Никакой это не шаттл — спортивный автомобиль Уоррена. Машина лежала на правом боку. Я висел в воздухе, удерживаемый лишь ремнем безопасности. Все тело болело.

Я взглянул вниз и в тусклом свете приборной панели увидел, что Тие еще до столкновения удалось защелкнуть ремень безопасности, однако часть панели вытолкнуло внутрь кабины. Словом, Тию заклинило в прямом смысле слова.

— Тия? С тобой все в порядке?

Вопрос был дурацким. От боли ее лоб наморщился и она скрипела зубами.

— Кажется, у меня сломаны ноги.

— Держись. Я вытащу тебя.

Если я отстегну ремень безопасности, то упаду прямо на Тию. Я кое-как повернулся и протянул правую руку к водительской дверце. Но теперь кнопка ремня оказалась вне моей досягаемости. Вспышка молнии осветила то, что было снаружи. Нас вынесло с дороги на травянистый холмик.

— Тия, можешь дотянуться до моего ремня безопасности?

— Что?

Похоже, из-за боли Тия плохо понимала, что творится вокруг нее.

Я подтянулся и сумел упереться ногой в рычаг переключения передач.

— Мой ремень безопасности, — терпеливо повторил я. — Нужно, чтобы ты его расстегнула. Мне самому никак.

Я слышал ее натужное дыхание.

— Поняла. Сейчас сделаю.

Она нажала кнопку фиксатора. Я подтянулся еще выше и выбрался из машины. Искореженная приборная панель зажала ноги Тии. Я попытался вытащить ее, взяв за подмышки, но она так жутко закричала, что я отпустил ее.

— Надо поискать другой способ, — растерянно сказал я.

— Проктор, сделай что-нибудь. Я скоро перестану чувствовать ступни.

Надо было откинуть пассажирское сиденье. Тогда я смог бы вытащить ноги Тии из-под приборной панели. Я подергал рычаг. Безрезультатно. Оставалось лишь применить грубую силу. Я взялся за изголовье сиденья и стал раскачивать взад-вперед. Оно подавалось все больше и больше, и наконец спинка с треском отвалилась. Я подхватил Тию, осторожно вытащил наружу и положил на траву, а сам присел на корточки.

— Ты должен найти Элизу, — сказала она.

— Я не оставлю тебя в таком состоянии.

— Проктор, у тебя нет выбора. — Тия рассказала мне о маневре Отто. — Для этого я и вернулась сюда… Иди. Время дорого, — сказала она и закрыла глаза.

Тия была права: если я не найду Элизу, остальное потеряет всякий смысл. Я подбежал к фургону. Он по-прежнему лежал на крыше, развернувшись от столкновения с нашей машиной. Я надеялся найти внутри его Элизу, однако увидел только Уоррена. Он висел, прикованный цепью наручника к стенному поручню.

— Где она? — спросил я, сильно встряхнув его.

— Не знаю.

Я снова встряхнул его. Голова Уоррена закачалась, как у марионетки.

— Ты прекрасно знаешь! Говори!

— Клянусь тебе, не знаю. Когда я очнулся, ее уже не было. — Уоррен облизал губы с запекшейся кровью. — Прости меня, Проктор. За все.

— Раньше надо было думать!

Его голова качнулась вперед.

— Знаешь, самое смешное, что тогда я вообще не задумывался о своих действиях. Плохо помню, как все обстояло. Это было жутко давно. А сейчас могу сказать лишь одно: до чего все это мне осточертело! — Он посмотрел на меня. — Проктор, я рассказал ей. Про Кэли. Из-за этого фургон и перевернулся. Думаю, Элиза отправилась ее искать.

Я прошел к развороченной кабине фургона и еле дотянулся до кольца с ключами на поясе мертвого водителя. Вернувшись к Уоррену, я освободил его от наручника.

— Не понимаю, — пробормотал он. — Ты меня отпускаешь?

— Там, на холмике, лежит Тия. Перелом обеих ног. Возможно, есть и другие повреждения. — Уоррен не ответил, и я спросил его: — Чего ты ждешь? Ты ведь по-прежнему врач?

Он растирал затекшее запястье.

— Да, я по-прежнему врач.

— Тогда иди и окажи ей помощь.

Я выбрался из фургона на дождь и ветер. «Элиза, где ты? — мысленно спрашивал я. — Где тебя искать?»

Над центром города, почти над самыми крышами домов, разрасталась кружащаяся черная масса. Это не было воронкообразным облаком; скорее миниатюрный ураган с хорошо заметным глазом в центре. Облака кружились все быстрее, глаз расширялся, обнажая круглый участок предрассветного неба. Звезд не было. Только сверкающая голубая точка.

«Туда», — решил я и побежал.

Толпа, хлынувшая на дамбу, не собирается брать пленных. Точно так же людям плевать на охранников. Кто они? Капля в море. Охранники — не более чем препятствие; нечто вроде забора, через который надо перелезть на пути к главной цели. Безофаксы вообще не заслуживают внимания. Те, кто отдавал им приказы, быстренько унесли ноги (если успели), и машины неподвижно стоят. Толпа разбивает их палками и камнями. Кое-кто с наслаждением мочится на обломки.

Водителей фургонов и грузовиков тоже не пощадили. Те, что были подальше, сумели развер-

нуться и уехать. Остались двадцать три человека, которых вытащили из кабин, избили и бросили в море. Кузова грузовиков заполняются бунтовщиками.

Аннекс пустеет. Его жители движутся маршем на Просперу.

Первые грузовики, достигшие просперианского конца дамбы, наталкиваются на спешно стянутых охранников. Те мгновенно оценивают обстановку и даже не пытаются оказывать сопротивление. Грузовики сминают шлагбаум и будку охраны. Как быстро все разворачивается! А ведь эта свобода была доступна им всегда… но люди поняли свою силу только сейчас.

За рулем седьмого грузовика сидит Синтия. Она еще не избавилась от сомнений, но их становится все меньше. Да, кровопролития не избежать. Накал страстей таков, что может дойти до бойни. Однако она помнит, как Паппи умирал у нее на руках, как в его незрячих глазах погасла последняя искра жизни.

— Ты умеешь обращаться с этой штукой? — спрашивает она Стефано.

Он сидит рядом и проверяет магазин винтовки, отнятый у охранника. Стеклоочистители не успевают смахивать дождевые капли с ветрового

стекла.

— Ничего хитрого тут нет, — отвечает Стефано, возвращая магазин в ствольную коробку.

— Пожалуйста, постарайся обойтись без стрельбы.

— Там видно будет, — уклончиво отвечает Стефано, хотя прекрасно понимает, что стрелять будут с обеих сторон.

Они проезжают мимо остатков шлагбаума. Охранники давно ретировались. У Синтии кружится голова; думая о том, чем закончится марш, она едва обращает внимание на происходящее.

— Мы должны захватить Просперити, — говорит Стефано. Он оттягивает затвор винтовки, досылая патрон в патронник. — Когда мы сделаем это, для них все кончится.

Вереница грузовиков миновала вершину холма и теперь движется к центру города. Неожиданно тот, что едет впереди, останавливается. Открывается борт кузова. Все, кто был там, спрыгивают вниз и продолжают путь пешком. Они идут по тротуарам, разбивая окна и стучась в двери. Тощий седобородый старик держит в руках бутылку, горлышко которой заткнуто тряпкой. Он поджигает тряпку, замахивается и швыряет бутылку в витрину ближайшего магазина. Через

мгновение разбитая витрина уже полыхает.

— Пора и нам вылезать, — говорит Синтия.

Они выбираются из кабины. Кузова грузовиков быстро пустеют. По улицам шагают мужчины, женщины; есть даже дети. Те, кому не хватило места в грузовиках и фургонах, идут пешком, поднимаясь по склону холма. Они захлестывают улицы Просперы, как вода из прорвавшейся плотины. Тысячи голосов неутомимо повторяют: «Прибытие свершилось!» Немало тех, чей гнев, копившийся годами, оборачивается безудержным желанием крушить и поджигать. Над улицами поднимаются клубы дыма. Испуганные жильцы выбегают из домов, торопясь скрыться от надвигающейся толпы.

— Пошли, — обращается к Стефано Синтия.

Они присоединяются к толпе и быстрым шагом движутся к Просперити. Дождь хлещет не переставая. На перекрестках завывает ветер. Все кончится здесь и сейчас. Других вариантов нет и не будет. Джесс оказалась права. Вопрос лишь в том, сколькими жизнями придется за это заплатить и кто не доживет до утра.

Это был план Отто, воплощенный в жизнь.

Спровоцировать недовольных и бунтовщиков — пусть проявят себя во всей красе. Потом

арестовать, а дальше с ними разберутся самым эффективным и проверенным способом.

Отто не учел лишь того, что недовольными и бунтовщиками окажутся… все жители Аннекса.

Он приезжает на площадь Просперити, когда охранники выстраивают оборонительную цепь перед зданием Коллегии по надзору. Все они заметно потрясены событиями на дамбе. Никто не думал, что мятежники способны так быстро нанести им поражение. Город охвачен хаосом. Жители спасаются бегством, горят подожженные дома. Судя по звукам, осмелевшая толпа громит все на своем пути. Никто не знает, куда скрыться. В довершение всего буря становится еще неистовее. Судьба Просперы решится в этом столпотворении, среди дождя и ветра, молний и грома. Небо взбунтовалось так же решительно, как жители Аннекса.

— Где министр Брандт? — спрашивает он у Кэмпбелла.

— Поехала на дамбу. Так вышло, что она застрелила какого-то старика. Это и подхлестнуло бунтовщиков.

Что за дилетантство? Какого черта она поперлась на Аннекс? Неужели не поняла, что министра отличает умение держать дистанцию,

а не соваться во все самому?

— Что нам теперь делать? — спрашивает Кэмпбелл.

— Выстроить безофаксы перед зданием Коллегии.

— Они это… не действуют.

— Что значит «не действуют»?

— Никто из спецов не может понять. Когда мятежники разгромили безофаксы на дамбе, остальные выключились.

Отто подходит к ближайшему охраннику:

— Отдай мне свой пистолет.

Охранник достает оружие из кобуры и протягивает Отто. Он делает это с явной неохотой; сейчас не время разоружаться. Но у Отто другое мнение на этот счет. Охранники не годятся для решительного сражения с толпой. Они привыкли устрашать одним своим видом, как забияки на школьном дворе, и не знают, что такое сопротивление, даже малейшее. Бойцы из них никакие. Положение усугубляется еще и тем, что большинство охранников впервые получили огнестрельное оружие всего три дня назад, когда Отто открыл арсенал. Да, он ошибся. Он всегда держал оружие под замком, опасаясь, что какая-нибудь нелепая провокация поставит их

в положение, в котором они оказались сейчас. Охранники растерянно смотрят сквозь пелену дождя на бунтовщиков, которые тоже успели обзавестись огнестрельным оружием.

Но что сделано, то сделано. Отто бросает взгляд на цепочку защитников порядка:

— Господа, сейчас вы держите в своих руках судьбу Просперы!

Толпа достигает дальнего конца площади.

— Стрелять по моему приказу!

Отто настолько поглощен неминуемым столкновением с мятежниками, что ему некогда поднять голову к небу и взглянуть на происходящее там.

Мама!

— Малыш, где ты?

Мама, быстрее сюда!

Элиза бежит по улице. Босые ноги расплескивают воду в лужах.

Здесь темно и холодно, и я тебя не вижу!

Плотная стена дождя мешает смотреть. Человечек впереди продолжает бежать, и расстояние между ним и Элизой не сокращается. Он исчезает и появляется совсем не там, куда смотрит Элиза. Где он сейчас? Там? Или там? Элиза спотыкается о тротуарный бордюр, но не падает, а бежит

дальше.

— Эй! — кричит она человечку. — Постой! Обожди!

Что это за странное чувство у нее внутри? Почему оно отчаянно побуждает ее бежать? За кем? Или за чем? Элиза не может ответить себе на этот вопрос, зная только одно: надо бежать дальше.

Мама, помоги!

Элиза задирает голову к небу и останавливается. Там опять просвет, в котором сияет голубая звезда. «Голубая звезда, — думает Элиза. — Что-то ведь было связано с голубой звездой. Но что?» Ее захлестывает поток воспоминаний: патио, теплая летняя ночь, эмоциональная подпитка со стороны друзей. Все восклицают: «Посмотрите, какая она голубая! Какая прекрасная!» — и смотрят в окуляр волшебного телескопа Малкольма. (Какого еще Малкольма?)

У звезды есть имя. Но какое?

Продолжая глядеть на звезду, Элиза медленно шагает. Звезда и в самом деле красива. Самая красивая в истории звезд, а история звезд — это история всего. Элизе не отвести глаз от звезды; в то же время она чувствует, что окружена людьми, и их становится все больше.

Мама! Мама!

Этот голос доносится с небес. Ведь все на свете спускается с небес. Элиза продолжает идти на зов. Достигнув фонтана в центре площади, она останавливается. Вот и конец ее путешествия. Звезда висит над ее головой, изливая голубой свет, словно прожектор, освещающий сцену.

— Да, — произносит Элиза. — Я здесь, маленькая. Мама здесь.

В каждой истории все участники и все движущие силы повествования рано или поздно оказываются в одном и том же месте в одно и то же время. А что есть сон, как не история, которую мы вынуждены рассказывать себе?

Иными словами, я — паромщик Проктор Беннет — очутился в гуще войны.

Я достиг площади Просперити. К этому времени я уже понимал, что́ ожидает меня там. Но я не предвидел масштаба событий. В результате я оказался между двумя противоборствующими армиями.

А посередине пространства, разделявшего их, находилась Элиза.

Мне почти удалось до нее добраться.

Поначалу Синтия чувствует какое-то странное замедление. Энергия толпы вдруг резко сходит

на нет, но это не единственная перемена. Изменилась сила тяжести. Синтию слегка мутит, в воздухе резко похолодало. Она поворачивается к Стефано — спросить о том, что он ощущает. Тот стоит как статуя. В кулаке зажат ремень болтающейся винтовки. Стефано неотрывно смотрит в небо.

Туда смотрят все.

Размышления Синтии прерывает крик, раздавшийся на дальнем конце площади. Кто-то бежит к фонтану.

Синтия забирает у Стефано винтовку. Тот едва обращает внимание на это.

— Застрелите его! — орет Отто, указывая направление. — Кто-нибудь, застрелите этого человека!

Но никто не слушает его приказов. Все охранники, разинув рот, смотрят вверх.

Отто встает поудобнее и поднимает пистолет. Оружие кажется непривычно тяжелым. На таком расстоянии попасть в бегущего человека почти невозможно. Разумнее подождать, пока Проктор не приблизится к нему. Отто выбирает точку на пути движения Проктора и прицеливается.

Когда Проктор оказывается в прорези прицела, Отто стреляет.

Тогда я не знал об одной интересной особенности: оказывается, когда в тебя стреляют, ты можешь этого даже не заметить.

Я лишь кое-что почувствовал: надавливание на левый бок, словно я врезался в толпу и меня толкнули. Затем кожу что-то обожгло, как при укусе пчелы. Но я не связал оба этих ощущения со звуком выстрела. Я видел, как Отто выстрелил из пистолета, однако решил, что целью был не я. Я побежал дальше и только через несколько шагов (примерно через десять) почувствовал боль.

Я приземлился на четвереньки.

Грянул второй выстрел. Что-то просвистело у меня над головой. Я посмотрел туда и увидел идущего ко мне Отто. Вспышка — и левое бедро обожгло сильной болью. Похоже, пуля задела кость.

Отто выстрелил снова. Я не знал, в какую часть моего тела он попал на этот раз. У меня понизилась чувствительность… нет, не так. Наоборот, она слишком возросла, чтобы вычленять детали. Я был живой мишенью, по которой стреляли, только и всего. Я впился пальцами в траву и пополз, не зная в точности куда. «Подальше отсюда», вот и все.

— Чертовщина, — услышал я голос Отто. —

Сдохнешь ты когда-нибудь?

Он поддел меня под ребра носком сапога и перевернул. Я ожидал увидеть дуло пистолета, наведенного на меня, но ошибся. Пистолет смотрел в другую сторону.

Пистолет был наведен на Элизу.

Отто стоял рядом с ней, одной рукой держа ее за талию. Дуло пистолета упиралось ей в висок. Глаза Элизы были широко распахнуты от страха и немого изумления. Я попытался заговорить, но не смог из-за крови в горле.

— Что, Беннет? Красноречие покинуло тебя? — язвительно спросил Отто. — Что-то новенькое.

Мое восприятие окружающего мира начало рассыпаться. Грудь сильно сдавливало, словно нежная розовая ткань легких отвердевала. Я вдруг понял, что захлебываюсь собственной кровью. Я кашлянул, выплюнув облако красных капелек, и вновь попытался облечь свою мысль в слова.

— О чем ты говоришь?

Каждый слог отзывался острой болью. Но я должен был выдержать это.

— Посмотри… вверх, — сказал я.

Синтия мчится к фонтану, не понимая, что творится у нее на глазах. На лужайке распла-

стался Проктор. Неподалеку стоит человек с пистолетом, направленным в голову женщины. Вооруженный человек не замечает Синтии, и это дает ей необходимое преимущество, но, пока он удерживает женщину, стрелять нельзя. И потом, она никогда не стреляла из винтовки.

До Проктора и тех двоих остается каких-нибудь двадцать ярдов, когда что-то происходит. Человек с пистолетом вдруг вскрикивает. Синтия слышит его «Нет!». Он отпускает женщину, пятится назад и смотрит на небо.

Она знает, кто этот человек. Отто Уинспир.

Синтия опускается на одно колено, целится в него и стреляет.

Отдача от винтовки бьет в плечо, как кастет. Синтия понимает, что здорово промахнулась. Проклятье! Она не только промахнулась, но и обнаружила себя. Услышав выстрел, Отто поворачивается и смотрит прямо на нее. Он поднимает пистолет. Синтия снова прицеливается.

Они стреляют одновременно.

Когда звучит простая команда, мы испытываем сильнейшее побуждение выполнить ее. Повиноваться — наш первый инстинкт, особенно если команду отдал умирающий.

Поэтому Отто Уинспир поднимает глаза и ви-

дит то же, что и я: безграничное космическое пространство, а в его центре — голубой шар, планету, скованную льдом. Она словно вбирает в себя свет небес.

Кэлус.

Мой мозг неумолимо распадается, и я уже не могу внимательно следить за происходящим. Я слышал выстрелы. Слышал отчаянные, нечеловеческие крики. Элиза накрыла меня своим телом. Это было самое прекрасное объятие в моей жизни и, как я думал, последнее.

А потом тишина.

Тишина, прерываемая моим булькающим дыханием и негромким плачем Элизы. Она стоит на коленях и держит мою голову в ладонях, прижимаясь щекой к моей щеке.

— Проктор, прости меня. Прости. Я очень виновата.

— Она здесь, — проговорил я: мне казалось, что так оно и есть.

Наша дочь Кэли была здесь.

— Я не могу, — шепчет Элиза. — Не могу.

— Нет, — возражаю я. — Ты… можешь. — (Элиза застыла на краю пропасти, боясь прыгнуть.) — Произнеси вслух.

— Не заставляй меня, — всхлипывает Элиза.

А надо мной продолжает разворачиваться Кэлус, утверждая свое присутствие на небесной тверди. Мои глаза и разум наполняются величественным зрелищем.

— Тебе всего лишь надо… произнести… ее имя.

В имени скрыта сила. Все, что мы приносим в мир, оказывается в нем благодаря именам, и никак иначе. В том числе и люди. А когда они покидают мир, мы сохраняем их имена, чтобы они не уходили окончательно.

— Кэли, — едва слышно шепчет Элиза.

— Еще раз.

— Кэли, — всхлипывает она.

Я не мог повернуть головы, но знал и так: наша малышка была здесь. Не та язвительная Кэли-подросток, встретившаяся мне на берегу, а та, которую мы потеряли и оставили на Земле. Она сидела на траве, поджав под себя ноги. Все в той же ночной рубашке. На коленях у нее дремал старый верный Мистер Оттер. Я знал, в какой момент Элиза взяла нашу дочь на руки, тихо плача и без конца повторяя ее имя. В теле появилось ощущение странной неподвижности, новое для меня. Похоже, здесь я и умру. Что значит умереть в мире снов? Это сравнимо со смертью наяву? Похоже на нырок в небытие — или я перейду куда-нибудь

еще? «А Тия все-таки была права, — подумалось мне. — Мы никогда толком не поймем, что было сном и что не было». Все творение есть нагромождение ящиков, и в каждом — сон о своем боге.

Потом я почувствовал, что рядом есть еще кто-то. Моя мать. Я по-прежнему думал об этой женщине как о своей матери. Сдернув с плеча винтовку, она опустилась на колени рядом со мной. На ее лице темнели полосы. Вскоре я понял: это кровь. Одной рукой она зажимала раненое предплечье, откуда текла кровь. Тогда я еще не знал, что Отто лежит на траве с пулей в груди и что они с матерью одновременно стреляли друг в друга. Я мучился, видя, как она страдает, но был очень рад снова увидеть ее.

— Проктор… — сказала она и взяла мою руку, хотя я этого не почувствовал. По ее щекам текла кровь, смешанная со слезами. — Я не понимаю, что происходит.

— Все… идет как надо, — сказал я.

Она опустила голову.

— Проктор, Проктор! — всхлипывая, повторяла она.

Сон вокруг нас распадался. Мое дыхание почти прекратилось, но я не замечал этого. Все шло как надо. Осталось лишь произнести последние

слова в этом исчезающем мире.

— Вы прибыли.

Но оказалось, что я говорю в пустоту. Мать, как и все остальные, исчезла.

Часть восьмая
Разошедшиеся дороги

40

Это история, в которой никто не умирает.

Ни Отто Уинспир, ни Паппи, он же Николас Паппье, крупный чиновник, ведающий расселением колонистов. В живых остаются бунтарка и подстрекательница Джессика Ордуэй, отвратительная Регана Брандт и Сандра, поставлявшая салонную живопись богатым просперианцам. Это же касается и Каллисты Лэйрд, чье краткое пребывание на Питомнике с его усыпляющей пищей и тошнотворной атмосферой предупредительности было грубо прервано раньше, чем она успела погрузиться в эротическое забытье. Никто из просперианцев и колонистов не погиб. Что же касается охранников, то они существовали только в пространстве снов. Подобно кроткому Бернардо и обольстительной Даниэлле, они являлись атрибутами того мира, реквизитом, а не действующими лицами.

Словом, все остались в живых. Даже я.

Это было прекрасно, но нам пришлось спешно решать возникшие проблемы. Мы не могли одновременно вывести из стазиса шестьдесят восемь тысяч колонистов. «Ораниос» строился

как грузовой корабль, а не как пассажирский лайнер. Если все шестьдесят восемь тысяч пробудятся… Представьте себе пространство размером со стадион. И все оно заполнено мужчинами и женщинами: голыми, словно знаменитая статуя Давида работы Микеланджело, и находящимися в состоянии глубочайшей дезориентации. Полы их капсул густо покрыты рвотными массами. И всем этим людям нужны одежда, еда, средства жизнеобеспечения, медицинская помощь и крыша над головой. Изначально предполагалось выводить из стазиса пятьсот человек зараз и, таким образом, переправить всех колонистов с корабля на поверхность Кэлуса за два с лишним земных года. Но полное обрушение пространства снов радикально изменило график переселения. Все колонисты, еще находившиеся в стазисе, оказались запертыми в аду собственного ума. После продолжительного обитания в пространстве коллективного сна каждому суждено было попасть в область личных снов. Пройдет совсем немного времени, и эти личные сны наполнятся чудовищами.

Проблема усугублялась и другими обстоятельствами. Упомяну два наиболее существенных. Первое: состояние реактора, дававшего энергию

для маневрирования на низкой орбите. Содержание реактивного вещества упало до сорока двух процентов, подойдя к минимально безопасному уровню. Второе было еще серьезнее: количество воздуха, пригодного для дыхания. Человек, находящийся в криокапсуле, не дышит и потому не выделяет углекислый газ. Если выведенных из стазиса людей окажется слишком много, знали мы, корабельные системы удаления CO_2 попросту не справятся. Иными словами, чем больше колонистов мы выведем из сна, тем скорее должны будем переместить их с корабля на Кэлус. И шаттлам придется летать с максимально возможной частотой.

Нужно было управиться за два месяца.

Даже при самых благоприятных обстоятельствах это было бы нелегко, однако существовал еще один фактор, с которым приходилось считаться, а порой и сражаться. Речь шла об индивидуальной памяти колонистов: кто что запомнил. Одни, вроде Антона, пробуждались, ясно сознавая, где они находятся и чем должны заняться. Их воспоминания о людях и событиях на Проспере были смутными. Другие (и я в их числе) поначалу не понимали, куда попали. Их разум по-прежнему оставался запертым в мире снов. Но, как говорил

Квинн, рано или поздно свою жизнь на Проспере и Аннексе вспомнят все, и воцарится ожидаемая неразбериха. До погружения в стазис люди поддерживали отношения, сложившиеся еще на Земле: с мужьями (или женами), возлюбленными, коллегами, друзьями. Из этого складывались их прежняя жизнь и особенности личности. А теперь этому противостояло существование в мире снов: события, происходившие с ними там, и их поступки. К каждому пришли непонимание, смятение, чувство, что все перевернулось с ног на голову. Тех, у кого до полета много лет был супруг или возлюбленный, начинало тянуть к совершенно другим людям, либо между ними вставал кто-то третий. Давних друзей вдруг охватывала взаимная ненависть при воспоминании о неблаговидном поступке, совершенном в мире снов. Люди сгорали со стыда, вспоминая, какие ужасы творили. Кое-кто вновь обретал душевное спокойствие, посмеявшись над всем этим и задав себе резонный вопрос: разве человек отвечает за свое поведение во сне? Но таких было мало. Очень и очень многие увязали в выяснении отношений, пытаясь мстить за обиды и унижения, пережитые в мире снов. Нескончаемые споры, разговоры на повышенных тонах, взаимные об-

винения. Ревность. Чувство вины. Доходило и до потасовок. Двое колонистов покончили с собой, одного убили. Мы предвидели нечто подобное, но так и не придумали, что делать с этим. Все наши объяснения и заверения в нереальности того, что случилось с людьми в мире снов, попадали в глухие уши. Мы пробудили уже четверть колонистов и всерьез начинали сомневаться, сумеют ли они снова образовать сплоченное сообщество.

А затем произошло нечто странное. Все забыли обо всем.

«Забыли», пожалуй, не самое верное слово. Большинство людей по-прежнему помнили то, что происходило на Проспере, но в условиях лихорадочной подготовки к перемещению на Кэлус события мира снов значили все меньше. Психологически это воспринималось во многом так же, как некогда — отзвуки: мимолетные, на уровне дежавю, воспоминания о событиях прошлого, которые в новой реальности не так уж важны.

Но один пласт воспоминаний колонистов не мерк и не уходил на задний план. Они помнили отношение к себе со стороны инвесторов. Их ненависть была жгучей и даже утробной, как у Антона. Капсулы всех двенадцати тысяч инвесторов, включая Отто и Каллисту, располагались

отдельно от капсул колонистов. Мы выставили охрану, перекрыв доступ в ту часть корабля. Стараниями Паппи и Синтии остальные члены руководства не вызвали на себя гнев колонистов. А мне досталось по полной. В памяти этих людей засело, что я — главный виновник их страданий — не покидал купола, передав почти все свои обязанности Квинну, Тие и другим. В любом случае моя работа была окончена. Я доставил колонистов на их новую родину. Остальное уже зависело от них.

Разумеется, были и приятные минуты. Люди радостно воссоединялись, восстанавливали отношения, говорили о том, как будут строить новую жизнь. Накануне отлета на Кэлус ко мне заглянул мой брат Малкольм. К этому времени мы с ним преодолели взаимную неловкость, ведь на Проспере мы были отцом и сыном. Мы даже посмеялись над этим, помня, однако, что здесь есть доля правды. Я всегда видел в Малкольме не столько старшего брата, сколько отца. (С Синтией было по-иному. Я воспринимал ее только как мать и наконец оставил попытки что-либо изменить. Она призналась, что тоже видит во мне сына.)

— Не помешаю? — спросил брат, останавлива-

ясь у порога.

— Все мои важные дела окончены, — улыбаясь, ответил я. — Входи. — Он присел на край койки. Я чувствовал: брата что-то тревожит. — Мэл, в чем дело?

— Думаю, мне пора извиниться, — ответил он, предварительно откашлявшись.

— За что?

— За тот, — он нервно взмахнул рукой, — случай на причале.

— Тебе не за что извиняться. В конце концов у нас все получилось. Если бы не это происшествие, нас бы не было здесь.

— Не совсем так. — Малкольм помолчал, стараясь совладать с собой. — Мы никогда не говорили об этом, но вряд ли я всегда был идеальным отцом для тебя. Наверное, такое признание звучит странно.

— Не более странно, чем все остальное, — ответил я и улыбнулся, желая подбодрить его. — Ты был прекрасным отцом. А все твои недостатки я тебе давно простил.

Малкольм сосредоточенно разглядывал свои руки.

— То, что ты мне сказал перед нашим расставанием на пароме…

— Послушай, Мэл…

— Нет, позволь мне договорить. Я тогда не ответил, а надо было ответить. Правда, мне всегда трудно давались такие признания. Поэтому я говорю только сейчас. Я тоже тебя люблю. — Он поднял глаза на меня. — Вот что я хотел тебе сказать. И еще: я знаю, что́ ты собираешься сделать.

Так, теперь понятно.

— Ты говорил с Квинном.

— Проктор, об этом знают все. Мы начали думать, как отговорить тебя от этой затеи.

— И что вы решили?

— Что я должен пойти к тебе и авторитетно, как старший брат, сказать: «Не вздумай». Но ничего подобного я говорить не стану.

— В чем причина?

— В том, о чем я только что сказал. — Он встал и положил мне руку на плечо. — И последнее. Это наша с Синтией просьба. Если не ошибаюсь, ты ведь капитан этого корабля?

— Директор, но, думаю, это одно и то же.

— Значит, ты, как капитан, не откажешься нас поженить?

Уна нашла среди колонистов священника, и тот написал слова, которые следовало произнести. Мы собрались в куполе. Квинн был шафером

(поскольку мне досталась роль священника), Тия — подружкой невесты. Брачная церемония продлилась всего полминуты, после чего мы поздравили счастливую пару, распив одну из последних во вселенной бутылок шампанского.

Об Элизе не было сказано ни слова. Я их понимал.

Момент прощания наступил как-то уж слишком скоро… хотя и с запозданием на сто тридцать семь лет.

Последний шаттл был нагружен и подготовлен к отлету на Кэлус. Мой брат с женой уже улетели, так же как Паппи и остальные колонисты. Местом для поселения избрали поросшую травой равнину на юго-западном побережье континента, у широкой ледниковой реки. Пробы показали, что холодная речная вода отличается чистотой, а река изобилует рыбой; среди прочего в ней водилось нечто вроде угря с белой, острой на вкус плотью.

Я не хотел ступать на борт шаттла, боясь, что не выдержу, и потому прощание происходило в шлюзовом отсеке. Заплаканная Уна обняла меня и долго не отпускала. Далее со мной прощался Джейсон. Он вытянулся по стойке смирно и отсалютовал мне, как морской летчик, которым был

когда-то на Земле. Я помнил, как совсем недавно юный Джейсон явился ко мне в своем первом деловом костюме и сверкающих ботинках, как он признался: «Я всегда хотел быть похожим на вас». Трогательное признание, казавшееся еще более трогательным теперь. Любые слова с моей стороны выглядели бы неуместно, и я просто обнял беднягу, окончательно смутив его. У меня не было и никогда не будет ни сына, ни младшего брата, которого я смог бы научить премудростям жизни, как Малкольм учил меня. Вдруг пришла мысль: не так-то легко с уверенностью сказать, кем мы приходимся друг другу. Отцы могут быть сыновьями, возлюбленные — друзьями, а дочери — матерями. Любое определение будет лишь половиной правды, если не меньше.

— Я горжусь тобой, — сказал я Джейсону.

Он прошел через шлюз и скрылся за дверцей шаттла. Остались только Квинн и Тия.

— Жаль, что я не смог тебя переубедить, — сказал Квинн.

— Это невозможно, но спасибо, что попытался.

— Скажу еще раз: ты не обязан этого делать. Инвесторы не заслуживают такого подарка. Ты ничего им не должен.

Квинн ошибался. Они сделали все, о чем я про-

сил, и даже больше.

— Помнишь ту ночь, когда мы сидели в твоем логове? Незадолго до вторжения охранников.

— Плоховато, но помню.

— Ты сказал мне: «У тебя та же проблема, что у всех. Ты много чего знаешь, но почти ни во что не веришь». Тогда я не понял твои слова, а теперь понимаю. Я делаю то, что предназначено. Так было с самого старта.

Чтобы завершить разговор, я протянул ему руку. Квинн посмотрел на нее, сокрушенно вздохнул и протянул свою. Его рукопожатие было твердым и решительным.

— Прощай, Квинн. Спасибо за все.

— Прощай, Проктор.

Он повернулся и вышел через шлюз.

— Ну что ж… — Тия откашлялась. — Наши пути расходятся.

Она стояла поодаль, скрестив руки на груди.

— Полагаю, да, — сказал я.

— Реветь я не буду. Оставлю это на потом.

— Наверное, так лучше.

— Черт бы тебя побрал, Проктор!

— Знаю. Но я вот такой. Прости.

— Довел-таки. — Она шмыгнула носом и тыльной стороной ладони провела по глазам. — Я

не знаю, как быть дальше. Что думаешь на этот счет?

У меня в горле встал комок.

— Думаю, тебе нужно погрузиться в шаттл и жить своей жизнью.

— Ты серьезно? Это все, что ты можешь сказать? «Желаю тебе приятной жизни»?

— Я желаю тебе прекрасной жизни. Самой лучшей из возможных.

— Обещай, что будешь писать. Хорошо? Если напишешь, я отвечу.

Сделав над собой усилие, я улыбнулся:

— Конечно. Иначе куда мне девать такую пропасть конвертов и марок?

— Черт тебя побери, Проктор! Это и вправду больно.

Она обняла меня. Порывисто, ненадолго. Не успеешь оглянуться, как такое объятие кончается, но ты помнишь его всю жизнь.

— Понимаю, — сказала она. — Я не в восторге, но понимаю. — Она не разжимала рук, и я тоже, хотя оба боялись, что это затянется. — Ладно, отправляйся с ними, — прошептала Тия.

Она разомкнула руки и, не оглядываясь, покинула шлюз.

Я поднялся в купол. Странно было ощущать

себя единственным, кто бодрствует на борту моего корабля, моего «Ораниоса». Шторы иллюминатора были раздвинуты. Внизу простиралась большая голубая планета. Сколько поколений сменится, прежде чем история «Ораниоса» отойдет в прошлое, превратится в миф? Запомнят ли дети человечества этот корабль? Если да, какие легенды они будут рассказывать? «Мы пришли с небес, прилетели издалека. Мы путешествовали на большом корабле, который летел между таких же звезд, какие вы видите по ночам. И однажды настал день прибытия, с которого в этом мире началось все».

Я следил за полетом шаттла. В космическом пространстве все тела движутся с удивительной грациозностью. Они приобщаются к глубочайшим силам, вливаясь в поток существования. Изображение уменьшалось, и я уже не видел ни сверкающего фюзеляжа, ни распростертых, как у птицы, крыльев. Последовала вспышка — это включился двигатель шаттла, чтобы изменить его положение для вхождения в кэлусианскую атмосферу.

Осталась лишь полоска света.

И наконец, признание. Я был тем, кто сотворил все это.

Не Питомник. Его придумала Элиза. Все остальное. Аннекс. Дроны и охранников. Роскошные жилые дома и величественные общественные здания, а также бесконечное, безмятежное существование для избранных, которые сполна наслаждались жизнью, в то время как серые бесправные массы трудились для удовлетворения прихотей своих хозяев. Может, Элиза и мечтала о Проспере, но ее мечтания осуществил я, один я.

Зачем? Откуда явилась навязчивая мысль: сделать так, чтобы счастливый сон одного человека обернулся нескончаемым кошмаром для многих других людей? Но лучше задать другой вопрос: кто, столетиями видя райские сны, захочет добровольно строить жизнь с нуля в чужом мире, где нет почти ничего, кроме льда и камня? Колонистам я говорю: я дал вам то, что требовалось, — мир, который вы возненавидите. Жизнь, с которой вы без сожаления расстанетесь, жизнь, которая подготовит вас к грядущим трудностям.

Вы ненавидите меня за это? Согласен, я заслужил вашу ненависть. Я не стану просить о прощении. Такое преступление нельзя простить. Только Бог сможет дать мне прощение, если захочет.

А вам, мои подопечные, спящие в капсулах, я

говорю: вы прожили бесчисленное множество жизней и проживете еще столько же. Но эти будут отличаться от прежних. Дни, полные беспечности и праздности, ушли навсегда. Это не наказание, ни в коем случае. Это мой подарок вам, дабы вы освободились.

Я дам вам детство, чтобы вы насладились порой невинности.

Старость, чтобы вы научились ценить молодость.

Детей, чтобы вы заботились о них и строили планы на будущее.

Работу, чтобы вы сознавали ценность каждого прожитого дня.

Болезни и недомогания, чтобы вы поняли, как драгоценно здоровье.

Смерть, чтобы вы ценили сладостную и в то же время горькую красоту жизни.

Каждый из нас рождается сверкающей душой, облаченной лишь в новизну, но жизнь делает нас такими, каковы мы есть. Вы знали одну жизнь; теперь познаете другую.

Мы снова отправляемся в путешествие. Что нас ожидает в месте назначения? Какие крохи человечества еще остались на Земле? Может, нас ждет пустая планета и продуваемые ветрами

развалины погибшей цивилизации и мы окажемся последней горсткой разумных существ, вынужденных довольствоваться собственным обществом? Но и до этого дня доживут не все. Работу челюстей времени можно замедлить, но нельзя остановить. Начнутся сбои в сложной системе, управляющей криокапсулами. Будут те, кто умрет в своих капсулах просто от времени, то есть от старости. Друг, сидящий напротив, с удивлением обнаружит, что стул, на котором вы сидели, пуст. Ваш супруг повернется к вам, лежа в постели, и увидит, что вас нет рядом, а простыни еще хранят тепло вашего исчезнувшего тела. Все будут потрясены, но еще больше — растеряны. Впрочем, исчезнувшего быстро забудут. Об этом позаботится пространство снов. Так волны накрывают собой утопленника, словно ничего и не было. «Что случилось с?.. Кто-нибудь видел?.. Не здесь ли она сидела вчера?..» Все будут удивленно качать головой и на мгновение даже почувствуют легкое беспокойство, но тут же вернутся к своим повседневным делам. «Странно, это так странно…»

Мы — материал, из которого рождаются сны; вся наша ничтожная жизнь наполнена сном.

Вот так я отправляю это повествование в кос-

мос: послание в бутылке, брошенной в небесные волны. Возможно, получить его будет некому. Возможно, остался всего один разум, способный это услышать; разум, скрывающийся в сути вещей, проступающий, как лицо на холсте живописца. Кем бы вы ни были, в каком бы виде ни существовали — в виде времени, материи, света, — я прошу вас только об одном: оставьте нас в покое. Позвольте нам спать, видеть сны и тем самым выполнять свою работу — быть людьми.

Запускаются двигатели, разворачиваются широкие паруса, чтобы поймать дыхание творения. Мой корабль, мой «Ораниос», покидает причал и удаляется от берега. В помещении с криокапсулами меня ждет друг. Он по-мужски энергично приветствует меня и сопровождает к моей капсуле, дверца которой открыта. В соседней капсуле спит Элиза и видит свои сны. Вскоре я подарю ей еще один.

— Директор Беннет, разрешите спросить.

Я раздеваюсь. В помещении холодно, и моя кожа покрывается пупырышками.

— Спрашивай, Бернардо.

— Правильно ли я понимаю, что мы возвращаемся в пункт отправки?

— Да.

— На Землю?

— Совершенно верно.

— И правильно ли я понимаю, что вы будете Дизайнером нового пространства снов? — (Я отвечаю, что так оно и есть.) — Отлично, директор Беннет. Разрешите узнать, вы уже назначили своего преемника?

Я, как никто другой, верю в искупление.

— Моим преемником будет доктор Уоррен Сингх.

— А вторым преемником, если доктор Сингх не сможет выполнять эту миссию?

— Каллиста Лэйрд.

— Отлично.

Усевшись на край капсулы, я обматываю руку медицинским жгутом и ввожу себе препарат, подавляющий память.

— Директор Беннет, вам помочь надеть шапочку?

— Конечно, — отвечаю я, хотя мог бы обойтись без его помощи.

Я ложусь на дно капсулы. Бернардо надевает на меня шапочку, чем-то похожую на терновый венец.

— Ты всегда был мне хорошим другом, — говорю я ему. — Хочу, чтобы ты об этом знал.

— Вы очень добры, директор Беннет. Это лучшие слова, какие я от вас слышал.

— Пока я не захлопнул дверцу, не возражаешь, если я тоже задам тебе вопрос?

— Конечно, сэр.

— Скажи, Бернардо, ты видишь сны?

Внутри его что-то щелкает и стрекочет, потом он говорит:

— Поскольку я не сплю в истинном смысле этого слова, у меня не было возможности проверить это. Правда, когда я выхожу из режима гибернации, часто кажется, будто я вернулся из путешествия.

— Значит, видишь, — говорю я ему. — Это и есть сны.

— Сэр, но ведь я — машина.

— Может, да, а может, и нет. Возможно, ты такой же человек, как я, и тебе просто снится, что ты — машина. Ты когда-нибудь думал об этом?

Снова стрекочут колесики.

— Интересная мысль, директор Беннет.

— Относись к моим словам как хочешь. Просто у меня мелькнула такая мысль, и я поделился ею с тобой.

— Благодарю за то, что поделились вашей мыслью. Я подумаю об этом. Вам нужно еще

что-нибудь?

— Пожалуй, нет.

— Отлично. — Он отходит. — Разрешите начать?

Я киваю и говорю:

— Бернардо, прибытие свершилось.

— Как вы сказали, сэр?

— Прости, это всего лишь выражение. Оно означает, что мы с тобой встретимся, когда прибудем туда.

Бернардо явно доволен:

— В таком случае, директор Беннет, окажите мне честь, позвольте сказать и вам: «Прибытие свершилось». Я желаю вам приятных снов.

— И я тебе тоже, друг.

Крышка закрывается. Меня обжигает холодом. Капсула заполняется слегка бурлящей криогенной жидкостью. Я закрываю глаза.

Меня зовут Проктор Беннет. Я — паромщик.

И я ухожу.

41

В земной жизни Тие не доводилось рыть ямы под отхожие места и управлять канавокопателем. А также стоять в очереди из ста человек, чтобы наполнить металлический поднос простой питательной едой, которой нельзя было насытиться, поскольку ей всегда хотелось есть.

На Земле она не делала очень многое из того, чем занималась здесь.

Кэлусианские дни холодны, а ночи еще холоднее. Ветер проникает сквозь швы куртки, колышет стенки палатки, как простыни на бельевой веревке. Эту палатку Тия делит еще с дюжиной женщин, спящих почти впритык. Одна из них — Сандра, такая же веселая и оптимистичная, как и на Проспере (каждое утро она занимается йогой прямо на полу палатки). Только здесь она — инженер-механик со специализацией по гидравлическим механизмам, отсюда и устройство отхожих мест. На Земле Сандра жила в Айрон-Рейндже, штат Миннесота, и поэтому холод ей привычен. Она присоединилась к колонистам после того, как увидела по телевизору интервью с Проктором. Ее родители умерли, с

мужем она недавно развелась. У нее не было ни детей, ни даже собаки. Учась в колледже, она летом работала экскурсоводом в Айдахо, водя по горным тропам группы старшеклассников и показывая красоты природы. (Тогда эти красоты еще существовали.) Слова Проктора задели в Сандре какую-то струну. Мир находился в глубоком кризисе; это видел каждый имевший глаза и хотя бы пару извилин. Она уже тогда подумывала о работе за пределами Земли — возможно, на Луне или на одной из марсианских шахт. (По словам Сандры, это был верный признак глубочайшей депрессии.) Она снова и снова просматривала интервью Проктора, и на четвертый раз внутри ее вспыхнула искорка надежды. «Черт побери, а почему бы нет? — подумала Сандра. — Здесь для меня ничего нет. А там — целая планета, ждущая освоения».

«Здесь для меня ничего нет». Сколько раз Тия слышала эти слова от колонистов, встречаясь с ними на Земле? Теперь они говорят по-другому: «Там ничего не было, а здесь — непочатый край работы».

В свободное время, которого у нее немного, Тия гуляет. Небо почти всегда закрыто облаками, но она не возражает. Облака делают небо интерес-

ным, полным глубины и движения. (Это тебе не Проспера с постоянной синевой небес и ослепительным солнцем.) У нее появился любимый маршрут: вдоль берега реки до места, где река впадает в море. На широком пляже — мелкий, почти черный песок. Большие волны ритмично накатывают на берег, а за ее спиной — зубчатая стена гор, поблескивающих ледяными вершинами.

Квинна и остальных она видит редко. Каждый плотно занят своей работой. Поэтому Тия пока ни с кем не поделилась новостью. Правда, ей и самой нравится держать это в тайне как можно дольше. Так она найдет ответ на вопрос, который вряд ли кто-нибудь задаст ей.

Она бредет по пляжу. Когда она впервые оказалась в этом месте, любой звук, любое движение заставляли ее сердце биться от страха. Но по прошествии нескольких недель она привыкла. Даже больше: она жаждет этого уединения, этого покоя. Ее восприятие и побережья, и всей местности стало более глубоким. Это относится не только к птицам, растениям и животным, но и к всеобъемлющим ощущениям. Например, Кэлус имеет запах, который нельзя назвать хорошим или плохим: что-то жженое с оттенком имбиря.

Может, все планеты имеют свои запахи, подобно жилищам людей? Ее мысли обращаются к кэлусианцам. Колонисты пока не нашли ни следов жизнедеятельности, ни останков прежних хозяев планеты. Впрочем, им некогда заниматься изысканиями. Это будет позже, когда они построят дома, подведут необходимые коммуникации и засеют поля. Тия часто думает о том, кем были прежние жители Кэлуса, уничтожившие свою цивилизацию. Напоминали ли они людей своим обликом, или разумная жизнь на этой планете развивалась иначе? Испытывали ли они чувства, подобные нашим? Были ли им знакомы любовь, ненависть, тоска друг по другу? Создавали ли они семьи, заботились ли о детях? Может, кое-кто предвидел близкий конец и думал о бегстве с планеты? Иногда Тия почти физически осязает призраки кэлусианцев, словно портреты из прошлого, наложенные на настоящее. Как в этот день.

На берегу есть место, где песчаная полоса сужается, почти исчезая. Тия любит сидеть там и наблюдать за наступлением темноты. Но, подойдя ближе, она видит, что ее место занято. Кто-то сидит, прислонившись спиной к валуну. Вначале ей кажется, что это Квинн; у него тоже есть при-

вычка бродить по окрестностям. Подойдя ближе, она убеждается: это не Квинн, а Паппи.

Все эти недели Тия почти не видела его. Правильнее сказать, не видела одного. Паппи постоянно окружен людьми. Будучи главным администратором, занимающимся расселением колонистов и еще много чем, он постоянно перемещается, нигде не задерживаясь подолгу. Даже странно, что он сидит здесь один. Вообще-то, конечно, ничего странного: тому, кто занимает такую должность, временами нужно побыть наедине с собой. Паппи настолько погружен в себя, что долго не замечает приближения Тии. Потом вскидывает голову и с легким удивлением смотрит на нее.

— Тия. — Паппи приветливо улыбается. — Какая приятная неожиданность.

Он совсем не похож на всклокоченного бродягу с Аннекса. Перед Тией — здоровый, сурового вида мужчина с проницательными синими глазами и аккуратно подстриженной бородкой.

— Извини, что нарушила твое уединение, — говорит Тия. — Если я мешаю…

— Ничуть. Очень рад тебя видеть. — Он указывает на песок рядом с собой. — Садись.

Тия садится на песок, прохладный и слегка

влажный. За спиной у них заходит солнце. Небо сереет.

— Не знала, что ты приходишь сюда. Думала, я одна наведываюсь к этому валуну.

Паппи пожимает плечами:

— Иногда прихожу и я, когда выкраиваю время. Полезно отключаться от суеты.

— Как Клэр? Давно не видела ее.

Клэр — специалист по питанию — не вылезает с кухни. В реальном мире ей всего тридцать лет.

— Насколько знаю, довольна до жути. Столько ртов надо кормить. Словом, она в своей стихии.

— Прости за любопытство. Я хотела спросить…

— Вместе ли мы? — Паппи качает головой. — Нет. Как ни печально, наши прежние отношения закончились.

У Тии было такое предчувствие.

— Конечно, многое изменилось, — говорит она. — Хотя, если честно, мне немного грустно.

— Мне тоже. Но время настало. Не забывай, что мы провели вместе почти тридцать лет. По-моему, более чем достаточно.

Тия и Паппи умолкают и следят за игрой волн на фоне темнеющего неба. Как часто бывает вечером, облака поредели и рассеялись. Вскоре появятся звезды.

— Есть кое-что странное, — говорит Паппи. — Сам удивляюсь, но иногда я жалею, что перестал быть незрячим.

— Ты серьезно? — изумленно спрашивает Тия.

— Даже не знаю, как объяснить. В слепоте было что-то… освобождающее. Не только то, что от меня ничего не ждали, хотя и в этом были свои преимущества. Вероятно, поэтому Клэр и сыта мной по горло. Понимаешь, я видел. Правда, не так, как другие.

— И что же ты видел?

Паппи задумывается.

— Более правдивую действительность… если мои слова имеют смысл. Я не скользил по поверхности, а заглядывал вглубь. — Паппи поворачивается к Тие. — Помнишь, я написал твой портрет? Когда мы впервые встретились.

— Разве такое забудешь?

Паппи снова переводит взгляд на море.

— Если честно, поначалу я просто дурачился. Думал, если тебе станет скучно, ты уйдешь и не будешь мне надоедать. Но ты повела себя так, как я не ожидал. Одна твоя манера сидеть…

— Сидеть? В смысле, на стуле?

Паппи кивает:

— Ты была совершенно неподвижной. Дело не

в том, что ты не ерзала. Мне казалось, ты долго не выдержишь и начнешь вертеться. Нет, то была неподвижность иного свойства. Словно твое тело покинуло комнату, а твоя истинная суть осталась. Все остальное было лишь иллюзией.

— В общем-то, так оно и было.

— Возможно. Но я лишился того восприятия и уже не знаю, что к чему. Наверное, потому и хожу к этому камню. Пытаюсь разобраться.

— Как думаешь, ты сможешь снова писать картины? — спрашивает Тия.

Паппи качает головой:

— Ушел с этого поприща, как говорится, на пике славы. А ты? Настоящий художник у нас — ты. Как всегда.

Тия пожимает плечами:

— Пока что я занимаюсь творчеством за рычагами канавокопателя. Прочие таланты подождут.

— Со временем нам понадобятся люди иных профессий. Философы, художники, писатели.

— Главное слово здесь — «со временем».

— Значит, пока что канавокопатель.

— Да. В его кабине я нужнее.

Они снова умолкают.

— А ты когда-нибудь думаешь о них? О кэлусианцах? — спрашивает Тия.

— Почему ты спрашиваешь?

Паппи может счесть ее безумной, но потребность задать вопрос перевешивает опасения.

— Просто… У тебя не возникало ощущения, что они по-прежнему здесь?

— Тия, мне не нужны ощущения. Я знаю, что они здесь, вот и все.

Признание не менее странное, чем ее вопрос.

— Ты знаешь?

— Да, знаю. — Паппи поворачивается к ней и улыбается. — Они здесь, потому что они — это мы. — Он встает. — Время позднее. Мне пора возвращаться. Ты идешь?

— Пожалуй, посижу еще немного. Посмотрю на звезды.

Паппи задумывается, затем кивает:

— Хорошо. Только будь осторожна.

— Мне кажется, что я найду дорогу обратно даже с закрытыми глазами.

— Не сомневаюсь.

Паппи делает несколько шагов и снова поворачивается к ней.

— Хотел спросить. Ты ему рассказала?

Тия ошеломлена и уже собирается задать встречный вопрос: «Кому и о чем?» Но потом вспоминает, с кем имеет дело, и качает головой.

Нет.

— Потому что знала о его намерении улететь обратно?

— Потому что он должен был улететь. Я не хотела, чтобы ему стало еще тяжелее.

— Кто еще знает? Ты уж прости меня за любопытство.

— Пока никто.

— На твоем месте я бы не стал и дальше держать это в секрете. Клэр вскоре догадается по твоему виду. Не стоит задевать чувства этой замечательной женщины… Поверь, Тия, все будет хорошо.

— Знаю.

— Поэтому, когда пойдешь обратно, внимательно смотри под ноги, — улыбается ей Паппи.

Он уходит. Тия провожает его взглядом. Солнце село. На небе одна за другой вспыхивают звезды. Тия ищет Проктора, пытаясь разглядеть среди множества звезд огни «Ораниоса». Напрасно: корабль давно улетел, описав широкую дугу вокруг Солнца. И все же Тия должна попытаться.

Она беременна. Это произошло в ту ночь, на крыше. Тия знает об этом с тех пор, как попала в переднюю. После внезапного исчезновения доктора Пэтти она вдруг услышала странный звук. Для остальных передняя была местом воспомина-

ний, а для Тии, спавшей за двоих, кое-чем другим. Она пошла на звук, открыла дверь в конце коридора и поняла, откуда он исходит. Колыбель, а в колыбели — мурлычущий сверток. Младенец, завернутый в голубое одеяльце. Мальчик. Тия взяла его на руки. Младенец еще немного помурлыкал, а потом прижался к ней и затих. Какое чудо — держать в руках это удивительное новорожденное существо! Из-за занавесок детской струился утренний свет, на деревьях щебетали птицы. Она поднесла малыша к окну, чтобы показать ему деревья и птиц. «Это мир, — шептала она. — Видишь? Это трава, это деревья, а это птицы, распевающие на деревьях». Тия стала напевать колыбельную, единственную, которую знала. «Сны текут рекой широкой, Дух Святой к нам снизошел…» Старая песня, вдруг всплывшая в памяти. Где она слышала эту колыбельную? Наверное, в детстве кто-то пел ей. «Все смеются и ликуют, гостя окружив толпой. Спи, прекрасный мой малютка, крепко глазоньки закрой». Стоя у окна, Тия качала этот чудесный сверток, своего младенца, прижавшегося к ней. Качала и пела. Так она стояла, преисполненная покоя и радости, пока все вокруг не погрузилось во тьму.

«Все будет хорошо», — думает она. Эти слова

она сказала бы Проктору, если бы могла. Все будет хорошо.

Эпилог
Лица на звездах

Пусть ваше нежное дыханье
мои наполнит паруса,
Иначе рухнет это начинанье…

У. Шекспир. Буря

Директор Проктор Беннет откидывается на спинку стула, сцепляет кончики пальцев и поглядывает серьезно и спокойно на двух детишек, стоящих перед ним. Он выдерживает драматическую паузу, устало вздыхает и говорит:

— Ну? И как это выглядело в вашем изложении?

— Она меня ударила! — выскакивает вперед Набиль. — Я ничего не делал!

— Врешь! — кричит Регана. — Это он все начал!

— Я не начинал!

— Нет, начинал!

— Довольно.

Оба замирают.

Проктор продолжает:

— Меня совсем не интересует, кто на сей раз

затеял ссору. Сентябрь не успел начаться, а мистер Корделл уже по горло сыт вами. По горло. Вам понятно? — (Оба кивают, устремив взгляд в пол.) — А дальше будет вот что. Отныне вы становитесь лучшими друзьями. На большой перемене вы будете завтракать вместе. На других переменах будете вместе гулять и играть. Если я выгляну из окна или пойду по коридору и увижу только одного из вас, это очень огорчит меня. Да, вы уладите свою ссору и станете друзьями, нравится вам это или нет.

Лица обоих полны ужаса.

— Вы… вы не можете! — выпаливает Регана.

— Это совсем не честно! — кричит Набиль.

Не обращая внимания на их протесты, Проктор продолжает:

— Я еще не все сказал. Вы обязаны извиниться перед мистером Корделлом. Вечером каждый напишет ему письмо. В письме вы чрезвычайно подробно расскажете о своей ошибке и выразите сильнейшее сожаление. Дам небольшую подсказку: крайнее сожаление. Завтра утром вы первым делом принесете письма мне, а я передам их мистеру Корделлу. Поняли?

У обоих такой жалкий вид, что Проктору хочется смеяться. Подружиться! Ужас! Ну и наказание!

— Регана!

— Да, директор Беннет.

— Что «да»?

— Да, я поняла.

— Что именно ты поняла?

Девочке очень трудно произнести эти слова.

— Мы будем друзьями. Мы напишем письмо.

Проктор переводит глаза на Набиля:

— А ты что скажешь?

— Понял. Согласен.

Вполне ожидаемо: мальчишка словно родился юристом и обо всех случаях несправедливого обращения с собой заявляет сразу же, причем весьма аргументированно. Лаконичный ответ говорит о недовольстве. Проктор грозно вскидывает брови. В его арсенале полно таких «учительских» жестов.

— Что ты понял? И с чем согласен?

Набиль открывает рот, готовясь выдать новую порцию возражений, но передумывает, понимая, что это может выйти ему боком, и делает попытку вывернуться.

— То, что она сказала. Нам нужно это… понравиться друг другу.

— И?..

Порой слова из этого сорванца нужно вытаски-

вать клещами.

— Написать мистеру Корделлу, что мы сожалеем.

Глядя на ребят поверх кончиков сцепленных пальцев, Проктор делает еще одну паузу, короче первой. Это у него называется «театром сурового учителя».

— А теперь исчезните, — командует он.

Обоих как ветром сдувает. «А ведь они хорошие ребята», — думает Проктор. Хорошие в том смысле, в каком все дети могут быть хорошими, если научить их этому. То, что он усвоил на собственном опыте, работая преподавателем, пока не стал директором Академии раннего обучения. К тому же Набиль и Регана — самые смышленые в их классе. Эймос ему так и сказал. Вот и причина, по которой они не переносят друг друга.

Проктор возвращается к бумагам: проверяет журналы успеваемости, просматривает заявки на школьную мебель и наглядные пособия. Затем пишет записку учителям, напоминая об отчетах по оценкам за первый семестр, конец которого не за горами. Он не замечает, как летит время, и заканчивает работу одновременно со звонком с последнего урока. Потом идет по коридорам, откуда еще не выветрился запах детского по-

та. На стенах вывешены творения учащихся, в том числе вдохновляющие плакаты («Хочешь подружиться — сам стань другом!»), а доски объявлений пестрят разношерстными бумажками. У самого выхода его окликают.

Это Уоррен с медицинским саквояжем в руке. На шее болтается стетоскоп. Он весь день проводил медосмотр учащихся, и это сразу видно: волосы всклокочены, одежда измята, на рубашке — коричневое пятно, о происхождении которого Проктор решает не спрашивать. Медосмотры — одно из нововведений муниципального отдела здравоохранения, который возглавляет Уоррен.

— Как успехи? — спрашивает Проктор. — Выглядишь так, будто тебя стащили с лошади.

— Ты об этом? — Уоррен тычет пальцем в пятно. — У него совсем другая история. Ситуация на празднике стала слегка неуправляемой.

— Не припомню, чтобы сегодня мы устраивали праздник.

— Проктор, Проктор! Как, по-твоему, можно заставить тридцать первоклашек разинуть рот и сказать «А-а-а»? Они должны что-нибудь за это получить. Например, кексы.

— Я и не знал о таком методе.

— Этому нас учили в медицинской школе. Во

вторую очередь.

— А чему учили в первую?

— Как не давать маленьким детям дергать за стетоскоп, когда у тебя в ушах трубки. Знал бы ты, до чего это больно.

Проктор смеется:

— Ты по-прежнему намерен лично осматривать каждый класс? Мог бы отправить кого-нибудь другого. Я не обижусь.

— Забудь, — отмахивается Уоррен. — Мне осточертела писанина, и я с удовольствием занимаюсь врачебным ремеслом. И потом, — улыбается он, — где еще у меня будет шанс оказаться в гуще кексовой войны?

— Кто победил?

— Все, кроме кексов.

Они выходят. Уоррен возвращается к себе. Проктор останавливается, чтобы посмотреть начавшийся футбольный матч. В кампусе размещаются начальные и средние классы, но спортивные площадки — общие для детей всех возрастов, включая старшеклассников. Сегодня Шестой округ противостоит Четвертому. Игра на удивление хороша и полна накала. Шестому приходится нелегко: Четвертый в нынешнем году собрал у себя лучших игроков. Проктор несколь-

ко минут следит за игрой, затем огибает школу. Задний фасад весь в лесах. Он задирает голову, ладонью прикрывая глаза от солнца.

— Отто! — кричит он. — Как дела?

У края лесов появляется лицо инспектора.

— Подождите. Я сейчас спущусь.

Его помощники Хэнсон и Кэмпбелл остаются наверху, а сам он спускается.

— У нас проблема, — сообщает Отто.

— Типун вам на язык.

— Я лучше покажу.

Отто подходит к стене здания, заваленной строительным мусором, поднимает какую-то доску и приносит Проктору.

— Видите? — (Доска мокрая и в пятнах.) — Обрешетка крыши сгнила. Похоже, вода годами затекала под черепицу.

— Так отремонтируйте сгнивший участок. Разве это так трудно?

— Нет, не трудно, но проблему это не решит. Я поднял черепицу во всех местах. Та же картина. Черепица прохудилась. Ее надо менять вместе с обрешеткой.

Новость скверная, хуже не придумаешь.

— Отто, у меня нет средств на ремонт крыши. Даже на выборочный.

— Починку нужно начинать немедленно. Если повезет, успеем до зимы. Вы же не хотите, чтобы на крыше образовалась ледяная дамба.

Проктор отходит на несколько шагов и снова задирает голову, словно директорский взгляд способен чудодейственным образом починить крышу. Хэнсон, бесстрашно восседающий на коньке, уплетает сэндвич. В нескольких футах от него Кэмпбелл гвоздодером отколупывает черепицу.

— Что прикажете делать? — спрашивает Отто.

— Я могу поговорить с ней, — предлагает Проктор.

— Желательно как можно быстрее.

— Привет, Саша. Она на месте?

Секретарша поворачивает вращающееся кресло к двери начальницы:

— Каллиста! Пришел ваш зять! — Она кивает в сторону двери. — Проходите.

Проктор входит. Кабинет Каллисты невелик. Его можно даже назвать крошечным, учитывая широкий круг ее обязанностей. По степени беспорядка кабинет вполне может соперничать с детским садом. Теща Проктора восседает за письменным столом; кипы бумаг напоминают баррикады. У нее такое же вращающееся крес-

ло, как и у секретарши. Из локонов седых волос торчит ручка. Каллиста уперлась ногами в скамеечку, чтобы снизить давление на поясницу, и склонилась над конторской книгой. Даже не взглянув на Проктора, теща поднимает ладонь: «Подожди, пока не закончу». Проктор послушно сидит молча. Проходит несколько минут. Завершив чтение, Каллиста поворачивается к нему, перемещает очки на кончик носа и смотрит на зятя поверх оправы.

— Здравствуй, Проктор. Чем могу служить?

— Госпожа мэр, у вас найдется несколько минут? — спрашивает он.

— Когда они у меня были?

Проктор садится в старое кожаное кресло напротив нее и кладет ноги на угол стола.

— Чувствуй себя как дома, — с оттенком иронии произносит Каллиста.

— Благодарю. Я постараюсь. Вообще-то, я принес не самые приятные новости.

— Да?

— Увы. Состояние крыши оказалось хуже, чем мы думали. Она требует полной замены вместе с обрешеткой.

Каллиста устало вздыхает и вытаскивает ручку из волос.

— Боже милосердный. Я только что подбила годовой бюджет.

— В таком случае придется внести в него изменения. Это личная просьба Отто.

— Опять этот Отто, — качает головой Каллиста.

— Он не так уж и плох.

— Проктор, я не говорила, что он из рук вон плох. Просто ему все надо срочно, в пожарном порядке.

— Он показывал мне доску из обрешетки, которая полностью сгнила из-за дыр в черепице. И это не в одном месте, а везде. Как вы понимаете, крыша сама собой не починится.

— Знаешь, я испытываю к нему личную неприязнь.

— Что вы оба не поделили? Впрочем, меня это не касается. Я всего лишь передал его просьбу… Каллиста, это, случаем, не кофейная чашка? — спрашивает он, указывая на одну из стопок с бумагами.

— Где?

Проктор наклоняется, извлекает щербатую белую чашку, повисшую между двумя кипами, и протягивает ее Каллисте.

— А-а. — Каллиста слегка морщится. — Спасибо.

Не могла понять, куда она запропастилась.

— И давно она там обитает?

Каллиста хмуро оглядывает дно чашки:

— По ее виду трудно сказать.

— Позвольте дать небольшой совет. Если вы хотя бы чуть-чуть наведете порядок в кабинете, это частично снимет напряжение.

— Кто сказал, что я испытываю напряжение? И потом, мне нравится. Это делает кабинет по-домашнему уютным. Ты не находишь?

— Так что сказать Отто?

— Все, что пожелаешь.

— Я бы хотел сказать ему: «Принимайтесь за полный ремонт крыши, пока не зарядили дожди».

Каллиста делает протяжный вдох и резко выдыхает.

— Ладно. Что-нибудь придумаю. На следующей неделе будет заседание бюджетного комитета. Тебя это удовлетворит?

— Должно удовлетворить. — Он встает. — Раз мы заговорили о доме… Меня там ждут. Сегодня у нас знаменательное событие.

Каллиста выпрямляется:

— Постой, так это сегодня?

— Угу.

Она приваливается к спинке кресла и качает головой:

— Поверить не могу. Как летит время.

— Согласен.

— К сожалению, мы не сможем прийти. А все по вине Джулиана. Мы вынуждены посетить то сборище.

Проктор не знает, в чем его тесть провинился на сей раз и что означает «то сборище». А может, ему говорили, но он забыл.

— Не беспокойтесь, — успокаивает он Каллисту. — Она не обделена вашим вниманием.

— В выходные постараюсь придумать что-нибудь для нее.

— Очень мило с вашей стороны. Ей понравится.

— Скажи, что мы с Джулианом помним о ней. Скажешь? И передай, что мы ее любим. Очень, очень любим.

Он поднимает два пальца, салютуя теще:

— Очень, очень любите. Понял.

На полпути к двери Каллиста окликает Проктора. Тот оборачивается. Теща вновь уткнулась к конторскую книгу.

— Передай Отто, что я найду для него эти чертовы деньги, — не поднимая головы, говорит она.

Проктор возвращается домой. Идти недалеко — всего пару миль, хотя он никогда не удосуживался измерить расстояние. Через центр города и дальше, мимо пшеничных и овощных полей, на которых уже созрел урожай. Погода остается по-летнему теплой, хотя Проктор замечает признаки начинающейся осени. На деревьях появляются первые желтые листья, тени меняют длину и падают по-другому. Ему нравятся эти перемены, совпадающие с началом учебного года. Естественно, он не хочет, чтобы поскорее наступили осенние холода (да и кто их любит?), но он обожает начало осени с прозрачным, прохладным воздухом и высоким синим небом.

Он входит через садовые ворота и сразу направляется в мастерскую на заднем дворе. Элиза сидит за ткацким станком. Стены мастерской увешаны ее работами: шпалерами, одеялами, батиками. Некоторые заключены в рамы, как картины. В помещении вкусно пахнет шерстью и расплавленным воском. То, что начиналось как хобби (Элиза, как и Проктор, когда-то работала учительницей), превратилось в дело жизни, приносящее хороший доход. Раз в месяц она продает свои изделия на городском рынке ремесел, за одно утро зарабатывая больше, чем Проктор по-

лучает за месяц. Он на цыпочках подкрадывается к жене и целует ее в затылок.

— Ой! — вскрикивает Элиза, поворачивая голову. — Ты меня напугал!

— Ты выглядишь очень соблазнительно.

Она касается его щеки:

— А тебе, директор Беннет, не помешало бы побриться. Кстати, который час?

— Около пяти. Где наше сокровище?

— Гуляет с мисс Бофорт. Я просила вернуться к половине шестого.

Мисс Бофорт живет по соседству. До выхода на пенсию она занимала скромную должность в муниципалитете. Замуж не выходила, детей нет. Все свое время она тратит на уход за идеально выглядящим садом и кошками, число которых постоянно растет. Ей под восемьдесят. Она выглядит суровой и чем-то недовольной, но Проктор умеет смотреть глубже и знает: внутри эта женщина такая же мягкая, как пончик с вареньем. Ее зовут Флоренс, но никто не отваживается называть ее по имени. Она — мисс Бофорт и останется ею навсегда.

Элиза встает с табурета.

— Идем. Хочу кое-что тебе показать, — взволнованно говорит она.

Они идут в кладовую, где Элиза снимает с полки ковер. Вернувшись в мастерскую, она разворачивает его на полу.

— Что скажешь? — спрашивает она у мужа.

Ковер невелик: фута четыре на шесть. Переплетающиеся ромбы, белые, голубые и оранжевые, и один большой ромб в центре. Цвета почти незаметно переходят один в другой, отчего возникает ощущение постоянного движения. Ковер — не просто искусно сделанная вещь; Проктору он кажется живым.

— Потрясающе, — шепчет он.

— Ты всерьез так думаешь? — Глаза Элизы сверкают от удовольствия. — Знаешь, я даже горжусь собой.

— Для этого есть все основания, — говорит Проктор и дарит ей краткий поцелуй. — Дорогая, ты сотворила необычайно красивый ковер.

Пока Элиза наводит порядок в доме, Проктор отправляется на кухню — присмотреть за жарким, которое попросила приготовить дочь. Шоколадный торт, покрытый белой глазурью, уже ждет на кухонном столе. Проктор накрывает на стол. Входная дверь с шумом распахивается, и в дом вбегает Кэли. За ней следует мисс Бофорт.

— Папа!

— С днем рождения, малышка. — Проктор опускается на корточки и обнимает дочь, теплую и мокрую, пахнущую солнцем и землей. — Восемь лет исполняется не каждый день. Как тебе этот возраст?

— Мне очень нравится, — отвечает Кэли, улыбаясь во весь рот.

— Мисс Бофорт, большое спасибо за то, что возитесь с ней, — говорит он пожилой женщине.

— Это совсем нетрудно. К тому же Кэли помогала мне в саду.

— Пообедаете с нами? Элиза столько всего наготовила.

— Ну пожалуйста! — просит Кэли. — Останьтесь!

— Спасибо за приглашение, но не сегодня. — Мисс Бофорт смотрит на Кэли близорукими старческими глазами. — И спасибо за помощь по саду, юная леди. С днем рождения.

Кэли не отвечает, и Проктор подсказывает ей:

— Кэли, как говорят в таких случаях?

— Большое спасибо, мисс Бофорт.

— Повеселись хорошенько, — говорит мисс Бофорт, улыбаясь бледными губами. — Приятного вам вечера, мистер Беннет. Не надо меня провожать.

— И вам приятного вечера, мисс Бофорт.

Она уходит.

— Праздничное угощение почти готово, — говорит Проктор. — А чем ты хочешь заняться потом?

— Плавать на парусной лодке!

— Ты так решила? — удивляется Проктор. — Но, девочка моя, скоро стемнеет.

— Даже лучше. Ты покажешь мне лица.

В кухню входит Элиза. Проктор вопросительно смотрит на жену — как та воспримет желание дочери?

— Ее день рождения, ей и выбирать, — пожимает плечами Элиза.

Вопрос решен.

— Так тому и быть, — говорит Проктор, гладя Кэли по волосам. — Поплывем на лодке.

Они обедают, лакомятся тортом, поют, зажигают свечи, которые Кэли с воодушевлением задувает. Потом она открывает подарки. Когда все отправляются на берег, до наступления темноты остается каких-то полчаса. Они идут по дощатому настилу, ведущему через дюны на причал. Там, в лучах предзакатного солнца, покачивается на волнах небольшой парусник. «Синтия» — такое имя Проктор дал лодке, сам не зная почему. Он

счел его подходящим, словно лодка подсказала, как назвать ее. Холодает. К ночи установится штиль, но пока дует устойчивый ветер, вздымая легкие волны.

— Кэли, поднимай парус, как я тебя учил.

Пока девочка возится с парусом, Проктор прилаживает руль и опускает выдвижной киль. Элизу не интересуют премудрости хождения под парусом. «Это твоя игрушка, — всегда говорит она мужу. — Я просто хочу прокатиться». Она занимает свое обычное место — у правого борта, где удобнее любоваться морским пейзажем. Кэли уже отвязала парусные фалы. Проктор отвязывает причальные канаты, отталкивается от ближайшей сваи и идет к рулю. Лодка медленно отходит от причала и встает по ветру. Парус тут же надувается, и лодка начинает быстро скользить по волнам.

— Кэли, садись за руль, — говорит Проктор дочери.

— Пап, ты серьезно? — ликующе переспрашивает она.

— Серьезнее не бывает. Считай это еще одним подарком на день рождения.

Они меняются местами. Проктор садится напротив Элизы.

— Ну и как ощущения? — спрашивает он у Кэли.

— Здорово!

Закусив нижнюю губу, девочка сосредоточенно смотрит на нос лодки.

— А теперь ложись на курс. Помнишь, что это значит?

— Плыть в бейдевинд?

— Совершенно верно. Держи курс примерно в двадцати градусах от левого борта. Как пройдем мыс, поменяем курс.

Сдвигая руль в сторону паруса, девочка вытаскивает гика-шкот, зажимает его в зубах, снова тащит и закрепляет в фиксаторе. Лодка накреняется.

— Отличный маневр, — говорит Проктор.

— Не понимаю, откуда она все это знает, — удивляется Элиза, глядя на мужа. — Когда ты успел ее научить?

Проктор не может сдержаться и улыбается во весь рот, словно глупый мальчишка.

— Все в порядке? — спрашивает он у Кэли, поворачиваясь к корме. — Помощь нужна?

Кэли торопливо отводит с лица мешающую ей прядь волос, которую ветер норовит вернуть обратно, и мотает головой, не сводя глаз с носа.

— Справлюсь, — отвечает она.

— Ну что я тебе говорил? — обращается к жене восхищенный Проктор. — Наша дочь — прирожденная морячка.

Они плывут дальше. За мысом Кэли меняет курс лодки точно и уверенно. Всего восемь лет, а управляется с рулем, как заправский шкипер. Проктор вдруг понимает, что Кэли будет всю жизнь вспоминать, как отец доверил ей управлять лодкой. Эта мысль приятно щекочет его отцовское самолюбие и в то же время окрашена печалью: малышка слишком быстро растет. Недалек тот день, когда его и Элизу потеснят подруги, мальчишки, новые впечатления. Так будет продолжаться, пока она не покинет родительский дом и не заживет своей семьей. Но разве это повод для грусти? Разве отец не должен радоваться тому, как дочь, которая совсем недавно умещалась на ладони, вступает во взрослую жизнь? Все сложно и неоднозначно, и Проктору кажется, что внутри этой сложности скрыта истинная суть любви к своему ребенку: захлестывающая родительская радость, которая порой ощущается как грусть. Почувствовав его состояние, Элиза тянется через кокпит и берет его за руку.

— Знаю, — говорит она.

Похолодало. Проктор смотрит на небо, где гаснет закат; пурпурные, красные и оранжевые полосы смешиваются друг с другом, словно крупные мазки на холсте. А в восточной части неба уже появляются первые звезды — огни небесного города. Ветер стих, а с ним и шум волн. Окончательно темнеет. Лодка почти не движется, застыв посреди морского простора. В воду будто вылили чернила.

— Папа, покажи мне лица.

Проктор идет к дочери на корму. Скамейка тесновата для двоих. Проктор усаживается на ее край, обнимает Кэли за плечи и прижимает к себе, чтобы согреть.

— Ты помнишь правило? — спрашивает он.

— Попытки увидеть их дают обратный результат.

— Верно. Нужно, чтобы лица проявились сами. А теперь расслабь глаза. И не только глаза. Все тело. Просто дыши. — Он наполняет грудь воздухом и медленно выдыхает. — Вдох-выдох, вдох-выдох. Вот так.

Девочка подражает ему.

— Ну как, расслабилась?

— Думаю… да.

— Хорошо. А теперь жди. Может пройти мину-

та. Нужно терпение.

Кэли замирает, потом взволнованно сообщает:

— Я их вижу!

— Расскажи.

Она внимательно смотрит на небо:

— Они повсюду. — Кэли поворачивается к отцу и спрашивает: — Кто они?

— Отличный вопрос. И никто не даст точного ответа. Но я поделюсь своими соображениями. Я думаю, это души тех, кто жил когда-то, и они смотрят на нас со звезд.

Кэли хмурится:

— Так это… призраки?

— Нет, не призраки. Призраки вызывают страх. А тебе страшно, когда ты смотришь на них?

— Не-а, — качает головой Кэли.

— Что ты чувствуешь, когда видишь их?

Кэли снова смотрит на небо и отвечает:

— Счастье.

— А еще что?

Девочка задумывается.

— Мне, это… очень спокойно.

— Правильно. Со мной точно так же… А знаешь, твое лицо тоже есть на одной из звезд.

— Мое?

— Да. Там есть лица всех людей.

— А где я? Покажи.

— В том-то и штука, — усмехается Проктор. — Показать я могу, но увидеть ты не сможешь. Ты можешь видеть чужие лица, но не свое.

— А ты меня видишь?

— Постоянно. Тебя и маму. Человек всегда видит тех, кого любит.

Взгляд Кэли снова путешествует по небу.

— Вот! — восклицает она, указывая пальцем. — Я тебя вижу!

— Придется поверить тебе на слово.

— А вот и мама!

— Где? — спрашивает Проктор, вытягивая шею.

— Вон там!

Проктор смотрит туда, куда указывает дочь:

— Ты права. Я тоже верю, что это мама.

Кэли быстро сдвигает палец влево.

— Это бабушка Каллиста, — говорит она. — А там — дедушка Джулиан.

— Видишь, те, кто любит тебя, собрались вместе. Вся твоя семья.

Кэли находит лица учителей, школьных подруг, мисс Бофорт и даже почтальона. Чем больше она всматривается в звезды, тем больше лиц обнаруживает. Чудесное окончание этого особого

дня. В свой восьмой день рождения его малышка разглядывает звезды и находит там лица всех, кто что-нибудь значит в ее жизни. Кэли продолжает смотреть, и каждое новое открытие отзывается вспышкой радости в ее глазах. Наконец она больше не может найти ни одного лица. Поиски прекращаются. Дочь и отец молча любуются звездами.

— Мама, наверное, спит, — говорит Кэли.

Так и есть. Проктор не заметил, как Элиза взяла из каюты одеяло, завернулась в него и уснула на скамейке.

— А ты? — спрашивает у дочери Проктор. — Устала? Уже поздно.

Кэли старается сдержать зевоту, но безуспешно. Когда она зевает, то выглядит совсем маленькой.

— Чуточку, — признается она и передергивает плечами. — Холодно.

Проктор спускается в каюту за одеялом. Вернувшись, он видит, что Кэли заняла другую скамейку, по правому борту. Он укладывает дочь и накрывает ее, подтыкая концы, чтобы под одеяло не проникал холод.

— Так лучше?

Глаза Кэли уже закрыты.

— Угу, — сонным голосом отвечает она.

Проктор отводит ее волосы со щеки и убирает за ухо.

— Ты хорошо управляла лодкой, — говорит он. — Я тобой горжусь.

— А ты можешь помассировать мне спинку?

Как давно она не просила его об этом. В раннем детстве Кэли обожала, когда ей перед сном массировали спину.

— Конечно. Сейчас.

Он медленно водит ладонью по спине Кэли, наблюдая за тем, как ее лицо освобождается от впечатлений и эмоций прошедшего дня. Дыхание дочери становится все глубже и ровнее. И вот Кэли засыпает. Проктор наклоняется над ней и целует ее в лоб.

— С днем рождения, малышка, — шепчет он.

Проктор возвращается к рулю. Пространство вокруг него безмятежно купается в звездном свете. Ему так хорошо и спокойно, что он и сам был бы не прочь вздремнуть. «Как все это похоже на сон, — думает он. — Вся эта жизнь — прекрасный сон». Он сидит, глядя на своих любимых женщин, которые мирно спят, — на жену и дочь. Потом разворачивает лодку. Парус наполняется ветром, и Проктор ведет лодку к причалу. Они плывут домой.

Выражение признательности

Искренне благодарю за советы, поддержку, веру и прежде всего за терпение Эллен Левин, Дженнифер Херши и всю прекрасную команду издательства «Пенгуин Рэндом Хаус» — мой родной дом вот уже двадцать пять лет.

Выражаю признательность моим студентам из Университета Райса за их энергию и чувство солидарности. Говорю вам всем: «Пишите постоянно». Я сделаю то же самое.

Не устаю благодарить свою дочь Айрис, которая великодушно позволила мне украсть у нее название «Проспера». Дорогая, за мною не менее ценное слово, которое я охотно тебе отдам.

Любовь и признательность моему сыну Аттикусу, постоянному спутнику в мире научной фантастики и во всем остальном.

И тебе спасибо, Лесли. Большое, огромное, бесконечное спасибо.